Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 15

Минск
«Харвест»

УДК 94 (476)

Дайджест публикуется с 2009 года

Взгляды и концепции авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редактора-составителя дайджеста

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание безгонорарное.

На первой странице обложки – Вершник панцирной кавалерии ВКЛ. Картина Юзефа Брандта (1841–1915).

Панцирные бояре (тяжелая кавалерия) — категория служилого населения ВКЛ XVI–XVIII вв. Это нижний слой беларуской шляхты. В основном жили в Полоцком и Витебском воеводствах. В 1772 году их было 6168 человек.

На четвертой странице обложки – скульптура «Полоцкий школяр».

Установлена 17 октября 2010 года перед зданием бывшего Полоцкого иезуитского коллегиума. Высота – 180 см (бронза). Автор – минский скульптор Александр Прохоров.

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 15 / Составление и редактирование А. Е. Тараса. — Минск : Харвест, 2015. — 320 с.

ISBN 978-985-18-3687-7

Пятнадцатый выпуск дайджеста включает в себя 21 статью, которые сгруппированы в четыре тематических раздела: «На полях сражений историков» (6 статей); «Наша старина» (7); «Война с народом» (4); «Между городом и болотом» (4).

ISBN 978-985-18-3687-7

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ ИСТОРИКОВ

ЧАСТЬ II. НАША СТАРИНА

ЧАСТЬ III. ВОЙНА С НАРОДОМ

ЧАСТЬ IV. МЕЖДУ ГОРОДОМ И БОЛОТОМ

Часть I
НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ ИСТОРИКОВ

«А ХТО ТАМ І ДЗЕ?» Исторический ландшафт белорусской действительности

Андрей Киштымов
кандидат исторических наук

Последние события в Украине чрезвычайно актуализировали понятие исторической памяти. Однако одновременно они и отчетливо показали, что в разных регионах одной страны может быть своя историческая правда. Именно из-за нее кипят политические страсти и продолжается военный конфликт. И именно это, «свое», понимание истории составляет его суть.

Привыкнув жить с лозунгом «СССР – страна дружбы народов» (напомню, что еще совсем недавно он украшал площадь Калинина в Минске), мы как-то с трудом усваиваем, что история может не только объединять, но и разъединять. И у каждого народа, каждого государства – своя история, своя историческая правда. Один и тот же лозунг: «Крым – наш!» – это единственное, что объединяет сегодня и россиян, и украинцев. Но в этот лозунг Москва и Киев вкладывают прямо противоположный смысл.

Когда мы говорим о государственности, то не следует забывать, что любая государственность неразрывно связана с понятием суверенитета. Понятие это сложное, многоаспектное и, что самое главное, историческое.

Суверенитет – это паспорт государства, то, что мы предъявляем другим. И что же здесь у нас в активе?

Провозглашение своей независимости – только первый шаг на пути к государственному суверенитету. А дальше и за свою государственность, и за свой суверенитет надо бороться.

В истории часто так и происходит в самом прямом значении этого слова: свою государственность народы получают в ходе национально-освободительной борьбы, войны, революции. Белорусам в этом отношении повезло как никакой другой из постсоветских республик. Да, политическая борьба была, и весьма острая, но она не приняла форму открытого вооруженного столкновения.

Можно сказать, что ментальное, родное «лишь бы не было войны» на этот раз сработало на пользу белорусам.

Боролся ли белорусский народ за свою независимость? Или «просто повезло», так выпала историческая карта? И если – да, боролся, то где и когда?

Согласно официальной версии, кульминацией этой борьбы стало 3 июля 1944 года. Ну, а как же быть с историческим прошлым? Оно у нашей независимости было? Кстати, а кто же они, эти борцы за независимость Отечества, имена у них есть? Во Франции вам назовут Жанну д'Арк, в Италии – Джузеппе Гарибальди, в США – Джорджа Вашингтона. И с этим никто не будет спорить. А у нас?

С 1991 года пошло строительство своих, белорусских, «моделей»: модели государственного устройства и аппарата власти, экономической модели, модели собственной внешней политики.

Гражданского общества у нас пока нет. Возможно, что не все согласятся с категоричностью этого утверждения, но трудно отрицать, что сегодня именно в лице государства Беларусь реагирует на вызовы современности. Частная инициатива в этой области не приветствуется. Политические партии, по сути, отсутствуют. Псевдообщественные объединения носят государственный характер.

Наверное, мы были бы рады помочь государству в решении экономических проблем, разгрузить государственную экономику от несвойственных ей задач, с которыми она, увы, далеко не всегда эффективно справляется. Но в нашей официальной экономической модели частному бизнесу, несмотря на все декларации, отведено весьма скромное место в тени огромной государственной экономической машины.

Еще более печальная картина в области внешней политики. Здесь государство и общество зачастую действуют в прямо противоположных направлениях. Ни для кого не секрет, что за границей «любят» тех, кого у нас сажают в тюрьму. А те государства, которые на официальном уровне принимают наших госчиновников, в неофициальной среде называют врагами Беларуси. Партнерством это никак не назовешь. У простых людей своя внешняя политика и внешняя торговля: «закупы» в Польше и Литве и египетско-турецкий вектор на отдыхе.

Есть и еще одна важнейшая сфера, где никак не находятся точки соприкосновения между государством и обществом. Это наше понимание прошлого, наши исторические традиции, историческая память, официальная и неофициальная, людская и государственная.

Так что же такое история Беларуси? Какие у нее имена, события, исторические факты, что такое историческое наследие белорусского народа? В конце концов, нужна ли Беларуси ее национальная история?

Почти четверть века мы живем в независимой Беларуси. За это время у нас появилась и своя собственная модель управления – та самая «президентская вертикаль», и своя белорусская модель экономики (по этому поводу можно иронизировать, но, судя по тому, как активно мы сравниваем свой кошелек с кошельками соседей, она действительно есть), свои олимпийские чемпионы и свои нобелевские неудачники.

А вот с созданием своей национальной исторической концепции мы явно запаздываем. Белорусская историческая наука сегодня расколота. Десятки бело-

русских историков лишены возможности работать в государственных НИИ и вузах. Существует четкая градация на «чэсных и нячэсных». Проходят параллельные исторические конференции, где общее – тема, но разное – ее понимание и состав участников.

Очень интересная картина сложилась в исторической периодике. Негосударственные издания – «Arche», «Беларускі гістарычны агляд», «Гістарычны альманах» – стали классикой жанра. В то время как «Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі» вместо ежегодного издания ограничился единственным номером, увидевшим свет пятнадцать лет назад...

А рядом пышным цветом расцвела так называемая фольк-хистори. Немало ее в печатном виде, а еще больше – на просторах интернета.

История в интернете – отдельная песня. У меня есть подозрение, что оставлять автографы – один из базовых человеческих инстинктов. Еще незабвенный Аристотель говаривал: «Человек – животное общественное». А в животном мире, как известно, принято метить свою территорию. Или, по крайней мере, «помечать» на ней свое присутствие. Как это делают животные – подробности опустим. А вот люди...

Стремление зафиксировать себя во времени и пространстве присуще каждой человеческой особи. Все, кто не раз видел в самых подходящих, а чаще неподходящих местах надпись типа «Здесь был Вася!», согласятся со мной. В конце концов, уже первобытный художник, куском охры рисуя на стенах пещеры сцены своей охоты, надеялся, что он не только осваивает это пещерное пространство, но и отправляет свое послание потомкам и богам.

С тех пор прошли тысячи лет, пещеры сменили стены и заборы, но родовой инстинкт человечества остался в силе. Мощный толчок дала ему грамотность. Не все мы художники, но потенциальный «писатель», вместе с тотальной грамотностью, заложен сегодня в каждом из нас. Однако, как гласит реклама, «иногда лучше молчать, чем говорить». А, может, жевать. Но говорить и писать – ни в коем случае. Особенно про историю.

Все же слаб человек. Появился интернет, по сути – огромный мировой забор, на котором каждый может писать свои иероглифы. Вот и упражняются, кто как может. И на исторические темы – тоже. Самое забавное и печальное – это почти тотальная анонимность интернетовской полемики. И самое удивительное. Ведь люди столетиями боролись за то, чтобы свободно высказать свое мнение и быть услышанными. Именно СВОЕ, личное, именное. Не голос толпы, а голос личности. Но, оказывается, чтобы высказать действительно свое, личное, нужно самому быть личностью. А это значит – не бояться предъявить себя миру, самоидентифицироваться. Вот с этим у интернет-авторов совсем плохо. Там и Литвины, и Гедимины, и Гетманы, и Войшелки, и Мальвины, и Буратины. Ранее человека, который начинал называть себя Наполеоном и этим именем подписывать свои сочинения, прямиком отправляли в сумасшедший дом. Сегодня такой человек вполне может стать уважаемым членом ЖЖ-сообщества. Конечно, встает вопрос и о здоровье такого сообщества.

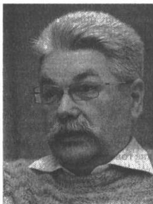
Все это совсем не значит, что у Беларуси нет своей истории. Просто создание национальной историографии, как, впрочем, и создание нации, – дело долгое

и кропотливое. И мы в Беларуси, у себя дома, за последние четверть века сумели убедиться в этом на собственном опыте. Своего Карамзина – Миколу Ермаловича – уже имеем. Места Соловьева и Ключевского пока вакантны.

История – это то, что объединяет? Или – яблоко раздора? Пока, к сожалению, скорее второе, чем первое.

Есть два хороших индикатора для того, чтобы узнать историческую «погоду» в обществе: даты и имена. Посмотришь на исторический календарь – так у нас два Дня независимости – 25 марта и 3 июля, два дня воинской славы – 23 февраля и 8 сентября. Со своим 7 ноября мы остались в гордом одиночестве на всем постсоветском пространстве. Пришлось меланхолично заявить, что это событие совсем не политическое, а что-то вроде Нового года, пусть народ погуляет, а мы ему – подарки...

С именами – та же печальная картина. Для кого-то Калиновский – герой, а для кого-то – террорист. А с генерал-губернатором Муравьевым – строго наоборот: для одних – вешатель, для других – талантливый администратор. С трудом, но все-таки удостоился упоминания в официальных речах Василь Быков. А вот приличную улицу, соответствующую масштабу классика, для названия так и не нашли...

Андрей Киштымов

Доходит вообще до парадоксов: оказалось, что нетрудно потерять имя Ленина Национальной библиотеке и Белорусскому государственному университету, имя Горького – педагогическому университету, имя Чкалова – университету в Гомеле, имя Крупской – вузу в Мозыре, «Милавице» перестать быть имени Фрунзе, а вот переименовать какой-нибудь 4-й переулок Ильича или 2-й переулок Розы Люксембург – невыполнимая задача.

Для чего нам нужна история? Ответ уже давным-давно дал классик: чтобы «людзьмі звацца»! Мы не так уж далеки от истории, как нам кажется. Идут века, меняются даты в календаре, но меняется ли человек? Разве нам не так же больно, как нашему предку времен ВКЛ? Разве современный агрогородошник меньше зависит от капризов погоды, чем крестьянин XIX века? Современный рабочий думает о том же, что заставило питерских пролетариев сто лет назад выйти к Зимнему дворцу: зарплата, жилье, хлеб насущный, произвол чиновников и хозяев-работодателей. А еще и вера в доброго царя. Вам это ничего не напоминает?

Но это, скажем так, только исторический фон. Не все ладно и в нашем историческом хозяйстве. Попробую, хотя бы кратко, обрисовать основные проблемы и болевые точки как нашей истории, так и нашей исторической науки.

* * *

Что же такое национальная белорусская историография?

Это не тот курс истории, из которого мы можем знать только то, что это было. Это тот курс, когда мы знаем и то, что это было с НАМИ.

Например, не безликий вузовский курс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», а учебная дисциплина с четким названием «Беларусь во Второй мировой войне». Нет уже ни советского народа, ни государства, в котором этот народ жил. А в наших студенческих аудиториях, где этот курс читают — граждане суверенной Республики Беларусь, молодой белорусский народ. И во Второй мировой войне мы были не в контексте, а в самом что ни на есть «тексте»: уже 1 сентября 1939 года белорусский хлопец, призванный в польскую армию откуда-нибудь из-под Пинска или Барановичей, встретил со своей винтовкой немецкие танки под Познанью, а немецкая авиация бомбила Гродно.

Почему же мы стесняемся своей истории? Почему она у нас носит чаще трагедийный характер: от войны до войны, от Хатыни до Чернобыля? Не история, а минное поле. Бродит по нему белорусский народ и не знает, где взорвется.

Прошу понять меня правильно. Я не призываю к тотальной ревизии прошлого и всего, что про это самое прошлое написано. Что сделано, то сделано. Любая классическая историческая работа начинается с обзора историографии, анализа работ предшественников. А дальше — надо идти дальше.

Ведь сегодня всплывают, казалось бы, давно решенные исторические вопросы. Например, о характере белорусской «партизанки». Или события 1812 года через двести лет раскололи общественное мнение как во времена похода Наполеона. А битва под Оршей спустя 500 лет стала настоящей битвой историков.

XX век, такой близкий и, казалось бы, понятный, превратился в большую историческую загадку. Ту же историю коммунистической партии можно писать, как говорится, с чистого листа. Что не материал, то — сенсация. А ведь сколько томов и трудов про нее за годы советской власти было издано!

Кстати, следует решительно расстаться с иллюзией, что миру интересны именно мы и наша история. Мы — как центр Европы, «русские со знаком качества», основатели ВКЛ, первопечатники и создатели спутника БЕЛКА. Миру интересна только наша территория. Когда Колумб открыл Америку, его ведь тоже интересовали не ее обитатели, а ее возможности. И те, кто проживал в ней, европейцев интересовали в последнюю очередь. Напомнить про их участь?

Так что историческое открытие белорусов и Беларуси должно быть делом самих белорусов. Иначе не избежать фатальных последствий.

Ведь идеологическое обоснование территориальной экспансии начинается не после, а до реального течения исторических событий. О принадлежности Белой Руси в московском царстве заговорили со времен Ивана Грозного, если не раньше. За полвека до первого раздела Речи Посполитой Беларусь как часть Российской империи рассматривал российский историк Татищев. И в наше время сначала мы видим неподдельный, я не хочу сказать — заказной, интерес российских историков к «Западным окраинам» и «Малороссии», а затем наблюдаем новый этап «собирания» российских земель.

Этот процесс запущен не сегодня и набирает обороты. Сошлюсь на сообщение БЕЛТА от 28 ноября 2014 года:

«Учебник по истории Союзного государства сделают к 2016 году. В написании участвуют исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, истори-

ческий факультет БГУ, Институт истории Национальной академии наук и организация «Белорусы Москвы». Руководитель научно-исследовательского центра истории диаспор, заместитель декана исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук Оксана Солопова рассказала:

«В 2016 году отмечается 20 лет союзного строительства. Я надеюсь, что к этому времени учебник будет введен в оборот». Учебник пишется при поддержке Постоянного комитета Союзного государства в виде предоставления документов, базы источников и консультаций экспертов. В авторском коллективе, который работает над учебником, очень много молодых ученых-историков из Беларуси и России. На их плечах лежит концепция издания, редакторская работа, основные главы».

Мои попытки узнать, кто же из белорусских историков занят в этом проекте, не увенчались успехом. А хотелось бы. Это как раз тот случай, когда громко хочется сказать: «Автора на сцену!». Зато с московской стороны, что характерно, работу координирует руководитель научно-исследовательского центра истории диаспор. Так что, в глазах Кремля вся Беларусь уже стала российской диаспорой?

Вопрос о необходимости обстоятельного разговора о нашей истории не просто назрел, а уже, пожалуй, перезрел. Не будем знать своей истории — получим ее импортный вариант. И не важно, откуда, с востока или запада, он придет. Сегодня впору говорить о борьбе за свой исторический суверенитет.

Я скептически отношусь к лозунгу импортозамещения в экономике. Но я — за процесс импортозамещения в истории.

Далек я и от того, чтобы объявить историков новыми учителями жизни. История не является нашей монополией. История принадлежит народу. Мы — лишь ее хранители. Задача историка — изучать влияние истории на общество, а не влиять на историю.

Исторические ресурсы Беларуси неисчерпаемы. Но от нас сегодня зависит, кем и как они будут использованы.

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ — ЭТО ВЫЗОВ ГОСПОДСТВУ РОССИИ

Алексей Ластовский
социолог

Как в Росссии воспринимают перемены в белорусской историографии, актуален ли сегодня «национальный подход» к истории, какие проблемы исторической памяти обсуждаются в современном белорусском обществе? На эти и другие вопросы «Новой Европы» ответил социолог А. Ластовский.

(1) Как исследователь, вы уже достаточно давно занимаетесь изучением проблематики исторической памяти в нашем, белорусском, контексте. Как вы считаете, о каких границах употребления парадигмы «memory studies» можно говорить в нашем локальном случае, насколько еще актуальны исследования исторической памяти?

Да, я начал заниматься проблематикой исторической памяти где-то с 2007 года, когда защитил кандидатскую диссертацию по социологии, и светлой памяти Людмила Науменко, руководитель сектора этнической психологии Института социологии НАН, предложила мне заняться этой темой. То есть, меня в эту проблематику втянули, а как из нее выбраться — даже и не знаю.

Тогда для Беларуси тема исторической памяти была свежей и новой, до нас только начал доходить мощный «бум памяти», который охватил всю Европу. Но волна пришла, поглотила и наше дремучее пространство, и сейчас исследования памяти в Беларуси не менее популярны, чем где-то еще — им отдают дань и политологи, и социологи, и историки.

Но основная проблема в том, что как и в случае национальной идентичности мы имеем дело с совпадением аналитических и практических категорий.

Память и идентичность — это также и безусловная ценность, поэтому мы не только их изучаем, но и стремимся включиться в активный процесс по их созданию или изменению в соответствии с нашими идеалами. Из-за этого переплетения намерений возникает смешение регистров, когда политические мотивации сливаются с научными стремлениями. Пропагандистское говорение оперирует теми же терминами, что и академическое письмо, которое в результате потери языковой самостоятельности приобретает черты ангажированной публицистики.

Фактически каждая публикация об исторической памяти является заявкой на ее переформатирование, каждый наш интеллектуал примеряет себе на голову каску строителя нации.

Но эта беда не только белорусская, она у нас только более проявлена из-за слабости публичной сферы и ограниченности научной автономии. Эти же

* Сайт «Новая Европа». Декабрь 2014 г. Интервью Алексея Браточкина.

черты можно увидеть и в моих публикациях, хотя я стремлюсь нивелировать это посредством акцента на эмпирический базис своих выводов. Пустые рассуждения о том, какой должна быть историческая память, мне уже давно неинтересны, это своего рода интеллектуальный онанизм. Серьезные исследования, с глубокой проработкой материала, с цифрами и трендами, приходится откапывать за горами хлама с надписью «memory studies».

(2) Сегодня наша коллективная идентичность во многом основана на памяти о Второй мировой войне, мы видим как после распада СССР в независимой Беларуси активно эксплуатируется это историческое событие, но, одновременно, советский конструкт памяти о «Великой Отечественной войне» стал жертвой значительной эрозии. Что приходит (или пришло) на смену этому конструкту?

Да, в представлениях о прошлом своей страны Победа в Великой Отечественной войне — это, безусловно, центральное событие для белорусов, гордость за нее формирует сеть солидарности, сообщество «победителей». Только вот еще в советские времена проявилось и отличие белорусского места в достижении Победы — как самой большой жертвы, с подчеркиванием множества жизней, потерянных в кровавых жерновах военных событий. Огромные человеческие жертвы особо не упоминались в советские времена, но для БССР было сделано исключение — с парадигмальной цифрой «каждый четвертый», с дозволенным трауром по национальной трагедии, монументальным воплощением которой стала Хатынь. Но белорусская специфика в границах общесоветского конструкта в независимой Беларуси приобретает все более гипертрофированные формы, культ Победы начал жить новой, более яркой и насыщенной жизнью, и все меньше соотносится с какой-либо тенью прошлого.

Поэтому, с одной стороны, начала усиливаться роль белорусского народа в общем деле, белорусы понемногу заменили собой советский народ как главного автора Победы.

А эта гиперболизация героизма повлекла за собою и усиление риторики жертвенности: машеровская формула «каждый четвертый» была заменена Лукашенко на «каждого третьего». Экзальтация сопровождается изменением отношения к прошлому: познавательный модус заменяется накручиванием эмоций, знания заменяются страстями, или, скорее — пьяной радостью.

(3) Какие политические последствия может повлечь «изменение памяти» о Второй мировой войне в Беларуси, учитывая то, что наши страны-соседи, в частности, Россия, пытаются всячески настоять на определенной версии памяти про нее, которая, возможно, уже расходится с теми вариантами, которые появились в Беларуси?

Гипотетически может произойти возвращение к возобновлению конкурентной борьбы за то, «кто больше победил», которая разворачивалась в СССР между российской, украинской и белорусской советскими республиками. Поскольку распределение материальных ресурсов в сложной системе советского федерализма во многом зависело от символического престижа, а вклад в Победу был одним из наиболее почетных слагаемых существовавшей иерархии республик,

то такая борьба в 1970–80-е гг. была упорной. Но восстановление этой борьбы сейчас мне представляется маловероятным. Даже в той ситуации, когда споры между Россией и восточноевропейскими странами очень часто разворачиваются в плоскости исторической политики.

Но и белорусоцентричная версия памяти о Второй мировой войне в большей степени делает нас союзниками России, чем ее соперниками в стремлении к исторической справедливости. Исторический триумф тут описывается одинаковым языком, в него встроены одинаковые ценности. Можно выдвигать любимые собственные версии победы Советской Армии, но для российского сознания это всегда будет подвиг русского народа. Линия противоречия проходит скорее между Россией и балтийскими странами, где напряжение во многом питается разночтениями событий 1939–45 гг.

Это не означает, что история не сможет стать источником конфликтов между Беларусью и Россией и площадкой для их развертывания. Как раз видно, что последние несколько лет прокремлевские структуры (прежде всего, агентство «Регнум») ведут активную информационную кампанию против белорусских властей, где именно расхождения в понимании истории являются основанием для обвинений в «ревизионизме» и «русофобии». Иногда Лукашенко достается и за «белорусизацию» Победы, но по градусу ненависти и пропагандистского безумия видно, что российских политтехнологов и их белорусских прислужников больше задевают другие темы: восстание Калиновского, наследие ВКЛ (тот же памятник Ольгерду) и Речи Посполитой.

Любая попытка возврата к собственной истории в Беларуси воспринимается как прямая угроза России, ее культурному и ментальному господству на этой земле. Пока что мы видим превентивную кампанию, но в случае нарастания противоречий между Россией и Беларусью все эти искусственные исторические конфликты могут быть переведены в другой статус — «живой» истории — для мобилизации эмоций, прежде всего ненависти к соседней стране, как это уже произошло в случае Украины.

(4) Каковы наиболее спорные области нашей исторической памяти, о чем идут дискуссии среди академического сообщества, публичные дебаты, и идут ли они вообще, кто принимает участие в этом обсуждении?

Есть один спор, корни которого лежат в фундаменте белорусской идентичности и исторического нарратива, и его можно свести к банальной дихотомии: между Европой и Россией. Беларусь — это классическая страна Пограничья, взаимосвязи и сосуществования гетерогенных начал, как современная нация она возникла в результате болезненного синтеза противоположностей, где вместе соединились Запад и Восток. Возможно, отсюда следует наша знаменитая толерантность, ибо внутри всегда скрывается раздвоенность, разрыв, конфликт. И чтобы поддерживать самосознание, надо с самого начала скрывать это противоречие, о многом сознательно забывать.

Мне кажется, что самые болезненные вопросы для белорусской исторической памяти скрываются в началах ее становления как модерного проекта. Поэтому не удивляет, что столь сильные дискуссии вызвало празднование 150-й го-

довщины восстания под руководством Константина Калиновского. Взгляды Калиновского в значительной степени отражают трагичность возникновения собственно белорусского сознания, которое может формироваться только через сознательное убийство «чужого». Сейчас мы перечитываем историю с позиций современности, подводим прошлое под наши потребности, объясняем генеалогию исходя из окончательного результата. Но прошлое обладает возможностями для реванша, и тогда наши элегантные толкования рушатся под тяжестью сложности выбора и мотивов людей, которые в своих поисках только подбирались к современному пониманию национальности.

Оживление идей литвинства и западнорусизма в XXI веке свидетельствует, что разность цивилизационных начал, которые якобы слились в «белорусскость», по-прежнему в состоянии разорвать нас.

И, по сути, мы даже не начали продумывать советский период белорусской истории, за исключением немногочисленных историков, общественность сохраняет демонстративное безразличие к коммунистической эпохе. За это когда-то придется расплачиваться. Фактически сейчас исторические исследования обходят советскую эпоху, воспоминания о советских временах постепенно исчезают из коммуникативной памяти. Но пустота скоро заполнится монстрами — тогда может успешно вернуться в наше сознание тот же Сталин как «эффективный менеджер», своего рода аналог Витовта. Вычеркивание недавнего прошлого — это очень опасное дело.

Алексей Ластовский

(5) Насколько «этноцентрична» наша коллективная память, ее разные версии (в том числе официальная)? И в связи с этим возникает вопрос о том, можно ли говорить в белорусском контексте о разных памятях этнических групп, проживающих здесь (евреев, цыган, беларусов, поляков и т.д.), и о возможности интеграции этих памятей в один нарратив? Нужна или нет такая интеграция, каковы могут быть ее формы?

Слово «насколько» уже содержит в себе момент сравнения, и сравнивать лучше с соседями (естественно, не с Россией — у этой страны свой собственный путь).

Тут лучше развести классические национальные нарративы (или культурную память) с теми влияниями, которые идут из Евросоюза, и, соответственно, наиболее сильно ощущаются в тех соседних странах, которые достаточно успешно интегрировались в европейский проект.

Белорусский национальный нарратив изначально слаб по параметру этноцентричности, в нем нет уверенности и фанаберии. Белорусские национальные деятели еще в 1917 году пытались восстановить ВКЛ, и в этом своем наивном старомодном начинании вызвали улыбки со стороны более прогрессивных националистов соседних стран. Но данная неуверенность, невозможность громко

кричать, неспособность оскорблять – имеет в себе и силу. Это внимание к другим, терпеливость, сосредоточенность, и если возвращаться к сравнению – в белорусском национальном нарративе меньше пафоса, упрямства и ненависти чем в нарративах других стран всей Восточной Европы.

Другое дело, что сейчас из Западной Европы на восточную окраину Евросоюза распространяется сильный импульс пересмотра национальных нарративов, включения в них памяти других этнических групп. Это влияние наиболее ощутимо в академической среде, наименее – в коллективном сознании.

Мы на периферии этого тренда, по вполне понятным причинам. Но потенциально белорусский исторический нарратив сможет спокойно принять в себя память «других» – ведь все они для нас «свои». Беларусь должна быть сильной в своем гармоничном разнообразии, такой возникла наша нация, такой она и должна быть. Гибкость и неопределенность беларуского сознания позволяет включать в общую историческую память и Мицкевича, и Шагала, может быть, даже Достоевского. Другое дело, не слишком ли мы «белорусизируем» всех жителей Беларуси, не забываем ли об их языковых, культурных, этнических особенностях?

(6) Если внимательно посмотреть программы обучения в наших ВУЗах, в том числе и исторических факультетов, видно, что проблематика исторической памяти, как и другие способы рефлексивного рассмотрения исторического прошлого, которые возникли в 1980–1990-х гг., не нашли в них места. Почему? Обусловлено ли это обычной инерцией или же речь идет о какой-то нашей интеллектуальной традиции, которая противоречит включению этих способов осмысления прошлого в учебные программы?

Да, если уже на уровне риторики наших политиков или на уровне исследовательских практик мы видим расцвет риторики исторической памяти (только сомневаюсь в ее рефлексивности), то трибуны наших университетов остаются непоколебимыми перед этой модой. Мне кажется, что сама система централизованного составления учебных программ во многом обусловливает инерционность содержания обучения, его отставание от современных интеллектуальных тенденций. Другая проблема, что университетская система практически не стимулирует, скорее ограничивает исследовательскую деятельность преподавателей, поэтому расширяется пропасть между горизонтами свежих научных публикаций и содержанием учебно-методических комплексов, пропитанных формализмом и замшелостью.

(7) На одной из конференций вы выступили с докладом о том, как формируется в Беларуси национальный нарратив истории. Как вы думаете, насколько «национальный подход» к истории сегодня оправдан, в том смысле, что множество явлений, которые описываются историками как локальные, выходят на самом деле далеко за пределы Беларуси? И, соответственно, каким может быть сегодня наш «национальный нарратив» истории, например, о чем неплохо было бы написать в школьных учебниках?

Национальный нарратив – это одна из возможностей толкования истории, его сила – в возможности соединиться с национальным проектом и эмоциональ-

но объединять людей. Что бы ни говорили о космополитизме современности, людям нужны связи солидарности. Национальная история как раз эффективна для системы образования, ибо хорошо работает на «производство граждан» (оставим сейчас в стороне то, какого типа граждане могут выходить из школы).

Но если в сфере образования ему трудно найти замену, то в плане научных исследований у национальных нарративов есть свои существенные ограничения, поскольку историческое прошлое обычно с трудом совпадает с современными национальными границами, настойчиво стремится из них вырваться.

Поэтому в этом плане наиболее оптимальным выглядит рабочая конкуренция различных парадигм, которые бы спорили именно на основе различных методологических оснований своей научной деятельности, а не из-за политических интересов и преимуществ. Для Беларуси очень важна и локальная история (не тождественная краеведению), и транснациональная, которая бы отслеживала процессы и связи на территориях, представлявших историческую целостность в тот исторический момент, который изучается. Начала этого есть, но пока что основная критика национального нарратива идет со стороны западнорусистов (советская генерация уже понемногу отмерла), она очень слаба с теоретической точки зрения, и особой пользы от нее для развития исторических знаний нет.

Главная задача сейчас — отойти от взгляда на белорусскую историю как на закрытый «контейнер», как на нечто герметично изолированное. Мы всегда жили на открытом пространстве, истоптанном множеством ног, потому эту открытость стоит сохранять и в понимания, и в описании собственного прошлого.

— Коротко об авторе —

Алексей Ластовский (1979 г.р.), родом из деревни Лукашево Поставского района Витебской области, — белорусский социолог. Кандидат социологических наук (2007). Старший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (2009). Руководитель сектора политики памяти Института политических исследований «Политическая сфера» (2010).

В 2000 г. окончил исторический факультет Белорусского государственного педуниверситета. В 2000–02 гг. работал учителем истории в деревне Дуниловичи (Поставский район). С 2002 — в Институте социологии НАН РБ. В 2002–05 гг. аспирант, в 2005–09 гг. научный сотрудник сектора социальной и этнической психологии, сектора исследования социокультурных процессов.

С 2010 г. руководитель сектора политики памяти Института политических исследований «Политическая сфера».

Примечание редактора

И задающий вопросы А. Браточкин, и отвечающий на них А. Ластовский свободно используют термин «нарратив», притом в связке с определением «исторический». Они, конечно, вправе использовать что угодно.

Но хотелось бы знать: что означает этот термин? Посмотрел в «Новом энциклопедическом словаре» (издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999 год). Там его нет.

Заглянул в «Новейший словарь иностранных слов и выражений» издания 2005 года. В нем на 975 страницах объяснен смысл более чем 25 тысяч понятий. Слова «нарратив» нет и здесь.

Тогда я обратился к народной электронной энциклопедии — Википедии. И вот что там прочитал: «Нарратив (англ. *narrare* – языковой акт, то есть вербальное изложение, в отличие от представления) — понятие философии постмодернизма, фиксирующее процессуальность самоосуществления как способ бытия повествовательного (или, как писал Ролан Барт, «сообщающего») текста».

Вы что-нибудь поняли в этом определении, уважаемые читатели? Лично я – нет. Разве что стало ясно следующее: А. Ластовский и А. Браточкин относят себя к лагерю постмодернистов, раз уж пользуются их терминологией. А постмодернисты, чтобы вы знали, это такие люди, которые выступают за Европу без границ, являются сторонниками мультикультурного общества, то есть такого, в котором обеспечены «все права» сексуальных меньшинств, а также других извращенцев, плюс к ним многочисленных иммигрантов из Африки, Азии и разных островов, не желающих упорно трудиться и уважать традиции страны пребывания. Зато желающих ежедневно получать свой «кусок хлеба с маслом» за счет коренного населения. Всякий, кто бывал в странах Западной Европы, легко поймет, что я имею в виду.

Напоследок открыл «Большой англо-русский словарь» (100 тысяч слов и выражений, издание 2001 года). Оказалось, что термин «нарратив» (narrative) переводится как: а) рассказ, повесть; б) изложение фактов. Только и всего!

Отсюда риторический вопрос ко всем: чего ради наши умники дурят голову людям? Чтобы казаться еще умнее? Или чтобы скрывать банальность сообщаемых ими тезисов?

БОИ ЗА ИСТОРИЮ: ПРОШЛОЕ КАК ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС

Илья Калинин

Кроме многого другого, история учит нас тому, что она есть пространство борьбы за ресурсы. Так было всегда, но эпоха модерна сделала ресурсы главным — если не единственным — поводом к войне (независимо от того, в какой форме эта война разворачивалась).

Боевая слава, демонстрация аристократической доблести, религиозные чувства уступили место стремлению получить доступ к природным ресурсам. Революционные и гражданские войны внесли в эту ситуацию мощную идеологическую составляющую, но и они, так или иначе (рано или поздно) упирались в ту же мотивацию. Причем ресурсы, за которые шла борьба, имели невозобновляемый или ограниченный характер, что лишь обостряло ее накал.

Высокие технологии, повышение роли сектора услуг по отношению к сектору производства, инновационная экономика, казалось бы, снизили роль традиционных природных ресурсов, переакцентировав внимание на такие факторы, как человеческий и социальный капитал, качество и развитость институциональной среды, и т.д. Понятно, что эти метафорические концепты произведены на основе привычной ресурсной модели, но принципиальное отличие обозначаемых ими ресурсов от традиционных заключалось в их возобновляемом и потенциально неисчерпаемом характере. Их условное количество зависит от интенсивности инвестиций и эффективности управления, а не от физического обладания.

Дискурс модернизации, запущенный еще во время второго президентского срока Путина и ставший одним из главных элементов политической программы президента Медведева, представляет собой чрезвычайно симптоматичную картину того, как сталкиваются и до неразличимости переплетаются друг с другом две модели мышления. Это, во-первых, классическая модель раннего и зрелого модерна, связанная с борьбой за материальные природные ресурсы, и, во-вторых, более поздняя модель, ориентированная на умножение различного рода символических капиталов.

Вероятно, такое переплетение связано с тем, что мы имеем дело с наложением друг на друга различных типов современности:

(а) незавершенным модерном, по-прежнему взывающим к панацее природных богатств (тем более отчаянно — в связи с постсоветской деиндустриализацией, похоронившей итоги советской модернизации);

* И. Калинин — доцент факультета свободных искусств Санкт-Петербургского университета. Статья перепечатана из журнала «Неприкосновенный запас», 2011, № 4 (78).

(б) непереваренным постмодерном, воспринятым как утверждение тотальной медиальности, нереферентности и релятивности смысла (когда то, что сказал Медведев, отсылает не к какой-либо реальности вне политического дискурса, а к тому, что сказал Путин, — и наоборот [1]);

(в) непосредственной российской политической современностью (*проектом модернизации*), состоящей в попытках использовать оставшиеся природные ресурсы и политический пиар как средства, которые позволили бы использовать политический вакуум и социальную аномию в качестве трамплина, необходимого для прыжка в эру процветания и инноваций.

Этот тип модернизационного дискурса я назвал «ностальгической модернизацией» [2]. Вкратце его символическую конструкцию можно описать, вычленив основные элементы:

– Модернизация – как стремление к прорыву в технологически и социально продвинутое будущее.

– Ностальгия – как ощущение разрыва между настоящим и прошлым, когда именно последнее наделяется позитивной ценностью.

– Патриотизм – как идеологическая установка на преемственность настоящего и будущего по отношению к идеализированному прошлому, отрицание исторических разрывов и утверждение общей традиции и наследия, носителями которых мы все являемся, превращаясь тем самым в единую нацию.

– И, наконец, четвертый элемент – историческое прошлое, которое рассматривается как символический ресурс для производства патриотизма.

Пятого элемента, как всегда, не хватает.

Поскольку перед нами именно государственный проект, а не спонтанно развивающийся социокультурный процесс, встает вопрос об источнике его движущей силы. Одних капиталовложений и административных усилий явно не достаточно – нужно что-то еще. Возникает проблема той социальной энергии, которая должна быть затрачена, чтобы модернизация приобрела реальность за пределами специально огороженных территорий, чтобы она, так сказать, приобрела не только опричный, но и земский характер. Возможно, как раз этого власть и не хочет, но признаваться в этом открыто – неудобно.

Какие механизмы социальной мобилизации стояли за петровской или сталинской модернизациями – общеизвестно. Сейчас регулярно подчеркивается: нынешняя модернизация ни в коем случае не будет обращаться к авторитарным методам. В этих заверениях есть немалая доля комизма, поскольку у государства действительно нет ни политической воли, ни идейного обоснования, ни реальной силы для применения подобных методов. Откуда же тогда может взяться необходимый социальный подъем, как его можно инициировать: одновременно и сверху, и не авторитарными методами?

Автономная гражданская активность исключается – это слишком высокая цена за модернизацию. Реальная социально-принудительная мобилизация невозможна, поскольку все ушли в супермаркет и разъехались по приусадебным хозяйствам. Остается виртуальная мобилизация, собирающая воедино воображаемое тело нации. И единственным ресурсом такой мобилизации становится прошлое.

Ресурсы и дискурсы: политика конвертации

Дмитрий Медведев однажды сказал:

> «В конце концов, не сырьевые биржи должны вершить судьбу России, а наше собственное представление о себе, о нашей истории и о нашем будущем» [3].

Этот тезис Медведева является одновременно лаконичной и принципиальной констелляцией нескольких важных для нашего разговора моментов.

Во-первых, исторический суверенитет России связывается с необходимостью артикуляции национальной идентичности, опирающейся на «собственное представление» о прошлом и будущем России.

Во-вторых, этот суверенитет связывается с необходимостью преодоления сырьевой зависимости, смысл которой состоит в том, что цены на *наши* природные богатства диктуются *мировым* рынком (что, в конечном счете, делает их не совсем «нашими»).

Илья Калинин

В-третьих, в нем обнажается связь между борьбой за дискурс («наши собственные представления») и борьбой за сырьевые ресурсы.

При этом задача новой российской модернизации видится в переходе от второй к первой (воспринимаемой как знак «продвинутой» современности).

Проблема, однако, заключается в том, что борьба за дискурс продолжает мыслиться по модели борьбы за ограниченные материальные ресурсы, то есть игры с нулевой суммой, когда итогом оказывается перераспределение изначально имевшихся благ и никакого прироста не возникает. А если ресурс ограничен и на всех его не хватит – его распределение нуждается в контроле и государственном регулировании.

Эта когнитивная модель, принудительно структурирующая пространство взгляда, регулярно проявляется в специфической метафорике, используемой при разговоре о символических ресурсах и, особенно, в дискуссиях об историческом прошлом. Пожалуй, одним из самых популярных образов, задействованных в речи патриотически настроенных политиков и идеологов, стал употребленный Медведевым образ «передергивания карт», за которым стоит именно то бытовое понимание символического обмена и «борьбы за дискурс», согласно которому победа, а вместе с ней и все сделанные в начале игры ставки, достаются кому-то одному. Так, еще в начале своего президентского срока, говоря об официальной политике стран Балтии, Дмитрий Медведев подчеркивал:

> «/В последнее время наблюдается крайне опасная тенденция/, когда политики, вместо того чтобы заниматься своим прямым делом... предпочитают, оттесняя ученых-историков, передергивать саму историю, как колоду карт, под свои личные воззрения для решения конъюнктурных задач» [4].

Я абсолютно не хочу сказать, что историческая политика прибалтийских стран безупречна и не подлежит критике. Речь о том, каким образом, через

какие фигуры речи и мышления эта политика развертывается. В этом смысле использованный Медведевым образ – за которым стоят представления о прошлом как неком неизменном и ограниченном объеме ценностей, циркулирующих в исторических дискуссиях, подобных честной карточной игре, которые, в свою очередь, могут быть подменены нечестной исторической политикой (состоящей в «передергивании карт»), – вполне адекватен ситуации. С той лишь разницей, что он может быть распространен на историческую политику не только Прибалтийских республик, но и Польши, Украины... а также – России и других постсоветских стран. Эта именно та традиционная ресурсная модель мышления, которая распространяется за пределы классической индустриальной экономики.

Надо сказать, что та же самая задача перехода к новому типу политэкономии была сформулирована заместителем администрации президента (Путина) еще в середине 2000-х:

> «Мы обязаны конвертировать сырьевую экономику в интеллектуальную, чтобы проложить России путь наверх, в будущее, в сообщество креативных наций, направляющих историю» [5].

Принципиален здесь не сам тезис о необходимости перехода. Принципиально то, что переход от одной модели экономики к другой описывается через процедуру *конвертации*, – то есть перевода принципов работы и мыслительных привычек, сформировавшихся в рамках сырьевой экономики, на язык экономики интеллектуальной. Такого рода риторическая конвертация говорит не только о скудости мыслительных и языковых запасов, задействованных в пространстве современного идеологического и культурного производства России, но и о том, что сама практика (экономическая, политическая, культурная) пронизана исключительно борьбой за ресурсы, причем, повторюсь, понимаемые как ограниченные и невозобновляемые (именно поэтому их так трудно разделить с другом и абсолютно невозможно отдать врагу) [6].

Хорошим примером такого мышления является историческая политика, на протяжении 2000-х годов привлекающая все большее внимание политической элиты, становящаяся инструментом государственного администрирования и объектом патриотических инвестиций.

Внимание к прошлому и выстраивание устойчивых исторических ориентиров являются частью любой государственной политики. Обстоятельства модернизации лишь усиливают эту потребность. Диктат ресурсного мышления еще более увеличивает ее остроту. Оруэлловские принципы ангсоца – «кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым», – хорошо известны нынешнему поколению идеологов, переживших в свое время перестроечные увлечения антиутопиями.

Еще одним биографическим источником их повышенного внимания к зоне исторической работы с прошлым является специфичная для перестроечной интеллигенции фиксация на прошлом как на приоритетном пространстве, характер осмысления которого предопределяет будущее развитие страны. В определенном смысле это и произошло, но совсем не так, как об этом думали в эпоху просвещения 1980-х. Вот характерный для того времени ход размышлений учи-

теля Глеба Павловского — историка и философа Михаила Гефтера, — взятый из книги его тогдашних бесед с учеником:

> «История существует в меру того, что люди о ней думают и пишут. История — это действие, имеющее результатом фиксацию в памяти. Она есть только там, где люди ею озабочены. Если они этого не испытывают, истории у них нет. [...]
>
> Страна должна услышать от интеллигенции ответ на вопрос: есть ли будущее у прошлого? Без прошлого будущего не бывает: а с таким прошлым в будущее нам ход закрыт... Нам надо найти способ отношения к собственному прошлому. А этот способ таится в самом прошлом, какое оно ни есть, и не где-то отдельно от него» [7].

Урок не прошел даром, хотя его смысл сильно изменился. Конечно, теперь история от нас не уйдет. Теперь она является объектом заботы, правда, не столько предметом «озабоченности людей», как об этом говорил Гефтер, сколько предметом заботы государства [8].

Более того, оказались перевернутыми и отношения между историей и памятью. Память о прошлом предъявляется не как результат фиксации в сознании всегда промежуточных итогов дискурса об истории (во всем множестве составляющих его общественных дебатов, образовательных программ, профессиональных полемик, художественных образов и т.д.). Ее видят изначальной субстанцией свидетельства, на которую должны опираться историческая наука и образование, призванные осуществлять «заботу о нашей истории», от которой неотделима будущая коллективная судьба. (При том, что сама память в современном мире уже перестала быть частью естественной традиции, передающейся из поколения в поколение внутри социальных групп, о чем убедительно пишет Пьер Нора [9].)

Тому, что «история и память представляются... как арена политической борьбы с внешним и внутренним противником» [10], уже не приходится удивляться. Интереснее та концептуальная образность, через которую мыслится ее государственная и социальная значимость.

То, что экономика России строится на природных ресурсах, — общее место. Но то же самое можно сказать и в связи с тем, каким образом современная политика в области культуры, в частности — в области истории, смотрит на историческое прошлое. Нефть и газ рано или поздно будут исчерпаны. Еще один традиционный ресурс — русский лес, как показало лето 2010 года, легко превращается в дым отечества. Поэтому необходим какой-то иной ресурс, который бы позволил запустить если не саму модернизацию, то по крайней мере дискурс модернизации.

Не случайно первым, кто высказался за принятие закона, который должен контролировать работу с историческим прошлым (на патриотическом языке российской власти это называется «защитить память о войне»), был министр по чрезвычайным ситуациям, один из лидеров и создателей партии «Единая Россия» — Сергей Шойгу. Забота о сохранности природных ресурсов, особенно в чрезвычайных ситуациях их растраты или уничтожения, входила в его должностные обязанности. То, что в круг его ответственности вошла еще и история («память о войне»), говорит о восприятии прошлого именно как ограниченного ресурса, нуждающегося в особо бдительной защите, поскольку остальное сырье

или скоро закончится, или безвозвратно приватизировано, или уже «украдено до нас».

Примерно в том же направлении мыслят кремлевские идеологи:

> «Нам неизбежно придется... создать в России новую экономику. Она может быть только инновационной. Уповать на сырьевой сектор — дело довольно безнадежное, потому что рано или поздно сырье закончится. [...] Необходимо создание целой инновационной культуры. [...] Дело не только в том, что у нас за это не платят, — дело в том, что нет нужной энергии, и я не знаю, откуда ей взяться» [11].

Решение было найдено довольно быстро. Причем, что характерно, — снова в области природных ресурсов. Правда, теперь в качестве необходимых энергии и ресурсов выступает интеллект:

> «Выполняя напутствие президента о повышении эффективности использования природных ресурсов, [нужно] помнить, что самый ценный природный ресурс нации – интеллект» [12].

Нет нужды спорить с этим утверждением и стоящей за ним биополитической логикой. Вопрос в том, на что предполагается расходовать этот «природный ресурс нации», каким образом следует повышать эффективность его использования. Идеал «инновационной культуры», на реализацию которого возлагает свои публичные надежды российская власть, включает в себя не только «национализацию будущего» (Сурков), но также интенсивную «национализацию прошлого». Последняя состоит в необходимости установления монополии на его интерпретацию (точнее, речь идет даже не об *интерпретации*, предполагающей достаточно сложные интеллектуальные процедуры, а о *мемориальном предъявлении*, скрывающем за внешней монументальностью подвижную мозаичность своей структуры). Таким образом, специфику российского настоящего определяет встреча нанотехнологий будущего с патриотическими мнемотехнологиями прошлого.

Российские нанотехнологии, в силу их специфики, не поддаются непосредственному наблюдению. В отличие от идеологической активности российских патриотов, разрабатывающих заново открытые ими месторождения национальной памяти. Но обнаруживаемое в полуоткрытых государственных архивах историческое прошлое недостаточно просто извлечь, нужно еще определенным образом его утилизировать, то есть использовать с повышенной эффективностью. Современная историческая политика и выступает в качестве инструмента идеологической утилизации исторического прошлого.

Условно можно выделить два типа символической экономики, или два механизма производства и воспроизводства нематериальных ценностей.

Первый делает акцент на производстве символического капитала; второй — на потреблении символического ресурса. Если перевести это в практический план, то первый тип культурной экономики связан с постоянной дискуссией, возникновением новых интерпретаций, уточнением различий.

Второй тип основан на монополизации ресурса и подавлении публичной дискуссии, грозящей этой монополии.

Очевидно, что доминирующая тенденция современного российского культурного производства (в частности, исторической политики) относится ко второму типу символической экономики. Оно бы и ничего. Ресурсов пока хватает, а иных даже с избытком (с раздраженным удивлением, вызванным моей наивностью, председатель сельсовета ответила на вопрос, — можно ли продать небольшой участок земли, оставшийся в деревне от моих дальних родственников, — «Ну кому в деревне нужна земля?!»). Прошлого вроде тоже не занимать.

Проблема, однако, заключается в том, что если относиться к собственному историческому прошлому как к символическому ресурсу (имеющему ограниченный объем и, соответственно, нуждающемуся в охране и ограниченном доступе) для создания патриотического консенсуса, то оно — как и любой ресурс — довольно быстро будет исчерпано. Иными словами, оно потеряет смысл — и как исторический опыт, и как этический пример ценностных ориентаций. То есть перестанет быть ресурсом, пригодным даже для патриотизма. В общем, это уже и происходит, особенно в случае многочисленных акций молодежных движений, где инсценированный патриотизм давно неотделим от искреннего цинизма.

Казалось бы, историческое прошлое, даже если говорить о нем в терминах символического ресурса, является ресурсом возобновляемым, его воспроизводство связано с появлением новых фактов и новых интерпретаций, новых научных подходов, идейных споров, общественных дискуссий и т.д. Но власть, повинуясь привычной ей логике борьбы за природные ресурсы (и распределения доходов от их продажи), логике игры с нулевой суммой, когда увеличение чужого выигрыша означает уменьшение собственного, видит в прошлом именно ограниченный ресурс, за обладание которым, следовательно, необходимо активно и жестко бороться.

Я думаю, все помнят указ президента о создании в мае 2009 года (меньше чем за полгода до выхода манифеста модернизации «Россия, вперед!») Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории, наносящим вред престижу России.

Я не сталкивался с интерпретациями, связывающими эти события: *создание госкомиссии* (административной инстанции), контролирующей работу с историческим прошлым (прежде всего связанным со Второй мировой войной), и *запуск проекта модернизации*, одним из важнейших идеологических аргументов которого является тезис об исторической преемственности поколения победителей и нынешнего поколения, которое должно опираться на героический пример отцов и дедов.

Но с моей точки зрения, эта связь существует. И в этом смысле роль комиссии состоит в мобилизации, консолидации и монополизации того единственного символического ресурса, который смогли отыскать в своих пустых пороховницах идеологи государственного патриотизма (ведь в их понимании патриотизм означает на практике просто лояльность к политическому режиму). Того ресурса исторического прошлого, который необходим для ностальгической модернизации.

Забавна уже сама формулировка названия комиссии, из которой надо понимать, что фальсификации истории, способствующие росту российского пре-

стижа, должны лишь приветствоваться. Но за этой комически неудачной формулировкой стоит та же бессознательная логика борьбы за ресурсы: беспокоят не сами фальсификации, а неэффективное использование такого природного богатства, как «история России», которое — как и любой национальный природный ресурс — по определению, должно работать на увеличение государственного престижа. Естественно, за созданием комиссии стояли и вполне конкретные обстоятельства мемориальных войн между Россией и ее соседями: во многом она была ответом на работу институтов национальной памяти, которые созданы в Польше и Украине.

Но за всей этой историко-политической работой стоит более глубокая, фундаментальная и порой бессознательно воспроизводимая логика. Это логика борьбы за историю как за ограниченный ресурс, который нельзя отдавать на откуп ученым, не разделяющим воспитательно-патриотической программы государства. Это вполне известная модель эпохи первоначального накопления капитала: наше прошлое — *это наша корова*, и мы ее доим.

Если систему образования можно уподобить системе нефтепроводов (как делает Сурков), то историческая политика (и упомянутая комиссия как официальный субъект этой политики) должна контролировать одну из центральных труб этой системы, по которой движется национальное достояние — черное золото русской истории. И допускать к этой трубе посторонних власть не желает, крепко держа в своих руках распределение взимаемой природной ренты с прошлого.

При этом посторонние тоже не дремлют, стремясь «низвести на нет главенствующую роль» России. Наиболее откровенное сближение мотивов мобилизации монополизированных ресурсов и принципов исторической политики можно найти у члена президентской «Комиссии по противодействию...», руководителя Фонда исторической перспективы, доктора исторических наук Наталии Нарочницкой. Комментируя в своем интервью то, как в Европе отмечали 70-летнюю годовщину начала Второй мировой войны, она не только отметила отсутствие «должного внимания» к историческому престижу России, но и сформулировала целую программу противодействия подобным попыткам «фальсификации истории». Она прямо связала уровень цен на российские энергоносители с уровнем уважения к российской истории со стороны покупателей, — тем самым эффективно разрешив поставленную Сурковым проблему конвертации сырьевой экономики в интеллектуальную:

> «...Наше государство совершенно справедливо обязано... мобилизовывать интеллектуальные, научные и информационные ресурсы для того, чтобы лишить дезинформаторов возможности цинично подтасовывать факты, передергивать, замалчивать документы, поступки. [...]
>
> Я думаю, что нам пора ставить вопросы ребром перед нашими западноевропейскими партнерами там, где они заинтересованы в развитии отношений с нами. В частности — в энергетической сфере. Ставить принятие наших решений в зависимость от последовательной, честной политики западных стран в очень важных для нас вопросах общественно-политической жизни, уважения к истории России в мире» [13].

В свое время при Саддаме Хусейне торговые отношения Ирака и мирового сообщества строились через программу «Нефть в обмен на продовольствие». Но это было экономически отсталое и авторитарное государство. Путинская Россия претендует на иное отношение к своему престижу, демонстрируя принципы инновационной экономики, состоящие в обмене природных ресурсов на символические. Так сказать: «газ в обмен на удовольствие» — патриотическое удовольствие, разумеется.

Источники ссылок

1. Весьма характерно в этой связи название одного из выступлений Владислава Суркова: «Политика — это прежде всего текст». (Выступление на встрече с молодыми писателями 17 ноября 2006 г.).
2. См.: Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // «Неприкосновенный запас», 2010, № 6 (74), с. 6–16.
3. Медведев Д.А. Россия, вперед! // Сайт Газета.ру. 2010, 10 сентября.
4. Медведев Д.А. Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации при международных организациях. 15 июня 2008 года.
5. Сурков В. Национализация будущего. Параграфы PRO суверенную демократию // В его книге «Тексты 97–07», с. 56.
6. Разветвленность применения метафорики ресурса к сфере интеллектуального производства необычайно широка и симптоматична в отношении усвоенного способа концептуализации реальности. Например: «Система образования — такая же инфраструктура будущей экономики знаний, как трубопроводы для теперешней экономики нефти» (Сурков В. Национализация будущего..., с. 53). Этой же метафорикой с энтузиазмом пронизано эссе А. Ашкерова «Интеллектуалы и модернизация», например: «Стоит напомнить, что традиция как ресурс, открывающий возможность неограниченного использования исторического опыта и памяти, возникает в рамках романтизма (и, соответственно, то же в эпоху модерна)» (Ашкеров А. Интеллектуалы и модернизация. М., 2010, с. 11). Такие примеры можно умножить.
7. Павловский Г. Тренировка по истории. Мастер-классы Гефтера. М., 2004, с. 44, 177.
8. Сравним размышления Гефтера с их отголосками через два десятилетия в позиции Павловского: «Общество потеряло суверенитет в проработке своего прошлого. [...] Не ставшее субъектом своей памяти, русское общество стоит перед угрозой стать объектом чужих проекций и разыгрываемых небезобидных постановок» (Павловский Г. Плохо с памятью — плохо с политикой // «Русский журнал», 2008, 9 декабря/. Характерно также смещение от интеллигентско-перестроечного беспокойства в связи с отсутствием внутренней общественной рефлексии о прошлом к агрессивной мании внешнего преследования.
9. См.: Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М. и др. Франция — память. СПб., 1999, с. 17–50. А также: «Современные массовые представления об истории рядятся в одежды естественной памяти, но являются созданием профессиональных агентов исторической политики» (Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011, с. 46).
10. Миллер А. Россия: власть и история // «Pro et Contra», 2009, № 3–4, с. 11.
11. Сурков В. Политика — это прежде всего текст, с. 63.
12. Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. // В его книге «Тексты 97–07», с. 25.
13. См.: Нарочницкая Н. Россия должна активнее противодействовать попыткам низвести на нет ее главенствующую роль в победе над нацизмом (Интернет).

ИСТОРИЯ С ИСТОРИКАМИ

Андрей Киштымов
кандидат исторических наук

Наконец-то свершилось! Историки Беларуси получили полномочия что-то заявить. Не друг другу, как это обычно бывает на конференциях или в научных публикациях. А всей стране, а, может быть, и миру. 10 декабря 2014 года в газете «СБ-Беларусь сегодня» в рубрике «Конференц-зал» опубликовано интервью — «История уполномочена заявить»*.

Получилось, как в досуверенные, советские, времена, когда было «уполномочено заявить» ТАСС. Этому агентству было проще, чем белорусским историкам. Советского Союза все боялись, ТАСС все слушали. Не все, правда, от страха. И не все — с аплодисментами. Кое-что подобные заявления анализировал. Целая наука на этом жировала — кремлелогия.

Ну, это я отвлекся. Ведь хотел о другом. О тех, кого мало слышно, и о тех, кого никто не боится. О белорусских историках. О делах наших исторических, и про уполномоченных в этих делах, и про их полномочия.

Само интервью — явление положительное, можно сказать — знаковое. Мнение пяти историков в главной газете страны вполне подходит под обозначение государственной позиции по историческим проблемам. Тем более, что в собеседниках не простые бойцы исторического фронта, а, по сути, его генералы. Вячеслав Данилович — директор Института истории НАН Беларуси; Марат Жилинский — заместитель председателя Постоянной комиссии Палаты представителей по образованию, культуре и науке; Игорь Морзолюк, профессор, заместитель председателя Постоянной комиссии Совета Республики по международным делам и национальной безопасности, заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова, Вадим Гигин — главный редактор журнала «Беларуская думка», Сергей Ходин — декан исторического факультета БГУ. Все — кандидаты исторических наук, Морзолюк даже доктор.

То есть, перед нами не просто вузовско-академические мужи, но еще и государственные деятели — депутаты и сенаторы. Самыми говорливыми оказались вузовские историки, самыми молчаливыми — академические.

Правда, реакция общества на интервью получилась очень слабенькая. Всего три читательских отклика. Их смысл:

> «Уважаемая газета! Спасибо Вам, что Вы есть; ...Столько умных людей, напишите коллективное письмо президенту, просите о личной встрече, убедите его в необходимости единого учебника истории нашей страны; ...Все ожидания на единственно верную трактовку исторических событий нелепы».

* Интернет-версия: http://www.sb.by/konferents-zal/article/istoriya-upolnomochena-zayavit.html.

И это про материал в газете с интернет-порталом и самым большим тиражом в стране!

Можно сказать, что люд посполитый не прошел тест на отношение к собственной истории. Народ – Великий немой. Поэтому попробую восполнить этот пробел.

Мне, посвятившему более 30 лет профессиональному изучению белорусской истории, это – «не лень». Постараюсь обойтись и без «пены у рта». Ведь именно так, как ленивых и весьма неадекватных собеседников, с первого абзаца интервью обозначили позицию своих потенциальных оппонентов авторы публикации. Боялись лишних вопросов? Или – были не слишком уверены в своих ответах?

Не будем гадать. Интервью – это не только разговор, но и приглашение к разговору. Поэтому попробуем продолжить разговор с «уполномоченными».

Мой первый вопрос:

Ребята, а вы серьезно подумали перед таким интервью о реакции профессионалов на свое газетное творчество? Или считаете себя кастой неприкасаемых, с броней титулов и должностей? Где же ваше чувство исторического самосохранения? Рукописи – не горят. Написанное – остается. Не нам ли приходится разгребать то, что сотворили наши предки? Так зачем же кормить будущих историографов не слишком приглядной картиной состояния той исторической кухни, за состояние которой вы сегодня несете полную ответственность?

В интервью обозначены задачи исторической науки. Кратко это выглядит так:

– «Роль исторической науки в теоретическом обеспечении государственного развития очень высока» (Данилович);

– «Историк отвечает на ряд вопросов, которые ставит перед ним современность под другим углом» (Морзолюк);

– «На мой взгляд, все же неплохо, если историк становится политиком» (Ходин);

– «Для историка важно уметь говорить не на «птичьем языке», понятном лишь посвященным, а доступно делиться своими знаниями» (Гигин);

– «История, как, кстати, и любая другая наука, не открывает абсолютных истин. И профессионал должен иметь мужество признать правоту оппонента» (Жилинский).

Названы и проблемы.

«Игривое отношение к фактам» (Морзолюк). Кто же спорит, это родовое пятно мировой историографии в целом. Нужен «исторический катехизис» (он же) – ну, здравствуй, новый Краткий курс истории ВКП(б)! Хотя идея далеко не химерическая, если доверят, то я и сам готов поучаствовать в ее осуществлении. По крайней мере, свой «большой» XIX век вполне бы мог туда написать.

Исторический букварь нужен. Понятно, что подавляющее большинство жителей Республики Беларусь получают ее гражданство автоматически, так сказать, по праву рождения. Отделам РУВД не до нюансов родной истории. И это мировая практика. Все на доверии, априори считается, что таковые свою историю знают. Хотя мы-то знаем, что это далеко не так.

Таким образом, своим историческое беспамятство прощаем автоматически. Пусть так. Но вот у соседей, в Латвии, при смене чужого гражданства на латыш-

ское, сдают три экзамена: на знание языка, конституции и истории. Почему же у нас не так? Хотя бы для эмигрантов, в отличие от аборигенов, установили бы такое правило. Экзамен на знание белорусского исторического букваря.

«История должна соединять народы» (Гигин). Но тут проблемы не в истории, а в политическом решении. С немцами, например, нас намертво связали в истории две мировые войны. Но повод ли это для дружбы? А с литовцами нас связывают совместные государственные рамки с XIII века и до конца XX столетия. А дружбы — нет. В отличие от россиян, с которыми мы вместе только с конца XVIII века. С поляками вместе прожили и то больше, с середины XVI и по начало XX-го. А Западная Беларусь — и по 1939 год.

Так почему же наш геополитический выбор, вопреки истории, делается в пользу России? Как быть с этим, господин Гигин? Или, разумнее, перестать объявлять историю «должником», да и самим не быть ее заложниками?

История — это, конечно, не только события, но и имена. С именами — действительно проблема. Читаю интервью: в перечне приведенных там исторических имен и имен историков — французы Мишель Фуко, Марк Блок и Марк Ферро, Наполеон Бонапарт, а еще Цицерон, Толкотт Парсонс, Лев Толстой, Петр Столыпин, И.В. Сталин, Виктор Суворов (В.Б. Резун), Александр Солженицын, Валентин Янин, Василий Ключевский. Их цитируют, на них ссылаются, с ними спорят. Почему же в этом списке нет никого из белорусов? Не нашлось? Не знают? Не хотят вспоминать?

Толстого, правда, зря потревожили. Фраза, процитированная Морзолюком — «Я боюсь Чингисхана с телефоном», принадлежит не Льву Николаевичу, а Александру Ивановичу. Который — Герцен. И не о телефоне, а о телеграфе шла там речь. Сенатор, конечно, медиевист, и мой упрек слегка не по адресу. Хотя в интернете уже гуляет фраза и про президента соседней страны, как про «Чингисхана с компьютером». Может, это сравнение ему данное и навеяло?

Кроме себя, любимых, из тех, кто еще хоть как-то причастен к изучению истории Беларуси, был назван только москвич Юрий Борисенок. Других историков в родной Беларуси просто не оказалось. Почему же такой чести удостоен уроженец славного белорусского Полоцка? Морзолюк пишет:

> «Наш коллега, доцент МГУ, главный редактор журнала «Родина» Юрий Борисенок доказал на документальных данных, что проект «Белоруссия» без активной поддержки Сталина вряд ли бы состоялся. Ведь многие раньше приписывали это федеративной концепции Пилсудского. Нет, как оказалось, она никогда не являлась реальной программой польского правительства. Это была полнейшая фикция!».

Так сказать, спасибо товарищу Сталину за нашу белорусскую государственность. Приведу несколько цитат из упомянутой монографии Ю.А. Борисенка «На крутых поворотах белорусской истории» (Москва, 2013):

> «Иной выход для белорусов, предполагавший вывод за скобки русско-польского спора в поисках иной геополитической реальности, отыскал нарком по делам национальностей Сталин, причем при активной помощи польской стороны. Важную роль в актуализации белорусского вопроса сыграла объективно выгодная большевикам борьба польских политиков по вопросу о восточной границе их государства в процессе мирных переговоров в Риге (с. 88).

Сталинский вариант решения белорусского вопроса в руководстве большевиков был не единственным, но именно он в итоге реализовался к началу 1920-х годов (с. 116).

Смышленые большевистские черти во главе с самим товарищем Сталиным прочно оседлали белорусскую политику и превратили ее (наряду с украинской), прежде всего в действенное орудие борьбы с беспокойным польским соседом (с. 129)».

Вопрос: кроме «чертей», кто-нибудь еще участвовал в становлении белорусской государственности? И это самое большевистское «седло» в белорусской политике сегодня как — не жмет? Украинцам, по-моему, жмет. Так где же белорусский «конь незацугляны»?

Не обошлось и без теоретических изысков. Академический институт истории ставит себе в заслугу следующую формулировку:

«...если говорить о государственности белорусов, то здесь нужно использовать новый подход к понятию. У нас в институте предложена совершенно новая его трактовка — как права этнонационального сообщества и способность его элиты к длительному самостоятельному историческому развитию. В результате наши ученые обосновали концепцию многовековой истории белорусской государственности в двух неразрывно связанных формах — исторической и национальной: начиная с Киевской Руси, Полоцкого и Туровского княжеств, и заканчивая Республикой Беларусь. Причем особенностью первой была полиэтничность, а второй — именно белорусский компонент» (Данилович).

Вот такой исторический бальзам с ополаскивателем, одна концепция — две формы, все в одном стакане. Осталось только узнать, в какой же форме, исторической или национальной, пребывает сегодня Республика Беларусь.

Да и с какого времени вообще предлагается вести отсчет белорусской государственности? С Полоцка и Турова (мнение Даниловича и Жилинского)? Или с разделов Речи Посполитой (мнение Гигина и Морзолюка)? То есть — со времен Российской империи. Неужели царизм подарил нам белорусскую государственность?!

Марат Жилинский почему-то уверен, что палата общин Великобритании проводила заседание по поводу 80-летия со дня рождения Сталина (это значит, в 1958 году), на котором выступил Черчилль. Что тут поделаешь, как говаривал тот же Сталин, «других писателей у меня нет». Но ведь другие историки у нас есть. Почему же им не дали слова?

Он же предлагает:

«Почему бы нашему телевидению не взять 100 славных имен Беларуси, наших героев, нашу гордость и не сделать о них пятиминутные социальные ролики? Опять вопрос упирается в деньги... Или возьмем метро. Допустим, приезжаете вы на станцию «Академия наук», но вы видите там что-то, что соответствовало бы ее названию? Ничего. Может быть, стоит разместить портреты наших известных на весь мир ученых? А на станции «Площадь Победы» — белорусских князей, начиная с Полоцкого и Туровского княжеств? Список можно продолжать. Вот вам бесплатная и наглядная популяризация белорусской истории с древнейших времен до современности. Нет, метро «украшено» рекламой сапог, женского белья...».

Должен разочаровать депутата и защитить женское белье. Бренд 100 имен уже занят. С 2012 года общественное объединение «Институт белорусской истории и культуры» издает брошюры серии «100 выдающихся деятелей белорусской культуры». Уже три десятка вышли в свет.

Так что государство в лице академических институтов, факультетов и кафедр, мягко говоря, в этом вопросе действительно несколько запаздывает. Кстати, у меня вообще есть сомнение, способны ли сегодня госструктуры хотя бы назвать список этих самых 100 имен. Как будет выглядеть этот исторический иконостас, кто туда попадет? Калиновскому, к примеру, место там найдется?

Метро у нас давно скопище исторических парадоксов. Место курловского расстрела – у вокзала, а памятный знак – в подземелье. Тут же, сверху – «Площадь Независимости». Но снизу – «Площадь Ленина». Хотя, может быть, это и есть новая белорусская историческая символика: это ничего, что у нас республика, попробуйте теперь найти республиканцев.

А кого будем помещать на станции «Академия наук»? Если отца белорусской историографии Митрофана Викторовича Довнара-Запольского, так его как раз в белорусские академики не избрали. «Национал-демократ» оказался, с «буржуазно-кулацким нутром». Всеволода Макаровича Игнатовского, первого президента Академии? Так ведь именно он не пустил М.В. Довнара-Запольского в белорусские академики, да и в союзные – тоже. Впрочем, самого Игнатовского от репрессий это не спасло, как и следующих двух академических президентов. Так, что же, превратим станцию метро в мемориал? А на какой станции будем сооружать мавзолей?

Соглашусь, что в нашей истории абсурда хватает. Но не стоит умножение этого абсурда считать главной задачей отечественных историков.

Хорошо, что наши генералы от истории склонны не только к критике, но и к самокритике. Тот же Жилинский замечает:

> «Я, например, в 2002 году защитил диссертацию, но уже буквально через месяц поменял видение некоторых моментов под влиянием новых сведений. То есть, всегда с течением времени всплывают неизвестные до сих пор документы, факты, которые могут даже в корне все изменить».

Смотрим название его диссертации: «Образование на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.)». Вот здесь бы хотелось узнать подробности: что за новые исторические горизонты открылись в этой теме, узнала ли Высшая аттестационная комиссия, что «видение» поменялось в корне? Судя по тому, что результаты защиты не были аннулированы, бывший диссертант о своем прозрении решил в то время скромно умолчать.

* * *

Подведем итоги. Что тут сказать. История – это фундаментальный запас прочности каждой нации и государства. Это серьезнее, чем его золото-валютные запасы. Это – первое, что у него есть. И это – последнее, что остается у народа, когда он теряет и государственность, и территорию, и границы, и экономику.

Более того, может исчезнуть даже народ, но его история – останется. Как это было с хеттами, этрусками, майя и многими, многими другими.

Наши соседи неравнодушны к истории. Как к своей, так и к чужой. Сравнительно недавно, 5 ноября 2014 года, президент ближайшей «братской страны» провел круглый стол с молодыми учёными и преподавателями истории*. И это – далеко не дежурная встреча, как говорится, для галочки. Последствия – вполне определенные президентские поручения. В том числе:

«1. Правительству Российской Федерации:

а) рассмотреть вопрос и представить в установленном порядке предложения о демонстрации выставки «Моя история. Рюриковичи» в субъектах Российской Федерации.

б) проанализировать совместно с Российской академией наук и Российским историческим обществом практику преподавания образовательных программ высшего образования по историческим дисциплинам в зарубежных странах и представить в установленном порядке предложения о возможности использования такой практики российскими организациями, осуществляющими образовательную деятельность.

в) обеспечить совместно с Российской академией наук, научными и образовательными организациями, расположенными на территории Крымского федерального округа, подготовку фундаментального научного труда, посвящённого истории Крыма.

2. Минобороны России рассмотреть вопрос об упрощении процедуры доступа к открытым архивным материалам Центрального архива Минобороны России, посвящённым Второй мировой войне.

3. Минобрнауки России рассмотреть совместно с Общероссийской общественной организацией – Общество «Знание» России вопрос о совершенствовании просветительской деятельности среди молодёжи»**.

А затем из его же уст весь мир услышал историческое обоснование принадлежности Крыма к России тем фактом, что князь Владимир Святославич (киевский, кстати говоря, князь, вовсе не московский) когда-то принял крещение в Корсуни, т.е. в пригороде нынешнего Севастополя.

Напомню также, что недавно возрожденное Российское историческое общество (оно было основано в 1866 году) возглавил Председатель Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Сергей Нарышкин. Отделение Российского исторического общества в Крыму открыто 17 мая 2014 года. Возможно и иностранное членство в этом обществе. Вам предлагали в него вступить? Мне – да.

Как видим, в истории сегодня задействованы весьма серьезные фигуры и серьезные намерения.

Итак, на повестке дня – борьба за свой исторический суверенитет. Теперь будем ждать реакции главного историка страны. Сами знаете, кого. Его ведь еще покойный Трещенок учил.

P.S. После публикации интервью в «СБ-Беларусь сегодня» из Гродненского государственного университета им. Янки Купалы были уволены доктор историче-

* http://www.kremlin.ru/transcripts/46951.

**http://www.kremlin.ru/assignments/47240.

ских наук Светлана Куль-Сильвестрова и кандидат исторических наук Геннадий Семенчук. Для тех, для кого что-то значит белорусская история, что-то значат и эти фигуры.

А один из авторов интервью, Марат Жилинский, стал ректором Академии управления при Президенте Беларуси. Вероятно, специалист по истории образования в условиях оккупации очень там нужен именно сейчас.

Кстати, рядом станция метро. Есть где новому ректору развернуться. Называется – «Институт культуры». Понятно, что института уже нет. Есть ли еще культура – решать новому ректору. Так же, как и поднять вопрос о том, портреты каких управленцев должны украсить ее в ближайшее время. Есть у меня одно подозрение на этот счет, не буду пока говорить – какое.

Такова очередная страница новейшей истории Беларуси. Истории, которая пишется сегодня. Истории, которую уже не вычеркнешь. Но и она не сумеет обойтись без той истории, которая была вчера.

ЮБИЛЕЙ С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ: СПОРЫ О ВОССТАНИИ 1863 ГОДА

Тимофей Акудович
магистр истории

Что дал нам юбилейный год в понимании восстания 1863 года? В научной среде активность была относительно невелика: несколько конференций, чаще всего регионального уровня, десяток изданных монографий и сборников. Несколько шире это событие проявилось на массовом уровне – ряд телепередач, экскурсии, мультимедийные проекты, игры, даже комикс. Плодотворно поработали краеведы в районах. Было поставлено или восстановлено несколько памятников, изданы буклеты, календарики, проведен ряд праздничных мероприятий и экскурсий.

Впрочем, не так и мало. Если бы не одна проблема – на всех этих достижениях лежит отпечаток ожесточенного идеологического спора, настолько бессмысленного и масштабного, что слово «дискуссия» здесь не подходит. События 1863 года оказались чрезвычайно актуальными для современного общества и затронули значительно больше проблемных моментов, чем, например, события 1812 года, относительно которых спорили в 2012 году.

Представление среднестатистического беларуса о восстании 1863 года основано на картинах Петра Сергиевича «Кастусь Калиновский и Валерий Врублевский на смотре повстанцев» и «Константин Калиновский среди повстанцев 1863 года». Зима, Калиновский пламенно обращается к повстанцам, те с восхищением слушают своего командира. И не различишь в этот момент между ними ни пана, ни холопа. А рядом верный друг и сподвижник – Валерий Врублевский. Завтра они пойдут в бой против царских карателей и погибнут за свободу.

Иногда возникали неразумительные дискуссии о том, что повстанцы имели в виду под словом «свобода» или сколько процентов крестьян на этой картине. Но, по большому счету, картина, нарисованная Сергиевичем в 1936 году, подкрепленная советским фильмом, десятками художественных произведений, в первую очередь авторства Владимира Короткевича, и сцементированная патриотическим запалом Национального Возрождения начала 1990-х годов стала шаблоном восприятия тех событий, сомневаться в котором считалось и считается изменой. Даже если и появлялась в печати биография какого-нибудь повстанческого командира или интересные факты из жизни какой-то деревни в 1863 году, они все равно подгонялись под этот стандарт.

Проблема не в том, что созданная Сергиевичем и Короткевичем картина восстания лживая. В ней много правды, что и не удивительно, если вспомнить Анатолия Смирнова, Геннадия Киселева, Адама Мальдиса и других профессиональ-

* Из журнала «Архэ», 2014, № 5, с. 6–31. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

ных историков, которые эту картину научно обосновывали. Калиновский действительно устраивал смотры повстанцев, и Сергиевич чрезвычайно правдиво показал один из таких эпизодов, а Короткевич весьма талантливо воплотил это в словах. Проблема в том, что, как и любая картина, она плоская и не способна объективно отражать всю глубину событий, взаимосвязей, влияний, которые формировали события в далеком 1863 году.

Вся эта метафора приводится здесь к тому, что в 2013 году надо было деликатно приоткрыть некоторые неоднозначности в восприятии той эпохи, не отодвигая в сторону мероприятия по чествованию памяти повстанцев. В идеале представлялось (если отбросить крайности), что в 2013 году авторитетные академические историки напишут эссе или дадут интервью, где несколько разрушат сформированный миф (что даже подогрело бы больший интерес). Это, в свою очередь, вызовет определенную дискуссию, которая позволит скорректировать и углубить шаблонные представления о восстании.

Но этого не произошло. Всех опередили представители «западнорусского» течения, уже в январе 2013 года начавшие активный «артобстрел» традиционной картины восстания. Причем делали они это провокационно, часто со злобой, без какого-либо желания убедить в своей правоте, стремясь скорее осмеять «сьвядомых», целенаправленно нанося удары по узловым пунктам исторической памяти: повстанцы — не герои, Калиновский — не свой, Муравьев — не вешатель, и так далее. Общественность восприняла эти действия как объявление войны исторической памяти и здравому смыслу. В результате даже историкам пришлось отложить свои рассуждения и, взяв в руки «оружие», встать на защиту того исторического шаблона, который закостенел в начале 1990-х гг. и который объективно подлежал бы сейчас определенному переосмыслению.

Проблема в том, что «западнорусы» не предлагали в своем вызове ничего нового. Большинство их тезисов взято из официальной идеологии XIX века (повстанцы — убийцы священников и крестьян; паны подняли восстание, потому что хотели вернуть крепостничество) и никак не переосмыслены с поправкой на то, что на дворе уже XXI столетие. Но широкой общественности эти выпады показались чрезвычайно актуальными. Историки, журналисты, краеведы и уйма других людей значительную часть юбилейного года потратили на оспаривание тезисов столетней давности. В результате осмысление очень важного для нас события свелось к взаимным обвинениям. Это касается не только широких масс, но и научного мира: читая темы докладов тех нескольких конференций, что прошли по этой тематике в 2013 году, видишь, что добрая четверть всех выступлений на них была заочной дискуссией с оппонентами из другого идеологического лагеря, причем опять же на уровне рассуждений «хороший — плохой».

В результате многочисленные проблемы, которые следовало поднять в юбилейном году, так и остались ждать лучших времен. Здесь можно о многом вспомнить. Например, очень не хватает ревизии хотя бы основных цифр по восстанию — число участников по губерниям, количество шляхты, принявшей участие в восстании, и число тех, кто к нему не присоединился, сколько повстанцев было убито, сколько убили они сами. На данный момент из публикации в публикацию гуляют цифры, которые когда-то озвучил еще сам Михаил Муравьев и его аппа-

рат. Не переведены на беларуский или русский языки ряд ключевых мемуаров повстанцев. Все эти «белые пятна» можно еще долго перечислять.

На уровне масс всю «линию фронта» заняли баталии с ограниченной смысловой нагрузкой: «герой — не герой». Реальные жизненные истории, глубина и неоднозначность конфликта остались за скобками. Идеологическая война подмяла под себя ростки нормальных, конструктивных поисков ответов на разные вопросы, которых накопилось достаточно много.

Эта статья — попытка более широкого взгляда на ключевые определения восстания 1863 года.

Название

Вопросы возникают уже по самому названию восстания. В юбилейный год на улице Калиновского в Минске наконец появилась большая вывеска, посвященная якушевскому шляхтичу. На ней написано: «Улица названа в честь Константина Калиновского (1838–1864) — белорусского революционера-демократа, руководителя национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. против самодержавия в Беларуси и Литве». Таким образом, можно говорить, что официально принятым названием восстания сегодня является «национально-освободительное восстание против самодержавия».

Тимофей Акудович

Этот термин пришел к нам из советских времен (только тогда вместо «самодержавия» был «царизм») и соответствует советской (хотя и не только советской) традиции: добавлять к названиям значительных событий ряд «эпитетов-объяснений», чтобы ни у кого не возникало сомнений в том, что революция была социалистической, война — отечественной, а восстание — национально-освободительным. Но эти «эпитеты» как раз и вызывают противоречия: если восстание национально-освободительное, то оно преследовало цель освобождение нации, в идеале — выход из состава России, и не имело отношения к государственному строю самой империи. А если против самодержавия, то значит, главное — свергнуть царя, но это можно сделать только оставаясь в составе Российской Империи. Оксюморон.

Ну, и с Калиновским получается непонятно: на вывеске он назван беларуским революционером, из этого логично следует вывод, что он поднял восстание для освобождения нации (народа) беларусов. Но если в 1990-е годы такое объяснение проходило на «ура», то теперь, кажется, достаточно иметь средние знания по истории, чтобы понять, что здесь что-то не так, ибо кто такие беларусы в то время... и так далее (дискуссий на эту тему в интернете тысячи). И это только самые поверхностные замечания, так как там еще много разных нюансов. Между тремя этими словами можно заблудиться, словно в темном лесу.

Такое название восстания является основанием для критики со стороны «западнорусов», ибо в их определении оно называется «польским шляхетским» — название, которое укоренилось в российской традиции еще до подавления восстания в 1864 году. И оно действительно более логичное и понятное, ибо не имеет противоречий, если смотреть с высоты кремлевских стен. В Беларуси в то время были, грубо говоря, два социальных слоя, которые до XIX века разграничивались и по национальному признаку тоже — крестьяне и паны. Паны называли себя поляками, говорили по-польски и восстали за возрождение Речи Посполитой. Крестьяне в нем не участвовали (18 % в Гродненской губернии ситуацию не исправляют), своих интересов в нем не имели. Соответственно, если восстала шляхта, которая принадлежала к польской традиции, то восстание — «польское шляхетское».

К. Калиновский среди повстанцев 1863 года (картина П. Сергиевича)

Но с этим определением та же проблема, что с картиной Сергиевича: оно абсолютно плоское и не учитывает уйму якобы мелких, а на самом деле очень существенных моментов.

Во-первых, в 1863 году восстало достаточно много мещанства и однодворцев, бывшего панцирного боярства — людей, которые по своим правам, образу жизни и вероисповеданию были довольно близки к крестьянству. Их было больше, чем знаменитые 18 % крестьян в Гродненской губернии.

Во-вторых, восстание в Беларуси и Литве организовали, начали и до последнего держали «красные». Десятки шляхтичей, большинство из которых было в руководстве восстанием, подняли оружие именно для достижения социальных идеалов — освобождения крестьян, равенства народов и сражения с абсолютизмом. Ни польскостью, ни шляхетностью здесь не пахнет. Это очень важный момент в понимании восстания, а определение «польское шляхетское» его стирает.

Ну и, в-третьих — путаница терминов. Если смотреть с научных позиций, то слово «шляхетское» меняет смысл слова «польское». В системе координат

шляхты слово «Польша» обозначало конфедерацию Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, поэтому очевидно, что «польское шляхетское» обозначает также и «литовско-беларуское шляхетское». Но в представлении современного среднего беларуса обозначение «польское» позиционирует восстание как событие, не имеющее отношения к нашим землям. Потому и этот термин, при всей его простоте и понятности, тоже вводит в заблуждение.

И здесь возникает вопрос: нужно ли вообще это терминологическое обозначение? Ведь оно в любом случае будет иметь идеологический оттенок. Если же называть это событие просто «Восстание 1863–1864 гг.», то, кажется, ни к какому смешению это никак вести не будет. А определиться с названием очень важно, ведь то, что есть теперь, вызывает недоумение уже при первых попытках знакомства с историей восстания.

Две цели

Банальная истина, которую знают все историки и которая, кажется, не станет открытием для любого более-менее знающего человека, но которую принципиально не замечают в идеологических дискуссиях – восстание 1863 года имело две разные цели.

На территориях бывших Королевства Польского и ВКЛ в XIX веке, несмотря на принадлежность этих земель Российской Империи, существовала полноценная система воспитания патриотов Польши по шаблонам времен Речи Посполитой. Это хорошие домашние библиотеки, воспитатели, гимназии в городах с большим присутствием польских учителей, свои кружки в университетах, мно-

Кастусь Калиновский и Валерий Врублевский на смотре повстанцев
(картина П. Сергиевича)

гочисленные костёлы с одержимыми ксендзами и дедовская сабля дома на стене. Потому, окончив университет и занимая разные посты в гражданском или военном аппарате Российской Империи, большинство здешних шляхтичей мечтало об освобождении их Родины от российского господства. И это была первая цель.

В то же время среди этой молодой шляхты активно вращались новые идеи о том, что все люди должны быть равны между собой. Обучение в российских университетах, куда ехало за знаниями большинство молодежи с земель бывшего ВКЛ, участие в студенческих кружках заставляли задумываться об освобождении крестьян, равенстве и братстве как о первейшей задаче молодых поколений. Независимость Родины в такой ситуации не становилась малосущественной, но была скорее одним из элементов всеобщего счастья и благополучия. В результате из главных центров «государства-оккупанта» на родину возвращались студенты, вдохновленные произведениями Александра Герцена, Николая Добролюбова и Николая Чернышевского. Именно они жаждали всеохватывающей революции, которая сделает всех людей – без различия наций и сословий – равными и счастливыми. Независимость их Родины станет результатом этого глобального деяния. И это была другая цель.

Сложность в том, что обе эти идеи достаточно хорошо уживались в одних и тех же головах. Ромуальд Траугут, последний диктатор восстания, когда у него, уже после оглашения приговора, спросили, какова была главная цель восстания, безапелляционно ответил: «Независимость». Константин Калиновский, последний диктатор восстания на Литве, перед смертью написал обращение к крестьянам, где о независимости Польши ничего не сказано. При этом очевидно, что Траугут не имел ничего против свободы крестьян, а Калиновский – против возрождения Речи Посполитой, просто у каждого из них были свои приоритеты.

Ситуацию усложняют еще несколько моментов.

Во-первых, термин «Польша» как определение страны, независимость которой являлась первой целью восстания, в середине XIX века уже сильно расплылся в своем значении. С одной стороны, он еще обозначал Речь Посполитую – конфедерацию польского и литовского (а подчас и русского) народов. С другой стороны, он уже приобретал устойчивое обозначение польской нации в этническом смысле. И далеко не каждый шляхтич, который поднимал оружие «За святую Польшу», осознавал эту разницу, так как сами они этой Родины в глаза не видели. Все повстанцы 1863 года родились и выросли уже в Российской Империи, о Речи Посполитой они читали только в книжках или слышали от отцов и дедов. Их идеалом была страна, исчезнувшая много десятилетий назад, но никто из них не задумывался о том, что олигархическая парламентская монархия с «либерум вето», выборным королем, государственным аппаратом, разделенным по невразумительному принципу Литва – Корона и с почти неограниченной властью гетманов, никак не может существовать в реалиях XIX века. Они не задумывались над тем, что в случае победы им придется строить новую страну, и они вовсе не заботились о том, чтобы определиться хотя бы с основными структурными принципами их свободной Отчизны. Всё после победы.

Есть нюансы и с «красным» направлением, которое идейно различалось в Польше и Беларуси. Когда под Варшавой формировались первые повстанческие

отряды, то их идеалом был Джузеппе Гарибальди, для которого борьба за простой народ полностью совпадала с борьбой за независимость страны.

В то же время основные организаторы «красной» сети в Литве и Беларуси – Константин Калиновский, Юлиан Бакшанский, Ян Козел-Паклевский, Антон Трусов и другие – были выпускниками Московского и Петербургского университетов. Свои идеи они формировали в студенческих кружках, куда входили и русские, и поляки, и «малороссы». Большое значение для них имели работы Герцена и Добролюбова. Для них уже не было столь принципиальным полное отделение от России. Они верили, что свободные народы без царя могут жить совместно.

Евгений Ковалевский, повстанец с Вилейшчины, вспоминал в своих мемуарах, что деньги на то, чтобы уехать из Петербурга домой в марте 1863 года ему и его друзьям дали одногрупники – все русские. Они прекрасно понимали, куда едут «поляки», и верили в то, что это начало общего сражения против царизма.

Таким образом, среди повстанцев были те, кто твердо придерживался только одной цели, отбрасывая другую; те, кто пытался их совмещать; а также те, у кого оба идеала гармонично сочетались (впрочем, между равенством всех слоев общества и независимостью конкретной страны не так уж и много противоречий).

Это все действительно очень интересно и трагично. Восстание вспыхнуло как раз на историческом разломе, когда рушилась идея империи, формировались идеи нации и демократии. Попытки переосмыслить этот разлом переплелись с реальными боевыми действиями и дали самые разные результаты в самых разных сферах.

Но для идеологических баталий современности все это малоинтересно. Такая концентрация и переплетение идей весьма удобны, если надо создать чистый образ. Выбираешь нужные опции – и повстанца можно при желании сделать и борцом за Беларусь, и польским шовинистом, и протокоммунистом, и анархистом, а дальше – «по накатанной».

«Незалежников» в этом восстании было, конечно же, больше, чем «революционеров», но это не дает оснований для того, чтобы упрощать его идейную основу до шаблонных образов. В таком подходе нет правды.

Муравьев

Главный антигерой и герой восстания. Для одних он – основной душитель-«вешатель», для других – спаситель Белой Руси. Этой личности уделяется столько внимания, что даже чересчур: с одной стороны, сформировалась удивительная традиция называть Муравьева даже в научных текстах исключительно «Муравьевым-Вешателем», а то и просто «Вешателем». Причем это настолько безвариантно, что, кажется, и личное имя Муравьева вспомнит далеко не каждый любитель истории. С другой стороны, некоторые лепят из московского дворянина Михаила Муравьева едва ли не национального героя, который в последний момент смог вырвать беларусов из русла ополячивания.

Не отрицая важности этой персоны в подавлении восстания, стоит отметить – деятельность этого человека сильно искажается, если рассматривать его только в дискурсе 1863 года. Если же смотреть шире, то Муравьев, как это ни

удивительно, не играл настолько большой роли в подавлении «мятяжа».

Новый виленский губернатор приехал в Вильню только в мае 1863 года, когда уже было понятно, что восстание не охватит весь Северо-Западный край. Очевидно, что восстание было бы подавлено и без него. Об этом неоднократно с обидой вспоминал предыдущий губернатор Владимир Назимов. Несмотря на всеобщую растерянность, и на мягкотелость самого Назимова, в течение февраля в Вильне была выработана общая стратегия действий российских войск, ключевые города взяты под охрану, войска равномерно размещены па всей территории восстания. Те резкие меры, которые предпринял новый виленский губернатор, конечно, ускорили подавление «польского мятежа», но и без них российская военная машина справилась бы с разрозненными повстанческими отрядами, руководил бы ею Муравьев, Назимов или кто-то другой.

Муравьев ехал в Вильню не восстание подавлять, у него изначально была значительно более широкая цель — «обрусение» края. И восстание было здесь только поводом, чтобы сделать это быстро и радикально. Все те постановления, которые издавал виленский губернатор, были направлены на уменьшение польского влияния на этой земле.

Думается, правильным было бы ради эксперимента разделить те мероприятия, какие Муравьев проводил для подавления восстания и те, что служили его главной цели. В результате в «первом столбце» окажется не так уж много пунктов: создание крестьянских караулов, расстрел нескольких человек по личному приказу Муравьева, указ об отмене временнообязанного положения крестьян (хотя этот указ работал уже на дальнейшую перспективу), ряд конкретных мер «на местах». Это, конечно, далеко не все, но список в любом случае невелик. Российские воинские части и так неплохо справлялись со своей задачей, и к концу лета по сути дела полностью ликвидировали здесь угрозу второй волны восстания.

А вот в достижении главной цели — ликвидации «польского вопроса» — как раз и проявилась во всем масштабе преступность Муравьева и оправдалось его прозвище «Вешатель», хотя оно и не передавало всего характера мероприятий. Более 10 тысяч человек были высланы в глубь России, многие поместья конфискованы, остальные имения обложены дополнительным налогом, который мог доходить до 10 % от прибыли, хотя все понимали, что платить его часто придется женщинам, чьи мужья оказались в Сибири. Закрытые школы, упраздненные монастыри, запрещение купли земли католиками и так далее. Большинство этих действий не нужно было ни для подавления восстания, ни для предупреждения следующего. Очевидно, что как наказание эти меры затронули много невиновных людей.

«Ликвидация польского вопроса» — масштабная трагедия, которую надо рассматривать отдельно от восстания 1863 года. Если же анализировать все эти мероприятия исключительно как «умиротворение» территории для предотвращения еще одного «мятежа», то исчезает понимание события, которое по своему значению и последствиям для Беларуси сыграло значительно большую роль, чем само восстание.

Насилие

Сильнейшим оружием в идеологическом диспуте является обвинение соперника в безнравственности. «Битва за 1863 год» не стала исключением.

В польской, а после в советской и современной беларуской традиции главным образом преступника выступает Муравьев, на которого возлагают всю ответственность за неоправданную жестокость подавления восстания, смешивая воедино, как уже отмечено, и действия в 1863–1864 гг., и более поздние «обрусительские» мероприятия.

В российской, а ныне и «западнорусской» традиции еще на волне военной пропаганды времен самого восстания возник образ «кинжальщика» — мятежника, убивающего из-за угла невиновных людей, чаще всего не военнослужащих, а крестьян и священников, пользуясь своим преимуществом в силе.

В целом господствует традиция рисовать картину страшного кровопролития в 1863 году. В одной версии — злобные каратели, которые добивают раненых повстанцев на поле боя, жгут деревни за сотрудничество с «мятежниками», грабят шляхетские поместья, запрещают молиться по-католически. В другой версии — жестокие «кинжальщики», поголовно садисты, разочарованные тем, что их не поддержал народ, которые небольшими группами ездят по деревням и убивают крестьян, вешают православных священников, пытают псаломщиков, ночью с ножом подстерегают чиновников на темных городских улицах. При этом они разбегаются кто куда, как только увидят русских солдат.

1863 — год страшных событий на территории прежней Речи Посполитой. Все то, что грезится в головах пламенных дискутантов, действительно имело место, но не в таких объемах и не в такой концентрации, как это рисует современная публицистика.

Взять, например, казни. Именно эта тема вызывает больше всего дискуссий. С одной стороны «Вешатель», с другой стороны «кинжальщики». С одной стороны 127 казненных повстанцев, с другой стороны — 200 (300?, 700?, 2000?) убитых повстанцами. Смерть — это всегда трагедия, и очень часто — насилие. Все эти цифры трактуются в идеологических целях как безосновательные преступления, и потому якобы свидетельствуют одновременно о патологическом садизме той или иной враждующей силы и законопослушности другой.

Реальность, однако, значительно более прозаична. В своем большинстве все случаи насилия с обеих сторон были обусловлены законами военного времени. Повстанца казнили в конкретных ситуациях: если он был командиром отряда (или более крупной воинской единицы), если было доказано его участие в убийствах мирных людей или если он раньше был офицером российской армии. Большинство казненных проходили по третьему пункту, и все эти люди, изменяя присяге царю, понимали, на что шли. На совести Муравьева в этом списке остаются только некоторые лица, приговоренные к смерти лишь для того, чтобы запугать «польскую общественность»: например, несколько священников, которые просто зачитывали в костёлах манифест восстания; Адам Пусловский — 19-летний парень, который участвовал в восстании только один день; Михал Цюндевицкий, который в трактире знакомил крестьян с текстом «Мужицкой правды», и т.д.

С действиями повстанцев все сложнее – здесь и учет точный не велся, и мотивация часто бывала разная. Но законы военного времени тоже действовали – вешали тех, кто доносил и помогал царским войскам. Существует единственный более или менее официальный список жертв восстания – на стене Пречистенской церкви в Вильне висит мемориальная доска с 349 фамилиями. Популярная ныне цифра в 2000 человек относится ко всей территории восстания и не имеет документального подтверждения. Да и цифру 349 никто серьезно не анализировал. Основываясь на исследовании вилейской и слонимской зон восстания, можно уверенно говорить, что и там, и там повстанцы казнили 4–5 сторонников царя. Откуда набирается 349 по всей Беларуси – трудно понять.

Боевые действия. Бои, которые произошли за это время, сложно анализировать с позиции каких-то законов войны, так как не всегда понятно, были это бои воинских формирований или стычки регулярной армии с партизанами. Но, кажется, личной озлобленности, каковая обычно приводит к неоправданному насилию, у враждующих сторон не было. То, что можно реконструировать по воспоминаниям и донесениям: врага убивали на поле битвы, подчас добивали раненых, а потом грабили. Случались ситуации, когда после битвы пленников вешали, чтобы не создавать себе лишних забот. Но чаще всего после боя насилие заканчивалось. Схваченных повстанцев отправляли в тюрьму, а в тех редких ситуациях, когда повстанцам тоже удавалось взять пленников, у последних, бывало, просто отбирали оружие и отпускали.

Отношения с мирным населением у враждующих сторон тоже были достаточно нейтральными. Российским солдатам объясняли, что беларуские крестьяне – свои, и что императорская армия присутствует здесь именно для их защиты. Впрочем, крестьяне действительно активно контактировали с российскими офицерами, донося о перемещении повстанческих отрядов. Потому задачи по умиротворению территории, как это было, например, в Польше, не стояли. Мы знаем только пару случаев на Гродненщине, когда царские войска жгли крестьянские деревни за то, что те поддерживали повстанцев.

Для инсургентов же крестьянское население «a priori» было своим. Большинство повстанцев воевало на своей земле. Это, кстати, и было чаще всего причиной насилия – вылезали старые обиды. В процессе восстания добавилась еще и озлобленность ввиду измены тех, за кого они пошли умирать. Но в целом было не так много мечтателей, которые бы верили в поддержку крестьян. Многие понимали, что это нереально. Потому отношения в большинстве случаев были спокойными, даже в определенных конфликтных ситуациях. Например, во время объявления манифеста в церквах известны случаи, когда крестьяне открыто отказывались его подписывать (как в деревне Бытень на Слонимщине), и повстанцы просто уезжали из деревни, не прибегая к принуждению. Насилие начиналось тогда, когда становилось известно о конкретных фактах доносов на повстанцев со стороны крестьян. В результате мы имеем около 200–300 (?) фактов наказания смертью со стороны инсургентов.

Больше всего насилия было именно со стороны крестьян. Получив оружие и право его применять, крестьяне полностью этим воспользовались. Результат – сотни разграбленных усадеб, убитых инсургентов, схваченных и избитых без

всякой причины людей, которые были похожи на панов (однажды арестовали даже российского генерала, ехавшего в штатской одежде). В Могилёвской губернии после восстания было отпущено 2/3 тех «злоумышленников», которых схватили и привели крестьяне.

В итоге, несмотря на многочисленные страшные эпизоды, которые можно найти в воспоминаниях, официальных рапортах и газетных публикациях, тот образ кровавой бойни, который возникает в идеологизированных текстах, скорее всего, не соответствует действительности. Большинство крестьян спокойно отсиделось в своих хатах и больше приобрело, чем потеряло. Города боевыми действиями не были затронуты (кроме нескольких эпизодов). Больше всего досталось именно жителям шляхетских поместий. Для них 1863 год и последующее десятилетие стали настоящей трагедией.

Чем вреден этот спор на тему, кто больше пролил крови? Тем, что он мешает нормальному изучению вопроса, которое очень нужно не только для науки, но и для общественной памяти. За весь юбилейный год так и не были опубликованы списки казненных повстанцев, не говоря уже о тех, кто был выслан в Сибирь.

Нет и нормального исследования относительно жертв повстанцев. Доска на Пречистенской церкви — не документ. Притом здесь список как раз неполный. В отличие от 127 казненных инсургентов, где все более или менее понятно, здесь за каждой жертвой стоит своя история, которую надо найти и рассказать. Списки «арестованных» крестьянами панов и разграбленных усадеб должны лечь на подробную карту Беларуси. Это все достаточно банальные и простые вещи, но участники различных дискуссий всегда ссылаются на них абстрактно. Это вещи, которые может сделать даже неисторик, но которые так и повисли в воздухе в юбилейном 2013 году.

Крестьяне

Крестьяне в этом восстании неожиданно для себя стали очень нужны всем. Несомненно, такого внимания к себе этот социальный класс не ощущал до того никогда. К ним стали обращаться наперебой и «Святая Польша» и «Святая Русь». Сейчас выясняется, что позиция крестьян того времени очень важна и нам, современным, через 150 лет после тех событий. Будто бы все давно признали, что крестьяне не приняли восстания, но дискуссии на публичном поле продолжаются. Для адептов национальной концепции такое признание входит в конфликт с самим определением событий 1863 года как восстания беларуского народа. Поэтому обязательно актуализируется цифра 18 % крестьян в повстанческих отрядах Гродненщины.

«Западнорусы» тащат в другую сторону. Для них мало просто неприятия «мятежа», им важно показать, что крестьяне добровольно и с рвением поддержали царскую армию. При этом если в XIX веке актуализация такого выбора крестьянина была важна, чтобы доказать его верноподданность царю, то теперь это презентуется как цивилизационный выбор простого беларуса в пользу Русской Идеи.

Проблема, кажется, в том, что все зацикливаются на идеологическом аспекте. Он действительно был. Часть тех крестьян, которые присоединились к восста-

нию, сделала это потому, что имела мотивом возрождение унии или восстановление костёла в своей местности или возвращения польскости вопреки росийщине. Короче, были какие-то маркеры принадлежности именно к «польской» традиции. Вероятно, были и те, кто взял в руки оружие, чтобы бороться за право владеть землей и иметь социальные права не только для себя, но и для всех «людей простых». Таких, конечно, было немного.

Была идеологическая мотивация и у тех, кто следил за повстанцами, приводил казаков тайными тропами к их лагерям, ловил в лесах раненых шляхтичей. Для православного крестьянина (даже если его родители были еще униатами, ибо немного было тогда упорных в вере) царская власть так или иначе была своей. Система функционировала, император был «мужицким царем», недавно объявили волю.

Надо признать, что уже тогда активно формировалась прослойка сознательных «государственников» в крестьянском классе. В первую очередь это были отставные солдаты. Отслужив свои 20–25 лет, пролив кровь за царя в Крыму или на Кавказе, набравшись русского языка и повидав мир, они могли многое не любить в российском государстве, но уже не могли быть к нему безразличными и не могли не служить ему. Сюда можно добавить священников, псаломщиков, уездных писарей — всех тех, кто имел свое место в этой системе и дорожил им. Но и их, всех вместе, тоже очень мало в море крестьянского сословия Беларуси — полностью политически индифферентного и не очень заинтересованного в том, чтобы как-то себя называть, входить в какой-то цивилизационный круг.

Мотивация крестьян в 1863 году — это тугой узел абсолютно индивидуальных стремлений, обид, страхов, желаний, где очень редко встречались нити обязанности перед кем-то или чем-то абстрактным. Чаще всего эти нити сплетались вокруг персоны местного пана, а не царя, армии или святой Руси (Польши) просто потому, что пан был близко и он не был абстрактной идеей.

В понимании позиции крестьян большую роль играют события 1862 года, о которых в 2013 году почему-то никто не вспоминал. Те события, с определенной долей преувеличения, можно назвать «восстанием 1862 года», а по социальному составу они были мечтой любого беларуского патриота — восстал беларуский народ в чистом виде. Крестьяне оказались недовольны условиями манифеста 1861 года.

Ситуация обострилась, когда дело дошло до передела земли и необходимости отбывать старые повинности. Землю крестьянам давали плохую, а повинности заставляли отрабатывать по-старому. Больше всего проблем было в частных хозяйствах, но неспокойно было и в казенных. В результате за 1862 год, по неполным данным, в Беларуси было зафиксировано свыше 150 крестьянских выступлений! Крестьяне собирались большими толпами и приходили к своим панам или чиновникам (если были казенными) с требованиями отменить повинности. Ситуация решалась двумя путями — хозяин находил общий язык, мог объяснить крестьянам, что все делается в соответствии с манифестом, мог задобрить их, или же этого не происходило. Тогда в деревню (местечко) вызывали казаков или даже регулярные части, и крестьян разгоняли, подчас достаточно жестоко. Количество убитых никто не считал, но там число точно шло на сотни.

Думается, что причина великой озлобленности Калиновского на панов и использование этого фактора для активизации крестьян была именно в том, что молодой революционер видел своими глазами как в 1862 году начиналось именно крестьянское восстание и как его подавили сами помещики с помощью российских войск. Когда в 1863 году восстали уже помещики, крестьяне естественным образом пришли на помощь царской армии.

Причем это была не абстрактная обида, а позиция в отношении конкретных лиц. Личные отношения между простым мужиком и паном как раз и сыграли решающую роль в этом восстании. Именно за «добрым паном» шел крестьянин в восстание, а если не шел, то подвозил провиант или просто сообщал сведения. В последнее время много говорят о том, как крестьяне активно информировали царские войска о перемещениях повстанцев, но во многих регионах инсургенты обладали не меньшей информацией о местонахождении российских войск, опять же из уст крестьян. Например, Пусловские — одни из крупнейших землевладельцев Беларуси того времени, которые славились своей хозяйственностью, большой промышленностью, хорошим уровнем заработков и отношений со своими тружениками. В 1862 году на их землях не было никаких бунтов. В результате в 1863 году во владениях Пусловских повстанцы чувствовали себя очень спокойно, а число доносов и рапортов в Слоним даже со стороны местных полицейских было минимальным. Крестьянские караулы были здесь весьма индифферентные. Такая корреляция, думается, будет прослеживаться почти везде.

В то же время сосед Пусловских в Новодевятковичах, помещик Слизень, был вынужден подавлять крупные выступления своих крестьян в 1861–1862 годах, а в 1863 году на его землях крестьяне с удовольствием участвовали в охоте на людей. Сам же Слизень собственноручно писал в Слоним доносы на повстанцев, проезжавших через его усадьбу. Насилие породило насилие.

Сильно портят идею о цивилизационном выборе беларусов, как это ни удивительно, и приказы самого Муравьева. Знаменитые крестьянские караулы создавались не по «велению души», а в соответствии со специальной инструкцией, исключительно под командованием военных. И это несмотря на то, что первый такой крестьянский отряд возник действительно добровольно из староверов под Краславкой, когда они помогли в захвате отряда Леона Плятера. Считается, что именно это событие подтолкнуло Муравьева к мысли о привлечении крестьян к этой борьбе. Но дальше все происходило строго по инструкции и даже известны случаи, когда молодых парней силой тащили в караулы. К тому же на деревню, где повстанцам не давали отпора, налагали немалую денежную пошлину. В то же время за одного пойманного «мятежника» давали 5 рублей (позже — 3). Как видим, в таких условиях очень трудно определить количество действительно «идейных» крестьян, хотя они, несомненно, были.

Наиболее частой мотивацией крестьянина была личная обида (и очевидно, что не за полонизацию края) или жажда легких денег. В Могилёв крестьяне десятками доставляли своих и соседних панов, которых арестовывали просто дома, без всяких оснований. Причина была проста — до Могилёва шляхтича везли в его карете, которую после того, как сдавали последнего в тюрьму, оставляли себе. Это считалось законным.

Подытожим все вышенаписанное: главными мотивами активности крестьян в этом восстании были очень простые факторы — страх, обида, алчность. Выявление каких-то идеологических устремлений у беларуского крестьянина середины XIX века — очень сложная, но в то же время очень нужная научная задача, по которой можно написать не одну кандидатскую диссертацию.

Идеология, безусловно, присутствовала, но без научных работ споры относительно ее не имеют значения. На бытовом уровне и так понятно, что крестьяне ко всем этим событиям были достаточно безразличны. Они, кажется, так и не поняли, насколько важной фигурой являлись в этой шахматной партии. Зато поняли остальные. Беларуское национальное движение, начавшее оформляться через 40 лет после восстания, во многом силами бывших повстанцев и их детей, учитывало горькие выводы 1863 года: победить можно, только имея на своей стороне простой люд, а на панов надежды мало.

Каратели

Слово «каратели» применительно к теме восстания, кажется, превзошло границы своего смысла. Приходилось встречать тексты, где термин «российская армия» почти не используется. Везде только «каратели».

Здесь прежде всего имеется небольшое терминологическое замечание: каратель не воюет, каратель ищет жертву. Каратель — тот, кто исполняет наказание, нагоняет страх на гражданское население, «умиротворяет» его. Думается, что повстанцу 1863 года неприятно было бы знать, что его воспринимают не как воина, сражающегося с равным себе врагом, а как жертву.

Императорская армия даже в околонаучных текстах предстает какой-то безликой «Силой Тьмы» — налетели откуда-то, помахали шашками, поубивали и исчезли. Между тем у людей, которые ее составляли, были имена, и это немаловажно для понимания тех событий. Вот, например, фамилии некоторых погибших солдат Великолукского пехотного полка (часть их погибла в бою под Владыками): Берещук Степан, Горошко Андрей, Журневич Антон, Максимович Иозафат, Минкевич Семён, Пашкул Леон, Попович Андрей, Пухальский Александр, Силеневич Викентий, Скорлубович Флориан.

Согласитесь, что такие фамилии и имена больше подходят повстанцам, чем «карателям».

То, что многочисленные беларусы через систему рекрутчины на протяжении всего XIX века служили в российской армии — ни для кого не тайна. Но почему-то об этом совсем никак не вспоминается, когда речь заходит о 1863 годе. Не используют этого даже «западнорусские» идеологи, хотя тема для них весьма перспективная. Да она и для всех существенна. Сколько рекрутов из Беларуси было в русской армии? Сколько участвовало в подавлении? Нет никаких цифр. Был ли кто-то из этих рекрутов, кому довелось принимать участие в боевых действиях, недалеко от своих деревень? О чем они думали? Насколько были преданы царю и сочувствовали ли повстанцам? Сколько было, в конце концов, здешних людей среди убитых российских солдат? Неизвестно.

Но рекруты — люди подневольные. Отдельный вопрос об офицерах. В течение всего XIX века молодежь из шляхетских семей активно шла на военную

Восстание 1863 года на территории современной Беларуси

службу в Российской Империи. Иногда это обусловливалось какими-то юридическими актами, но чаще такой выбор был добровольным решением и желанием выстроить хорошую, шляхетную карьеру в том государстве, в каком они жили. Многие из офицеров-католиков были на хорошем счету в армии: Ромуальд Траугут – герой войны на Кавказе (где, кстати, сам подавлял восстание горцев), Зигмунт Сераковский – один из авторов реформы системы наказаний в армии и отмены варварских шпицрутенов, Людвик Нарбут имел несколько наград за мужество, проявленное в Крымской и Кавказской войнах.

Великий трагизм ситуации 1863 года – в том, что честным офицерам пришлось делать выбор между изменой своей присяге и изменой своей родине. И там не было однозначного решения. Каждый руководствовался собственными суждениями – кто-то честью, кто-то страхом. Сераковский мечтал о восстании и готовил его, а Траугут до конца был против него и очень долго колебался с выбором. Они оба избрали служение родине, но были сотни тех, кто предпочел присягу императору.

Временный наместник Царства Польского Николай Сухозанет открыто предлагал в 1863 году офицерам-католикам перевестись на время восстания во внутренние губернии России, чтобы избежать «морального дискомфорта». А Николай Ганецкий, воинский начальник Вилькомирского и Паневежского уездов запретил своим офицерам делать это. Он посчитал, что военнослужащий должен быть верен своему слову в любой ситуации, даже в столь драматической.

Поэтому свой выбор некоторым католикам приходилось делать не где-то «там», а непосредственно в эпицентре событий. И это тоже происходило по-разному. Мельхиор Чижик, штабс-капитан Московского гренадёрского полка, находясь в начале 1863 года в Петербурге, выдумывал себе разные болезни, чтобы хоть временно выйти из воинских рядов. Но в итоге его признали дееспособным и направили в родной гренадёрский полк, который в то время стоял в Польше. По дороге, в Борисове, Чижик встретился со старым знакомым, и тот уговорил его присоединиться к восстанию. Позже этот офицер стал одним из самых надежных военных командиров Вилейщины, продержал свой отряд до поздней осени почти без потерь и распустил только тогда, когда исчезли уже все возможности продолжения борьбы*. Но в то же время были и сотни тех, кто доехал до места дислокации своих воинских частей и принял участие в подавлении восстания.

Бывший командир повстанцев Мельхиор Чижик (фото 1870-х гг.)

Можем ли мы обвинять их в таком выборе? Что ими руководило — страх или верность слову? А может быть, вера в то, что Польше и Литве действительно лучше жить в границах Российской Империи? Как они вели себя в такой ситуации? Вот вопросы, на которые интересно было бы найти ответ.

Когда Валерий Врублевский, переодевшись в женскую одежду, пересекал в карете границу с Австрией в 1864 году, у него вдруг раскрылась рана и по лицу побежала кровь. Российский офицер, проверявший документы, шепнул бывшему инсургенту, чтобы тот «поправил» свое лицо, и пропустил его. Возможно, это был один из тех «поляков», кто остался на российской службе. В то же время чувство вины часто приводило к обратному — именно офицеры-поляки становились самыми жестокими «карателями» и, чтобы оправдать свой выбор, чинили настоящие преступления.

Кстати, с «великорусскими» офицерами тоже была интересная ситуация. Часть российских войск пришла на территорию Беларуси непосредственно для подавления «мятежа» в концы зимы или весной 1863 года. На наши земли спешно перебросили донских казаков. Но были и такие части, которые стояли в Беларуси не одно десятилетие. К примеру, Новоингерманландский полк в Минске и артиллерийские батареи в Слониме имели здесь место дислокации с 1831 года. В то время еще не была распространена практика, чтобы офицеры жили в казармах вместе с солдатами, поэтому большинство их жило на квартирах в городах, снимая комнаты у горожан. Несмотря на большую антипатию к русским войскам со стороны шляхты и мещан, жизнь брала свое. В мирное время были

* Автор в оригинале статьи ошибочно назвал Мельхиора Чижика (1835–1899) полковником. Осенью 1863 г. М. Чижика арестовали и весной 1864 г. осудили на 20 лет каторжных работ в Сибири. Однако через четыре года его перевели на вольное поселение. Возвращаться на родину после амнистии он не захотел, до конца жизни работал управляющим на золотом прииске. — *Прим. ред.*

светские салоны, балы, охоты и другие забавы, где случались приятные разговоры, дружба и даже любовь.

В результате в Слониме костяк повстанческого комитета составили шесть слонимских врачей, которые в течение предыдущего десятилетия лечили и досматривали солдат и офицеров артиллерийского батальона. Но были в нем не только врачи, были также местные чиновники, парикмахеры, держатели лавок, просто слонимские шляхтичи, с которыми русские офицеры вместе охотились, выпивали и обсуждали политику. В мае 1863 года под Миловидами артиллеристы, направлявшие стволы своих пушек на лагерь повстанцев, хорошо знали тех (может быть, были даже приятелями), по кому им приказали стрелять. В той битве действия русских артиллеристов оказались крайне неудачными — они почти не попадали в повстанцев, но несколько раз ударили по своим, отчего под Миловидами погибло много русских солдат. Позже по Слониму ходили сплетни, что артиллеристы просто не хотели стрелять в инсургентов.

Все эти моменты: дружеские связи, присяга царю, рекрутчина не дают какой-то из сторон права на большую правду в тех событиях, но сильно меняют саму картину, добавляют ей ту трагичность, которая отличает реальную историю от шаблонных «агиток».

Время нещадно обошлось с захоронениями российских солдат и офицеров, павших в боях. Могилы повстанцев, несмотря на 60 лет забвения (до 1920 года), а после еще и 40 лет молчаливого обхождения (послевоенное время), теперь почитаются крестами и цветами. А вот здешние крестьяне, предки которых активно сотрудничали с российскими военными во время восстания, почему-то не желают заботиться о могилах русских солдат, поэтому после развала Империи большинство этих мест позабыто.

В мае 1863 года произошла битва около деревни Владыки (Вилейский район), в которой погибло более 150 повстанцев и 9 царских солдат (хотя есть мнение, что их было больше). Инсургентов похоронили в лесу, в общей могиле, солдат — возле церкви в центре Владык. Над могилой повстанцев до сегодняшнего дня, уже почти столетие, возвышается высокий крест и лежит плита. Церковь же во Владыках сгорела, вместе с ней исчезли и могилы. Где теперь похоронены русские солдаты «Максимович Иозафат, Минкевич Семён, Пашкул Леон, Попович Андрей, Пухальский Александр, Силеневич Викентий» и другие, показать никто не может.

Мотивация

Одна из главных несуразностей дискуссий юбилейного года заключается в преувеличении идеологической мотивации враждующих сторон. Все искали героев.

Понятно, что конфликт идеологий был базовым, в 1863 году он придавал смысл и диктовал форму действиям со всех сторон. Казаки исполняли здесь свою работу, которая «a priori» была поставлена на службу государству, а повстанец шел в бой, добиваясь восстановления государственности своих земель. И когда крестьянин приводил из леса связанного повстанца, то это трактовалось как служба «царю-батюшке», а когда инсургент избивал деревенского старосту, или

даже священника – как дисциплинарные меры по борьбе с доносами против Святой Польши.

Так это трактуется и в современных полемиках, что сильно упрощает (искажает) картину тех событий. Ведь если у казаков действительно все было просто, так как для них война была работой, и не важно, где она делалась, то в мотивациях здешних – повстанцев, крестьян, священников, части российских военнослужащих – присутствовало, а подчас и преобладало, много совсем неидеологических «раздражителей».

Восстание 1863 года, как и другие военные конфликты на нашей земле до того и после того, стало основанием для выплёскивания обид, злобы, жадности, агрессии, которые не могли реализоваться в мирные времена. Для здешних людей пришло время свести счеты: отомстить или выразить свою признательность.

В деревне Озерница, что на Слонимщине, повстанческий отряд повесил деревенского старосту Макаревича, который, узнав о движении отряда возле деревни, приказал двум крестьянам выяснить число инсургентов и их маршрут. Крестьян поймали, заставили привести к старосте, которого и повесили. С одной стороны, это наказание по законам военного времени, с другой – незаконное убийство человека, который, по большому счету, ничего особенного не сделал. Но если прочитать официальное донесение по этому делу, то хорошо видно, что командир отряда планировал просто напугать старосту угрозой казни, как это уже не однажды делалось, и отпустить. Но кто-то в отряде сказал, что Макаревич давно ему известен как плохой человек, который будет вредить восстанию, если оставить его живым. В конечном счете сработала именно некая личная обида, а не приказ из Варшавы о том, что доносчиков надо наказывать.

В деревне Бытень повстанческий отряд Ф. Юндила дождался, пока крестьяне выйдут из церкви, командир отряда зачитал присутствующим манифест и предложил присягнуть на верность новому правительству. Крестьяне громко и достаточно оскорбительно отказались и вернулись назад в храм. Это был единственный такой случай, ибо во всех остальных деревнях региона крестьяне присягали. Повстанцы уехали ни с чем. Как будто мы видим пример твердости и верности правительству. Но Бытень – место одного из крупнейших выступлений крестьян еще до отмены крепостного права. В 1856 году местные жители требовали перевода их в разряд казенных крестьян. Были тут проблемы и в 1861 году, когда все завершилось казаками и нагайками. В 1863 году, стоя на пороге церкви, крестьяне, скорее всего, видели перед собой лица тех, кто вызывал против них казаков в 1856 году, объяснял им правильность царского манифеста в 1861 году, доказывал, что они должны работать, как и раньше, давал им участки земли в болоте в 1862 году, и так далее. Поэтому они повернулись и ушли.

Единственный случай активного участия крестьянского караула в ликвидации повстанческого отряда на той же Слонимщине произошел в деревне Харабровичи, где местные крестьяне в 1861–1862 гг. сильно конфликтовали со своим паном.

Именно из таких эпизодов складывались события 1863 года в Беларуси, и именно они дают представление о том, что здесь действительно происходило.

Мотивации «тутэйших», особенно по отношению к другим «тутэйшым», чаще всего основывались именно на межличностных отношениях до восстания, а не на борьбе за свои цивилизационные убеждения. Это, конечно, больше касается крестьян, но касается также шляхты и даже русских солдат, о чем уже говорилось раньше. Во многих событиях того времени идеология в лучшем случае была только прикрытием истинных мотивов, которые раскрываются через знакомство с житейскими ситуациями начала 1860-х годов. Много ли таких историй было озвучено в юбилейном 2013-м?

И речь здесь не о том, что «тутэйшыя» люди были беспринципными и воевали только из-за своих страхов и меркантильных устремлений. Понятно, что повстанцы сражались за свою правду, а крестьяне не присоединились к ним, так как ощущали, что эта правда, именно в идеологическом, а не меркантильном измерении, – уже не их. Но полное игнорирование здешнего контекста сильно искажает картину тех событий.

Калиновский

В юбилейном году якушевский шляхтич Константин Калиновский оказался никому не нужным. У одних был беларуский герой Кастусь, у других польский преступник и садист Винцент. «Погрязли» в этой игре куклами даже авторитетные историки.

В результате с одной стороны был Кастусь Калиновский, который возглавил крупнейшее в XIX веке восстание народа (беларуского народа) против угнетения москалей, печатал газету, выигрывал бои, говорил по-беларуски, написал стихотворение, героически погиб.

А с другой: Винцент Калиновский – польский шляхтич, который притворился беларусом, чтобы уничтожить панов, а потом отобрать у крестьян землю, притом он крепко не любил православных.

И тот, и другой – шаблонные образы, плоские и неживые. Но они очень удобны для конструирования идеологических мифологем.

Но был ведь и реальный человек, личность которого очень непроста для объяснения. Уже тот корпус текстов, который он оставил после себя, должен ставить в тупик. Все знают «Мужицкую правду», и многие даже читали ее номера. В этой газете Калиновский – беларус (если не по названию, то по сути дела), защитник простого народа, но местами – озлобленный фанатик, призывающий убивать и карать всех неправильных.

Значительно меньше людей знает о существовании польскоязычной газеты «Chorągiew swobody», в которой Калиновский предстает типичным польским шляхтичем середины XIX века и заботится о возрождении Великой Польши. И здесь он – романтичный юноша, мечтающий об осуществлении невозможного. Кстати, никто так и не позаботился, чтобы перевести эти небольшие по объему тексты на беларуский или русский язык. Национальным историкам, видимо, это неприятно, а «русскоцентричным» хватает и нескольких цитат из первого номера, чтобы «всё стало ясно».

И уже совсем неизвестны широкому читателю записки, которые Калиновский написал в камере после объявления приговора, ожидая смерти.

Написаны они чистейшим русским языком (чиновники даже удивлялись), по объему чуть меньше «Мужицкой правды». В них Калиновский – спокойный, рассудительный наблюдатель, который анализирует ситуацию со стороны, объясняет причины поражения восстания и даже дает советы своим врагам. Последняя записка завершается следующими словами:

> «Кроме успокоения, правительство может иметь дальнейшие виды насчет здешнего края – они мне неизвестны; но из постоянных выражений общественного мнения России, высказываемых даже следственною комиссиею, я мог прийти к тому заключению, что Россия хочет полного с собою слияния Литвы для доставления счастья здешнему народу. Я не противник счастья народного, не противник и России, если она добра нам желает, но противник тех бедствий, которые посягают на край наш несчастный.
>
> А потому, если судьба нас ставит в положение, что мы должны сродниться с Россиею, я, для устранения многих лишних жертв при порождении нового времени и строя общественного в Литве, считаю со своей стороны обязанностью заявить несколько слов в этом отношении»...

И далее главный антирусский революционер спокойно объясняет, почему тактика «выжженной земли» и заселение ее русскими учителями и чиновниками не принесет пользы и как надо делать правильно, чтобы на этих землях наступил мир и спокойствие.

Текст – неудобный ни для одной, ни для другой линии идеологического фронта. Причем к нему сложно придраться в смысле поиска скрытых мотивов, ведь Калиновский писал это, уже зная, что умрет. Может быть, именно потому этот действительно интересный и очень яркий текст фигурирует только в работах профессиональных историков.

В любом случае, рукописное наследие молодого революционера даже при беглом просмотре заставляет относиться к его личности с максимальной осторожностью и деликатностью. По стилю высказывания мыслей, по их глубине и разноплановости этого человека никак нельзя вписать в узкие, шаблонные рамки, созданные во времена суровых пропагандистских войн. Но, видимо, не все войны еще отвоеваны – в 2013 году образ Калиновского так и остался «картинным».

Из-за этого начинаются ошибки. Самая безобидная среди них – имя Кастусь. Очевидно, что Калиновского после 20 лет так мог называть только отец или брат. Теоретически мы можем полагать, что его так называли в детстве все (кстати, неплохое было бы исследование – выяснить, присутствовала ли в регионе Белостока – Волковыска в середине XIX века традиция «возрастных имен» и пользовались ли таковыми в шляхетских семьях). Но это вряд ли имеет отношение к его взрослым поступкам. Он умирал как Константин и о нем помнили (а это было, кто бы что ни говорил) как о Константине Винценте, пока в начале XX века, для того, чтобы приблизить этого героя к народу, придать беларускости и тем самым оторвать от польской традиции, беларуские деятели использовали форму Кастусь. Получается вроде бы новообразование. Но за следующие 100 лет это «новообразование» приобрело такой размах, что стало одним из существенных «терминов» нашей национальной культуры. Сотни сти-

хотворений, десятки поэм и пьес, фильм, партизанский отряд, орден, улица и много чего еще. От таких вещей уже непросто отказаться во время очередной ревизии национальных сокровищ, даже если эта ревизия обоснована. «Кастусь Калиновский» стал самодостаточным образом, наполненным смыслом и содержанием.

Двух этих Калиновских можно поставить в оппозицию друг к другу, так как между ними действительно есть некоторые расхождения. На это и давят всякие «разоблачители мифов». Но есть ли в том здравый смысл? Кастусь и Константин — персонажи разных эпох. Константин жил в XIX веке, а Кастусь в XX. Константин — реальный человек, воспитанный в традициях польскоязычной шляхты, сражался за самые элементарные свободы здешних крестьян, среди которых еще не было очерчено право на самоопределение, так как отсутствовали значительно более простые свободы. Кастусь — образ борца, который родился в XX веке, и который помогал в борьбе за новые свободы здешнего люда, в том числе и за национальное самоопределение.

И оба Калиновских должны жить в XXI веке. Один — в научной сфере, другой — в художественной.

Образ Калиновского как руководителя восстания тоже оказывается перекрученным в разные стороны. Патриотическая общественность видит в нем центральную персону восстания, в которой сосредоточился весь смысл и большинство важнейших событий 1863 года. Пророссийское же сообщество, с одной стороны, пытается принизить значение Калиновского в восстании, но в то же время накладывает на него ответственность за все преступления того года — и крестьян вешал, и панов призывал убивать, и всех обманывал, и всем лгал.

Константин Калиновский (фото Ахилло Банольди)

С преувеличением роли Калиновского в восстании 1863 года действительно есть проблемы. Из-за такой вот центрированности «исторического» нарратива даже личность Траугута — последнего диктатора восстания и нашего земляка, теперь далеко не всем

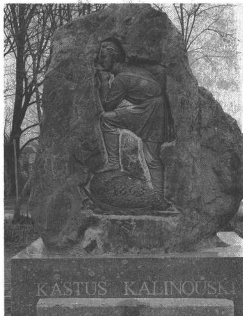
известна, не говоря уже о Козел-Паклевских, Юндиле, Звеждовском, Ленкевиче, Трусовых и десятках других достойных командиров, рисковавших своей жизнью в 1863 году.

С другой стороны, «западнорусы» чисто военный приказ руководителя восстания о наказании доносчиков связывают с 2000 якобы убитых крестьян и священников. В результате получается, что Калиновский виноват в уничтожении целого города в Беларуси. Очень удобное обобщение, если хочется сделать из него террориста.

Не слишком ли много для одного человека?

В публицистическую и даже в научно-популярную терминологию прочно вошло слово «калиновцы», «повстанцы-калиновцы», которое часто используется для обозначения всех инсургентов. Но это уже определенное неуважение ко всем «полевым» командирам 1863 года. Калиновский не водил повстанцев в бой, он был воеводским комиссаром. Его имя вряд ли знали рядовые, а для некоторых командиров отрядов он был, скорее всего, одним из многочисленных гражданских «бюрократов восстания», которых приходилось терпеть, чтобы повстанческий аппарат действовал как система.

Ситуация, которую воплотил в своей картине Петр Сергиевич, где Калиновский выступает перед шеренгой инсургентов, скорее всего, имела место, и не один раз. Например, перед знаменитой битвой под Миловидами Калиновский как раз приехал инспектировать большой отряд Юндила и Ленкевича. Мы знаем, что он выступал перед повстанцами. Скорее всего, его слушали с интересом и, может быть, даже с восхищением, так как всё, что мы знаем об этом человеке, говорит, что он умел привлекать внимание. Но ночью, когда пришла информация о том, что со стороны Слонима приближаются российские войска, инспектор быстро собрался и уехал. Калиновский не мог допустить того, чтобы его схватили, так как на нем было завязано очень много контактов, связей и решений. Но маловероятно, чтобы этот отъезд чисто по-человечески позитивно восприняли инсургенты. Назвали бы они себя «калиновцами» в тот момент? Вряд ли.

Памятник К. Калиновскому в Летуве

И вообще, если бы благородному шляхтичу Франтишеку Юндилу, представителю стародавнего именитого слонимского рода, который пожертвовал ради восстания своим благополучием, многочисленными землями, честью и судьбой своей семьи, зависимых от него людей, и кто сам водил отряды в бой, сказали бы, что его в будущем будут называть именем недавнего студента, «якобинца» без гроша в кармане, который привозил ему в лес книги бухгалтерского учета (одна из обязанностей Калиновского на посту комиссара была именно такова), то Юндил вряд ли обрадовался бы. Как и другие повстанческие командиры, чьи имена теперь знают только ученые да краеведы в регионах.

Мемориальная доска К. Калиновскому в Минске на здании Дворца борьбы по улице Калиновского

Калиновский, очевидно, заслуживает права называться руководителем восстания в Беларуси и Литве: он стоял у истоков этой борьбы, руководя революционным движением еще в 1862 году, он и завершил восстание, взойдя на виселицу. Но замыкание всей истории 1863 года на одной личности (в массовом сознании) жестоко искажает правдивую ситуацию.

С «восстанием Калиновского» связан еще один очень важный фактор, который вносит большую путаницу. «Яська-гаспадар з-пад Вільні» готовил революцию начиная с 1862 года, но восстание 1863 года не было «его» революцией. Из Петербурга этот человек вернулся твердым социалистом. Для него не столь уж существенным являлось отделение от России, на первом месте стояла свобода крестьян. Вернувшись в 1862 году на Беларусь и наблюдая волны крестьянского недовольства, которые разбивались о казацкие сотни и панскую жадность, Калиновский и его единомышленники планировали сплотить силы простого народа и устроить «восстание хлопов», которое должно вспыхнуть, но не в 1863 году, а позже.

Все произошло иначе. «Мятеж» возник в январе 1863 года. В повстанческих отрядах оказались не крестьяне, а шляхта. Единомышленники Калиновского, «красные», среди них были в меньшинстве. Большинство составили те, кто с нетерпением мечтал о несуществующей Речи Посполитой и не очень заботился о том, чтобы понять, чего он конкретно хочет. Больше, чем «красных», в этих отрядах было экономов, арендаторов, «мировых посредников», тех, кто и вызывал гнев крестьян в первую очередь.

Думается, именно поэтому из-под пера Калиновского возникали фразы о наказании плохих панов и о том, что топор «не должен остановиться над колыбелью...» В отчаянии он хотел привлечь на свою сторону массы простого народа обещанием быть жестоким с панами, хотя и понимал, что все потеряно. Кстати,

он и не ошибся со своей ставкой. Крестьяне действительно проявили большую злобу и жестокость к своим панам, только сделали это на другой стороне.

Но и предать дело в такой ситуации Калиновский уже не мог. Будучи штатским человеком, молодым и очень горячим, он проявил удивительную дисциплинированность. Калиновский решительно возглавил «не свое» восстание, смирился с понижением в должности, делал все, что мог, на указанном ему месте, потом опять возглавил восстание, которое оказалось уже больше «своим», так как в отрядах после поражений весны 1863 года почти не осталось арендаторов и экономов, а все больше его друзья — «красные». Но ситуацию это уже не исправляло. Калиновский взошел на эшафот.

Свободный от внешних обязанностей, он завершил «не свое» восстание несколькими лирическими текстами. Но именно этот посыл в будущее, высказанный в стихотворениях, оказался его победой, и через 50 лет «его» восстание действительно победило в головах и сердцах тех людей, которые в начале XX века попытались заставить здешний люд «людьми зваться».

Думается, именно поэтому у нас так прочно прижилось название «Восстание Кастуся Калиновского», несмотря на всю фактологическую слабость. Оно не охватывает всех событий и людей в 1863 году, но затрагивает и предопределяет многие процессы будущего, анализируя которые, «Восстание Кастуся Калиновского» хочется прочитать как «Послание Кастуся Калиновского».

Большинство повстанцев так или иначе смотрело в прошлое, в воображаемые времена Речи Посполитой, чье тело в середине XIX века просто не могло уже существовать, ибо изменилась эпоха. Калиновский со сподвижниками смотрели в будущее, во времена, когда каждый житель края станет гражданином, равным в правах с другими. Но такой страны в середине XIX века тоже еще не могло быть по определению. Они встали за свои идеалы плечом к плечу. И плечом к плечу проиграли, заложив фундамент осуществления обоих мечтаний.

Резюме

Для чего вообще набирались эти тысячи знаков текста от неспециалиста (думается, что профессиональный историк найдет здесь к чему придраться)?

В начале XXI века у нас нет права столь упрощенно трактовать события 1863 года, как это имело место в 2013 году. Такой подход попросту опасен для нашей национальной психики, ибо в том восстании действительно лежит очень многое для понимания генезиса «тутэйшай» идентичности на протяжении всего XX в.

Кажется, что некоторые профессиональные историки просто побоялись поднимать идеологические аспекты восстания 1863 года, не захотели заниматься нудной работой по исправлению хотя бы мелких «перегибов» в восприятии тех событий. Из самого банального: разве трудно было спокойно сообщить общественности (журналистам и чиновникам в первую очередь), что использование имени Константин исторически более верно и никак не повредит образу Калиновского? Или хотя бы небольшим замечанием объяснить, что «Люблю Беларусь» — это не девиз восстания, а пароль, и значит по определению не может выражать устремления всех инсургентов?

Большой диссонанс в юбилей внесли «западнорусские» активисты. Они вдруг посчитали, что находятся в тылу врага, объявили войну и провели линию фронта. Их порыв и пропагандистские методы опустили дискуссию до уровня уличного базара и заставили все стороны упорно отстаивать идеологемы столетней давности. А пока идет бой, никто ничего нового не создает — по определению.

Может быть, если бы не было этой грызни, то на вывеске на улице Калиновского появилась бы более «современная» надпись, государственное издательство издало бы шикарный альбом, больше было бы проведено разных мероприятий и, наконец, уменьшилась бы политизированность темы, которая не дает нам спокойно смотреть на те события.

Но вместо того, чтобы окончательно залечить рану, ее вскрыли и стали прижигать раскаленным железом, как это было принято 150 лет тому назад.

— Коротко об авторе —

Тимофей Акудович — историк и краевед. Выпускник Беларуского государственного педагогического университета имени Максима Танка, магистр истории. Основная сфера научных интересов — история Четырехлетнего Сейма (1788–1792 гг.) и Тарговицкой конфедерации (1792 г.). Известен также как экскурсовод по историческим местам Минска и Беларуси.

ОБЗОР БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ

Сергей Токть
кандидат исторических наук

Белорусская историческая периодика находится еще в достаточно юном возрасте. В советское время в Беларуси не было ни одного исторического научного журнала. Этот факт достаточно объективно отражал как общий уровень исторической науки в республике, так и уровень исторического самосознания белорусского общества. Издавался лишь небольшой бюллетень «Памятники истории и культуры Беларуси», выполнявший функцию популяризатора, в котором многие историки охотно публиковали свои работы.

Во времена перестройки и гласности во второй половине 1980-х годов в БССР заметно пробудился интерес к историческому прошлому своей страны среди широких слоев населения. Тут же стремительно возросло количество научных и научно-популярных публикаций на историческую тематику. В 1989 году бюллетень «Памятники истории и культуры Беларуси» был преобразован в историко-культурный журнал «Спадчына» («Наследие»).

После провозглашения суверенитета Республики Беларусь в 1991 году историческое обоснование государственной независимости стало делом государственной важности. В 1992 году был основан «Беларускі гістарычны часопіс» («Белорусский исторический журнал» – БГЧ), учредителями которого выступили Министерство образования, Институт истории Национальной академии наук Беларуси и другие государственные учреждения.

С самого начала своего существования БГЧ рассматривался как главное периодическое издание для историков Беларуси и на него возлагались большие надежды. Его основатели тоже продекларировали, что «журнал будет работать на становление новой парадигмы истории». Но, как справедливо заметил известный белорусский историк Геннадий Саганович, «долгожданное издание с первых же номеров стало увлекаться дидактикой, а потом и вовсе ограничилось сугубо образовательными задачами» [1].

В том же 1993 году был основан государственный научно-популярный журнал «Беларуская мінуўшчына» («Белорусское прошлое» – БМ). Задачу этого издания его основатели видели в популяризации исторических знаний среди широких слоев населения. Журнал отличался красочным оформлением, в нем публиковались многие известные в стране авторы, велась полемика по вопросам развития исторической науки в Беларуси, но профессиональные историки все же не могли ожидать от этого издания развития новых концептуальных подходов в изучении белорусской истории. А с 1999 года вместо БМ выходит «Архивы и дело-

* Перепечатка с публикации интернет-портала «Pavet» в мае 2010 г.

производство» — ведомственный журнал Государственного комитета по архивам и делопроизводству.

Флагманом исторической науки в Беларуси по праву считался в 1990-х годах Институт истории Национальной академии наук, где были собраны лучшие силы профессиональных историков. Логично было предположить, что институт в новых условиях будет издавать собственный научный журнал, как делают подобные учреждения в других европейских странах. Но, увы, ожидания белорусских историков не оправдались. Только в 1999 году, к 70-летию института, в свет вышел первый номер «Ежегодника Института истории НАН Беларуси», но на том дело застопорилось. В дальнейшем институт был занят многочисленными внутренними проблемами, пережил ряд реорганизаций и сокращений, увольнение многих сотрудников, и про журнал просто забыли.

Тот факт, что ведущее государственное учреждение в области исторической науки на протяжении многих лет так и не смогло создать свой журнал, является одной из главных неудач в развитии исторической науки в суверенной Беларуси, и в истории самого института. Именно через научный журнал, отвечающий требованиям академического научного издания, институт истории мог бы оказывать решающее воздействие на процессы развития белорусской историографии, определять приоритетные направления, формировать пространство научной коммуникации. Но этого в силу вышеозначенных причин не произошло. Впрочем, археологи Института истории с 1993 года стали выпускать свой «Историко-археологический сборник», придав ему статус институтского научного издания. В 2000 году начал выходить также «Белорусский археографический ежегодник», издаваемый государственными архивными службами.

***

Ведущим государственным историческим изданием в Беларуси в последние годы несомненно оставался «Белорусский исторический журнал» (БГЧ). Все это время он пытался совместить на своих страницах научные, научно-популярные и учебно-методические тексты. По мнению редакции журнала, подобный подход является сильной стороной издания, придает ему оригинальность и уникальность. Данное утверждение представляется нам достаточно спорным. Научная статья и дидактическая работа для школьных учителей — вещи очень разные, это отдельные эшелоны знания в рамках определенной научной дисциплины. Их соседство на страницах одного издания неизбежно приводит к снижению его научного уровня.

Целесообразность такого соседства можно поставить под сомнение еще и по той причине, что в Беларуси издается методический журнал для учителей «История: проблемы преподавания».

Подобную направленность ведущего исторического государственного издания можно объяснить доминирующим в Беларуси восприятием научного знания и научной деятельности, которое можно определить как наивный (или стихийный) позитивизм и прагматизм. Для него характерно скептическое отношение к теоретическому знанию и завышенные требования к практическому использованию научных достижений. Такое отношение характерно для тех, кто принимает решения, то есть для представителей бюрократических элит, а многие

люди в научном сообществе всячески подыгрывают такому пониманию науки, активно используют соответствующую риторику в своих выступлениях и текстах. Подобная стратегия в области гуманитарных наук неизбежно ведет к снижению теоретического уровня исторической науки, или, по крайне мере, существенно замедляет его рост. Размывается крайне необходимая граница между научным и научно-популярным дискурсами.

В этом плане характерным является обращение редактора БГЧ Василия Кушнера к потенциальным авторам своего издания:

> «Сотрудники редакции просят их (авторов — *С.Т.*) ответить на один, но основной с нашей точки зрения вопрос: «Кому нужен этот материал?»
>
> ...Мы очень просим исследователей осознать еще одну, самую главную задачу и всех остальных педагогических изданий. Новые разработки должны иметь не только теоретическое, но прежде всего практическое значение, формировать у преподавателей и учителей всех обществоведческих дисциплин потребность в постоянном профессиональном росте как условии достижения эффективных результатов в повышении качества исторического и всего гуманитарного образования и воспитательной работы в национальной системе образования» [2].

Вот так, несколько мудрено, но вместе с тем достаточно ясно главный редактор обозначил приоритеты журнала. Ему требуются работы, имеющие, прежде всего, практическое значение. Под этим последним в данном случае понимается возможность использования в системе образования. Показательно, что В. Кушнер причислил свой журнал к числу «педагогических изданий». И здесь можно полностью согласиться с редактором.

С 2004 года БГЧ стал ежемесячным изданием. В 2007 году он отметил свое 15-летие, а 11-й номер того года стал сотым номером в его истории. Редактор Кушнер писал тогда в своей программной статье:

> «Нашу деятельность можно сравнить с собиранием большой мозаики — истории белорусского народа» [3].

Метафора мозаики здесь весьма показательна. Она достаточно точно характеризует методологические воззрения редактора БГЧ, свойственные также многим белорусским историкам, которые убеждены, что историю можно сложить как мозаику из небольших фрагментов, дошедших до нас из прошлого. Но, к сожалению, у этой мозаики зачастую выходит слишком расплывчатый общий рисунок. На сегодняшний день БГЧ, а также университетские и ведомственные периодические издания публикуют большое количество небольших статей по узким проблемам без претензий на концептуальность. Они не создают у старательного читателя, способного их все прочесть, более или менее целостный образ белорусского прошлого, а скорее рождают ощущение разорванности исторического пространства.

В БГЧ с 2004 по 2007 год было опубликовано более 220 статей, которые можно причислить к научным по критерию аппарата ссылок на использованные источники. В тематическом разрезе здесь доминируют работы в области политической и культурной истории — около 50 статей по каждому направлению. Достаточно много статей посвящено социальной истории и военной истории. В

то же время экономическая и этнонациональная проблематика не вызывала особого интереса у авторов БГЧ. В хронологическом разрезе большинство статей посвящено эпохе Великого Княжества Литовского, периоду Российской империи и Великой Отечественной войне – примерно по 30 работ. Большое количество статей по военной проблематике в значительной степени обусловил тот фактор, что как раз в это время в Беларуси очень широко отмечалась 60-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне.

Относительно небольшое количество статей посвящено Полоцкому периоду (который соответствует ранее принятому в советской исторической науке периоду Киевской Руси), истории БССР в межвоенный период и Западной Беларуси в составе межвоенного польского государства. Немало внимания журнал уделял вопросам всеобщей истории – более 20 статей.

Нам удалось обнаружить только одну статью, посвященную проблеме государственной идеологии, разработки и популяризации которой в это время усиленно требовали от гуманитариев власти. Абсолютное большинство статей в БГЧ выходит на белорусском языке.

По нашим подсчетам, только четыре статьи журнала за данный период посвящены проблемам теории и методологии исторического познания. Практически не было полемических статей, претендующих на новые концептуальные подходы. Несомненно, что этого слишком мало для того, чтобы определять концептуальные основания развития исторической науки в стране.

Относительно методологии исследования для большинства статей характерен, как уже сказано выше, своеобразный «наивный» позитивизм, доминирующий среди белорусских историков. Новые направления в современной историографии, уже давно определяющие характер и тематику исследований европейских авторов – «новая культурная история», антропологическая история, микроистория – практически даже не обсуждались на страницах БГЧ. Впрочем, настороженное отношение к «новомодным» веяниям свойственно большинству современных белорусских историков. Термин «постмодернизм», например, воспринимается почти как ругательство. Но наличие проблемы слабой чувствительности к новым методологическим подходам все же осознается редакцией журнала. Об этом свидетельствует высказывание главного редактора В. Кушнера в программной статье:

> «Теперь в нашем редакционном портфеле очевидна тенденция к количественному преобладанию материалов по политической и военной истории над материалами, например, по социальной, гендерной истории, или истории повседневности» [4].

Другое дело, прилагает ли редакция усилия к тому, чтобы культивировать подобные исследования среди белорусских историков?

Одним из самых эффективных инструментов в этом плане является публикация критических рецензий. С 2004 по 2007 год в 48 номерах БГЧ были опубликованы 19 рецензий на 21 издание. Несомненно, что такое количество рецензий является абсолютно недостаточным. Что любопытно, 9 из 21 рецензируемых на страницах журнала книг посвящены проблематике Второй мировой войны. Истории Беларуси до XIX века посвящен был только обзор альманаха «Metriciana».

Большинство рецензий имели характер краткого описания содержания рецензируемых книг с обязательными похвалами в адрес автора. Оспаривать какие-то выводы и утверждения, или называть ошибки в таких рецензиях не принято. Таким образом, сохраняется характерная для советского времени практика рецензирования, которая предусматривает два ее типа – похвальную, чтобы поддержать знакомого автора, и разгромную, чтобы «уничтожить» оппонента. Такая «культура» сохраняется и поддерживается в ситуации, когда инициаторами рецензий чаще всего выступают сами авторы книг, а редакцией периодического издания не проводится целенаправленная политика в области рецензирования научных работ.

* * *

В середине 1990-х годов в Беларуси появились и негосударственные исторические журналы. В 1994 году минский историк Геннадий Саганович издал первый номер журнала «Беларускі гістарычны агляд» («Белорусское историческое обозрение» – БГА).

Одной из главных целей своего издания он видел «концептуальное обновление белорусской историографии», ознакомление белорусских исследователей с классическими работами западных авторов в области методологии и философии истории. Поэтому в БГА периодически публиковались переводы классических текстов известных зарубежных историков, а также культивировались критические рецензии на работы белорусских авторов.

С 1994 по 2008 год вышли 14 томов этого журнала, который, несмотря на некоторые проблемы с периодичностью выхода, заслуженно считается одним из лучших научных изданий в белорусской историографии, отвечающим всем критериям научного журнала. В последние годы БГА выходит как периодическое издание Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе, сотрудником которого является его редактор Г. Саганович. Этот белорусский университет вынужден был перебраться из Беларуси в столицу соседней Летувы, где и функционирует по сегодняшний день. Небольшой тираж журнала и ограниченные возможности попасть в белорусские университетские библиотеки отчасти компенсируются тем, что содержание БГА полностью размещается на сайте белорусской электронной библиотеки [5]. Все тексты печатаются в журнале на белорусском языке.

В 12-ти номерах БГА с 1994 по 2005 год, опубликовано 156 научных статей, 220 рецензий и обзоров, 44 информационных сообщения [6]. Как уже сказано выше, редактор журнала Саганович считает одной из главных задач журнала именно культивирование критических рецензий. За указанный период в БГА отрецензированы 228 научных и учебных изданий.

Весьма интересным представляется анализ этих изданий в соответствии с языковым критерием. Среди них преобладали работы на белорусском языке – 65 изданий, далее следуют польскоязычные – 53, русскоязычные – 33 (из них 14 изданы в России, остальные в Беларуси), немецкоязычные – 29, англоязычные – 18, украиноязычные – 13, литовскоязычные – 3, издания на других языках – 9.

Языковая структура рецензируемых работ дает определенное представление о том, в каких национальных историографиях наиболее разрабатывается про-

блематика, связанная с вопросами белорусской истории. Хотя здесь, несомненно, следует учитывать и фактор редакционной политики, а также и такой фактор, как знание иностранного языка историками, сотрудничающими с журналом. Например, достаточно небольшое количество рецензий на работы авторов из Летувы можно объяснить, прежде всего, языковым барьером между белорусскими и литовскими историками.

Нами также проведен тематический анализ научных статей, опубликованных в 1–13 томах БГА. В хронологическом аспекте наибольшее число работ посвящено периоду Великого Княжества Литовского – почти каждая пятая статья. Периодам истории Беларуси в составе Речи Посполитой и Российской империи посвящено по 13 публикаций. Достаточно много внимания уделено вопросам истории Беларуси в период Второй мировой войны – 10 статей. В то же время периоду Первой мировой войны, революции и советско-польской войны (1914–1921) посвящены только 2 статьи. Также две работы посвящены археологической проблематике. Полоцкому периоду в белорусской истории посвящено 6 работ. Меньше всего внимания БГА уделял истории Западной Беларуси в составе польского государства (1921–1939) и истории БССР в послевоенный период (1945–1991) – только по одной работе.

Повышенное внимание редакции журнала к эпохе ВКЛ можно объяснить тем обстоятельством, что этот период в истории Беларуси действительно вызывал и теперь вызывает особый интерес у белорусских историков и любителей истории. Он также является областью научных интересов главного редактора БГА, что накладывает в определенной степени отпечаток на содержание журнала. Современная белорусская историография рассматривает период ВКЛ как важный этап в развитии белорусской государственности, вначале ослабленной процессом полонизации шляхетских элит Беларуси во времена Речи Посполитой, а затем и вовсе прерванной инкорпорацией белорусских земель в состав Российской империи.

Как мы уже отметили, редактор БГА одной из своих главных задач считает концептуальное обновление белорусской историографии, поэтому неудивительно, что 12 статей были посвящены теоретическим вопросам, проблемам методологии исторического исследования.

Если же рассматривать тематический разрез публикаций журнала, то наибольшее количество статей посвящено политической истории и этнонациональной проблематике. Примерно одинаковое количество работ посвящено социальной истории, военной истории, истории религии.

***

В скором времени после основания БГА появились еще несколько негосударственных исторических журналов, выходившие в свет благодаря личной инициативе отдельных историков. К сожалению, большинство из них не смогли продержаться достаточно долго и в силу различных причин, в первую очередь – финансовых, прекратили существование после выхода двух-трех номеров. Исключением стал «Гістарычны альманах» («Исторический альманах» – ГА), который в 1998 году основали в Гродно историки Александр Кравцевич и Александр Смоленчук. Этот журнал стал периодическим изданием Беларускага гіста-

рычнага таварыства (Белорусского исторического общества – БГТ) – независимой негосударственной ассоциации белорусских историков*.

С самого начала «Исторический альманах» (ГА) задумывался его основателями не как региональное, а как общенациональное научное издание. Редакция предполагала, что журнал будет достаточно четко разделен на две части – научную и краеведческую. Научную часть должны были составлять научные статьи, рецензии, обзоры научной жизни, краеведческую – краеведческие публикации, обзоры краеведческих мероприятий (конференций, семинаров и т.д.), научно-популярные тексты начинающих исследователей и историков-любителей. Идея краеведческой части журнала предусматривала привлечение к изданию широкого круга краеведов, школьных учителей и обычных любителей истории. Но эта задумка не была в полной степени реализована. Краеведческая составляющая «ГА» постепенно исчезла из журнала, который фактически стал исключительно научным изданием, хотя и сохранил эпитет «краеведческий».

В первом номере редакция высказывала надежду, что в скором времени журнал будет официально зарегистрирован и это поможет повысить его престиж. Но эта надежда осталась несбывшейся. Зарегистрировать негосударственное научное издание в тех политических условиях, которые сложились в Беларуси во второй половине 1990-х годов, оказалось делом трудноосуществимым. Так же как в силу различных причин, в первую очередь финансовых, редакция не была в состоянии издавать журнал в хороших типографских условиях. Относительно невелик тираж издания – 250 экземпляров. Тем не менее, за 11 лет существования, с 1998 г. по 2008 год, было издано 13 номеров «ГА», который смог приобрести своего читателя и завоевать авторитет у белорусских историков.

Многие номера журнала имели определенную тематическую направленность, что обусловлено публикацией в них материалов научных конференций, проведенных Белорусским историческим обществом. Например, в 4-м томе «ГА» публиковались материалы научно-теоретической конференции «Проблемы отечественной историографии», проходившей в Гродно 19–21 января 2001 г. с участием 26 историков. Шестой номер альманаха посвящен памяти известного белорусского историка Михаила Бича, сыгравшего важную роль в развитии белорусской историографии начала 1990-х годов. В 7-й том вошли материалы II-й конференции Белорусского исторического общества «Проблемы периодизации истории Беларуси» (Могилёв, 2001 г.), а в 9-й – материалы III-й конференции, посвященной проблемам терминологии белорусской иторической науки.

Материалы IV научной конференции Белорусского исторического общества, посвященной феномену белорусской советской историографии, вошли в 10-й том альманаха. Содержание 12-го тома составили материалы международного семинара «Вторая мировая война в коллективной памяти белорусов, литовцев, поляков», организованного Белорусским историческим обществом совместно с Белостокским отделением Польского исторического общества.

V-я конференция общества – «Белорусская крестьянско-рабочая Громада в контексте национального Возрождения XIX – XX ст.» была приурочена к 80-лет-

* Попытки официально зарегистрировать БГТ не увенчались успехом. Ныне оно не существует. Издание «Гістарычнага альманаха» прекратилось в 2010 г. на 16-м выпуске. – *Прим. ред.*

нему юбилею создания в Западной Беларуси этой массовой белорусской политической партии. Любопытно, что указанная конференция была единственным научным мероприятием в стране, посвященным юбилею, хотя в советское время более тридцати историков защитили кандидатские и докторские степени по истории Западной Беларуси. Материалы конференции вошли в 12-й том «ИА». В 13-м томе альманаха опубликованы материалы VI-й научной конференции Белорусского исторического общества «Коллаборационизм в истории Беларуси» (Минск, сентябрь 2007 г.).

«ГА» доступен читателям в электронном виде на сайте белорусской электронной библиотеки «Kamunikat». Все тексты в нем опубликованы на белорусском языке.

* * *

Заслуживает внимания научный геральдический журнал «Герольд-Litherland», основанный в 2001 году в Гродно историком-геральдистом Алексеем Шаландой. Журнал публикует научные статьи по вопросам геральдики и генеологии. Хотя он выходит небольшим тиражом — 100 экземпляров, смог завоевать своего читателя и пользуется авторитетом у исследователей.

В 2008 году вышел в свет первый номер ежегодника «Homo historicus» — периодического издания Института исторических исследований Беларуси при Европейском гуманитарном университете в Вильнюсе. Редактор ежегодника Александр Смоленчук был в то время сотрудником ЕГУ и руководил программой «История Беларуси и культурная антропология». Во вступительной программной статье он заявил, что хочет сделать данное издание своеобразной мастерской белорусской антропологической истории и содействовать разработке белорусскими исследователями проблем микроистории, истории семьи, биографистики, истории ментальности и т.д. Была продекларирована задача:

> «исправить отсутствие глубоких социальных и политических исследований прошлого в белорусских политических и социальных дисциплинах» путем «кооперации отечественных гуманитариев и зарубежных коллег» [7].

Таким образом, редакция «Homo historicus» планировала создать новое концептуальное направление в белорусской историографии и включить его в контекст современной европейской гуманистики. «Homo historicus» тоже белорусскоязычное издание.

Обзор белорусской исторической периодики был бы неполным без упоминания «Белорусского исторического сборника» («Białoruskie Zeszyty Historyczne» — BZH), издающегося в Белостоке (Польша). Этот журнал основали в 1994 году польские историки белорусского происхождения, объединенные в Белорусском историческом обществе. Редактором издания вначале был Ежы Калина, а затем известный в Польше и Беларуси историк Евгений Миронович. Журнал выходит с периодичностью два номера в год и тиражом 500 экземпляров.

Поначалу BZH преимущественно публиковал материалы, посвященные истории белорусского национального меньшинства на Белостотчине, но постепенно

* Реализовать этот план не удалось. Вышли только 4 выпуска. В настоящее время А. Смоленчук, работающий в Польше, планирует возобновить издание ежегодника. — *Прим. ред.*

журнал приобрел черты общенационального исторического издания и получил заслуженное признание у историков Беларуси.

В первых 20-ти номерах журнала с 1994 по 2004 год опубликована 161 статья (их них 100 на польском и 61 на белорусском языках), 63 научных сообщения, 23 биографических исследования, 27 исторических источников) [8]. В тематическом плане 57 научных статей посвящены политической истории, 30 — культурной, 21 — истории религии, 20 — этнонациональной проблематике, 12 — социальной истории. Всего несколько статей по экономической и военной истории.

Если же рассматривать публикации BZH в хронологическом разрезе, то наибольшее количество статей посвящено истории Западной Беларуси в составе межвоенного польского государства. Преимущественно эти статьи написаны на польском языке. В этом плане BZH заметно отличается от других белорусских изданий, где Западной Беларуси уделялось немного внимания.

Относительно небольшое количество статей хронологически относится к Полоцкому периоду и к истории БССР в послевоенное время. Впрочем, на тематику данного издания заметное влияние оказывал тот фактор, что журнал публиковал материалы научных конференций, которые проводило в Белостоке Белорусское историческое общество, и в работе которых активное участие принимали историки из Беларуси.

***

Таким образом, за время существования суверенной Беларуси четыре журнала — «Белорусский исторический журнал» (БГЧ), «Белорусское историческое обозрение» (БГА), «Белорусский исторический сборник» (BZH) и «Исторический альманах» (ГА) — опубликовали наибольшее количество научных статей по исторической тематике.

Содержание этих изданий в значительной степени отражает тенденции развития белорусской исторической науки за последние 15–20 лет. Большинство статей посвящено вопросам политической и культурной истории, этнонациональной проблематике. В то же время экономическая история, доминировавшая в советский период, оказалась в маргинальном положении.

Вместе с тем между названными изданиями существуют значительные различия. На развитие исторической научной периодики в Беларуси большое влияние оказывала (и продолжает оказывать) общая политическая ситуация в стране и достаточно тесно, к сожалению, связанная с ней ситуация в научном сообществе. С середины 1990-х годов государственная власть все более активно требовала от историков демонстрации лояльности и выполнения идеологических функций. Негосударственные исторические журналы оказались в непростом положении. Поскольку они обычно издавались с помощью зарубежных грантов, то рассматривались властью как подозрительные и нелояльные, как инструменты чуждого влияния. Доступ в государственные библиотеки и университетские студенческие аудитории для них значительно усложнился. Единственным выходом стало размещение материалов в Интернете.

Кроме того, все перечисленные негосударственные периодики не включены в список научных изданий Высшего аттестационного комитета. Дело в том, что

в начале 2000-х годов в Беларуси были введены более жесткие формальные требования к соискателям научных степеней. Например, для тех, кто пожелал бы защитить докторскую диссертацию в области истории, необходимо было, кроме монографии по теме своего исследования, опубликовать еще 15 научных статей в изданиях, включенных в список аттестационного комитета. Для соискателей кандидатской ступени это требование ограничивалось тремя статьями. В списке ВАКа на 2008 год оказалось 28 белорусских изданий в области исторических наук, в том числе и «Белорусский исторический журнал» (БГЧ). Вероятно, капитаны научного сообщества руководствовались благими намерениями: поднять общий уровень диссертационных работ. Но одним из отрицательных побочных эффектов стала погоня за публикациями ради публикаций.

Вырос ли при этом общий уровень научных статей в изданиях, включенных в список ВАКа? В этом можно сомневаться, несмотря на то, что в «ваковских» изданиях работы претендентов на публикацию проходят обязательное рецензирование. Но оно нередко имеет весьма формальный характер.

***

Одним из главных критериев оценки качества и значимости научной работы в мире является индекс цитирования. К сожалению, в белорусской историографии на этот показатель никто практически не обращает внимания. Проанализировав ссылки в научных статьях, опубликованных в БГЧ за 2004–2007 гг., мы обнаружили, что в 48 номерах журнала очень редко встречаются ссылки на статьи в белорусских исторических журналах. Мы нашли одну ссылку на статью из «Белорусского исторического обозрения» (БГА), две ссылки на работы из «Белорусского исторического сборника» (BZH) и три из «Исторического альманаха» (ГА). Да и на статьи из самого БГЧ удалось найти только 22 ссылки, что совсем немного для почти 250 научных статей. Впрочем, похожая картина наблюдается также и в негосударственных журналах.

Это свидетельствует о том, что значительная часть журнальных статей не находит отклика у других исследователей. Возможно, что эти статьи активно используют университетские преподаватели и школьные учителя в учебном процессе. Но проверить такое предположение достаточно сложно.

Одной из главных задач научного журнала является приумножение научного знания, ведь периодическое издание является своеобразной передовой линией, передним краем науки. В данном случае эта задача выполняется не слишком успешно.

Практика показывает, что особый интерес у читателей вызывают полемические статьи по наиболее важным, концептуальным проблемам. Негосударственные журналы достаточно часто публикуют подобные материалы. Редакция же «Белорусского исторического журнала» попыталась компенсировать явный недостаток полемических статей организацией и публикацией материалов «круглых столов», в которых принимали участие наиболее авторитетные в официальной историографии историки. Например, 22 сентября 2006 года был устроен круглый стол по проблемам развития исторической науки и образования в Беларуси, а в сентябре 2007 года — круглый стол на тему «Российская революция 1917 года в судьбе Беларуси». Материалы этих обсуждений публиковались в жур-

нале и вызывали несомненный интерес у историков. Тем более, что здесь высказывались порой противоположные взгляды.

* * *

Было бы неверно ограничить наш обзор исключительно историческими изданиями. Значительной популярностью у белорусских историков пользуется «ARCHE» – научный, научно-популярный и литературный журнал, основанный в 1998 году. С самого начала существования «ARCHE» уделял много внимания историческим сюжетам. Причем со временем историческая составляющая журнала только усиливалась. «ARCHE» публиковал на своих страницах уникальные источники по истории Беларуси, переводы работ известных зарубежных авторов (особенно в области истории и теории национализма), рецензии на исторические научные и учебные издания.

Редакция журнала культивирует полемические статьи, вызывающие наибольший интерес у читателя. Например, бурную полемику вызвала книга редактора «ARCHE» Валерия Булгакова «История белорусского национализма» [9]. Эта неортодоксальная, как заметил один из рецензентов, книга, представляет собой попытку переосмысления некоторых основополагающих элементов национального нарратива, доминирующего в негосударственной исторической периодике.

Некоторые рецензенты расценили книгу Булгакова как посягательство на национальный канон, как проявление кризиса в среде интеллектуалов, уставших от своей белорусскости в условиях маргинальности белорусскоязычного интеллектуального сообщества в авторитарной русскоязычной Беларуси. Но, с другой стороны, способность к обсуждению острых и болезненных вопросов белорусской истории может свидетельствовать как раз о силе и живучести интеллектуального пространства, созданного независимыми периодическими изданиями. Именно отсутствие полемики по ключевым проблемам белорусской истории в официальных периодических научных изданиях является их главным недостатком и не содействует повышению интереса к этим изданиям.

Используя терминологию известного социолога Пьера Бурдьё можно выдвинуть гипотезу, что в белорусской исторической науке сформировались два достаточно независимых поля со своей иерархией позиций.

В официальном академическом поле главную роль играют позиции, обладающие административным капиталом. Они имеют возможность влиять на защиту диссертаций и управлять процессом присвоения научных степеней. Этот же капитал можно с успехом использовать для продвижения статей своих учеников в официальных изданиях.

Неофициальное поле исторической науки выглядит более плюралистичным, поскольку здесь главную роль играют негосударственные периодические издания, в определенной степени конкурирующие между собой.

Во взаимоотношениях между этими двумя полями используются различные стратегии. Официальное академическое поле стремится не замечать того, что происходит в параллельном научном мире. В «ваковских» журналах отсутствуют рецензии на работы, опубликованные в негосударственных изданиях. В независимых же периодиках, наоборот, рецензируются все научные монографии, а также учебники и учебные пособия, которые издаются в Беларуси.

Существование таких параллельных миров в белорусской историографии нельзя считать позитивным явлениям. Хочется надеяться, что белорусские историки сохранят общее коммуникативное пространство, жизненно необходимое для проникновения новых идей и методологических подходов. Исключительно важную роль может сыграть в этом деле научная периодика, если сумеет сохранить научные стандарты и необходимую дистанцию от идеологии и политики.

Источники ссылок

[1] Сагановіч Г. Дзесяць гадоў беларускай гістарыяграфіі // Беларускі гістарычны агляд (БГА). 2001, т. 8, сш. 1–2 (14–15).
[2] Беларускі гістарычны часопіс (БГЧ). 2005, № 12, с. 6.
[3] БГЧ. 2007, № 11, с. 5.
[4] Там же, с. 6.
[5] http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/bha/index.htm
[6] БГА. 2006, т. 13, сш. 1 (24).
[7] Homo historicus. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. Вільня: ЕГУ, 2008, с. 14.
[8] Białoruskie Zeszyty Historycze. 2004, nr 22, s. 329–346.
[9] Булгаков В. История белорусского национализма. Вильнюс, 2006. — 332 с.

— Коротко об авторе —

Сергей Токть (1968 г.р.) — окончил исторический факультет Гродненского госуниверситета имени Янки Купалы (в 1992 г.) и аспирантуру при Институте истории НАН (в 1995 г.). Кандидат исторических наук (с 1997 г.), преподаватель Гр.ГУ. Автор книг «Беларуская вёска на мяжы эпох» (2003), «Скідзель і яго ваколіцы: жывая гісторыя» (2014).

Примечание редактора

Автор обзора упомянул не все исторические периодики. Так, в городе Лида уже давно издается журнал «Лідскі летапісец», публикующий статьи и на белорусском, и на русском языке. В начале 2015 года вышел в свет 66-й номер этого журнала.

В Пинске с 1997 по 2010 год выходил историко-краеведческий журнал «Гістарычная брама: Гісторыя і культура Палесся». Всего за указанный период было издано 25 номеров.

В Молодечно с осени 2000 выходит небольшой альманах «Куфэрак Віленшчыны». В 2013 году был издан его 15-й выпуск.

С мая 2009 выходит в свет научно-популярный исторический альманах «Деды». Общий объем 15 выпусков составил 3960 страниц большого формата.

Часть II
НАША СТАРИНА

ЯЗЫЧЕСКИЕ СВЯТИЛИЩА РОМОВЫ, ВИЛЬНИ И МЕНСКА

Анатоль Тарас

В 1386 году великий князь литовский Ягайло приехал в Краков, крестился здесь в католичество, обвенчался с 14-летней польской королевой Ядвигой и стал королем Польши под именем Владислава II. При этом он пообещал польским магнатам и деятелям Костёла «крестить Литву», т.е. искоренить в ней язычество и внедрить католическую веру.

О язычестве

Действительно, в декабре того же 1386 года король и великий князь Ягайло-Владислав приехал в Вильню в сопровождении большой группы польских аристократов, а также нескольких десятков ксендзов и монахов, чтобы совершить символический акт «крещения Литвы». Я называю его символическим потому, что реально крестились только ближайшие родственники Ягайло, бояре из его личной дружины, небольшая часть местной знати и других жителей Вильни. Кроме того, по приказанию Ягайло было уничтожено языческое капище, находившееся в священной дубраве возле Вильни.

Точная дата возникновения Великого Княжества Литовского (ВКЛ) ученым неизвестна. Скорее всего, оно оформилось как независимое государство около 1247 года. Отцом-основателем стал князь Миндовг (Мендог), чья столица находилась в Новогородке (нынешнем Новогрудке). Преемники Миндовга – Войшелк, Тройден, Витень, Гедимин, Ольгерд – непрерывно присоединяли все новые и новые земли. В результате их политики ВКЛ к 1386 году занимало территорию площадью свыше 350 тысяч кв. км. ВКЛ традиционно разделялось на две части – западную (Литву) и восточную (Русь). Проживали в обеих частях многочисленные балтские племена, составлявшие четыре крупные территориально-культурные общности – Ятвяги, Кривичи, Дреговичи, Радимичи – и несколько мелких.

В политическом плане доминировала Литва. А в религиозном плане и в Литве, и в Руси господствовало язычество. Многие сельские жители, составлявшие абсолютное большинство населения, даже к середине XIV века оставались язычниками. Христиане преобладали в городах, местечках и замках, но это были

не католики, а православные или ариане*. В любом случае, христианство не имело статуса государственной религии. ВКЛ оставалось последним языческим государством Европы!

Ягайло старался изменить такое положение вещей, но без особого успеха. Ему пришлось пройти через две гражданские войны (в 1388–1392 и в 1432–1437 годах) прежде чем чаша весов стала склоняться в пользу католицизма. Однако процесс принятия христианства языческим населением ВКЛ растянулся надолго. Ещё в первой половине XIX столетия этнографы встречали в глухих уголках Полесья небольшие деревушки, жители которых по-прежнему практиковали языческий культ!

Более того, даже сейчас, в начале XXI века от Рождества Христова, большинство беларусов (особенно в сельской местности) фактически исповедает «народное христианство». Выражаясь предельно кратко, его суть такова: христианская «упаковка», языческое содержание.

Надеюсь, что этого вступления достаточно, чтобы читатели поняли целесообразность экскурса в наше языческое прошлое.

От балтов – к славянам

Мне уже приходилось неоднократно писать о том, что всю территорию исторической Беларуси (площадь которой превосходит площадь современной республики Беларусь как минимум в полтора раза) населяли балтские (или балтийские) племена. В свою очередь, ареал балтских племен простирался от западных берегов Вислы до верховьев реки Оки, от Балтийского моря до среднего течения Днепра и до реки Сейм.

Термин «балты» – сугубо научный, его ввели в 40-е годы XIX века немецкие ученые. Отождествлять древних балтов с нынешним населением Летувы, Латвии и Эстонии неверно в принципе. Балты – это пруссы и жамойты, курши и земгалы, ятвяги и мазуры, кривичи и дреговичи, радимичи и голядь, а также другие давно исчезнувшие племена. В результате процесса славянизации одна часть их за тысячу лет (с V по XIV века) превратилась в славян, из другой части возникли народы Прибалтики.

Большинство современных ученых не отрицает того факта, что субстратом, на базе которого появился беларуский народ, были балты. Споры идут о другом: кто такие славяне и много ли их было? Долгое время господствовала теория, которую в 30-е годы XIX века выдвинул «отец» славяноведения Павел-Йозеф Шафарик (1795–1861). Согласно ей славяне – отдельный, весьма многочисленный этнос, который начиная с V века н.э. активно продвигался со своей прародины

* Христианство проникало на наши земли с конца VIII века по двум основным путям. С севера – вместе с варягами, с запада – из Великой Моравии. Как отмечают ученые, северные народы Европы (жители стран нынешней Скандинавии и Германии) долгое время придерживались арианской версии христианства. Между тем варяги, создавшие Русь (сеть укрепленных поселений на судоходных реках), приходили именно оттуда. Что касается Великой Моравии, где проповедовали Мефодий и Константин (Кирилл), то их учение, получившее название «восточный обряд», тоже было близким к арианству. Процесс христианизации был очень медленным и носил мирный характер. Ситуация изменилась после начала вторжений киевских дружин в XI веке. Киевляне огнем и мечом насаждали у нас греческий вариант христианства, пресловутое «православие».

(местоположение которой до сих пор не выяснено) во всех направлениях, подчиняя при этом местные племена различного этнического происхождения. Сторонники этой теории понимают славянизацию как подчинение пришельцами аборигенов с одновременным навязыванием последним своего языка, материальной и духовной культуры, принципов устройства общества и т.д.*

Со второй половины XX века все большее признание получает другая теория. Согласно ей славянство возникло на определенной территории в результате длительного мирного взаимодействия племен, принадлежащих к трем разным этническим группам – германской (готской), балтийской (балтской) и иранской (скифо-сарматской). В процессе такого взаимодействия выработался общий язык межэтнического общения, сложились многие сходные черты духовной и материальной культуры. Именно языковая и культурная общность есть суть славянства.

Наиболее вероятно, что эта общность возникла в ареале высокоразвитой Черняховской археологической культуры, существовавшей с начала III века нашей эры до середины VI века. Это обширный регион между Дунаем на западе и Днепром на Востоке, Припятью на севере и Черным морем на юге. Именно здесь находилась контактная зона готских (германских), балтских (балтийских) и скифо-сарматских (иранских) племен.

Отсюда группы местных жителей под ударами степных кочевников бежали на Балканы, в Центральную и Восточную Европу, где передавали местному населению свой язык (более развитый и удобный, чем местные наречия), свои навыки хозяйствования, свою политическую организацию. Но и они вынуждены были перенимать от гораздо более многочисленных аборигенов их верования и культ – это являлось условием выживания. Вот почему славянские языки более или менее близки друг другу своими грамматиками и словарным составом, но что касается антропологии и генетики, а также обычаев и верований, то различия в этих областях весьма значительны.

Боги пруссов

Все сказанное выше позволяет понять, что языческая религия предков беларусов в дохристианскую эпоху была «балтского» («балтийского») типа. Познакомимся с ней поближе. Отмечу только, что за тысячу лет агрессивного внедрения греческого православия на территории исторической Беларуси попы и их подручные уничтожили все или почти все тексты, памятники и артефакты нашего язычества. Поэтому начнем с древних пруссов, ибо о прусской религии эпохи раннего средневековья известно намного больше, чем о верованиях и культе предков беларусов.

На основе средневековых записей прусских легенд лингвисты В.Н. Топоров и В.В. Иванов установили, что древнейшим «царем богов» считался Окопирмс (прус. – «самый первый»). Его сыном был Перкунас (или Перкуно) – бог молнии и грома. Кроме них, в высший ряд входили Потримпс (или Потримпо) – бог мо

* Субстрат (латин. substratum) – некая основа, подвергающаяся принципиальным изменениям под воздействием внешних факторов.

лодости, источников и рек; Аутримпо (бог моря, вместе с Потримпо восходящий к более древнему Тримпо, повелителю вод); длиннобородый бог Патолс (или Патолло) — властитель смерти и подземного мира, связанный с более древним Бардойтом (прусск. — «бородатый»), богом «коней моря» (т.е. кораблей).

Этой триаде божеств подчинялись «младшие боги» — Пергрубиус (воплощение весны), Пушкайто (владыка земли), Курхо — бог земледелия, Аушаутс — бог врачевания, Пильвисто — бог богатства, и ряд других.

Топоров и Иванов указали, что на определенном этапе прусской истории (не позже VIII века) тремя «главными» или «основными» богами» стали считаться Перкунас (Перкуно), Потримпс (Потримпо) и Патолс (Патолло).

Итак, Перкунас — бог молнии, грома, дождя и воздуха (неба), а также холмов и возвышенностей. Это могучий бородатый мужчина с каштановой или рыжей бородой, вооруженный двусторонней секирой. Перкунас мчится в небе на двухколесной повозке, запряженной двумя козлами. Ее грохот — это гром, взмахи секиры — молнии. И внешне, и функционально Перкунасу соответствует славянский Перун.

Прусские боги – Патолс, Перкунас, Потримпс (слева направо)

Он считался главным в триаде, его место посередине.

Постепенно Перкунас стал богом войны, но для земледельцев он изначально был богом природы, отвечавшим за погоду в целом. Люди верили, что громовержец посылает дождь и тем самым возрождает плодородие земли (оплодотворяет её). Первый весенний гром сотрясал землю, благословляя её и воду. Также Перкунас играл роль защитника установленного порядка в мире. Он преследователь злых сил (например, чертей), нарушающих гармонию.

Священные деревья Перкунаса: дуб и ясень. Священные животные: бык и козёл. Священные птицы: голубь и кукушка. Священные места: горы (холмы) и дубравы. Четверг считался днем Перкунаса. В этот день было принято зажигать огонь в честь громовержца.

Символ Перкунаса: косой крест (X). Его использовали в качестве оберега и в ряде ритуалов (при заключении договора или питье ритуального напитка, обычно хмельного мёда, реже — молока).

Авторы статьи о Перкунасе в дореволюционной энциклопедия «Брокгауз и Эфрон» отметили следующие моменты:

Перкунас бог не только грома, но и других атмосферных явлений: дождя, снега, града, бури, морозов. Радуга — это дуга его повозки, или же пояс. Перкунас, как и Паржанья индусов, — бог-отец; у него 5, 6, 7 или 9 сыновей.

Черти боятся Перкунаса; во время грозы он их убивает, несмотря на то, что они прячутся, принимая облик черного кота, или козла, или человека в кожухе.

Еще и в XIV веке на территории Жмуди (Жамойтии) почитали Перкунаса в виде священного, постоянно пылавшего огня, поддерживавшегося дубовыми дровами. Немецкий профессор Эмиль Гирт (1759–1837) полагал, что на европейской прародине индоариев Перкунасу поклонялись в дубовых рощах. Когда посланник Яна Гуса, Иероним Пражский, в 1413 году вырубил такую рощу возле Вильни, толпа женщин явилась к князю Витовту с жалобой на уничтожение святой дубравы, откуда получаются дождь и хорошая погода.

Потримпс – безбородый юноша в венке из колосьев. Его почитали как бога весны, цветения (плодородия), молодости, источников воды (рек и криниц). Считалось также, что он приносит удачу в сражениях. Славянский аналог – Ярило. Его место слева от Перкунаса.

Патолс представлялся в виде мертвецки бледного старика с длинной седой бородой. Это бог «нижнего» (подземного) мира, старости и смерти. В славянской мифологии ему соответствует Велес. Его место было справо от Перкунаса.

Функции триады «главных» богов прусские жрецы распределяли по вертикали (небо – земля – преисподняя), по горизонтали (две стороны и центр) и по времени (юность – зрелость – старость). Символом, объединявшим «три мира» в единое целое, служило священное дерево (дуб). Его крона и птицы на ветвях символизировали небо, корни и змеи – подземный мир, ствол объединял небо с подземельем.

Святилище Ромове

Холмы и дубовые рощи на них, которых Перкунас однажды коснулся молнией, считались священными. Их окружали изгородью и рвом.

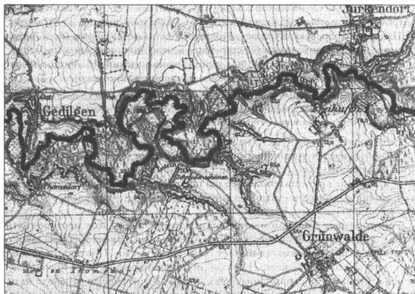
Первое Ромове

Единый для всех пруссов культовый центр был представлен в Пруссии в двух разных местах. Древнейшее святилище возникло в конце V – начале VI веке н.э. Оно называлось Ромове (также Ромова, Ромово, Ромува).

Это святилище располагалось в прусской земле Натангия на берегу реки Витушки (нем. Ярфт) в 6 км от впадения в нее реки Банава (нем. Банау), в районе современного поселка Липовка (нем. Грюнвальде) Мамоновского округа Багратионовского района Калининградской области. Сейчас недалеко от этого места проходит граница с Польшей.

В этом месте река Витушка делает большую петлю, образуя участок земли с огромным холмом (нем. Кирхенберг), который воспринимался как священный. Надо отметить, что петлю и спираль древние пруссы считали символами бесконечности и бессмертия. Поэтому в древней прусской символике часто встречаются изображения искривленной палки, посоха, дерева с петлеобразной структурой. Сам посох, кстати говоря, символизировал ось между весенним и осенним солнцестояниями, между властью Солнца и властью Земли.

Научный сотрудник Калининградского историко-художественного музея К.Н. Скворцов утверждает, что на этой священной земле было поселение, которое датируется V–VI веками нашей эры (эпоха поздней бронзы – раннего железа). Факт установлен в результате изучения захоронений у подножия холма Кирхен-

Святилище Ромове-1 находилось на холме (высота 39,8 м над уровнем моря) в том месте, где река Витушка изгибается подобно петле. На старой немецкой карте показаны остатки вала, окружавшего святилище, а также поселок Грюнвальде — ныне Липовка.

берг. Участок в излучине реки был священным местом, где проводились обряды и куда входили только жрецы. А городище рядом со святилищем – это место проживания жрецов и светских правителей.

Слово Ромове в переводе с прусского означает «чистое место». Топонимы, сходные с названием Ромове, распространены на территории проживания балтских племен. Так, существует лес Ромува, святилище Перкунаса в средневековой Вильне тоже известно под названием Ромува.

Городище возле Ромовы называлось Рикойтас или Рикойото (прус. *Rikojotas*, нем. *Rickoyto, Rickoyotto, Rikaioth*). Это слово родственно старопрусскому слову *rikis* – «король, господин». На прусском языке Рикойтас означает «место пребывания господ». Название указывает на то, что здесь находился центр верховной власти пруссов. По сообщению немецкого хрониста Симона Грюнау (1529 г.), основанному на легендах и преданиях местного коренного населения, прусские вожди, родные братья Видевут и Брутенис основали первое Ромове (и Рикойто) в 523 году.

По мнению руководителя Балтийской археологической экспедиции доктора исторических наук В.И. Кулакова район, где находится поселок Липовка, это колыбель прусской культуры. Святилище Ромове на реке Витушке действовало около 500 лет подряд! Только в XI веке пруссы перенесли его восточнее, в На-

дровию. Размеры его овальной в плане площадки, некогда окруженной валом 6-метровой высоты, были грандиозны: длина – 205 метров, ширина до 182 метров.

Недалеко от древнего Ромове – Рикойтаса, в городе Ладушкин (нем. Людвигсорт, польск. Людвиково) растёт старейшее дерево Калининградской области – уникальный памятник природы, 800-летний Грюнвальдский дуб. Легенда гласит, что подобный дуб был и в Хайлигенбайле (нынешнем Мамоново).

«Несмотря на перенос Ромове в Надравию, где его и отметил в начале XIV века Петр из Дусбурга, поклонение священному дубу сохранилось и близ древнейшего Ромове на месте последующего города Хайлигенбайль» (В.Н. Кулаков).

Смысловая связь растущего на возвышенности дуба с богом-громовержцем «легко объясняется древнейшими представлениями о молнии, поражающей дубы на вершинах гор» (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984), лежащими в основе культовых представлений народов прошлого. Во 2-м тысячелетии до н.э. далёкие предки пруссов – племена шнуровой керамики – принесли эту культовую традицию на берега Балтики.

Уничтоженное Ансельмом, епископом Вармии, в 1301 году местное святилище с дубом и поселение рядом с ним именовалось Швентомест (Schwentomest), что на прусском языке означает «священное место». Протекающую здесь реку пруссы называли Банава – Светлая (ныне Мамоновка). С 1301 года начался немецкий период в истории поселения. Слово Швентомест в переводе на немецкий звучало как Хайлигенштадт. Но прусский язык был ещё жив, как жива была и легенда о священном дубе и топоре, зарытом в священной земле. Поэтому название постепенно трансформировалось в Хайлигенбайль – Священная секира. Русский историк Николай Карамзин писал:

«Тут возвышался некогда величественный дуб, безмолвный свидетель рождения и смерти многих веков, дуб – священный для древних обитателей сей земли. Под мрачной его тенью обожали они идола Курхо, подносили ему жертвы и славили его в диких своих гимнах. Немецкие рыцари, (...) покорив мечом Пруссию, разрушили алтари язычества и на их развалинах воздвигли храм христианства... Долгое время не могли срубить дуба (...) топоры отскакивали от толстой коры его, как от жёсткого алмаза, но, наконец, сыскался один топор, который разрушил очарование, отделив дерево от корня, и в память победительной секиры назвали сие место Хайлигенбайль».

Отметим попутно, что находящееся здесь же древнее городище Гроссе Хаузен имеет в плане характерную спиральную форму.

Перенесение Ромовы с запада на восток, в Надровию, было связано с походами польского короля Болеслава Храброго (правил в 992–1025 гг.) на пруссов, поводом для которых послужила месть за гибель Адальберта, совершившего самую первую попытку крестить пруссов*. В 1010 году этот король убил верховного жреца и частично разрушил святилище Ромове.

* Адальберт был убит 23 апреля 997 г. в урочище Охсендрюш вблизи священного леса Кунтер группой пруссов во главе с жрецом по имени Сикко. Тело миссионера расчленили, а отрубленную голову насадили на шест. В 1981 году Балтийская экспедиция нашла ту площадку, где Адальберта принесли в жертву духам предков, обитавшим в лесу Кунтер.

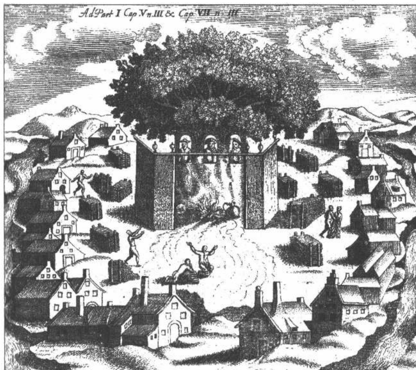
Второе Ромове

Еще более внушительны размеры второго святилища. Оно представляет собой крупнейшее сооружение в Северной Европе той эпохи – площадка укреплена двумя валами высотой до 15 метров! «Ритуальная чистота» (отсутствие культурного слоя) подчеркивает культовое назначение городища.

Его основали неподалеку от нынешнего Осокино (бывший немецкий городок Gross Wahldeck), в урочище Шлоссберг (возле нынешнего посёлка Бочаги Черняховского района), на левом берегу реки Преголи. Как и первое Ромове, второе тоже расположено в речной излучине.

Святилище в Надровии известно по описаниям средневековых немецких хронистов. Впервые его упомянул Петр из Дусбурга (Peter von Dusburg) в своей «Хронике Прусской земли» (1326 г.) Ромове упоминал в «Польской истории» и Ян Длугош (Jan Długosz, Dlugosius). В источниках XIV века это Ромове известно как Romehnen, Romayn.

Описание второго Ромове привел Симон Грюнау (Simon Grunau) в «Прусской хронике» (1529 г.). Святилище находилось в роще, под открытым небом. В цент-

Изображение Ромове-2 в книге К. Хартноха «Старая и новая Пруссия» (1684 г.)

ре стоял вечнозеленый (!) большой дуб со стволом шириной в 6 локтей (около 2,7 м) и с такой густой кроной, что она не пропускала капли дождя.

> «Большой, толстый, мощный, высокий дуб... в котором находились изображения богов... был всегда зелёным весной и летом, и сверху был настолько широк и высок своей кроной, что дождь не проникал через неё, и вокруг него в одном-трёх шагах были растянуты прекрасные полотнища, за которые не мог ступить никто, кроме Кривайто и высших жрецов-вайделотов, но когда приближался кто-то иной, полотнища плотно задёргивались. И (ветви) дуба разделялись на три части, в которых как в неких нерукотворных окнах, стояли (изображения) богов, имевшие перед собой свои символы».

В трех отдельных дуплах дуба были помещены в ряд изваяния (идолы) трёх главных прусских богов — Патолса, Перкунаса, Потримпса, а рядом находились их символы.

Напротив идола Перкунаса с волосами в виде языков пламени горел «вечный» (поддерживаемый жрецами) огонь, считавшийся святым. В нем сжигали жертвоприношения. Для поддержания огня использовали только дубовые дрова.

Символом Потримпса, изображенного с венком из злаков на голове, была змея (точнее, уж), которая жила в корзине и питалась приносимым жрецами молоком.

Рядом с идолом Патолса лежали черепа человека, коня и быка.

Священный дуб на расстоянии двух-трех шагов от него окружали шесты с растянутыми между ними полотнищами. Описание такого полотнища находилось в утраченных текстах епископа Христиана (середина XIII века), оно приведено Симоном Грюнау под видом «знамени Видевута». На самом деле размеры полотнищ (длина 5 локтей, ширина 3 локтя — т.е. 2,25 × 1,35 м) указывают на применение их в качестве ритуальной завесы. Сходные традиции оформления святынь известны и у поморских славян X–XI вв. Надпись на «знамени Видевута» была аналогична англо-саксонским и скандинавским рунам.

За священную занавесь могли заходить лишь верховный жрец Кривайтис (Криве) и его помощники (вайделоты) для проведения особо важных обрядов.

При молениях производились возлияния священных напитков пруссов — молока и мёда (во всяком случае — последнего). В XIII веке, во время войн с Тевтонским орденом их заменило пиво. Моления проводились как в рамках календарных народных праздников, так и в экстраординарных случаях (угроза войн, накануне сражения, во время стихийных бедствий).

Согласно немецким хроникам, Ромове было не только религиозным, но также культурным и политическим центром народов Восточной Прибалтики. От них в святилище присылали жертвы, приходили паломники. Здесь же происходили военные сборы пруссов, хранилась общепрусская «казна».

Это Ромове — последнее великое святилище язычников Европы. Шведская Уппсала была разрушена в начале XI века, Аркона на острове Руяна (Рюген) и Ретра балтийских славян — в середине XII века, Ромове же в Надровии действовало до конца второй трети XIII века, а его жречество «функционировало», пусть на новом месте, в Вильне, еще два столетия после захвата Пруссии крестоносцами.

По преданиям, именно во второе Ромове был перенесен священный огонь из Арконского храма с Руяны (Рюгена) после разграбления и уничтожения храма датским королем Вальдемаром I в 1168 году, победившим руянского князя Яромира.

Согласно тем же преданиям, крестоносцам Тевтонского ордена не удалось осквернить последнее великое святилище: жрецы покинули его за несколько дней до прихода тевтонцев. Перед тем как уйти верховный жрец Кривайтис (Криве) закрыл святилище, совершив некий обряд, знание о котором передавалось только среди верховных жрецов. Как известно, 50-летняя борьба с крестоносцами закончилась в 1283 году полным поражением пруссов. Зная историю прусского сопротивления можно предположить, что второе Ромове было «закрыто» лет на 20 раньше этой даты*.

Кривайтис (Криве)

Кривайтис (Криве) *(реконструкция)*

Симон Грюнау сообщил, что согласно прусским преданиям и легендам, братья по имени Видевут (Вайдевут) и Брутен (Брутенис) по морю откуда-то прибыли в Пруссию, в устье реки Висла. Видевут якобы учредил у пруссов светскую власть, а Брутен основал главный культовый центр Ромове и стал первым верховным жрецом — Кривайтисом, или Криве (прус. Krivaitis, нем. Criwe). Рядом со святилищем он построил жилища для себя и своих помощников — поселение Рикойтас. Это произошло в начале VI века, Грюнау даже указал точную дату — 523 год от Рождества Христова.

Трудно поверить в то, что дело обстояло именно так. Скорее всего, легенды «задним числом» объясняли историю возникновения святилища Ромове и становления власти прусских племенных вождей (которых немцы называли нобилями). Тем не менее, пруссы ставили в честь легендарных братьев парные каменные изваяния. Они были настолько схематичны, что более всего напоминали невысокие столбики. Один назывался Ворскайтис («столп Видевута»), другой —

* С. Грюнау указывает 1265 год и называет имя жреца, совершившего обряд — Аллепс.

Ишвамбрато («его брат»), что подразумевало Брутена. Как правило, такие столбики стояли на границах земель. Тем самым охрану таковых поручали этим легендарным персонажам, считавшимся святыми.

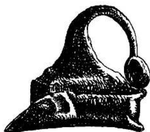
Известна и другая версия. Согласно ей, в 566 году пруссы отказались платить дань мазурам. Тогда мазовецкий князь Антонес выступил против прусского князя Видевута. Прусское войско было разбито. Братья Видевут и Брутен созвали в святилище Ромове представителей высших сословий. Разразившаяся во время жертвоприношения гроза была истолкована как воля бога Перкунаса, обещавшего помощь пруссам. И действительно, мазовы потерпели поражение, князь Антонес послал к Видевуту своего сына Чанвига с предложением мира. Чанвиг в знак мира принес в жертву богам белую кобылицу. С тех пор пруссы считали белых лошадей священными.

Эта важную победу пруссы всецело приписали воле своих богов. В результате они стали отождествлять с верховной властью жрецов, а не князей. При этом верховный жрец, глава всей жреческой «корпорации», получил священное культовое имя, передававшееся из поколения в поколение — Кривайтис (нем. Криве).

В 573 году Видевут и Брутен (первому якобы было 116 лет, второму — 132 года) решили разделить страну между наследниками. По преданию, Видевут передал своему сыну Литтпо страну Литауен (Литву), Замо поручил во владение Земланд (территория Калининградского полуострова). Получили свои части страны все 12 сыновей, а также три дочери Видевута. Был избран новый верховный жрец Брудано. После этого братья-старцы взошли на костёр — боги призывали их к себе. Тем самым они положили начало традиции самосожжения.

Символом Кривайтиса служил посох в рост человека с искривленным в виде петли навершием. Исследователь древних пруссов В.И. Кулаков пишет в книге «История Пруссии до 1283 года» (Москва, 2003 г.):

> «Высший глава жречества — Криве-Кривайтис — одевался в белые (полотняные) одежды, лишенные каких-либо украшений, в талии перехваченные 49 раз белым поясом. Голову верховного жреца, украшала остроконечная шапка с золотым шаром на конце, усыпанном драгоценными камнями (янтарём?). На правом плече Криве носил перевязь с шитым изображением бога Перкунаса. Жрец опирался на посох с тремя изогнутыми концами».

Шапка Кривайтиса (Криве)
(с печати фогта Самбии)

В XIII веке, когда пруссы отчаянно сопротивлялись крестоносцам и поднимали восстания на захваченных орденом землях, власть Кривайтиса (Криве) распространялась не только на все 11 прусских земель, но и на смежные территории Курляндии, Земгалии, Селонии, Жамойтии, «летописной» Литвы.

Кривайтис, верховный жрец святилища, приносил в жертву богам животных — черных быков и козлов, иногда — белых кобылиц. А прусские предводители в случае удачного похода жертвовали богам в Ромове (на деле — жрецам) треть военной добычи.

Практиковались в Ромове и человеческие жертвоприношения. Это делалось в специальных ямах на земляных валах, окружавших оба святилища. Юные прусские пастухи еще в XIX – начале XX веков пели на холмах песню со следующими словами: «Утренняя звезда, утренняя звезда, освети мою раннюю смерть. Скоро зазвучат трубы, должен я оставить свою жизнь, я и другой парень». Начало этому ритуалу положили Видевут и Брутен. Как уже сказано, состарившись, они назначили себе преемников, а затем приказали разложить огромный костёр перед священным дубом и сами бросились в огонь.

Здесь же «отправляли» к прусским богам христиан, которых выбирали жребием среди захваченных в плен крестоносцев. Их сжигали в жертвенных кострах верхом на конях, в полном воинском снаряжении. Примером тому может служить массовое жертвоприношение, совершенное в 1261 году Геркусом Манто после победы в битве при Покарвисе, когда были сожжены сразу несколько десятков пленных немцев.

Когда верховный жрец умирал, другие жрецы, рангом ниже (их называли вайделотами) выбирали из своей среды нового Кривайтиса (Криве). А если Кривайтис заболевал и долгое время не мог исполнять свои обязанности, он сам совершал акт самосожжения.

Впервые о Криве (латин. *Criwe*) как верховном языческом иерархе пруссов упомянул Пётр из Дусбурга в главе «De yodalatria et ritu et moribus Pruthenorum» своей «Chronicon Terrae Prussiae» (1326 г.). Духовной власти Криве, якобы умевшим проследить каждый шаг умершего, подчинялись и пруссы, и все соседние народы. Вот цитата из «Хроники Земли Прусской»:

> «Было же посредине этого погрязшего в пороке народа, а именно в Надровии, одно место, называемое Ромов, ведущее название свое от Рима, в котором жил некто по имени Криве, кого они [то есть пруссы] почитали, как Папу, ибо как господин Папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской. Такова была власть его, что не только он сам или кто-либо из сородичей его, но даже гонец с его посохом или с другим отличительным знаком, проходя по пределам вышеупомянутых язычников, был в великом почете у королей, нобилей и простого люда».

Описывая миссионерскую деятельность и гибель св. Адальберта, архиепископа Гнезненского, польский хронист Ян Длугош упомянул Криве во второй книге «Анналов или хроник славного королевства Польша» (1480 г.):

> «А прусский народ в эту пору был свиреп и жесток, предан идолопоклонству, культу демонов и столь очевидному слепому и мрачному заблуждению, что почитал в качестве богов солнце, луну, звёзды, зверей, птиц, огонь и прочие творения; они считали священными некоторые леса, озёра и реки, которые не разрешалось осквернять рыболовством, охотой и вырубкой, имели особый язык (...) имеющий некоторое сходство и подобие с литовским; они имеют чуть ли не одних и тех же богов, одинаковые обряды и святыни, и одного и того же верховного жреца священнодействий, живущего в их городе, который считается столицей и от Рима зовётся Ромове; каждого, кто не исполняет послушно его приказы, карают смертью, а сам жрец зовётся на их языке Криве».

Современная стилизация под прусский амулет. Самая характерная деталь — кривые линии

С давних пор идут споры о происхождении и значении терминов Кривайтис и Криве. Не будем углубляться в них. Нам достаточно знать, что Владимир Топоров в своем фундаментальном словаре «Прусский язык» (1984 г.) отметил следующее: «криве» (Krive, kreivs, kriv-ait) — наименование верховного жреца древних пруссов, игравшего исключительную роль в религиозной и общественной жизни. Прусское «krevis» и литовское «krivis» означают одно и то же — «искривленный, кривой». Вероятнее всего, такая характеристика связана с символикой бессмертия и бесконечности. Кроме того, существует мнение, что кривые линии символизировали корни священного дуба, т.е. связь с подземным миром.

Вайделоты

Точное число служителей культа в Ромове неизвестно, источники говорят лишь о том, что таковых было «много». Их называли «вайделотами», то есть «знающими»*.

Понятно, что один человек физически не мог выполнять все ритуальные функции. Кривайтис отвечал лишь за «главные»: основывал новые святилища, разжигал «вечный» (негасимый) огонь, приносил жертвы Перкунасу, давал предписания людям. Вообще огонь занимал важное место в духовном мире пруссов. Они почитали его под названием paniks (прусск. «священное пламя»). Еще в XIX веке на некоторых заброшенных городищах древней Пруссии в праздник летнего солнцестояния местные жители зажигали такие огни.

Вайделоты поддерживали огонь в святилищах (не только в Ромове), принимали и приносили жертвы богам, учили молодежь обычаям и традициям, рассказывали им о богах. Главной обязанностью вайделотов было поддержание священного огня, после того, как его разжег Кривайтис (Криве). Если огонь по недосмотру гас, жрец платил за это своей жизнью.

В общинах вайделоты совершали наиболее важные ритуалы во время религиозных и календарных праздников. Они часто выступали судьями в тяжбах.

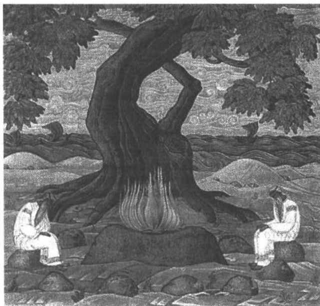
Вайделотами могли быть как мужчины, так и женщины. За огнем часто следили девушки (подобно римским весталкам) или вдовы. Их называли вайдилес (*vaidiles*). Как вайделоты обязаны были беречь и поддерживать вечно неугасае-

* Вайделоты (прус.), Вейдалоты (литов.), Waidelotten (нем.)

мый священный огонь Перкунаса, так и вайделотки исполняли ту же обязанность при храме богини Праурнмы.

Разница заключалась в том, что вайделоты были женаты, а вайделоткам запрещалось до определенного возраста выходить замуж и вступать в сексуальные отношения с мужчинами. За утрату целомудрия и в тех случаях, когда огонь погасал, вайделоток сжигали на костре. Впрочем, запрет на замужество не был слишком строгим. Известно, например, что князь Кейстут увёз из Паланги, из храма Праурнмы, вайделотку Бируту и женился на ней. Одним из их сыновей был знаменитый Витовт.

Вот что писал о вайделотах барон Василий фон Роткирх (1819–1891) в «Литовско-языческих очерках», изданных в 1890 году под псевдонимом Теобальд:

Языческие жрецы-вайделоты (худ. Николай Рерих)

«Так назывались жрецы-прорицатели, стерегшие священный огонь, «швент угнис» или «швента угнеле» (wenta ugnïlй), неправильно называемый зничем. Первой обязанностью вайделотов было приношение жертв разным богам, особенно же Перкунасу. Они назывались также жинисами (inys), т.е. «знающими», так как предсказывали будущее. Место, в котором они это делали, называлось жиниче (ħinycze), а так как оно обыкновенно находилось при священном огне, то польские хронисты, не разобрав сути дела, назвали сам огонь «зничем» и происхождение этого будто бы литовского слова объясняли с помощью славянского выражения: «из ничего», т.е. «из ничего происшедший огонь», или «знич».

Кроме предсказаний, обязанностью вайделотов было еще назначать время для местных праздников, во время войны принимать участие в походах и возбуждать мужество, лечить людей и т.п.

Вайделоты занимали среднее место в языческой иерархии; выше их стояли: криво, кривейто, ниже – вуршайты (жрецы непосвященные), сигоноты (род дервишей), потиники (жрецы Рагутиса), лингусоны и тулусоны (погребальные жрецы), швальгоны (свадебные жрецы), буртиники (народные певцы), мильдувники (жрецы Мильды), путтоны (гадальщики по воде), пустоны (лечили дуновением), вейоны (прорицатели по ветру), жваконы (прорицатели по пламени и дыму), сейтоны (прорицатели по амулетам), канну-раугис (прорицатели по соли и пивной пене), зильнеки (прорицатели по полету птиц), звайждиники (астрологи), юодукнигиникасы (чернокнижники).

Вайделоты имели право жениться, но источники не говорят нам ничего о том, чтобы их обязанности были наследственны. Их одежда состояла из длинной туники, обшитой белой тесьмой, застегнутой белым шнурком и украшенной внизу кистями из бычачьих хвостов; кроме того, они опоясывались широким белым поясом и при жертвоприношениях носили зеленые венки на голове».

Очистительные действия вокруг больных людей в их домах, по сообщению Лукаса Давида (середина XVI века), осуществляли сами вайделоты.

Они же проводили разовые жертвоприношения, связанные с определенными случаями в общественной жизни. Так, в 1520 году молитвами и закланием черного быка, кости и внутренности которого были сожжены на жертвенном костре, потомок вайделотов Вальтин Суплитт якобы отвратил от Самбии неприятельский флот.

Акция производилась на берегу моря возле деревни Рантау (ныне посёлок Заострове в Зеленоградском районе). В 1980 году Балтийская экспедиция обнаружила здесь жертвенный камень (1,1 × 0,65 м) трапециевидной в плане формы. Направленный на северо-запад (в сторону, с которой надвигались корабли Гданьска) угол камня был ограничен канавкой. Моления, видимо, адресовались богу моря Аутримпо.

Конец прусского язычества

В.И. Кулаков пишет:

«Культовые воззрения пруссов в виде языческих рудиментов народной культуры жили в Пруссии как минимум до XVIII века и сохранились в легендах и песнях XIX–начала XX веков. Окончательное сложение системы прусских верований как в идеологическом (строгое ранжирование богов), так и в общественно-административном отношении можно отнести к XI–XIII вв. По степени жесткой культовой регламентации жизни и значительной роли жречества в общественной деятельности культ пруссов наиболее близок традициям кельтских друидов конца 1-го тысячелетия до н.э.

Объединенное с верованиями остальных балтских народов культом Перкунаса, дубов, огня и змей, прусское язычество представляется среди традиций балтов наиболее усложненным и самодовлеющим, претворенным в сложную понятийную систему. Вера в загробную жизнь согласно уровню социального положения на земле (близкая индуистской системе «варн»), распределявшая людей по социальным категориям «жрец», «воин», «земледелец», «раб», усложнялась идеей метампсихоза. Последняя заключалась в констатации возрождения человеческого духа в новом теле в соответствии с требуемым исполнением культовых аспектов.

В VIII–IX и XII–XIV веках эта идея торжествовала в сознании пруссов. Поэтому практически всех членов прусского общества погребали по единому обряду (трупосожжение без инвентаря или трупоположение с сосудом и ножом). Более того, верившие в идею метемпсихоза пруссы ввиду внезапного усложнения жизненной ситуации без колебания кончали жизнь самоубийством, надеясь на лучшую долю в новом рождении».

Правда, надо отметить, что знатных людей все же погребали с атрибутами, соответствовавшими их положению при жизни.

Пруссы, создавшие иерархическую систему богов, сковали развитие общества религиозными догмами и зашли в тупик. Полное подчинение жизни общества служению идеологии неизбежно приводит к исторической трагедии, что и произошло с пруссами.

Своеобразным эпилогом прусскому язычеству и эпитафией жрецам — криве и вайделотам — являются слова старого прусса, записанные лютеранским священником М. Преториусом, собиравшим в 1664–1685 гг. народные предания на северо-востоке Пруссии:

«Один старый надрав из деревни Штригенен (ныне — рядом с поселком Загорское Черняховского района) рассказывал, что он происходит из особой семьи... Он говорил, что один из его предшественников был много веков назад здесь, в Пруссии (в звании) Криво, то есть высшим жрецом. Он соединял в себе все великолепные способности, которыми нынешние вайделоты владеют лишь в раздельности. Эти волшебные силы своего предка всегда воссоздаются лишь в наследующих ему сыне или внуке. Однако, к сожалению, обычным является то, что (эти силы) у них раз от разу уменьшаются, и у него эта сила почти полностью погасла, молвил он печально. Раньше он пытался, особенно часто в молодости, сделать усилие для возрождения старого искусства волшебства. Однако сила праотца ушла и потеряна. Вновь научиться этим знаниям невозможно.

Все это является знаком затухания его народа. Все его дети умерли до него неженатыми, так что ему некому передать наследие отцов. Он пуст как полый орех и опустошен. Единственное, что можно констатировать: он — последний из некогда столь великого рода. Этим (он) кончил свою историю».

Прусское жертвоприношение (по Х.Г. Поделю)

Этими грустными словами можно завершить описание верований древних пруссов.

Симон Грюнау в «Прусской хронике» дал перечень 48 первых Кривайтисов (Криве). Первым он назвал Видевута, вторым — Брутена, последним (48-м) — Аллепса (1265 год). Каспар Хенненбергер (1584 г.), Кристоф Гартнох (1684 г.), Эва-

рист Анджей Куропатницкий (1789 г.) и Теодор Нарбут (1835 г.) в своих книгах повторили список Грюнау. Только список Маттеуса Преториуса существенно отличается от варианта С. Грюнау.

Все Кривайтисы имели свою резиденцию в Ромове-1 или в Ромове-2. Преемники Аллепса по мере завоевания Пруссии крестоносцами уходили от них все дальше в глухие леса. Наконец, они перенесли свою резиденцию в Литву, сначала в Кернов, потом в Вильню. В Литве было три или четыре Кривайтиса, имена которых неизвестны. Наконец, в 1318 году (за 5 лет до переноса сюда столицы ВКЛ) верховным жрецом в Вильне стал 38-летний Лиздейка. Умер он в 1350 году на 71-м году жизни. Но по легенде он якобы еще был жив в 1387 году, когда Ягайло приказал разрушить святилище Перкунаса.

После этого Кривайтисы опять скрылись в лесах. Если верить Теодору Нарбуту, то последним (74-м) из них был некий Гинтовт, который умер 28 июля 1414 года в деревне Анкаим. Таким образом, традиция верховных жрецов растянулась на 890 лет: с 523 по 1414 год.

Святилище Перуна в Вильне

Прусское язычество оказало решающее влияние на религию единственного в средневековой Европе языческого государства, возникшего в соседней Литве в 1247–1253 годах. В Великом Княжестве Литовском XIV века тоже зафиксировано почитание жрецами огня, дубов и змей, явление «душ» умерших людей, принесение в жертву богам третьей части добытого в боях достояния.

Во-первых, это связано с тем, что пруссы в XII веке настойчиво распространяли свое влияние (во всяком случае, в области культа) на восток и юго-восток.

Во-вторых, в XIII веке под ударами крестоносцев много пруссов в поисках спасения от жестоких расправ бежало на территорию нынешней Беларуси и Летувы.

На берегах Немана и Двины существовала и традиция власти верховного жреца Кривайтиса (Криве). Но, в отличие от прусской «конфедерации», управлявшейся Кривайтисом в компании с вайделотами, что обрекло это протогосударственное образование на поражение в борьбе с Тевтонским орденом, Литва (древняя Беларусь) с самого начала имела светского правителя — великого князя.

Как уже сказано выше, единственный Кривайтис с резиденцией в Вильне, имя которого нам известно, это Лиздейка. Вот что писал о нем А.А. Виноградов в первой части своей книги «Путеводитель по городу Вильно и его окрестностям», изданной в 1908 году:

> «Сын литовского князя Свенторога Герымунд, избранный в 1265 г. литовским князем, устроил при впадении Вилейки (Вильны) в Вилию капище Перкунаса у подошвы горы, получившей впоследствии название Замковой. Это был большой двор на месте нынешнего кафедрального костёла, окруженный со всех сторон стеною. Длина его была 150 локтей, ширина — 100 и высота — 15 локтей*. Вход находился со стороны реки.
>
> При капище жил верховный жрец (Криво-Кривейте) с жрецами и вайделотками (нечто вроде весталок), поддерживавшими у капища неугасаемый огонь Знич. Около капища была поставлена особая башня, где ныне колокольня кафедрального костёла.

Нижняя часть этой колокольни, по преданию, и есть остаток башни, с которой Криво-Кривейте некогда возвещал народу волю богов.

Все это место было названо долиною Свенторога, т.е. святой алтарь, так как предназначалось для принесения языческих жертв и сожигания останков литовских князей после их смерти.

Кроме долины Свенторога, языческие капища находились и в других, ближайших к ней местностях: Антоколь в той части, где теперь военный госпиталь, был главным святилищем языческих божеств. Тут же, по соседству, стояло отдельное капище богини любви – Мильды, на месте нынешнего костёла Св. Петра и Павла.

Точно так же, на месте, где впоследствии была сооружена Пятницкая церковь, на площадке по Большой улице, стояло капище Рагутиса – покровителя пчеловодов.

Лиздека совершает жертвоприношение (худ. Михаил Андриоли)

Таким образом, уже в то время Вильна была местопребыванием главных жрецов, имевших огромное влияние и значение, и являлась средоточием военных сил; вместе с тем, как крепость, она служила лучшею защитою от нападения врагов.

Об основании Вильны существует интересный рассказ польского историка Стрыйковского, не имеющий, однако, исторически доказанных оснований. Поэтому рассказ этот должен быть причислен к легендам.

Стрыйковский (XVI век. – *Ред.*) повествует, что Гедимин жил в Кернове, но потом, построив город Троки (ныне Тракай. – *А.Т.*), названый так по множеству убитых здесь зверей, «второченных» его охотниками, перенес туда и свое местожительство.

Однажды, охотясь по берегам Вилии, покрытым тогда густыми лесами, он со всем своим двором прибыл к устью реки Вилейки, где его предки издавна сожигали тела мертвых и где курились жертвы идолам за усопших. Здесь Гедимин собственноручно убил тура на горе, которую назвал Туровою, получившею впоследствии название Замковой. После удачной охоты он лег на той же горе отдохнуть и во сне увидел огромного волка в железных латах, вывшего точно целая стая волков.

Верховный жрец литовский Лиздейко растолковал князю, что сон его знаменует славу многолюдного города, который должен быть на этом месте. Гедимину понравилось такое объяснение жреца и он заложил на горе каменный замок, увенчанный тремя башнями и окруженный тремя валами. Внизу, на «кривой долине», т.е. долине жреца Криво-Кривейте, он выстроил деревянный город с башнями, назвав его Вильною, и в 1323 г. переехал в него на жительство со всеми боярами».

* Локоть как мера длины не имел точного значения. Его средняя величина – 44,5 см. Если принять за основу эту величину, то получаем размеры 66,8 × 44,5 × 6,7 м. – *Прим. ред.*

Согласно той же хронике М. Стрыйковского, Свенторог (точнее Швенторог) – легендарный князь, основатель местной погребальной традиции. Свенторог стал править в начале XIII века, после смерти отца Утенуса. Перед смертью он просил своего сына Скирмонта сжечь его на мысу, где река Вильня впадает в Вилию, в долине, именуемой с тех пор Свентороговой (прусск. и лит. *sventas* – священный). Скирмонт вырубил участок леса и вместе со жрецами принес в жертву богам домашних животных. На костре сожгли Свенторога вместе с оружием, конем, соколом, охотничьими собаками и любимым слугой. С того времени там стали сжигать останки и других князей.

Несколько слов о Лиздейке (бел. *Лiздзейка*, лит. *Lizdeika*).

В преданиях, зафиксированных в беларуско-литовских летописях, а также в хронике Матея Стрыйковского, рассказывается о том, как во время охоты отец Гедимина князь Витень услышал в лесу плач разбуженного звуками охотничьих рогов младенца в корзине, стоявшей в кустах на холме. По совету жреца Кривайтиса (тайного отца ребенка) князь взял его на воспитание.

Это место получило название *Verkiai* (Веркяй, пригород старой Вильни; от лит. *verkti* – «плакать»), а ребёнок – имя Лиздейка (от лит. lizdas – «гнездо, корзина»). Воспитанный при княжеском дворе мальчик тоже стал верховным жрецом Кривайтисом и, женившись на родственнице князя Витеня, якобы был родоначальником княжеских родов Радзивиллов, Остиковичей и Нарбутов.

На самом деле в урочище Веркяй еще до основания Вильни существовало святилище, да и само урочище было священным. Мотив же покинутого в глухом лесу ребенка напоминает о шаманских ритуалах инициации (посвящения) и соответствующих мифах. Тем самым мотивируются способности жреца к предсказаниям будущего, толкованию снов, общению с душами умерших и т.п.

Менское капище

Наши знания о деятельности языческого жречества Ятвягов, Кривичей, Дреговичей и Радимичей крайне скудны. Поэтому я ограничусь рассказом об реликте седой старины, чудом дожившем до новейших времен – языческом капище в Минске*.

Капище располагалось на болотистом берегу реки Свислочь, в густом лесу (ель, осина, береза, ольха), где трудно было пройти и невозможно проехать. Даже в середине XIX века это было глухое место. Если привязывать его к современной топографии города, мы окажемся в районе ресторана «Старое рэчышча» по улице Лодочной, возле дома № 2.

Площадку святилища с трех сторон ограждал забор высотой около 2,5 аршин (примерно 1,8 м). До 1888 года внутри капища рос огромный священный дуб Волат (Богатырь) и постоянно горел святой огонь, рядом с которым жил его хранитель – Старец (знахарь-жрец).

Дуб, под которым люди молились и на который вешали жертвенные полотенца (рушники, украшенные вышитым орнаментом), могли охватить руками

* Долгое время наша нынешняя столица называлась Менск – по названию реки Менки, на которой он изначально стоял. Но после захвата Россией земель Великого Княжества Литовского в конце XVIII века, российские чиновники и картографы предпочли польский вариант названия – Минск.

только четыре человека, верхушка его была засохшей, ствол имел большое дупло. Дуб находился в центре площадки: с одной стороны от дуба стоял валун Дед, а с другой – жертвенник с огнём.

Валун высотой около 80 см стоял на удалении примерно трех метров от берега Свислочи. Камень обвязывали полотенцами, на него лили вино, мёд или молоко, поэтому над ним всегда вились пчелы.

Недалеко от камня в каменном жертвеннике днем и ночью горел огонь – Жыжа. На этом огне сжигали внутренности, ноги (копыта) и рога животных, которых приносили в жертву (обычно петухов, реже коз, овец или свиней) в качестве жертвы богам. Мясо жертвы брал себе старец (жрец-прорицатель и знахарь в одном лице).

Жертвенник был выложен из камней размером 20–25 см, его диаметр – 1,5 аршина (аршин – 0,7112 м). Внутри был настил, тоже сложенный из камней. Высоту жертвенника очевидцы оценивали в два аршина (142 см). Вокруг жертвенника шла ограда из камней высотой до 40 см. Глина, скреплявшая камни жертвенника, время от времени трескалась от постоянного огня, и он разваливался, тогда делали новый.

Минское капище в середине XIX века (рек. В. Стащенюка)

Был еще помост из дубовых бревен. Часть помоста лежала на земле и подходила к валуну. Другая часть (около двух метров в ширину, метра три в длину) нависала над водой Свислочи на сваях, вбитых в дно реки. В помосте было прорезано отверстие, через которое брали освященную речную воду. Помост также служил знахарю-священнику для проведения службы. Старец освящал воду и кропил ею верующих, а они клали деньги в круглый сосуд (рондель) с отверстием вверху. После освящения он позволял верующим брать с собой воду из Свислочи.

Имелся на капище и дощатый ящик, куда старец складывал дары верующих (главным образом полотенца, куски полотна, мешочки зерна ржи или ячменя, разных круп). Мясо жертвенных птиц и животных он уносил в погребок.

В 1930-е годы искусствовед Михаил Кацер записал рассказ минчанки Христины Савельевой (1857 года рождения) о минском капище:

> «Раньше богослужения и освящение воды делал знахарь, или чаровник, как его тогда называли. Но чаровников только сейчас считают скверными людьми, слугами антихристов. Тогда наши деды считали их святыми и во всем слушались их, молились им, приносили им богатые жертвы. Что ни случится плохое: пожар, кража, мор на скотину, болезнь, все шли к чаровнику за помощью. Он ворожил по солнцу, по звездам, по внутренностям козы или овцы, принесенной чаровнику, и объяснял селянам, от чего случилось несчастье и как от него избавиться. За это чаровнику приносили много всякого добра.
>
> Еще во время Крымской войны был знахарь-чаровник Савастей, высокий и толстый мужчина с большой черной бородой и длинными волосами: кто говорил, что он злой, а кто говорил добрый. (...) И он, этот Савастей, давал женщинам по небольшому петуху — свистульке из глины, он делал их сам, сам обжигал, сам раскрашивал. Этого петуха надо было держать в углу стены. И надо было молиться, просить, чтобы бог оборонил ее мужа от супостата, от пули, от штыка и от пики, от сабли».

***

В 1865 году через Минск прошла железная дорога Варшава — Москва. В связи с этим постепенно началась застройка территории, прилегающей к этой магистрали, в том числе и в районе капища. Здесь возникла улица Лодочная. Языческое святилище, ранее скрытое в глухом лесу, стало мозолить глаза церковникам.

Однажды в начале 1870-х годов приехали полицейские, разломали жертвенное огнище. Верующим запретили сжигать здесь останки животных. Савастею еле удалось откупиться, он дал полицейскому офицеру изрядную сумму денег и бочку мёда.

В 1888 году, накануне празднования 900-летия крещения Руси, власти еще раз попытались прекратить языческие обряды. Полицейские снова разрушили жертвенник Жыжа, спилили дуб Волат и прогнали Савастея. Рядом с камнем Дед церковники поставили большой деревянный крест и ящик с изображением креста. В ящик клали кадила, металлический крест, Евангелие, миску для жертвуемых денег. Здесь стал служить отец Ефимий, к которому приходили те люди, которые раньше поклонялись камню, дубу и огню.

Но потом выяснилось, что отец Ефимий на самом деле — бывший конокрад Ефим Скардович, бежавший из тюрьмы. Другие же священники и дьячки не желали служить здесь. Все они утверждали, что это «поганое место», что возле камня собираются черти, что там живет ведьма.

В общем, хотя ни огня, ни дуба уже не было, прекратить поклонение валуну Дед не удалось. Старший Савастей умер в конце 1903 или в начале 1904 года, еще до начала войны с Японией, в возрасте более 100 лет. Его сменил сын, хозяйничавший на площадке возле камня до 1927 года, пока его не арестовали агенты ГПУ.

В начале 1980-х годов валун Дед перевезли в Музей камней в микрорайоне Уручье, где он сейчас и находится. Ученые из института истории Академии наук выдвинули идею восстановить языческое капище на прежнем месте, объясняя это тем, что оно вместе с древним валуном могло бы привлечь немало туристов. Однако деятели из «Белорусской епархии Русской православной церкви» категорически против реализации такого плана. Они ведь отрицают даже прозвище полоцкого князя Всеслава – «Чародей». Православно озабоченные историки, изолгавшие всю нашу историю, желают, чтобы беларусы во веки веков жили в омуте этой лжи и поклонялись чужим богам.

ИМПЕРИЯ ВИТОВТА ВЕЛИКОГО

Иван Саверченко
доктор филологических наук

Витовт Великий (1350–1430) – уникальная фигура в политической истории Беларуси. Результаты его внутренней и внешней политики чрезвычайно масштабны. Будучи великим князем в течение 38 лет, Витовт значительно укрепил центральную власть, провел десятки победоносных военных кампаний, существенно расширил границы ВКЛ, отстроил города, наладил эффективную внешнюю торговлю. В старинных беларуских летописях князь Витовт характеризуется с исключительно положительной стороны, показывается как идеальный монарх (1). Подытоживая рассказ о Витовте Великом, летописец отмечал его главные достоинства: «Был Витовт очень чуткий хозяин, имел большой ум и неизмеримые заслуги. Он знал меру в еде и в питье, ничего крепкого не пил, только воду» (2).

К изучению периода княжения Витовта (1392–1430) и осмыслению деятельности этой неординарной личности историки обращались неоднократно (3). Вместе с тем многие аспекты и важные события его жизни и деятельности остались нераскрытыми, отдельные явления получили весьма односторонние оценки.

Важнейшие архивные источники, где зафиксированы различные сведения о Витовте, опубликованы в авторитетных изданиях (4). Но ключевыми среди них являются четыре летописных произведения: «Летопись княжения Витовта», «Сказание о битве на Ворскле» (5), «Похвала великому князю Витовту» и «Повесть о рыцарских делах и поступках Витовта Великого». Некоторые сведения об отношениях Витовта с Ягайло содержатся в летописной «Повести о Ягайло» (6).

В предлагаемой статье отражены несколько приоритетных аспектов: борьба Витовта за власть в Великом Княжестве Литовском; шаги, направленные на централизацию страны; войны с Золотой Ордой, восточными русскимим княжествами и с немецкими крестоносцами; причины и обстоятельства создания Православной митрополии в 1415 г.; мотивы, по которым Витовт хотел превратить ВКЛ в королевство.

***

Витовт – сын князя Кейстута. Он родился в 1350 г. от брака Кейстута с Бирутой. Уже юношей проявил склонности к военному делу. В 1368 и 1372 гг. Витовт вместе с отцом участвовал в походах на земли Московии.

В 1375 г. Витовт получил от отца, князя Кейстута, крупные земельные владения: значительную часть Трокского княжества с городами Гродно, Дрогичином, Мельником, Брестом, Каменцом. Ему также перешли земли на Полесье и на се-

* Из альманаха «Асоба і час». Выпуск 2. Мінск: «Лімарыус», 2010, с. 24–32. Перевод А.Е. Тараса.

северо-западе Княжества с центром в Мерочи. Став полновластным гродненским князем, Витовт в 1376 г. организовал военную кампанию против Польши и сражался с крестоносцами.

В 1377 г. Витовт поддержал решение отца возвести на трон ВКЛ Ягайло. Это произошло по договоренности с Ольгердом, родным братом Кейстута, который просил, чтобы после его смерти /Ольгерд умер в мае 1377 г. – Ред./ великим князем стал его сын Ягайло (1352–1434), племянник Кейстута и двоюродный брат Витовта.

Вначале Витовт имел с Ягайло чрезвычайно дружелюбные отношения, что способствовало стабильности и миру в государстве. В 1379 г. Витовт присутствовал при заключении договора с немцами, который со стороны ВКЛ подписали великий князь Ягайло и Кейстут.

Но раздор между родичами внесли интриги Войдылы*. Взаимные подозрения и недоразумения вскоре переросли в военный конфликт. Кейстут и Витовт попали в плен к Ягайло. При невыясненных обстоятельствах князь Кейстут в 1382 г. погиб в темнице. По одной из версий его задушил Прокша – чашник Ягайло. По крайней мере, так полагал Витовт, о чем он позже писал в одном из писем к крестоносцам.

Витовт, которого удерживали в Кревском замке, сумел с помощью жены и ее служанки сбежать из плена. Сначала он направился к мазовецкому князю Яну, а оттуда – к прусским крестоносцам. 21 октября 1383 г. Витовт крестился по католическому обряду. 30 января 1384 г. он пообещал великому магистру Конраду Холнеру фон Ротенштейну в обмен за военную помощь в борьбе за трон ВКЛ уступить ордену Жамойтскую землю. 14 июня 1384 г., во время личной встречи Витовта и великого магистра в

Витовт в молодости (рисунок из книги А. Гваньини «Хроника Европейской Сарматии»)

* Войдыла начал свою карьеру простым слугой Ольгерда, но к концу жизни великого князя занимал престижную придворную должность подчашего, имел титул боярина, владел богатым замком. Когда трон занял Ягайло, Войдыла стал главным советником молодого правителя и женился на его сестре Марии. В те времена, когда знать кичилась древностью рода и заслугами предков, такой взлет простого холопа казался панам чем-то абсолютно неприемлемым.

Дело кончилось тем, что в июне 1382 г. Кейстут захватил Войдылу и приказал повесить его. Ягайло при первом же удобном случае отомстил. Кейстута задушили, его жену Бируту (мать Витовта) утопили, двоих близких родственников четвертовали. – *Прим. ред.*

Мариенвердере (ныне Квидзин в Польше) они подтвердили взаимные обязательства.

С помощью крестоносцев Витовт организовал несколько военных кампаний против Ягайло. В результате около 1385 г. Ягайло вернул Витовту его наследственные владения – Берестейскую, Дрогичинскую, Мельницкую, Белзскую, Суражскую, Каменецкую и Волковысскую земли. Вскоре он получил во владение еще и Волынь.

Конфликт Витовта с Ягайло не был, однако, исчерпан до конца. Он разгорелся с новой силой, так как Витовт не поддержал Кревской унии 1385 г., подписанной Ягайло с поляками.

В 1386 г. Витовт вместе со Скиргайло (1354–1394) разбил войска полоцкого князя Андрея и смоленского князя Святослава, которые пытались вернуть прежнее величие своих княжеств, добиться их политической самостоятельности*.

После победы над Андреем Полоцким и Святославом Смоленским Витовт рассчитывал на получение власти над всем Великим Княжеством Литовским, так как Ягайло в 1386 г. был избран королем Польши под именем Владислава II и переехал в Краков.

Но Ягайло не удовлетворил амбиций Витовта и в 1377 г. передал власть в ВКЛ Скиргайло, с чем Витовт категорически не согласился. Витовт начал войну с политическим соперником – Скиргайло, но проиграл ее и в 1388 г. ему пришлось вместе с семьей уехать к крестоносцам.

На протяжении четырех лет Витовт воевал против короля Владислава (Ягайло) и его ставленников в ВКЛ. В начале 1389 г. он попытался хитростью овладеть Вильней. Витовт направил в столицу ВКЛ своих воинов на санях, замаскировав под свадебный кортеж. Но виленский воевода князь Корибут (в крещении Дмитрий) каким-то образом узнал о приближении вооруженной колонны и перехватил ее на подступах к городу.

Осенью 1390 г. Витовт с наемным войском и немецкими рыцарями попытался взять Вильню штурмом. Во время осады города использовались осадные устройства – тараны и камнемёты, а также пушки. Но взять город не удалось.

В 1390 г. Витовт сделал неординарный шаг, он создал альянс с Москвой, выдав свою 19-летнюю дочь Софью (1371–1453) за ее ровесника, московского князя Василия I Дмитриевича (1371–1425). Софья в сопровождении князя Ивана Альгимонтовича (Гольшанского) отправилась к своему суженому морским путем – через Балтийское море. Союз Витовта с Москвой существенно усилил его позиции в борьбе за трон ВКЛ.

В декабре 1391 г. Витовт наконец одержал военную победу: он овладел Мерочью и вернул себе Гродно. На его стороне выступили горожане, которые очень не любили поляков, присланных туда Ягайло в качестве управителей.

* Андрей Полоцкий (1325–1399) – сын великого князя Ольгерда и его жены, витебской княжны Марии Ярославовны. Он был старше Ягайло на 27 лет. Несмотря на прозвище «полоцкий», он трижды был служилым князем в Пскове. В «Хронике Быховца» Андрей Ольгердович ошибочно назван сыном Кейстута и с ним безосновательно связывается прозвище «Горбатый».

Святослав Иванович, князь Смоленский, в 1386 г., координируя действия с Андреем Полоцким, попытался вернуть захваченные ВКЛ северо-западные волости своего княжества. Но потерпел неудачу и погиб 29 апреля 1386 г. в битве под Мстиславлем. – *Прим. ред.*

Под сильным военным давлением Витовта король Ягайло был вынужден начать диалог. Плоцкий епископ Генрих приехал к Витовту и провел с ним тайные переговоры. Он сообщил ему о готовности Ягайло к миру и согласии короля уступить Витовту титул великого князя и трон ВКЛ. Витовт согласился. Он резко разорвал отношения с крестоносцами, ограбил крепости Юрбург и Баденгург, а затем отправился в Вильню, где его торжественно встретили горожане, надеясь на установление мира в ВКЛ.

Летом 1392 г. Витовт принимал в имении Остров Ягайло и его жену Ядвигу*. Там, 5 августа 1392 г. они подписали примирение, по которому Витовт становился полновластным хозяином ВКЛ. Торжественная коронация великого князя происходила в Виленском замке в костеле Святого Станислава в присутствии короля Ягайло с Ядвигой и многочисленных гостей.

***

После вступления на трон ВКЛ Витовт немедленно занялся централизацией государства и установлением единоличной монархии. Великий князь расправился с Ольгердовичами — главными политическими конкурентами, не желавшими признавать его власть и платить дань.

Первым против Витовта выступил Скиргайло. Он имел множество сторонников среди православного населения Беларуси, поэтому мог рассчитывать на успех. На стороне Скиргайло были и немецкие рыцари. Но Ягайло удалось примирить Витовта со Скиргайло. Великий князь пошел на значительные уступки. Скиргайло получил крупные земельные владения и города Стародуб-Северский, Кременец-Волынский, Старые Троки. Позже, в 1395 г. Витовт назначил Скиргайло своим наместником в Киеве.

Значительное сопротивление Витовту оказал Дмитрий-Корибут, который был князем Новогородским (Новогрудским). Возле селения Докудово (в Лидском повете) между ними произошла битва. Витовт победил, а затем пошел на Новгородок (Новогрудок), где укрылся Дмитрий (Корибут) с семьей, захватил город и взял непокорного князя в плен. Пленников Витовт отправил в виленскую тюрьму. Там они находились довольно долго, пока рязанский князь Олег Иванович, тесть Дмитрия-Корибута, не упросил Витовта отпустить зятя и его семью. Вскоре после этого Витовт помирился с Корибутом, но княжество ему не вернул.

После захвата Новгородка Витовт направил войска на Брянск и тоже подчинил его своей власти.

Непокорность Витовту проявил наконец князь Свидригайло, чувствовавший себя оскорбленным и обиженным. Его мать Ульяна владела Витебском. В 1392 г. она умерла, а Ягайло назначил наместником туда боярина Федора Весну. Униженный Свидригайло, обычно осторожный, не сдержался, напал на Витебск, захватил город и убил Весну. Витовт пошел с войском, взял Друцк, Оршу, а затем и Витебск. Свидригайло сдался в плен и был отправлен в Краков, к Ягайло.

Весной 1395 г. Витовт пошел на Киев против киевского князя Владимира Ольгердовича, который не хотел подчиняться власти великого князя. Увидев бес-

* Имение Остров находилось неподалеку от города Лида. — *Прим. ред.*

смысленность сопротивления, Владимир сдал Витовту город. Взамен великий князь дал ему Копыль с окрестными землями. В Киев великий князь назначил своим наместником Скиргайло. Но того вскоре отравили и тогда на его место Витовт прислал Ивана Альгимонтовича*. Таким образом Витовт превратил Киевское княжество, обладавшее значительной долей автономии, в воеводство, полностью подчиненное его власти.

Крупную кампанию Витовт провел против князя Подолии Федора Кориатовича. В битве около Каменца-Подольского Витовт разбил войско Федора, тот едва смог убежать. Затем великий князь захватил замки Браслав, Заслав, Смотрич, Соколич, Червен городок, Бякоту и Сколу. Наконец войска Витовта окружили Каменец. Защитники города сдались на милость великого князя. Федор Кориатович тем временем с семьей бежал в Закарпатье**.

Затем Витовт подчинил Волынь, повсюду в замках поставил свои гарнизоны и назначил наместников.

В 1395 г. Витовт совершил поход на Смоленск против Юрия Святославича, который захватил несколько местечек в Оршанском повете. Войско ВКЛ пришло к Смоленску и стремительно овладело городом. Витовт назначил здесь своим наместником князя Романа Михайловича, бывшего князя Брянского и Черниговского.

Крупный отряд под командованием мстиславского воеводы, князя Лугвеня (Симеона), Витовт направил против рязанского князя Олега***. Войско ВКЛ разбило рязанцев, после чего Олег Иванович признал свою зависимость от Витовта.

Натиск Витовта на восток вызвал изрядное беспокойство в Москве. Чтобы снять напряжение, Витовт встречался со своим зятем Василием Дмириевичем в Смоленске в 1393 г., а затем и в 1396 г. Они полностью договорились.

Не просто складывались отношения Витовта с Польским Королевством. Формально великий князь находился в зависимости от короля Владислава (Ягайло). Амбициозная королева Ядвига в 1398 г. предъявила Витовту абсурдное требование, чтобы ВКЛ платило дань в казну Королевства Польского. Великий князь созвал влиятельных магнатов и озвучил им ультиматум Ядвиги, который она, по

---

* Иван Альгимонтович – первый достоверно известный князь Гольшанский. Был одним из ближайших сподвижников Витовта. Он умер в 1401 г. – *Прим. ред.*

** Там он построил себе замок Паланок и основал несколько православных монастырей, самый крупный среди которых Свято-Николаевский, с большой библиотекой. Федор умер в 1414 г. Сыновей у него не было, а обе дочери стали женами венгерских вельмож. – *Прим. ред.*

*** Лугвень (1360–1431) был четвертым сыном великого князя Ольгерда от второго брака, получив в крещении православное имя Симеон (Семен). 14 августа 1385 г. он вместе с братом Ягайло и другими князьями подписал Кревскую унию с Польшей.

В 1389–1392 гг. княжил в Новгороде Великом, пока промосковская группировка не добилась его изгнания. Вернувшись в Литву, получил в удел Мстиславль. Дважды, в 1392 и 1402 гг. Лугвень разбил Олега Ивановича Рязанского, помогавшего своим смоленским родственникам бороться с Литвой. В 1403 г. Лугвень захватил Вязьму, а в 1404 г. присоединил к ВКЛ Смоленск.

В 1407 г. Лугвень присоединил к ВКЛ Воротынск. В том же году он был снова приглашен в Новгород, где княжил до 1412 г. С новгородской и смоленской хоругвями Лугвень участвовал в Грюнвальдской битве 1410 г. При этом в 1408–1411 гг. Лугвень еще был и наместником Витовта в Смоленске. С 1412 г. до смерти жил в Мстиславле. – *Прим. ред.*

всей видимости, согласовала с Ягайло. Паны и шляхта ВКЛ с возмущением отвергли требования поляков.

***

Укрепив свои позиции внутри ВКЛ, Витовт стал осуществлять активную внешнюю политику. Сначала он решил устранить угрозу со стороны Тевтонского ордена. 12 октября 1398 г. на острове Салин (нем. Залиенверден), расположенном на реке Неман при впадении в нее Невежи, произошла встреча Витовта с великим магистром Конрадом Юнингеном. Великий князь приехал с женой Анной в окружении большой делегации, состоявшей из влиятельных панов и князей. Среди последних были пинский князь Юрий, заславский князь Михаил, стародубский князь Александр, гольшанский князь Иван и друцкий князь Иван. Между ВКЛ и орденом было достигнуто взаимопонимание и подписан мирный договор.

Таким образом, в период с 1392 до 1398 г. Витовт силой подчинил политических соперников, пытавшихся оспорить его право на титул великого князя. Он осуществил централизацию страны и установил в ВКЛ единоличную монархию.

Великий князь добился фактической независимости от короля Владислава (Ягайло), договорился с московским правителем Василием Дмитриевичем, заключил мирное соглашение с крестоносцами. Так Витовт подготовил необходимые предпосылки, чтобы начать экспансию в юго-восточном направлении, в степи Дикого Поля, где свыше 250 лет хозяйничали татары.

Витовт в расцвете сил

В конце лета 1397 г. состоялся первый поход войска Витовта против Тимур-Кутлука и Едигея. Не встречая сильного сопротивления, оно достигло мест ордынских кочевий в низовьях Дона, захватило там много пленных, а затем пришло в Крым, где 8 сентября в битве возле Кафы разгромило местные отряды ордынцев. В результате этого похода Крым снова перешел под власть хана Тохтамыша – союзника Витовта. Но уже на исходе зимы 1398 г. Тимур-Кутлук разбил Тохтамыша и тому пришлось повторно спасаться бегством в Литву.

Витовт решил использовать сложившуюся ситуацию для осуществления своего стратегического плана: разбить Тимур-Кутлука, посадить ханом Золотой Орды Тохтамыша, а самому занять Москву и подчинить себе все княжества и земли, зависимые от московского великого княжества.

Летом 1398 г. войско Витовта совершило второй поход на юг. Двигаясь через Подолию, оно достигло устья Днепра, где заложило каменную крепость Тавань. По пути произошло несколько боев с татарскими «ордами», в которых литовские хоругви одержали победу. Много татар погибло, много попало в плен. Одну группу пленников Витовт отправил в Литву и «посадил» над рекой Вакой, другую — передал Ягайло*.

Эти успехи подогрели амбиции Витовта, и он начал подготовку к новой кампании против Темир-Кутлука. В 1399 г. великий князь собрал огромное войско и 18 мая вышел из Киева в поход. Вместе с Витовтом шла орда Тохтамыша. Большую часть войска Витовта составили дружины его вассалов: Андрея Ольгердовича Полоцкого, Дмитрия Ольгердовича Брянского, Ивана Борисовича Киевского, Глеба Святославича Смоленского, Льва Кориатовича, Михаила и Дмитрия Острожских, подольского князя Спытка из Мельштына и многих других князей. К нему присоединились около 100 немецких крестоносцев, а также 400 воинов из Польши. Одних только князей было 50.

Через два с половиной месяца, 5 августа войско Витовта достигло реки Ворсклы, где его ждал Тимур-Кутлук. Хан ожидал подхода крымских орд во главе с темником Едигеем и, стремясь выиграть время, вступил в переговоры с Витовтом. Великий князь потребовал от Тимур-Кутлука полного подчинения себе. В свою очередь, хан Золотой Орды и подоспевший Едигей предложили Витовту признать вассальную зависимость от Орды, после чего переговоры были прерваны. 12 августа 1399 г. войско Витовта покинуло укрепленный лагерь, перешло через Ворсклу и завязало бой с отрядами Едигея, заставив их отступить. Тем временем Тимур-Кутлук обошел поле битвы и, разбив отряды Тохтамыша, овладел лагерем Витовта. Окруженное ордынцами войско Витовта было почти полностью уничтожено. Витовт с небольшой дружиной, вместе с Тохтамышем, едва спасся от позорного плена.

Земли Княжества остались беззащитными перед татарами. Кочевники сполна воспользовались удобным моментом. Они окружили Киев. Жители города, спасая свои жизни, откупились от татар тремя тысячами серебряных рублей, по тем временам — астрономической суммой. Татары дошли до Луцка. Они нещадно грабили земли, гнали огромные толпы людей в неволю.

После поражения на Ворскле Витовт вынужден был искать сближения с Польшей. В 1401 г. он подписал Виленско-Радомское соглашение с королем Владиславом (Ягайло), которое предусматривало взаимную поддержку от внешней агрессии (7).

Временное политическое ослабление Витовта использовали его противники в Смоленске. В 1401 г. они убили князя Романа — наместника Витовта, а также всех его сторонников**. Жители Смоленска выбрали своим князем Юрия Свя-

* Посадил — это значит принял к себе на службу, дал землю для строительства поселений и для кормления. — *Прим. ред.*

** Роман Михайлович — в 1375–1395 гг. князь Брянский и Черниговский. Племянник Ивана Александровича Смоленского. После похода Витовта на Смоленск в 1395 г. и захвата им в плен князя Глеба Святославича Смоленского Роман стал наместником в Смоленске. Через полтора года после поражения Витовта в битве на Ворскле, в которой погиб Глеб, с помощью Олега Рязанского смоленским князем в 1401 г. стал младший брат Глеба, Юрий Святославич, а Роман Михайлович был убит. — *Прим. ред.*

тославича и восстановили самостоятельность Смоленского княжества. Витовт с войском направился к Смоленску, четыре недели держал город в осаде, но безуспешно, и вернулся в Вильню ни с чем. Вот как летопись сообщает о тогдашних событиях в Смоленске:

> «Там был и брянский князь Роман, поставленный Витовтом раньше в качестве наместника. Смоляне жестоко расправились с ним. Романовы дети и княгиня были отпущены. Смоляне схватили наместников Витовта, а также бояр – брянских и смоленских, – которые не хотели наследника – князя Юрия. Всех их посекли. Той же осенью князь Витовт ходил войной на Смоленск, на князя Юрия. Много дней Витовт дёржал город в осаде. Но не взял Смоленска и вернулся в свою землю» (8).

Воспользовавшиеся ослаблением Витовта крестоносцы устроили два больших похода с целью поддержки мятежного Свидригайло (который обещал им всё на свете, «только помогите») – в 1402 г. на Салечники, в 1403 г. – на Ошмяны. Но Свидригайло проиграл. Новый конфликт с Орденом завершился подписанием 23 мая 1404 г. договора о мире сроком на 10 лет в польском замке Рацёнжек между Тевтонским орденом, Польским королевством и Великим княжеством Литовским.

Сразу же после этого Витовт сделал вторую попытку вернуть Смоленск, но опять не достиг успеха. Только третья кампания, в 1405 году, дала положительный результат. Город удалось взять штурмом. Витовт казнил наиболее активных своих противников и назначил нового наместника. Жену бежавшего в Новгород князя Юрия и группу его сторонников он оставил в плену.

Князь Лугвень (Симеон), выполняя приказ Витовта, в 1403 г. захватил Вязьму.

Затем Витовт направил свой взор на Псков. В 1405 г. он пошел на Псковские земли и захватил Коложу. В 1407 г. Новгороду Великому снова пришлось согласиться с назначением Витовтом своего наместника, уже известного новгородцам Лугвеня Ольгердовича.

Напуганный такими успехами тестя московский князь Василий I Дмитриевич решился было на войну против него. В 1408 г. войска Витовта и Василия встали на противоположных берегах реки Угры, но, несмотря на призывы отдельных воевод, в битву так и не вступили. Великие князья подписали мирный договор, надолго установивший прочную границу между государствами.

С 1409 г. начал усиливаться конфликт между Витовтом и Орденом из-за Жамойтии, который вскоре перерос в открытые военные действия.

ВКЛ и Польша собрали огромное войско и пошли на крестоносцев. В состав войска Витовта кроме беларуских хоругвей входили и две татарские орды**.

---

* В нынешнем Александровском повете Куявско-Поморского воеводства Польши. – *Прим. ред.*

** Существует много выдумок о численности союзного войска и его противника – войска Тевтонского ордена – в битве под Грюнвальдом. В результате скрупулезного изучения документов обеих сторон ученые пришли к выводу, что под знаменами тевтонцев при Грюнвальде было не более 27 тыс. чел. (21 тыс. конных воинов, 6 тыс. пехоты). Кроме того в обозе находилось до 5 тыс. вооруженной челяди. Тевтонцы имели около десяти примитивных пушек – бомбард, не принесших им абсолютно никакой пользы.

Объединенное войско ВКЛ и Польши насчитывало примерно 32 тыс. чел. (17 тыс. у Ягайло, 15 тыс. у Витовта, в том числе 2 тыс. конных татар). Всего 29 тыс. конных воинов и 3 тыс. пехотинцев, не считая 4 тыс. вооруженных обозников. Плюс несколько бесполезных бомбард. – *Прим. ред.*

Битва произошла 15 июля 1410 г. на орденской территории, между деревней Грюнвальд (Зеленый лес) и замком Танненберг. Витовт применил в сражении хитрый прием, заимствованный от татар: ложное отступление, благодаря чему расстроил боевые порядки крестоносцев, затем плотно окружил и одновременно атаковал с трех сторон.

Рыцари во главе с воинственным Ульрихом Юнгингеном (брат умершего к тому времени Конрада Юнгингена, магистр с 1407 г.) потерпели ужасное поражение. Свыше 40 тысяч немцев полегли на поле битвы*. Погиб и магистр Ульрих. Особый вклад в разгром крестоносцев внесли три хоругви — Оршанская, Мстиславская и Смоленская.

Беларуский автор очень ярко и красноречиво передал события на поле битвы:

> «Потым ударылі ў котлы (бубны), зайгралі сурмы. Літва з татарамі кінуліся на крыжакоў. Разгарэлася бітва, ажно коні церліся бакамі. Вітаўт сам кіраваў харугвамі, выпраўляў шыхты. Палякі з сваім каралём узялі немцаў на палашы, а потым павялі іх на гарматы. Перад замаскаванымі гарматамі расступіліся па баках і немцы трапілі пад прыцэльны гарматны абстрэл. Іх там адразу палегла некалькі тысяч. Крыжакі, аднак, не зважалі на страты і ішлі на палякаў і літву, нібы аслеплыя. Бітва доўжылася гадзіны з тры. Пераменлівая Фартуна лётала з аднаго боку на іншы.
>
> Нарэшце немцы ўбачылі безліч сваіх трупаў, што валяліся на полі, і пачалі ў паніцы ўцякаць. Палякі, літва і татары гналі крыжакоў некалькі міль – білі іх, секлі, стралялі і калолі. Найбольш знакамітых рыцараў вязалі і бралі ў палон. Прускага магістра Ульрыха забіў просты драб ударам ашчэпа. У той бітве не ўсе нашы біліся, іншыя і шаблі не дасталі, бо на полі было надта цесна.
>
> Вітаўт распусціў татарскія і літоўскія загоны па ўсёй Прускай зямлі. Агнём і мячом яны чынілі велізарную шкоду і зло немцам. Падчас той бітвы былі захоплены ўсе нямецкія штандары і ўсе іх гарматы. Пераможцы авалодалі таксама ўсім багатым крыжацкім абозам, забралі ўвесь іхні скарб» (9).

Грюнвальдская битва 1410 г. имела общеевропейское значение, она навсегда подорвала силы крестоносцев. Столкновение германо-романского Запада со славянским Востоком закончилась триумфальной победой славян.

Объединенные войска ВКЛ и Польши после разгрома основных сил противника развернули наступление на другие замки и города Ордена. За время кампании 1410 г. они разорили всю Пруссию, разрушили 70 замков крестоносцев, только восемь городов остались не взятыми.

По договору, подписанному в 1411 г. с Орденом, к ВКЛ перешла Жамойтия. Польше досталась Добринская (Добжинская) земля.

Таким образом, период от 1398 до 1410 года характеризовался агрессивной внешней политикой Витовта, активным расширением границ и влияния ВКЛ. Великий князь вел войны с татарами, Московским княжеством и окончательно разгромил немецких крестоносцев.

---

* Это очень большое преувеличение, характерное для сообщений старых источников. Ныне историки полагают, что Орден потерял в битве убитыми и умершими от ран максимум 13 тысяч человек (включая челядь). Примерно 14 тысяч попали в плен, многие из пленных были ранены. Чуть больше 1,0 тыс. воинов сумели добраться до Мариенбурга – столицы Ордена. Союзники потеряли убитыми и умершими от ран поровну – по 10 тыс. чел. – *Прим. ред.*

***

В 1413 г. правительства ВКЛ и Польского Королевства подписали Городельский договор, который закрепил союз двух государств на основе личной унии (10)*. Шляхта ВКЛ получила те же права и вольности, которые имели польские паны. По образцу Польши в ВКЛ вводились новые государственные посты — воеводы, коменданты, маршалки дворные и земские, старосты земские.

РОСТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ДО 1462 г.

Но Витовт с самого начала подписания договора игнорировал его дискриминационные положения, а также статьи, направленные на полное слияние двух государств.

Чтобы достичь политической консолидации общества ВКЛ, Витовт в 1415 г. побеспокоился об учреждении самостоятельной Православной митрополии с центром в Новгородке (Новогрудке). В 1406 г. умер митрополит Киприан, а на

* Личная уния означает то, что один и тот же человек является монархом в двух государствах. Однако это обстоятельство не предусматривает объединения органов власти, вооруженных сил, финансов и единого законодательства. — *Прим. ред.*

его место из Константинополя был прислан Фотий. Но из-за принципиальных расхождений с великим князем, стремившимся создать самостоятельную от Москвы церковь, Фотий в 1414 г. был лишен высшей духовной должности.

15 ноября 1415 г. собор епископов ВКЛ избрал Киевским митрополитом Григория Цамблака (11)*. В тот же день Витовт издал постановление об отделении Киевской митрополии от Московской церкви и поддержал возведение Цамблака на высший пост в церковной иерархии (12). В своей Привилегии великий князь очертил цель миссии и духовные задачи Православной митрополии в ВКЛ. В летописных рассказах сообщается о тогдашних событиях следующее:

> «В 1415 году великий князь Витовт, по Божьей воле и собственному желанию, созвал собор православных епископов, которые служили на тех просторах, где он правил. Приехали на собор: полоцкий епископ Феодосий, черниговский — Исаакий, луцкий — Дионисий, владимирский — Харитон, туровский — Ефхимий. С теми епископами Витовт поставил на Киевскую митрополию болгарина Григория Цамблака» (13).

Важным политическим мероприятием Витовта стало крещение в 1417 г. Жамойтской земли. Христианизация населения происходила преимущественно принуждением и насилием: разрушались языческие капища, уничтожались деревянные статуи богов и божков. В качества действенного средства присоединения к христианской вере использовались материальное поощрение и подкуп.

В 1419 г. чешские гуситы, сражавшиеся за национальную независимость и свободу веры, обратились к Витовту с предложением принять корону Чешского королевства. Великий князь оказался перед сложным выбором: он имел дружеские отношения с императором Сигизмундом и не желал их портить, а последний как раз и воевал с гуситами. Витовт формально отклонил предложение Прокопа, руководителя гуситов, но послал им в помощь 5-тысячный отряд князя Жигимонта Корибутовича (ок. 1390–1435), сына Корибута Ольгердовича, погибшего в битве на Ворскле. 16 мая 1422 г. войско ВКЛ вошло в Прагу. Беларуские жолнеры сражались плечом к плечу с чехами за независимость их государства, а Витовт поддерживал отношения с гуситами.

В 1420 г. обострились споры между ВКЛ и Прусским орденом из-за Жамойтии. Вскоре начались военные действия, которые закончились подписанием 27 сентября 1422 г. мирного соглашения на озере Мельно. По этому договору, Жамойтия окончательно переходила под покровительство Витовта.

В 20-е годы XV века Витовт активно занимался отношениями с татарами. Причиной послужило вторжение на земли ВКЛ в 1420 г. татарского тёмника Едигея и ограбление им Киева. Но Витовт, наученный поражением на Ворскле, теперь использовал преимущественно дипломатию. Он подогревал конфликты между ханами, использовал противоречия между ними в борьбе за власть.

В 1425 г. политический вес Витовта еще больше возрос. Умер его зять — московский князь Василий I. Перед смертью он назначил именно Витовта опекуном

* Г. Цамблак (ок. 1364–1420) был митрополитом Киевским (с резиденцией в Новогрудке около 5 лет), пока не умер. После смерти Цамблака Витовт признал юрисдикцию московского митрополита Фотия в отношении епархий ВКЛ. Позже, в 1458 г. митрополит Григорий Болгарин добился полной независимости православной церкви ВКЛ от Московской митрополии. — *Прим. ред.*

несовершеннолетнего Василия II Васильевича – наследника трона. Витовт опекал внука, но мало вмешивался в дела собственно Московского княжества.

Однако в 1426 г. Витовт решил вернуть под свою власть Псковскую землю. Он собрал большое войско, переправился через Двину, захватил Себеж и Порхов. После этого жители Пскова сдались на милость великого князя. Витовт обложил Псковскую землю большой данью и назначил в Псков своего наместника – Юрия Носа.

В 1426 и 1427 гг. Витовт подписал соглашения с князьями Рязанским и Пронским. 3 августа 1427 г. он заключил союзный договор с тверским князем Борисом Александровичем, который приходился ему внуком (14)*.

Затем Витовт с войском двинулся на Новгород Великий. Навстречу войску ВКЛ выехало новгородское посольство с предложением мирного урегулирования конфликта. Вольнолюбивый город признал над собой власть великого князя Витовта и перешел под его покровительство. Витовт назначил наместником в Новгород князя Семена Гольшанского.

***

Чтобы не допустить слияния в единое государство ВКЛ и Польши, Витовт в конце 1420-х гг. начал подготовку к собственной коронации и преобразованию Великого Княжества в королевство.

В 1429 г. в Луцке в резиденции Витовта произошел большой съезд, созванный якобы для образования антитурецкой коалиции христианских государств. На съезде император Сигизмунд публично обратился к Ягайло с предложением поддержать коронацию Витовта. Польские магнаты возмутились. Особенно протестовал краковский епископ Збигнев Олесницкий. Он выступил с язвительными упреками в адрес Витовта, обвинил его в нарушении договоров, неисполнении обещаний. Поляки поспешно покинули съезд в Луцке.

Витовт в старости

Витовт и Сигизмунд отправили послов к Папе Римскому Мартину V с просьбой благословить изменения в ВКЛ. Поляки возражали и настраивали Папу против Витовта. Но великий князь склонил Мартина V на свою сторону.

* Борис Александрович княжил в 1425–1461 гг. – *Прим. ред.*

Торжественную коронацию Витовт назначил на 15 августа 1430 г. в Троках (нынешний Тракай). В ВКЛ приехали делегации: монархи со своими свитами. Среди них был польский король Владислав (Ягайло); великий князь московский Василий III, внук Витовта, вместе с московским митрополитом Фотием; датский король; гроссмейстер Тевтонского ордена, ландмаршал Ливонского ордена; господарь Валахии, князь Мазовии; хан Крыма и Перекопа; князь Тверской; князь Рязанский; князь Одоевский; посол от императора Византии; посол Папы Римского; послы от Новгорода Великого и Пскова. Семь недель длились приготовления. Но поляки повсюду на дорогах поставили заставы и не пропустили корону, которую везли послы от императора Сигизмунда. Тогда Витовт простился с гостями и уехал в Вильню, куда пригласил и Ягайло.

Неудача с этим грандиозным замыслом сильно огорчила Витовта. Он заболел и 27 октября 1430 г. умер на 81-м году жизни. Тело великого князя похоронили в Вильне в Кафедральном соборе.

* * *

Таким образом, Великое Княжество Литовское в период княжения Витовта (1392–1430 гг.) достигло наибольшего экономического, военного и политического могущества. Его рост происходил чрезвычайно стремительно, несмотря на отдельные неудачи и временные поражения.

Витовт ликвидировал систему удельных княжеств в ВКЛ, лишив местных князей политического влияния. Он уничтожил автономию Киевского княжества, полностью подчинил Киев великокняжеской власти.

Стремясь укрепить духовную и культурную независимость жителей ВКЛ, Витовт способствовал созданию в 1415 г. самостоятельной Православной митрополии с центром в Новгородке (Новогрудке). Вместе с тем великий князь проявлял религиозную толерантность, разрешал строить католические костёлы, с уважением относился к мусульманам и иудеям.

Во внешней политике Витовт добился исключительных успехов. В 1395 г. он подчинил Смоленское княжество. Великий князь с войском ВКЛ сыграл решающую роль в Грюнвальдской битве 1410 г., после чего прусские и ливонские рыцари опасались мощи ВКЛ.

В 1422 г. Витовт окончательно отвоевал у крестоносцев Жамойтию и подчинил ее Княжеству. Под протекторатом Витовта оказались Великий Новгород с огромными территориями, а также Псковское и Рязанское княжества.

Витовт активно влиял на внутриполитическую жизнь Золотой Орды. Он выбирал ханов и приводил их к власти в Орде. Венгерский король и германский император (в одном лице) Сигизмунд I относился с уважением к Витовту, стремился к взаимопониманию с ним.

Витовт вынашивал планы овладения Московским княжеством, стремясь создать славянскую империю. Ради достижения своих политических целей великий князь действовал решительно и энергично, не выбирая средств.

Папский престол в Риме с должным уважением относился к Витовту и его деятельности. На требование великого князя стать коронованным монархом, помазанником Божьим на земле, Ватикан без препирательств дал согласие и освятил корону.

Благодаря стараниям великого князя Витовта территория ВКЛ существенно увеличилась: просторы страны достигли Балтийского и Черного морей, Бреста и Можайска. За время его княжения Великое Княжество Литовское превратилось в сильнейшее в Европе государство, имевшее явные черты континентальной империи.

Источники ссылок

1. См.: Аповеды пра княжанне Вітаўта // «Маладосць», 2008, № 5, с. 103–105; Саверчанка І.В. Князь Вітаўт у беларускіх летапісах // «Полымя», 2009, № 3„ с. 151–153.
2. Аповесць пра рыцарскія справы і ўчынкі Вітаўта Вялікага // «Полымя», 2009, № 3, с. 169.
3. Гл.: Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410). СПб., 1885; Барбашев А. Витовт. Последние двадцать лет княжения: 1410–1430. СПб., 1841. — 340 с; Корчянский М. Вятовт Великий: Беглый обзор жизни его и деятельности (1430–1930). Каунас, 1930. — 96 с; Prochaska A. Dzieje Witolda w. Księcia Litwy. Wilno. 1914. — 420 s.
4. Акты, относяшиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 1. СПб., 1846; Грамоты великих князей Литовских с 1390 по 1569 год, собранные и изданные под редакцией Владимира Антоновича и Константина Козловского. М., 1866; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.-Л., 1950. Полоцкие грамоты XIII — нач. XVI вв. М.. 1977; Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae. Cracoviae, 1882; Zbior prav litewskich od roku 1389 do roku 1529. Pozna , 1841.
5. Сказанне пра бітву на Ворскле // «Літаратура і Мастацтва», 29 чэрвеня 2007, с. 6.
6. Аповесць пра Ягайлу // «Літаратура і Мастацтва», 21 лістапада 2008, с. 14.
7. См.: Zbior prav litewskich od roku 1389 do roku 1529.., s. 3–7.
8. Аповеды пра княжанне Вітаўта.., с. 103–105.
9. Аповесць пра рыцарскія справы і ўчынкі Вітаўта.., с. 166.
10. Гл.: Zbior prav litewskich od roku 1389.., s. 7–24.
11. Акты, относящиеся к истории Западной России.., Т. I, с. 33–35.
12. Акты, относящиеся к истории Западной России…. Т. I, с. 35–37.
13. Аповеды пра княжанне Вітаўта.., с. 103–105.
14. Акты, относящиеся к истории Западной России… Т. I, с. 46–47.

Коротко об авторе

Иван Васильевич Саверченко (1962 г.р.) — литературовед, историк, политолог.

В 1983 г. окончил филологический факультет Могилёвского педагогического института. С 1987 г. — в Институте литературы АН БССР. Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института литературы имени Янки Купалы НАН Беларуси.

Автор более чем 250 публикаций по проблемам филологии, истории и философии. В том числе автор книг «Канцлер Вялікага Княства: Леў Сапега» (1992); «Сымон Будны — гуманіст и рэфарматар» (1993); «Апостал яднання і веры: Язэп Руцкі» (1994); «Aurea mediocritas: Кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняе барока» (1998); «Эпістальярная спадчына Філона Кміты-Чарнабыльскага» (2006) и других.

МЕСТО ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ БЕЛАРУСОВ

Александр Литвинский

Место и роль Грюнвальдской битвы в истории региона (как и значимость других событий прошлого) начали осмысливаться через какой-то промежуток времени, который прошел после битвы.

Огромное влияние на историческое самосознание народов, представители которых участвовали в битве, оказала версия Яна Длугоша (1415–1480), которая в определенном смысле стала «канонической» (1). У этого польского хрониста данное событие стало выглядеть историческим фактом, пригодным для осмысления и оценки. Однако, как отмечали исследователи, польский монах не питал симпатий к ВКЛ и литвинам (2). Поэтому остается вопрос: насколько враждебное отношение Длугоша к «схизматикам» повлияло на созданную им картину своеобразной «битвы народов» начала XV века? Например, нам трудно ответить на вопрос, чем был для польского хрониста выдвинутый им тезис о бегстве войска ВКЛ "до самой Литвы": то ли он был искренне уверен в том, что все так и было, то ли ему очень хотелось верить в это, хотя бы и вопреки историческим фактам?

Во всяком случае, другая версия этого события, созданная автором «Хроники Быховца», несет отпечаток явной обиды и на поляков, и лично на Длугоша. В известной степени ее можно рассматривать как своеобразный полемический ответ польскому хронисту, как этакую «версию наоборот». Действительно, если Длугош говорит о бегстве войска ВКЛ с поля битвы, приписывая основную заслугу в разгроме тевтонцев своим соотечественникам, то неизвестный нам автор «Хроники Быховца» рисует картину, согласно которой вся слава победителей достается Витовту и литвинам, поскольку "ляхове" помогать им не хотели (3).

Антипольская тенденциозность данного взгляда не вызывает сомнений. В связи с этим интересно отметить, что в первой половине XVI века политическая элита ВКЛ, по заказу представителей которой (не Гаштольдов ли?) создавалась «Хроника Быховца», начала осознавать необходимость «раздела исторического наследства». И, как видно из соответствующего текста, уже тогда определенная интерпретация исторических фактов виделась в качестве средства политической и идеологической борьбы.

Надо, однако, обратить внимание на то, что героический образ воинов эпохи Витовта хотя и воодушевил поэтов-латинистов Яна Вислицкого и Николая Гу-

---

Из книги «Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XV стст.: Да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы. (Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гродна, 8–9 ліпеня 2010 г.)». Мінск: Інстытут гісторыі НАН, 2011, с. 151–156.

На момент первой публикации этой статьи (в 2011 г.) автор был учителем Мостищенской средней школы в Новогрудском районе Гродненской области.

совского*, все же не занял почетного места в шляхетском сознании, поскольку позитивное восприятие литвинами битвы как исторического события существенно отягощала концепция Длугоша, да и само это событие было заслонено другими, более актуальными. Вообще, нельзя сказать, что самосознание шляхты являлось историческим. Нобилитету тогдашнего общества значительно больше по нраву были псевдоисторические мифы, вроде легенды о римском происхождении литовской шляхты (легенда о Палемоне и его спутниках), либо так называемый сарматский миф, который идеологически объединял шляхту во времена Речи Посполитой.

Если же вести речь об историческом сознании низов общества, прежде всего крестьянства, то его уровень объективно был крайне низким, поскольку в данном случае преимущество религиозно-мифологического сознания являлось абсолютным. Как отмечают исследователи беларуского фольклора, беларусы, по сравнению с русскими, украинцами, сербами, не создали сколько-нибудь значительного количества артефактов, принадлежащих историческому жанру (при всей условности этого определения в отношении былин, казацких дум и т.п.). Не в последнюю очередь это объясняется весьма существенной социальной и культурно-религиозной дифференциацией беларуского общества. Образ Пана воспринимался мужиками как образ абсолютно Чужого (4). Соответствующим образом, шляхетские дела крестьян не интересовали. Еще необходимо отметить, что вряд ли стоило ждать сохранения воспоминаний о борьбе с нашествием крестоносцев от обитателей незатронутых этим нашествием Поднепровья и Полесья, поскольку память лучше сохраняет непосредственно воспринятое и эмоционально пережитое.

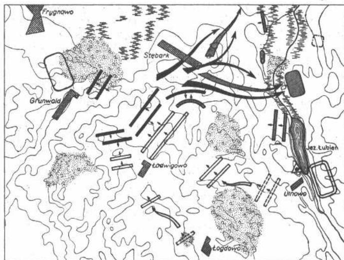
XIX век прошел, как известно, в атмосфере фактически непрерывной и очень острой польско-российской борьбы за влияние на землях бывшего ВКЛ, в том числе борьбы идеологической. Резко очертились две позиции: «литвинская» и западнорусистская. Первая, которую репрезентовали представители шляхты «происхождения литовского (или русинского), а нации польской», заключалась в романтизации прошлого ВКЛ. В связи с этим показательными являются всемирно известные произведения Адама Мицкевича «Гражина» (1823 г.) и «Конрад Валленрод» (1828 г.). В указанном контексте эта традиция рассматривала и Грюнвальдскую битву.

Альфой и омегой западнорусистской историографической традиции был тезис о преимущественно русской сути ВКЛ и о безусловной вредности для этого государства польского влияния. Однако идейный и научный лидер западнорусистов Николай Коялович (1828–1891), который враждебно относился к польскому присутствию на землях Беларуси и не жалел черной краски для создания из Польши образа исторического врага беларусов, как будто бы сделал исключение по отношению к событию, произошедшему 15 июля 1410 года. Ему исследователь посвятил специальную речь на заседании Славянского благотворительного общества (текст речи потом был опубликован) (5). В описании битвы главным для историка был показ реального славянского единства, которое

* Речь идет о поэмах Я. Вислицкого «Прусская война» (1516 г.) и Н. Гусовского «Песня о зубре» (1523 г.). Вторая часть поэмы Вислицкого полностью посвящена Грюнвальдской битве. — *Прим. ред.*

проявилось на Грюнвальдском поле, единства, о котором он тосковал и которое так редко встречалось в истории. Вот почему участие в битве чешского отряда во главе с будущим вождем гуситов Яном Жижкой Коялович рассматривал в качестве проявления борьбы за славянское дело. Интересно отметить, что лидер западнорусистов, не сомневаясь в том, что события Грюнвальдской битвы разворачивались «по Длугошу», тем не менее результат битвы рассматривал как триумф славянства и вообще не жалел патетики, особенно в прославлении героизма смоленских полков (6).

Беларуские деятели, которые в конце XIX — начале XX века стремились активизировать нациотворческие процессы, невольно или сознательно встали перед необходимостью создания привлекательного образа прошлого, своего национально-исторического мифа, который бы сыграл роль фундамента национального самосознания. В связи с этим приобрел важное значение вопрос о беларуской исторической субъектности.

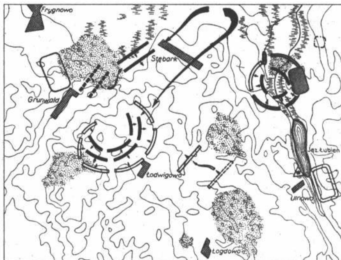

Ложное отступление литвинов на правом фланге

Однако не стоит считать, что именно эту задачу они считали главной. Социальные, языковые, культурно-просветительские вопросы казались им более актуальными, им уделялось первоочередное внимание. Деятели «нашенивского» периода, в определенном смысле слова «на ощупь» искали данную субъектность. Можно утверждать (при всем понимании спорности этого тезиса), что беларускую нацию в большей степени создавали поэты, чем историки. К тому же, еще и по причине сложных отношений с польским национальным движением не стоило делать акцент на Грюнвальдской битве (как известно, это движение стремилось монополизировать «грюнвальдскую славу»).

Поэтому не надо удивляться тому, что в «Краткой истории Беларуси» Вацлава Ластовского, увидевшей свет в 1910 году, так мало внимания уделяется Грюнвальдской битве. Словно вскользь автор замечает, «силу крестоносцев в битве под Грюнвальдом Витовту удалось совсем сломать» (7). И на этом про битву у него всё. Например, войнам Москвы против Литвы, которые начались в конце XV века, автор уделяет значительно больше внимания даже в рамках «краткой истории». Таким образом, Ластовский, который был в первую очередь общественно-политическим деятелем, а уже потом историком и литератором, явно не собирался включать Грюнвальд в контекст беларуского национально-исторического сознания (по крайней мере, он не собирался этого делать в «нашенивский период»).

Не нашла битва надлежащего отражения и в художественной литературе начала XX века. Это тоже симптоматично. Дело в том, что литература оказывает на процесс формирования национально-исторического сознания не меньшее, а

Разгром тевтонских хоругвей на правом фланге

подчас и большее влияние, чем историческая наука. Например, стихотворение Михаила Лермонтова (1814–1841) «Бородино» советскому читателю было намного лучше известно, чем посвященные Бородинской битве произведения историков. И таких примеров можно привести множество. Возможно потому, что версия Длугоша отягощала историческое сознание народов прежнего ВКЛ, а может быть потому, что на основе его версии создал в романе «Крестоносцы» (1897–1900 гг.) картину Грюнвальдской битвы знаменитый польский писатель, лауреат Нобелевской премии (1905 г.) Генрик Сенкевич, но беларуские мастера изящной словесности как тогда, так и позже не затрагивали данную тему.

Правда, необходимость осмысления исторического опыта беларуские поэты понимали, достаточно вспомнить «Погоню» Максима Богдановича, в которой действия предков рассматриваются как в чем-то недостижимый пример для неказистых потомков. Идея права беларусов на собственное историческое наследие звучит и в строках из поэмы Янки Купалы «На кутью» (опубликована в 1913 г.):

Аддайце славу нашу нам!
Нашто схавалі-расхапалі? (8)

Однако в данном случае апелляция к историческому прошлому имеет слишком абстрактный характер.

А вот в поэме Якуба Коласа «Сымон-музыка» (1911 г.) Беларусь показывается как объект домоганий иноземцев и звучит пламенный призыв стать хозяевами в своем крае (9). Таким образом, обретение субъектности в данном случае представляется делом современности и грядущего, поскольку поэт фактически отказывается видеть ее в прошлом.

Из сказанного можно сделать вывод, что беларуская литература начала XX века делала только первые, еще очень неуверенные шаги на пути художественного осмысления прошлого. Только начинался поиск исторических маяков, которые могли бы осветить этот путь. И Грюнвальдская битва не являлась тогда таким маяком.

Бурные события, связанные со становлением беларуской советской государственности, заставляли снова обращать внимание на прошлое, поскольку той либо иной ответ на вопрос о собственных исторических корнях во многом определял перспективы будущего. Как ответ на вызов времени, в 1919 году появился «Краткий очерк истории Беларуси», автором которого был Всеволод Игнатовский. В 20-е годы XX века произведение несколько раз переиздавалось, что свидетельствует о его популярности. По сравнению с Ластовским, Игнатовский больше внимания уделил Грюнвальдской битве. Автор дипломатично оставил в стороне больной для самосознания беларусов вопрос о бегстве войска ВКЛ с поля битвы, зато подчеркнул решающий вклад в победу «беларуских смоленских полков» (в этом он был солидарен с российской историографической традицией) (10). Надо отметить, что взгляды Игнатовского оказали заметное влияние на историческое сознание беларусов в 1920-е годы, поскольку его произведение определенное время использовалось в качестве учебника.

В этом отношении значительно меньше повезло работе Митрофана Довнара-Запольского «История Беларуси», поскольку созданная в 1920-е годы она тогда не была издана: бдительные советские цензоры увидели в ней угрозу национал-демократизма. Но даже если бы это научное произведение и было в свое время опубликовано, оно мало что добавило бы к восприятию читателем-беларусом Грюнвальдской битвы, поскольку повествование о ней автор ограничил несколькими строками:

> «Витовт соединился с Ягайло, потому что это было общее дело, и разбил рыцарей при Грюнвальде, или Танненберге. Поражение было настолько сильным, что орден распался» (11).

Последнее высказывание, кстати говоря, не соответствует исторической реальности.

Советская концепция истории Беларуси не способствовала внедрению в массовое историческое сознание беларусов представления о Грюнвальдской битве как о событии, которым можно гордиться. От этой идеи сильно пахло национализмом, что, с точки зрения советской идеологии, было недопустимым. К тому же этому не способствовали сложные отношения СССР с межвоенной Польшей. Информацию о событии советские учебники истории излагали в конспективной форме. Взгляд Длугоша на битву не ставился под сомнение (наиболее ярко это проявилось в соответствующем учебном фильме, адресованном советским школьникам). Особо подчеркивалась роль смоленских полков и их «русскость». И хотя историческое значение битвы как события, остановившего агрессию крестоносцев, не отрицалось, но и акцент на этом не делался.

Такой взгляд на битву объяснялся еще и общей концепцией истории ВКЛ, установившейся в советской исторической науке. Согласно ей, ВКЛ рассматривалось как государство литовских феодалов. Так вот, литовцам, хотя и с определенными идеологическими ограничениями, «было разрешено» писать про Грюнвальд и гордиться им. Не зря же название известного своими баскетбольными успехами спортивного клуба «Жальгирис» переводится как «Зеленый лес» (Грюневальде). Для «среднестатистического» же советского беларуса история государства наших предков была terra incognito. Соответственно, он значительно лучше представлял себе вымышленную Куликовскую битву 1380 года, чем реальное сражение, произошедшее 15 июля 1410 года*.

Положение изменилось в конце 80 — начала 90-х годов XX века, когда происходило становление независимой Республики Беларусь. Снова активизировался процесс поиска исторических ориентиров, которые помогли бы нам определиться со своим местом в мировом сообществе. Грюнвальдской битве в данном контексте предназначалась роль символа нашей славы, пусть даже общей с поляками и литовцами. Тут кстати надо упомянуть введенный в широкое научное использование шведским ученым Свеном Экдалем документ (письмо), который сообщает о тактическом маневре войска Витовта — ложном бегстве с целью нарушения монолитности орденских рядов**. В свете такой интерпретации, пусть и небесспорной, картина битвы выглядит вопреки Длугошу. По этой причине не приходится удивляться, что новый взгляд на Грюнвальд нашел отражение в научно-популярных очерках (12).

Упоминание о Грюнвальде вошло даже в один из конкурсных вариантов текстов Государственного гимна Республики Беларусь. Правда, с другой стороны, в

* Единственное произведение современного отечественного писателя, посвященное битве при Грюнвальде, это повесть Константина Тарасова «Погоня на Грюнвальд», изданная в 1980 году в Минске на русском языке.

Из старых книг надо упомянуть двухтомный роман Гавриила Хрущова-Сокольникова «Грюнвальдский бой, или Славяне и немцы», изданный в Вильне в 1886 и 1889 гг. Он интересен тем, что автор отвергает все тезисы Яна Длугоша, имеющие отношение к указанному сражению. — *Прим. ред.*

** Историк С. Экдаль, швед по происхождению, работает в Германии. В 1982 году был издан первый том его монографии, посвященной Грюнвальдскому сражению, в котором он опубликовал это письмо анонимного автора, датированное периодом 1411-1413 гг. — *Прим. ред.*

качестве события, символизирующего беларускую воинскую славу, представители национально-демократических кругов беларуского общества предложили Оршанскую битву 1514 года.

Сегодняшнее восприятие Грюнвальдской битвы беларусами во многом зависит от их ценностной ориентации. Если знания старших поколений (тех, чей возраст больше 30 лет) об этом событии довольно скромные, то, как показывают личные наблюдения автора, школьники и студенты относительно неплохо знают о ней. Можно полагать и надеяться, что уже в недалеком будущем Грюнвальдская битва займет прочное место в беларуском историческом сознании как событие-символ.

Источники ссылок

1. Длугош Ян. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962.
2. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Том 2. Мн., 2008, с. 103.
3. Беларускія летапісы і хронікі. Пераклад са старажытнарускай, старабелар. І польск. (Уклад: У. Арлова/ Мн., 1997, с. 16, 118–120.
4. Чернявская Ю.В. Белорусы: От «тутэйшых» — к нации. Мн., 2010, с. 174–194.
5. Коялович М.О, Грюнвальденская битва 1410 года. СПб., 1885.
6. Там же, с. 11–13.
7. Ластоўскі В. Кароткая гісторыя Беларусі. Мн., выданне 1993 года, с. 27.
8. Купала Я. Выбраныя творы. Мн., 2002, с. 359.
9. Колас Я. Выбраныя творы. Мн., 2007, с. 394–397.
10. Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. /5-е выд./ Мн., 1991, с. 86.
11. Доўнар-Запольскі М. Гісторыя Беларусі. Мн., 1994, с. 58.
12. Краўцэвіч А. Тэўтонскі ордэн: ад Ерусаліма да Грунвальда. Мн., 1993, с. 40–41; Тарас А.Е. Грюнвальд, 15 июля 1410 года. Мн., 2010, с. 91–95.

Приложение 1

Вот перевод упомянутого фрагмента из публикации С. Экдаля:

«Здесь нам хотелось бы обратиться к важной проблеме обманного бегства части литовского войска. Предположение, что так называемое бегство было тактическим манёвром литовцев с целью разрушения боевых порядков врага, которое высказывалось в прежних исследованиях – например, Станислава Куёта (30), Константина Юргеля (31) и Веслава Маевского (32), стало уверенностью благодаря тому, что в архиве Немецкого ордена в 1963 году был найден и потом опубликован (33) вышеупомянутый источник.

В письме, датированном примерно 1413 годом, автор предостерегает великого магистра от повторения событий битвы при Танненберге и объясняет манёвр расчетом на то, что людям свойственно стремление догонять беглецов (34). Эта тактика под Танненбергом имела абсолютный успех и стала фундаментом поражения орденского войска. Договаривались ли Ягайло и Витовт о такой тактике, как полагает Мечиславас Ючас в своей книге о битве, только что вышедшей из печати (35), – неизвестно, доказательства отсутствуют, но это очень вероятно.

В любом случае было бы недопустимой методической ошибкой не принимать во внимание непредвзятое мнение современника событий, высказанное в его письме великому магистру, и предпочитать намного более позднее тенденциозное описание хрониста Яна Длугоша, как это делают исследователи Стефан М. Кучиньский и Мариан Бискуп, находясь под влиянием Длугоша (36).

Исследователи до сего времени не принимали во внимание и описание битвы во французской хронике монаха из Сен-Дени, которое основывается на дружелюбном Ордену письменном свидетельстве от августа 1410 года и показывает просто гибельный результат обманного бегства литовцев (37). В нем говорится: когда воины Ордена в своем преследовании перебежали открытое поле и достигли леса, на них с фланга напали мощные силы, которые до того времени скрывались в лесу, – поляки; преследователи были уже сильно утомлены предыдущей стычкой и не сумели отбить мощную атаку. Согласно записи монаха из Сен-Дени от 6 октября 1412 года, которой он дает индульгенцию /отпущение грехов. – *Прим. ред.*/ тем, кто в определенные праздники посещает часовню, судьба битвы – победа или поражение – решилась в ее первой фазе» (38).

Источники ссылок в цитируемом фрагменте:

29. Ekdahl. *Tannenberg* I, с. 182 и следующие.
30. Stanisław Kujot: *[Rok 1410] Wojna* // Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu, Bd. 17. Toruń, 1910.
31. Constantine Jurgėla. *Tannenberg*, New York 1961, с. 48 и следующие.
32. W. Majewski. *Kilka uwag o bitwie pod Grunwaldem* // Zapiski Historyczne, 25, 1960, 2, с. 9–3.
33. Ekdahl. *Die Flucht der Litauer*. Там есть также резюме дисскуссии в старой литературе.
34. Там же, с. 16 и последующие.
35. M. Jučas, с. 164.
36. Смотри рассмотрение дискуссии у М. Ючаса, с. 107–115.
37. Ekdahl. *Tannenberg* I, с. 183–185.
38. Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380–1422, publiée en latin pour la première fois et traduite par M. L. Bellaguet, précédée d'une introduction par M. de Barante, Bd. I–VI, Paris, 1839–1852.

Приложение 2

В 2010 году известный беларуский историк Г.М. Саганович опубликовал в 17-м томе издаваемого им журнала «Беларускі гістарычны агляд» («Беларуское историческое обозрение») свою статью «Танненберг — Грюнвальд — Дубровна 1410: символизация битвы в Беларуси».

Статья очень большая — в формате «Дедов» она заняла бы 19 страниц, т.е. фактически это брошюра. Одних только ссылок на всевозможные публикации в ней более ста. Естественно, возникает вопрос: какую цель преследовала указанная публикация? На мой взгляд, квинтэссенцию рассуждений автора выражает следующая фраза:

> «...средневековые переселения немцев на Восток, которые в традиционной немецкой историографии считались своеобразной цивилизационной миссией, а в польской (как и в советской) — «немецким натиском на Восток», на деле было частью общеевропейского демографического движения и хозяйственного процесса».

В общем, многочисленные российские, беларуские и польские авторы, когда-либо рассматривавшие тему «натиска на Восток», по мнению Сагановича грубо извратили подлинные цели вооруженных вторжений тевтонских рыцарей на земли, где проживали балтские и балто-славянские племена. А чтобы выглядеть более убедительно, он осуществляет подмену понятий: мол, все эти авторы неправы потому, что приписывают немцам систематическую реализацию глобального плана под названием Drang nach Osten.

Да ничего мы не приписываем. Тевтонский орден был специально создан для крещения язычников, которое автоматически подразумевало полное подчинение вчерашних нехристей (дикарей-аборигенов) представителям мира цивилизованного (то бишь католического). Это бесспорный факт.

Уважаемый Геннадий Михайлович так долго и плодотворно сотрудничает с немецкими учеными и научно-исследовательскими центрами, так давно финансирует за их счет свои издательские программы, что успел полюбить немцев всей душой. И в полном соответствии с эпиграфом к своей статье, он переносит свое (и наше тоже!) уважительное отношение к нынешним немцам на членов Тевтонского ордена, занимавшихся грабежами и убийствами в наших краях восемью столетиями раньше. (Эпиграф этот таков: «В историческом мифе предстает современность, наряженная в одежду прошлого». — *Перевод мой, А.Т.*).

Что ж, в 1999 году я сам проводил семинар в земле Северный Рейн — Вестфалия. Тамошние немцы, не испорченные социализмом, мне очень понравились — в отличие от жителей бывшей ГДР. Образованные, культурные люди, в беседах все как один высказывали идеи гуманизма, толерантности, политкорректности.

Только как быть с известным свидетельством Петра Дуйсбургского в его «Хронике земли Прусской», написанной не в начале XXI века, а в начале XIV: «Закончилась прусская война, началась война литовская».

Мне почему-то кажется, что этот самый Пётр (Петер) — монах, опоясанный мечом — более адекватно представлял себе ситуацию с так называемым «цивилизационным движением на Восток», чем Г.М. Саганович и несколько современных польских авторов, на которых он ссылается. Впрочем, их нетрудно понять —

сейчас повсеместно идет борьба за исторические ресурсы (прочтите внимательно статью Ильи Калинина в данном выпуске «Дедов»). Сторонникам «правильного выбора» гарантируется щедрое финансирование. Но понять чужие мотивы еще не значит согласиться с поступками и высказываниями, обусловленными ими.

Возвращаясь к пруссам. Лично меня не вдохновляют методы и результаты «цивилизационного воздействия» на них орденских братьев. Было тех пруссов в начале XIII столетия всего-то 600 тысяч человек. Часть их погибла в сражениях с Орденом; другую часть, и немалую, «братья» просто зарезали, либо сожгли живьем, включая женщин и детей. Третья часть бежала в сопредельные земли — Жамойтию, Земгалию, Куронию, «летописную» Литву (это значит на земли Беларуси). Ну, а тем, кто остался на месте, пришлось отказаться от своего языка, от своей религии, от своих обычаев и стать рабами пришлых господ. Не навсегда, а только лишь на 500 с чем-то лет, после чего рабам приказали перейти к свободной продаже своих трудовых способностей.

Вне всяких сомнений именно такая судьба ожидала и наших предков, если бы они вместе с поляками не размолотили Орден вдребезги на поле под Грюнвальдом (или Танненбергом, или Дубровной — кому как больше нравится).

Поэтому, внимательно изучив аргументацию Г.М. Сагановича и компании в указанной обширной статье, я остаюсь на прежних позициях. Движение тевтонцев на восток было именно завоеванием отсталых (по их мнению) аборигенов, с обязательным онемечиванием, крещением в католическую веру и превращением в дармовую рабочую силу. Эту политику я по-прежнему буду называть «Drang nach Osten». А существовал ли коварный план под таким названием и с грифом «секретно», не имеет абсолютно никакого значения.

ХОРУГВИ ВОЙСКА ВКЛ В БИТВЕ ПОД ГРЮНВАЛЬДОМ

Алексей Шаланда

Гуф великокняжеский (хоругви №№ 1–5)

Существование такого гуфа подкрепляется не только общими принципами формирования войск Польши, Тевтонского ордена и ВКЛ. По нашему мнению, именно его заменил в конце XV – начале XVI века гуф гетмана наивысшего ВКЛ. Великокняжеский гуф включал в себя несколько хоругвей: великую (№ 1), меньшую (№ 2), надворную (№ 3) и «гоньчую» (№ 4).

Великая хоругвь, на наш взгляд, идентична с хоругвью «Литовской земли» («terre Lithwanie»), хорунжий которой Станислав Давгяла фиксируется в источниках в 1413 году. Флаг ее относился ко всему великокняжескому гуфу и имел на красной плахте изображение всадника с мечом. Цветовые характеристики и детали упомянутого геральдического изображения отразились в «Armorial Lyncenich»: на щите в красном поле на приподнятом белом коне с голубой упряжью и золотыми пуговицами, серебряный рыцарь с поднятым мечом и щитом, на котором золотые колонны. Герб подписан «[hertoghe von lettouwen] onde von rusen» – «великий князь литовский и русский». В стокгольмском «Codex Bergshammar» герб показан с клейнотом и палаткой. Обратим внимание на то, что западные гербовники зафиксировали такой вариант герба, который сложился у Кейстутовичей. Нет сомнения, что авторами его были герольды Витовта, ведь именно ему принадлежали «Колюмны» (Колонны). Командовал «великой» хоругвью в Грюнвальдской битве скорее всего Станислав Чупурна, великий или земский маршалок великого князя литовского («terre Lythwanie marschalcus»).

Меньшая хоругвь (№ 2) являлась хоругвью передовой охраны и включала в себя телохранителей великого князя литовского. Как и аналогичная польская, была она численно невелика, а ее флаг с «Погоней» отличался от предыдущего своими меньшими размерами. О том, что такая хоругвь существовала, есть глухое упоминание у Яна Длугоша: «князь спеша приехал сам, без всяких спутников». Эти спутники и составляли личную охрану Витовта.

Существование надворной хоругви (№ 3) тоже бесспорно, ведь в источниках нередко упоминаются дворяне Витовта («familiaris»). По этническому составу надворная хоругвь была пестрой: тут были и литовцы, и русины, и немцы, и поляки, и мазовшане, и силезцы. Командовать ими в Грюнвальдской битве должен был кто-то из дворных маршалков. Кто это был – Юрий Гедигольд (упоминается на должности в 1401 году) или Ян Бутрим из Жирмунов (упоминается на должности в 1412 году) – трудно сказать. Как уже отмечалось, в первой половине XVI

Сокращенный вариант статьи, опубликованной в книге: «Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XV стст.: Да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы. (Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гродна, 8–9 ліпеня 2010 г.)». Мінск: Інстытут гісторыі НАН, 2011, с. 85–91.

века надворная хоругвь фиксируется в составе гетманского гуфа. На своем флаге она тоже имела изображение «Погони», которое, возможно, отличалось от предыдущих своей формой или цветом масти лошади у всадника.

Проблема наличия в войске ВКЛ «гоньчей» хоругви (№ 4) довольно сложная. Такие хоругви существовали в войсках Польши и Тевтонского ордена. Главной ее тактической задачей являлось начало битвы. Учитывая этот факт, а также то, что атаку начало именно войско ВКЛ, можно высказать мысль о наличии в его составе такого формирования. Есть сведения, что на острие атаки войска ВКЛ были поставлены татары и литовцы: «Владислав татар и литовцев на острие разместил, первыми в бой идти приказал». Вряд ли польский король, а не Витовт, расставлял хоругви в войске ВКЛ, но вторая часть сообщения возможно содержит какие-то сведения о хоругвях, которые должны были начать битву.

Герб великого князя литовского и русского

Как можно понять, имелись в виду две хоругви: татарская количеством 300 человек во главе с ханом Джалал-ад-Дином (№ 5) и литовская. Размещение последней на острие атаки позволяет считать, что она и была «гоньчей» хоругвью. В «Хронике Быховца» сообщается, что битву должна была начать хоругвь под командой князя Ивана Жадивида, который даже называется «найвыжшим гетманом», но после его гибели ее возглавил вроде бы бывший «гетман дворны» Ян Гаштольд. Если отбросить терминологию гетманских урядников, характерную для XVI века, то в персонах князя Ивана Жадивида Федоровича Кориатовича и Гаштольда, которого, правда, звали не Ян, а Петр, надо видеть командующих великокняжеским гуфом и «гоньчей» хоругвью. Последняя вместе с татарами начала атаку на хоругви Фридриха фон Валленрода. В любом случае, вряд ли возможно принять мнение С. Кучиньского, что Иван Жадивид командовал «подольскими полками», а Петр Гаштольд всеми литвинами. На флагах и татар, и литвинов были изображения «Погони» из числа тех 30, о которых упоминает Длугош, если не принимать во внимание символику хоругвей на миниатюрах из хроник Д. Шиллинга-старшего и Д. Шиллинга-младшего.

Гуф Трокской земли (хоругви №№ 6–15)

В состав трокского гуфа входили хоругви наследственных земель Витовта, которые когда-то составляли так называемую «трокскую половину» его отца Кейстута: собственно трокская (№ 6), городенская (№ 7), ковенская (№ 8), берестейская (№ 9), волковысская (№ 10), дрогичинская (№ 11), мельницкая (№ 12). К этому же гуфу, видимо, надо присоединить хоругви земель, составлявших владе-

Старый герб Тракая (Троков)

ния самого Витовта и его родных братьев: новогрудскую (№ 13), кременецкую (№ 14) и стародубскую (с 1406 года владение князя Сигизмунда Кейстутовича, который скорее всего ею и командовал) (№ 15).

Все они получили от Витовта флаги с «Погоней», однако трокская хоругвь должна была иметь еще свой старый флаг с изображением герба, который помещен в «Armorial Lyncenich»: на щите в красном поле стоит серебряный рыцарь, в правой руке он держит копье, а левой опирается на щит, на котором в красном поле золотые колонны. Герб подписан «olde dratun» — «старый трокский». Повторен в искаженном виде в «Codex Bergshammar», на маестатовой (с 1407 г.) и гербовой (с 1401 г.) печатях Витовта. Можно полагать, что именно он был на флаге гуфа Трокской земли.

Гуф Виленской земли (хоругви №№ 16–22)

В состав виленского гуфа входили хоругви из земель, которые некогда были «виленской половиной» Ольгерда, а потом его сыновей, в том числе и самого польского короля Владислава (Ягайло): собственно виленская (№ 16), лидская (№ 17), медницкая (№ 18), полоцкая (№ 19), витебская (№ 20), киевская (№ 21) и, вероятно, пинская (№ 22).

То, что Владислав (Ягайло) сохранил за собой титул «наивысшего князя литовского», отразилось в гербе на флаге виленской хоругви и всего гуфа. Согласно «Armorial Lyncenich», он должен был выглядеть так: на красном поле щита приподнятый черный конь с голубой упряжью и золотыми пуговицами, на коне серебряный рыцарь с поднятым копьем и щитом, на голубом поле которого двойной золотой крест. Герб подписан «d[er] lant von der wille» — «земли Виленской». Повторен в «Codex Bergshammar», но с мечом вместо копья (1), а также на гербовой печати Витовта. Черный цвет масти лошади в гербе Виленской земли определенным образом подтверждает сообщение Яна Длугоша о разномастных конях всадников, изображенных на 30 хоругвях войска ВКЛ.

Герб Виленской земли

В свою очередь, черный цвет лошади, а также копье вместо меча должны были отличать хоругвь в войске Витовта от надворной хоругви в войске польского короля, которая имела на красной плахте рыцаря с мечом в руке верхом на белом коне. Кроме того двойной крест указывал на истинного «шефа» виленского гуфа — польского короля Владислава (Ягайло).

Известную информацию о Манивиде, как об одном из предводителей войска ВКЛ, С. Кучиньский пояснил в том смысле, что он являлся войсковым заместителем великого князя Витовта. В свою очередь, Анатолий Грицкевич считал, что заместителем Витовта был князь Семен Лугвень Ольгердович, а Манивид командовал «группой хоругвей». Возможно, в последнем случае он прав. Альбрехт Манивид, как виленский староста в 1395–1413 гг. (6), мог возглавлять именно гуф Виленской земли.

Гуф Смоленской земли (хоругви №№ 23–25)

Отдельный смоленский гуф из трех хоругвей объясняется недавним присоединением Великого княжества Смоленского (ВКС) к ВКЛ. Произошло это в 1395 году, когда «...князь литовскои Витовтъ Кестоуитьевичь взя Смоленескъ перелестью, и наместнйкй посадй». После поражения на реке Ворскла в 1399 году ВКС восстановило самостоятельность, но уже в 1404 году «...переветнице предаша град Смолнескъ князю Витовту Литовъскому». Было это приобретение Витовта, а потому Смоленская земля в ВКЛ обзавелась новым гербом, который зафиксирован в «Armorial Lyncenich»: на щите в красном поле серебряный медведь, который идет. Герб подписанный «smollenghe» — «смоленский». Повторен в «Codex Bergshammar», на маестатовой и гербовой печатях Витовта.

Смоленский герб

Существование отдельного смоленского герба позволяет думать, что именно он был помещен на флаге гуфа, что и позволило осведомителю Яна Длугоша отметить три хоругви смоленцев в Грюнвальдской битве. Сложным вопросом является определение командующего смоленским гуфом. С. Кучиньский считал, что им являлся князь Семен Лугвень Ольгердович. Однако из сообщения Длугоша этого не следует, скорей наоборот. Что касается предводителя смоленцев, то им мог быть только наместник Витовта.

Гуф гостей и наемников (хоругви №№ 26–30)

Обычно они собирались под флагом Святого Юрия. Такая хоругвь была и в польском войске, и у крестоносцев. Первым, кто высказал мысль о существовании в войске Витовта такой же хоругви, был Е. Лойко. Правда, он ошибся, приписав Витовту упоминание о хоругви Святого Юрия в «Хронике конфликта». На самом деле оно относилось к хоругви чешских и моравских наёмников в войске польского короля.

Однако есть более поздние упоминания о существовании такой хоругви в войске Витовта. Так, в 1428 году в походе на Новгород Великий в войске ВКЛ была хоругвь Святого Юрия, которую нес поляк Винцент из Шамотуль, межречицкий комендант. Правда, как она выглядела, Е. Лойко не смог определить.

Кроме того, когда во время междоусобной войны в ВКЛ в 1432–1438 годах между Сигизмундом Кейстутовичем и великим князем литовским Свидригайло Ольгердовичем в битве возле Вилькомира 1 сентября 1435 года войско последнего потерпело поражение, то среди павших летописи отмечают «...много йных гостей побишя, ру(а)куж(ш)ан и сляжан и чо(е)хов...». Как видим, комплектация хоругвей армии ВКЛ из иностранных наёмников и добровольцев в первой половине XV века была довольно распространенным явлением.

В связи с этим надо согласиться с Е. Лойко, что такая хоругвь должна была быть в составе войска ВКЛ уже в 1410 году. Из донесений агентов крестоносцев известно, что накануне Грюнвальдской битвы Витовт послал польскому королю для найма солдат 20 000 коп грошей. Возникает вопрос: куда делись эти гроши? Понятно, что Владислав (Ягайло) должен был потратить их на наёмников для войска ВКЛ. Деньги были немалые, если вспомнить, что именно за такую же сумму в свое время Витовт отдал польскому королю Владиславу (Ягайло) половину Подольской земли.

Обратим внимание на сообщение Длугоша про хоругвь князя Сигизмунда Корибутовича, которую он сначала зачислил в состав польского войска под № 51, «герб который муж вооруженный, что сидит на коне». Правда, позже он выделил князя Сигизмунда Корибутовича как одного из командующих хоругвями Витовта, чтобы потом совсем включить его в состав телохранителей польского короля.

Обычно такую непоследовательность рассматривают как ошибку хрониста. Однако все становится понятным, если видеть в хоругви Сигизмунда наёмников, завербованных королем Владиславом (Ягайло) для Витовта. В нее входили преимущественно поляки и командовал ею один из них, а потому могло сложиться впечатление, что эта польская хоругвь. Иными словами, это была не 51-я хоругвь в польском войске, а № 26 в войске ВКЛ и ее надо зачислить в гуф наёмников и гостей. Последних при дворе Витовта было немало и они со своими почтами могли составлять отдельную хоругвь (№ 27). В этот же гуф входили хоругви князей Семена Лугвеня (№ 28), неизвестного нам Юрия (№ 29) и валашский отряд (№ 30).

Новгородский герб

Герб с крестом Святого Юрия есть в «Armorial Lynсеnich»: на щите в красном поле серебряный крест. Герб подписан «nowengtrote» — «новгородский». Повторен в «Codex Bergshammar», а также на маестатовой и гербовой печатях Витовта.

Обратим внимание на то, что название герба соответствует месту княжения Семена Лугвеня Ольгердовича, который, как известно, являлся наместником Витовта и Владислава (Ягайло) в Новгороде Великом. Такое стечение обстоятельств заставляет думать, что гуфом гостей и наемников под флагом Святого Юрия командовал таинственный «король Новгорода» — князь Семен Лугвень Ольгердович.

Гуф Жамойтской земли (хоругви №№ 31–40)

Наиболее вероятной является наше мнение, что жамойты составляли отдельный гуф из 10 хоругвей, на флагах которых был помещен личный герб Витовта «Колонны». Его рисунок сохранился в «Armorial Lyncenich»: на щите в красном поле золотые колонны, повторенный в «Codex Bergshammar». Выскажем суждение, что это были следующие жамойтские хоругви: медницкая (варнянская) (№ 31), кальтеницкая (№ 32), кнетовская (№ 33), крожская (№ 34), видукленская (№ 35), расиенская (№ 36), эйрагольская (№ 37), бетигольская (№ 38), пернаровская (№ 39) и постанигенская (№ 40). Командовал жамойтским гуфом Румбольд Ламберт Валимунтович.

Личный герб Витовта (Колонны)

***

Таким образом, войско ВКЛ под Грюнвальдом в 1410 году сохраняло старый принцип деления на земские гуфы, где главными являлись хоругви так называемых трокской и виленской половин. Еще больше его подчеркивают созданные в 1410 году непосредственно перед битвой новые земские гуфы на старый манер – жамойтский и смоленский.

Вместе с тем можно заметить, что после катастрофы на реке Ворскла в 1399 году Витовтом были проведены определенные реформы в войске по западному образцу, которые касались резкого сокращения княжеских хоругвей, введения западных организационно-тактических принципов организации войска и ведения боя, перевооружения на западный манер и т.д. В определенном смысле отражением процессов, происходивших в войске ВКЛ, является символика и геральдика его хоругвей, которая сохранилась в хронике Яна Длугоша и других сфрагистично-геральдических материалах. Анализ последних, по нашему мнению, позволяет не только раскрыть структуру войска Витовта в битве под Грюнвальдом в 1410 году, но и проследить определенную эволюцию вооруженных сил ВКЛ.

Коротко об авторе

Алексей Шаланда (1969 г.р.) — беларуский историк и геральдист. Родился в Гродно. Преподавал в Гродненском государственном аграрном университете. С 2001 г. издаёт журнал «Герольд Litherland». С 2010 г. руководил сектором геральдики и нумизматики отдела специальных исторических наук Института истории НАН. С 2012 г. заведует отделом специальных исторических наук и информационно-аналитической работы Института истории НАН.

Примечание редактора

В своей книге «Грюнвальд, 15 июля 1410 года» (Минск, 2010) на страницах 82–84 я привел более полный список хоругвей войска ВКЛ, правда, без указания того, в какие гуфы они входили.

(а) С территории современной и исторической Беларуси: Брестская, Быховская, Виленская-1, Виленская-2, Витебская, Волковысская, Гродненская, Дрогичинская, Друцкая, Заславльско-Минская, Кобринская, Кревская, Кричевская, Лидская, Лукомльская, Медникская, Мельницкая, Могилёвская, Мстиславльская, Несвижская, Новогрудская, Оршанская, Ошмянская, Пинская, Полоцкая, Слонимская, Слуцкая, Смоленская, Стародубская, Трокская-1, Трокская-2. Всего 31 хоругвь.

Хочу подчеркнуть, что Вильня, Медники, Мельницк, Смоленск, Стародуб, Троки – это исконные земли наших предков, которые вследствие исторических пертурбаций позже достались Летуве, Польше, России.

(б) С территории Жамойтии: Вилькамирская (ныне Укмерге), Ковенская (ныне Каунас), Ушпольская (в районе Укмерге). Всего 3 хоругви.

(в) С территории современной Украины: Владимиро-Волынская, Киевская, Кременецкая, Луцкая, Новгород-Северская, Ратненская, Чарторыйская. Всего 7 хоругвей.

(г) С территории современной России: одна хоругвь из Новгорода Великого.

А всего – 42 хоругви. Перечислению Яна Длугоша верить нельзя. Он изо всех сил старался умалить вклад наших предков в Грюнвальдскую победу. Мол, и войско ВКЛ было наполовину меньше польского, и с поля боя оно убежало, и командовал с самого начала всеми передвижениями и атаками союзных войск Ягайло (Владислав II), а не Витовт, и т.д. К сожалению, автор статьи (А.И. Шаланда) всецело доверяет Длугошу.

О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ «СТАТУТ ЗЕМЛИ ЖЕМАЙТСКОЙ» 1529 ГОДА

Владимир Антипов

Практически неизученным остается до сих пор важнейший документ по истории Великого Княжества Литовского — «Устав (Статут) земли Жмудской» от 20 января 1529 года. Интерес к этому документу добавляет тот факт, что знаменитый «Статут Великого Княжества Литовского» был подписан на 8 месяцев позже — 29 сентября 1529 года. Добавив к ним еще и «Перепись войска Великого Княжества Литовского» 1528 года мы получим триаду юридических актов, определявших основы социально-политического строя ВКЛ и принятых фактически одновременно. Эту триаду вполне можно рассматривать как нормативную базу, тождественную современному понятию «Конституция».

Стилизованный перевод

Учитывая, что современному читателю не так-то просто понимать содержание документа, изложенного давно устаревшим канцелярским языком, мы взяли на себя смелость сделать его стилистический перевод. Вместе с тем мы ставили перед собой задачу не только сохранить смысл документа, но и передать его монументальный стиль. С этой целью, например, мы повсеместно применяли термин «установление» вместо современного «постановление». В квадратных скобках даны наши пояснения.

Устав (Статут) земли Жемайтской,
утвержденный грамотой Короля Сигизмунда I, в 1529 году.

(Выписка из Метрики Литовской, Тома 7 и 34)

Сигизмунд Божьей милостью Король Польский и Великий Князь Литовский, Русский, Прусский, Жемайтский, Мазовецкий и иных.

Этим Нашим документом делаем настоящее дело потому, что Мы, видя великое угнетение и утяжеление жизни подданных наших от старост Жемайтских и от судей земли Жемайтской, которых они угнетали многими и тяжелыми работами и непомерными податями, а наездами своими делали от них для себя корысть, от чего наши подданные той земли Жемайтской очень горюют и многие из некоторых своих мест разошлись и земли многие опустели.

А поэтому Мы, желая наше Государево милосердие над теми подданными нашими проявить, некоторые волости выделив, землю Жемайтскую отдали во владение и в правление старосте Жемайтскому, пану Станиславу Станиславовичу [Кезгайло], согласно изначальному давнему обычаю, по которому он имеет право там дела делать и править. То есть в привиле-

гии Нашей его записали, как Нам видится, к Нашему доброму, к лучшему полезному земскому делу в той земле Жемайтской. И в дворах и волостях Наших Жемайтских так сделать, и плату Нам Государю, и урядникам Нашим дворовым и судьям волостей Жемайтских установили ласково и с уважением людей Наших, которые из дворов и волостей Жемайтских, и взяли их под свою защиту и в подданство Наше и в потомки Наши. А именно в первую очередь следующее:
двор Вилкея с пашнями и со всеми людьми;
двор Велена с пашнями и со всеми людьми;
двор Скерстемон с пашнями и со всеми людьми;
двор Ясвойни с пашнями и со всеми людьми;
волость Ойрагола с городом и местными платами и со всеми людьми;
волость Ретово с городом и со всеми людьми;
волость Кондынка со всеми людьми;
волость Кершево со всеми людьми;
волость Поюрие со всеми людьми;
волость Шовды со всеми людьми;
волость Тверы со всеми людьми;
волость Телми со всеми людьми;
волость Ужвента со всеми людьми;
волость Вешване со всеми людьми;
волость Биржыляны со всеми людьми;
волость Двурьяны со всеми людьми;
волость Биржаны со всеми людьми.

В этих дворах и волостях Наших делаем и устанавливаем новый порядок оплаты Наших урядников в этих вышеозначенных волостях. В части податей присоединяем к тем Нашим дворам, которые от имени распорядителя дворов Наших и судей волостей Жемайтских имеют править и дело делать не иначе, кроме как согласно воле Нашей в этом Уставе записанной.

1. Сперва все работы, которые подданные Наши делали в дворах и имениях покойного пана старосты [Станислава Яновича Кезгайло] и судей, и доходы ему и всем судьям и заместителям их давали, и дела делали — то людям нашим все отпускаем. К этому же разных других податей, как обменянных, так и других вещей, которые были раньше без Нашего дозволения даденны самому пану старосте, и его заместителям, и приставам его заместителей — тех людей Наших в тех дворах и судах от того всего освобождаем, тех людей Наших от таких великих притеснений и взяток.

Усмотрели Мы к пользе Нашей так сделать, не забывая стародавнего обычая, который касается куничной платы [дань шкурками куницы по фиксированным ценам], которую люди Наши куничники давали Нам по шестнадцать грошей.

Мы в том им милость нашу сделали, отдали им тех куниц по четыре гроша, а которые волости пан староста держит под своей властью, с тех его волостей по старому могут нам куниц давать по шестнадцать грошей,

и должны нам и потомкам нашим куниц давать каждый год, за каждую куницу по двенадцать грошей.

Приставам и судьям, которые будут собирать куничные налоги, те, которые налоги имеют или дают, а за то освобождены от работы и которых за это освободили, должны нам те люди наши куничники, каждый из них, каждый год, от каждой куничной сохи по полукопе грошей давать [30 грошей], а от каждой конской сохи по половине того, а именно: по пятнадцати грошей, но их освободят от подати, которую собирали приставы и судьи с пустых земель, и уже судьи не могут на себя брать, то приписываем себе, чтобы тем быстрее те земли людьми были обжиты.

2. Также меды пресные из своих волостей, из которых их издавна давали, и налоги ежегодные от каждого человека даденные по два гроша, и ловле рыбы в наших озерах, и налоги льняные их имели, и акцизы с корчмы, и местные платы, и номерные, и торговые налоги: те все записанные именованные доходы берем и приписываем к себе, и потомкам нашим. Приставы и судьи наши в этом совсем не имеют ничего делать, и все то к рукам своим прибирать, потому что то все есть справедливо, собрано к нашим рукам Государевым.

А которые люди наши в дворах и волостях не будут иметь сох волов или кляч хотя бы одну на землю, с которой бы имела быть служба, те должны нам давать с каждой службы каждый год по десяти грошей до лучшего их положения, а когда сохи будут иметь, тогда уже те должны нам давать полукопу грошей, как и те люди, которые сверху перечислены.

3. При том постановляем, что каждый человек должен нам каждый год и потомкам нашим давать за бочку овса шесть грошей, а за воз сена два гроша, это есть вещи установленные и должны собираться для нас, во имя Божьего рождения. А приставы и судьи с теми сборами не имеют права по людям из дома в дом ездить, ни в одном месте, и говорить, чтобы тот платил им с волости, к которой до них тот был приписан с тем его доходом приписанным.

4. Также оставляем за собой и за потомками нашими стацею [сбор с крестьян припасов для войска]: где здесь когда надобно проходит, там до любого двора, или до Жемайтского приехали, тогда от каждого человека нам должны будут давать все стацеи, как ягнят, волов, гусей, кур, баранов, свиней, овса, сена, меду, и пива, и этого в другое время не должны будут давать, только если мы сами персоной своей там проезжали.

5. Также кошение и сенозаготовки наши, в которых во всех дворах и судействах для нас сено выкашивали, то и теперь может быть по тому же, если те люди наши имеют то сено косить, которые перед тем косили.

6. А которые люди здавна благодарения давали для нас ко дворам нашим, те имеют и теперь благодарения давать тем дворам нашим согласно давнему обычаю.

7. Также всякие суды и штрафы, имеющие быть подписанными, но не собранные через судей, и которые штрафы только присудят, те должны

быть в реестр вписаны, к нам представлены, а мы те штрафы скажем им к нам изымать. А с тех штрафов имеет на приставов и на судей идти каждый десятый грош, то есть: коли к нам один рубль, тогда им десять грошей обязательно.

А по причине такого жадного утяжеления налогов и обязательных пошлин не имеют с людей наших брать то, что сперва по пять грошей было дадено заместителям приставов и судей, а приставам два пенязи, то все людям тем отпускаем.

8. Одецкование [сбор денег на проезд децкого, чиновника великого князя], так должен быть на месте, если децкий нигде не поедет, имеет он взять один грош, а если бы децкий где в той земле ехал, тогда имеет быть децкование согласно стародавнему обычаю пять грошей, а выше пяти грощей не имеет никто больше брать. А что того касается на проезд приставов и судей, те дела так устанавливаем: каждому приставу и судье от каждой службы людей наших имеет быть дано пять грошей в каждом году, а с двух служб одна бочка овса, или за ту бочку два гроша, а с двух служб один воз сена, или за воз сена грош, и по две курицы, или за них грош, а с четырех служб одна бочка пива, которая не может быть заменена пенями одна за пять грошей, кроме такого случая: если которые не дадут бочки пива, тогда могут дать пять грошей или же меньше могут выпросить, заплатив, что им в том лучше будет казаться, с одной службы должны давать каждый по буханке хлеба так, чтобы буханка стоила по полгроша.

Также что касается выездов судейских на волости наши и взятия выплат и налогов наших этих стацей и доводов судейских, чтобы судьи очень часто в волостях наших не жили и в них много не ждали, мы им так устанавливаем в году два срока: первый срок на праздник Божьего рождения, а другой в последний мат Божий (?). На те два срока может каждый судья на свою волость выезжать и жить на ней, на каждом сроке по три недели, то есть всего жития по двум срокам может быть шесть недель.

И могут ездить не во множестве, а с малым числом слуг своих, для меньшей тяжести людей наших от тех выплат и налогов наших по стацеи. И гроши и доходы свои для этого установления не могут на людях делать, и всякое дело с людьми делать, и больше шести недель на тех обоих сроках не могут больше жить.

И заместителей и слуг не могут без себя в волости посылать, и стацей, чего для себя не доберут, того в домах людей не могут говорить им оставлять. И к домам своим конями волостными не могут ездить. Если те имеют у людей наших стоять, то гончих собак и легавых собак в домах их не могут держать и их кормить, и в повозке с судьями люди наши нигде не могут ездить, и подвод им и слугам их не должны давать, и на работы к дворам их люди наши никогда не должны ходить, и штрафов и одецкование выше этого установления нашего не могут с них брать.

А то установление прописанное в этом листе нашем распространяем на судей Жемайтских. А что касается тех дворов наших Вилкей, Веленье, Скерстемона, Нысвоим, в тех дворах также все платы и доходы наши вы-

писанные как с волостей, так и с тех дворов наших, должны нам с тех хозяев быть отданы, ничего не отменяя, если сами хозяева дворов наших имеют в тех дворах наших то, что установлено было для Виленского и Троцкого поветов.

10. Также чтобы эта справедливость установилась, в этом большая, точнейшая и безотлагательная, для совершения была не только самим судьям, но и каждому человеку нашему тамошнему, как в жалобах, так и в каждых случаях, или которые были бы не завершены по отозванию, тогда установляем этим листом нашим, чтобы в год четыре разы суды гражданские, то есть первые суды в среду первой недели поста, а другие суды в пятницу предыдущую по небовступлении Божьем, третьи суды в неделю Святого Михаила, четвертые суды в день Святой Люции, суды, которые должны положены быть именными пана старосты в Крожах, при которых судах должен пан староста сам судить с нашими судьями, и все суды как малые, так и великие и платы наши на нас должны записывать.

А если в тех случаях, когда зашла служба наша и земская, и подданные наши, где бы ни шли на службу нашу в земли Жемайтские, тотчас для этих идущих также должны то совершить. А на такие случаи права до сих пор свести не могли, однако же для той службы перед этим должен пан староста, которому бы это дали видеть и эти права совершать, и приказывать будет должен по тому простому смыслу.

11. А где эти случаи и права начнутся, мы то устанавливаем: если бы который шляхтич, который имел дело к судье, а судья к шляхтичу, или судья к судье, то ставим перед паном старостой и судьей права и речи с обеих сторон принять, и чтобы очень скорее имело дело, и сторона против стороны не желала права выстаивать и речи выслушать, то к нам бы это тотчас отсылали. Тогда перед этим должен на таковое сказание прибыть к нам, того не откладывая, даже если уже приступили к делу, а прочие, будь кто из судей или из шляхты, не просили отозвать от пана старосты дело к нам, таковых к нам должно отпущено быть.

А то дело между шляхтой и судьями должно быть кроме гражданских людей наших, потому что люди наши, которые бы имели притеснения и обиды от судей, или от шляхты, тем подданным нашим, каждый судья и шляхтич, должны на те сложные случаи перед паном старостой и судьей в каждом случае ответить, и не должен это никто из них к нам отсылать, потому что каждый шляхтич и судья должен на тех судах подданным нашим во всем права добиться.

А кто бы из людей наших прав иметь не хотел и дело это отзывал, с таковых пану старосте с судьями позволяем вину складывать, тех с согласия пана старосты всех судей и всей шляхты земли Жемайтской не трогаем, но желаем, чтобы всяких речей пана старосты во всем были послушны, как слова и места нашего, а больше в тех речах, которые служат к помощи и к доброму делу Речи Посполитой на той земле нашей.

12. При том устанавливаем, что те доходы наши не могут быть выбраны через других, а только через самих служащих и судей Жемайтских, для верности и справедливости, без всякого утяжеления и угнетения людей наших, чтобы больше не брать согласно сверх написанному в установлении нашем.

А если будет, в каком бы времени мы это ни увидели, кто бы то установление наше переступил и людям нашим притеснения делал, или их разогнал, или не согласно тому установлению что с них брал, или уменьшение доходов наших сделал, тогда для осмотра такового уменьшения и для дознания выбирания доходов наших можем послать человека которого доброго, верного, который для нас будет на то правильно смотреть.

13. Также судей не отдаляем от их имеющихся обязанностей, за исключением службы недобросовестной и за обиду подданных наших. А если станет, которого из них в том бесполезного распознали, тогда такового в тот же час отдалим сразу и другому вернейшему отдадим, кому будет наша воля Государева.

14. А это установили, что нам наперед времени виделось полезного в той земле Жемайтской. Если нам будет необходимость, которая может к нашему благосостоянию сделаться, и становиться, и прибавиться, и расшириться, мы и потомки наши прибавим, как будет наилучше видеться.

15. Внизу сам подписываюсь того же листа нашего и печать нашу каждый приложил к этому нашему листу.

Писан в Вилне в году Божьего рождения 1529, месяца января 20 дня второго индикта.

Тут подпись руки Государевой.

Писарь Горностай.

1. Задекларированные цели документа

Естественно, что каждый нормативный акт преследует некие цели. Эти цели задекларированы в начале текста, их две, обе записаны от имени самого Короля Речи Посполитой Сигизмунда I.

Первая цель – облегчение тяжелой жизни Жемайтов. Сигизмунд I для этого желал «... наше Государево милосердие над теми подданными нашими проявить...».

Вторая цель – «...людей Наших, которые из дворов и волостей Жемайтских, и взяли их под свою защиту и в подданство Наше и в потомки Наши...». Эту фразу можно трактовать как желание уравнять права Жемайтов с правами остальных подданных Великого Князя Литовского.

Отсюда вывод: как минимум до 1529 года Жемайты в правовом отношении стояли ниже остальных народов ВКЛ.

2. Реальные цели документа

Текст постановляющей части документа в корне отличен от декларируемых целей, прописанных в его констатирующей части. Суть документа выражает сле-

дующая цитата: «... плату Нам Государю, и урядникам Нашим дворовым и судьям волостей Жемайтских установили ласково и с уважением людей Наших, которые из дворов и волостей Жемайтских ...».

Иными словами, рассматриваемый документ представляет собой перечень обязательных государственных налоговых сборов, взимаемых с Жемайтских волостей для осуществления судопроизводства и проезда государственных чиновников. И этот перечень под кричащим заголовком «Статут земли Жемайтской» занял ...целых семь страниц.

Таким образом, документ представляет собой свод государственных обязательных сборов на содержание государственных чиновников и судейского корпуса, также касается порядка и сроков рассмотрения судебных дел и прописывает случаи, в которых нужно обращаться в вышестоящие судебные инстанции. Реальных мер по обеспечению жемайтам прав, равных правам других народов ВКЛ, в нем не видно.

3. Как жилось жемайтам до 1529 года

Процитируем преамбулу:

> «...великое угнетение и утяжеление жизни подданных наших от старост Жемайтских и от судей земли Жемайтской, которых они угнетали многими и тяжелыми работами и непомерными податями, а наездами своими делали от них для себя корысть, от чего наши подданные той земли Жемайтской очень горюют и многие из некоторых своих мест разошлись и земли многие опустели».

Итак, Жемайтам жилось так плохо, что они были вынуждены бежать с обжитых мест, что влекло запустение этих земель. Наличие этого документа говорит о том, что их невыносимую жизнь уже невозможно было игнорировать. Кто же довел их до такого плачевного состояния? Ответ дан в преамбуле — старосты и судьи Жемайтские.

Кто был старостами в Жемайтии? Вот начало их списка: Румбольд Волимонтович (1409–1412), Кезгайло Волимонтович (1412–1432), Юрий Галимин (1432–1435), Контовт (1435–1439), Кезгайло Волимонтович (1440–1441), Контовт (1441), Кезгайло Волимонтович (1442–1450), Ян Кезгайло (1451–1485), Станислав Янович Кезгайло (1486–1527), Станислав Станиславович Кезгайло (1527–1532), Петр Станиславович Кишка (1532–1534), Ян Радзивилл (1535–1542), Матей Янович Клочко (1542–1543), Юрий Биллевич (1543–1544), Иероним Ходкевич (1545–1561), Ян Иероним Ходкевич (1564–1579), и т. д.

Среди 15-ти перечисленных персон жемайтом является только Контовт, который в указанный промежуток времени — 170 лет (с 1409 по 1579) был Жемайтским старостой только 5 лет (1435–1439, 1441). «Хроника Быховца» прямо сообщает «...что Контовт был родом Жемайт». Она же повествует удивительную историю его назначения:

> « ...[Ян Гаштольд, предводитель войска Казимира, говорит Казимиру]: «...Не годится тебе биться со своими подданными [восставшими Жемайтами, собравшими войско против Казимира под Ковно] ... но сделай так: дай .:. им старосту по их желанию Контовта ... А тот и их самих и того племянника своего уговорит, чтобы они ...против тебя, своего Государя, не стояли».

И Контовт, приехав к Жемайтскому войску, прежде всего сообщил им, что ... Князь Великий Казимир сел в Вильно и в Троках и во всех княжествах Литовских и Русских [но не в Жемайтии – Жемайтия восстала против него!]. А затем уговорил племянника своего, которого Жемайты избрали своим старостой, чтобы он не стоял за войну против столь великого Государя, а главное – прирожденного отчича Литовского... И Жемайты решили служить Великому Князю Казимиру (...) и присягнули ему на том. И Князь Великий Казимир (...) утвердив их присягами и подчинив себе, приказал старосте Жемайтскому Кезгайле [четко сказано, что род Кезгайло – не Жемайтский], чтобы старостой в Жемайтии три года был Контовт... И как три года прошло, Кезгайло по прежнему стал Жемайтским старостою, а у Контовта [староство Жемайтское] отняли».

Приведенный эпизод из «Хроники Быховца» с вынужденным хитроумным назначением жемайта на должность старосты Жемайтского доказывает куда более важную мысль: в Жемайтии никогда не правили жемайты, за исключением Контовта.

А кто был судьями в Жемайтии? Тоже не жемайты. Этот факт подтверждает масса документов. В частности, «Опись документов Виленского центрального архива древних актовых книг»:

выпуск 2 (Акты Россиенского земского суда за 1588–1591 годы), Вильна, 1903);
выпуск 3 (Акты Россиенского земского суда за 1592–1595 годы), Вильна, 1904;
выпуск 4 (Акты Россиенского земского суда за 1595–1598 годы), Вильна, 1905;
выпуск 8 (Акты Упитского городского суда за 1584–1615 годы), Вильна, 1912;
выпуск 9 (Акты Вилкомирского городского суда за 1609–1621 годы), Вильна, 1912.

Вот для примера следующий документ: «Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трок, Православных монастырей, церквей, и по разным предметам. Часть 1. Вильно, в типографии А. Марциновского, 1843». На странице 204 дело 91 от 23 октября 1693 года:

«...бил нам челом боярин земли Жемайтской волости Тверской Татиятис и поведал перед нами, что в году шестьдесят шестом злопущения Божьего дядьки его Войтех Дайкивлайтис и Павлик Дайкивлайтис поветрием вымерли после которых все имущество как дома со всеми землями на него правом родственным перешло и стало, а что судья наш Тверской Андрей Илготовский после смерти оных бояр дядьков его все имущество [передал некоему Юрю Матейятю] (...) из актов книги Россиен...».

Суть дела в обыкновенной коррупции. Законный наследник жемайтских бояр Войтеха Дайкивлайтиса и Павлика Дайкивлайтиса, такой же жемайтский боярин Татиятис пытается в суде отстоять свое законное право на наследство на протяжении ...27 лет! А все потому, что еще один жемайтский боярин Юрь Матеяйтя повлиял на судью-славянина Андрея Илготовского через посланца-славянина Мартина Андреевича, то есть дал обоим славянам взятку.

Это дело интересно следующим.

Во-первых, здесь присутствуют сразу два форманта суффиксов и окончаний – славянский и летувский.

Во-вторых, каждый из них представлен двумя вариантами окончания: жемайтский -айтис, -ис и -тя, славянский -вич и -овский.

В-третьих, такое многообразие в одном документе указывает, что во все времена славянские писари записывали имена собственные так, как они произносились в жизни – если это была Вильня, то и писали именно так («... Писан в Вилне в году Божьего рождения 1529 ... Писарь Горностай ...»).

В-четвертых, в самом центре Жемайтии фактическими хозяевами были славяне, которые обнаглели до такой степени, что не боялись фальсифицировать дела о праве владения собственностью (!!!) на протяжении 27 лет.

Сами собой напрашиваются следующие вопросы. Неужели «родные» аукштайты (Станислав Станиславович Кезгайло, Мартин Андреевич, Андрей Илготовский) могли так угнетать своих этнических «братьев» жемайтов (Татияниса, Войтеха и Павлика Дайкивлайтисов)? Неужели Станислав Станиславович Кезгайло, Мартин Андреевич и Андрей Илготовский были аукштайты, но имели славянские форманты в фамилиях?

Таким образом, условия жизни жемайтов Жемайтии к 1529 году стали очевидно невыносимыми, что явилось основным побудительным мотивом к созданию «Статута земли Жемайтской». Основным классом, доведшим Жемайтов до такого состояния, была славянская шляхта ВКЛ.

4. Кто давал названия в Жемайтии

В документе перечисляются основные волости Жемайтии: Биржаны, Биржыдяны, Велена, Вешване, Вилкея, Двурьяны, Кершево, Кондынка, Ойрагола, Покорие, Ретово, Скерстемон, Тверы, Телми, Ужвента, Шовды, Ясвойни.

На карте современной Летувы этих названий нет. Все топонимы летувисы в 1918 году изменили на свой манер. А вот с 1529 до 1918 года на протяжении 290 лет топонимы Жемайтии писались в славянской манере – вопреки языку и традициям жемайтов. А кто мог по-славянски в течение трех столетий писать топонимы, гидронимы и этнонимы на славянский манер, пренебрегая местными названиями самих жемайтов? Только титульная нация, обладавшая всей полнотой власти в ВКЛ, в том числе и в Жемайтии.

5. Было ли в Жемайтии крепостное право

Крепостное право – совокупность юридических норм, закрепляющих наиболее полную и суровую форму феодальной зависимости. Включает в себя запрет крестьян уходить со своих земельных наделов (то есть прикрепление крестьян к земле или «крепость» крестьян земле, при этом беглые подлежали принудительному возврату), а также лишение крестьян права отчуждать земельные наделы и приобретать недвижимость.

Цитата из документа «... от чего наши подданные той земли Жемайтской очень горюют и многие из некоторых своих мест разошлись и земли многие опустели ...» показывает, что крепостное право в классической его трактовке до 1529 года в Жемайтии отсутствовало, так как Жемайты, самый угнетаемый этнос ВКЛ, могли свободно покидать свои земли и переселяться в другие.

6. Кто плевать хотел на жемайтов

Документ достаточно циничен по отношению к основному его объекту – жемайтам, проживающим в Жемайтии. Мало того, что он вовсе не решал проблему

облегчения жизни жемайтов и уравнения их в правах с другими народами ВКЛ. Апофеозом цинизма стало назначение на должность старосты Жемайтского Станислава Станиславовича Кезгайло.

Сперва читаем «... Мы, видя великое угнетение и утяжеление жизни подданных наших от старост Жемайтских ...». Но тут же следует совершенно невообразимое «... а поэтому Мы, желая наше Государево милосердие над теми подданными нашими проявить, некоторые волости выделив, землю Жемайтскую отдали во владение и в правление старосте Жемайтскому, пану Станиславу Станиславовичу [Кезгайло] ...».

Особый цинизм этому моменту придает тот факт, что Станислав Станиславович Кезгайло правил Жемайтией с 1527 по 1532, то есть два года до принятия этого документа и три – после. Если совместить оба факта, то получим такую логическую конструкцию. С.С. Кезгайло первые два года своего правления был плохим старостой, довел Жемайтию до ручки, поэтому король Речи Посполитой Сигизмунд I подписал «Статут земли Жемайтской». Потом этот же С.С. Кезгайло «исправился», поэтому король снова назначил его править Жемайтией. Иными словами, король Сигизмунд I забрал Жемайтию у Станислава Станиславовича «плохого» и отдал ее Станиславу Станиславовичу «хорошему».

Более того, на посту старосты Жемайтского Станислав Станиславович сменил своего отца, после него правил его сын. В целом, династия Кезгайло правила Жемайтией с 1409 по 1532 год за исключением пяти лет правления жемайта Контовта (Румбольд Волимонтович и Кезгайло Волимонтович были братьями, с последнего род превратился из Волимонтовичей в Кезгайло), то есть 118 лет. Один только этот факт наглядно и убедительно демонстрирует истинное отношение к жемайтам со стороны правящей элиты Речи Посполитой. Можно указать, кому конкретно было наплевать на жемайтов:

– во-первых, славянским старостам Жемайтским (тому же роду Кезгайло);
– во-вторых, королям Речи Посполитой;
– в-третьих, всем государственным служащим земли Жемайтской – славянам, которых документ не затронул вовсе и сохранил на своих местах.

7. Что такое «право» С. С. Кезгайло править Жемайтией

Рассмотрим цитату:

> «...а потому Мы, желая наше Государево милосердие над теми подданными нашими проявить, некоторые волости выделив, землю Жемайтскую отдали во владение и в правление старосте Жемайтскому, пану Станиславу Станиславовичу [Кезгайло], согласно изначальному давнему обычаю, по которому он имеет право там дела делать и править».

Что это за «изначальный давний обычай, по которому он имеет право там дела делать и править»?

В 1532 году, спустя три года после принятия «Статута земли Жемайтской», закончилась эра правления в Жемайтии династии Волимонтовичей-Кезгайло, насчитывающая как минимум 118 лет. Так как имена более ранних Жемайтских правителей нам не известны, можно предположить, что эта династия владела Жемайтией «изначально согласно давнему обычаю».

Соответственно, можно предположить, что права этого рода на правление староством Жемайтским тождественны правам суверена Жемайтии как ее завоевателя.

8. Границы Жемайтии

«Статут земли Жемайтской» перечисляет волости Жемайтии, на которые распространяется действие этого документа, по нему легко определить ее южные границы с Литвой. Эта граница проходила в районе Ковно (Кауны), но без самого Ковно. То есть, по этому документу в 1529 году к Жемайтии относилась не только Жемайтская этнографическая зона современной Летувы, но и половина современной Аукштайтии, примерно 75–80 % территории Республики Летува в границах до 1939 года.

9. Деньги ВКЛ

В тексте мы находим упоминание трех официальных денежных единиц Жемайтии: рубль, грош и копа грошей. Эти же деньги находились в обращении во всем ВКЛ. Никаких литов и центов нет ни здесь, ни в других исторических источниках. Таким образом, «Статут земли Жемайтской» доказывает не только отсутствие национальной (исторической) денежной единицы в Жемайтии до 1529 года, но и заимствование ею денежных единиц ВКЛ.

10. Изменил ли «Статут Земли Жемайтской» жизнь жемайтов?

Налоги

Дал ли «Статут» послабления жемайтам в отношении налогов? Однозначного ответа на этот вопрос быть не может потому, что налоговое законодательство до 1529 года в Жемайтии не сохранилось и сравнивать новый кодекс не с чем. Очевидным является предположение, что «Статут земли Жемайтской» делал налоговые и процессуальные послабления коренным жителям Жемайтии, но не устранял их совсем. Вместе с тем очевидно, что достаточно конкретное прописывание норм, сроков и правил взимания налоговых сборов ставило четкие границы, за которые нельзя выходить. Наличие такого рода границ, препятствующих взяточничеству, явилось основным плюсом документа.

Права и свободы

Сделал ли «Статут» послабления Жемайтам в отношении их прав и свобод? В постановляющей части «Статута» об этом нет ни слова. То, что никаких правовых привилегий Жемайтам этот документ не дал, подтверждает более поздний и куда более значимый документ — «Статут Великого Княжества Литовского» 1566 года. Его знаменитый 9-й артикул третьего раздела фактически ограничивал права жемайтов и других инородцев по сравнению с литвинами и русинами:

> «...Так же мы Государь обещаем и совокупляем присягой нашей ... что в том государстве Великом Княжестве Литовском и во всех землях ему подчиняющихся по ценностям духовным и светских городов, и дворов, и староств земельных во владение и пользование вечное жадное ни чужеземцам, ни иностранцам, ни соседям того государства давать не будем. Но то все мы и потомки наши Великие Князья Литовские да-

вать будут должны только Литве и Руси, предкам стародавним и уроженцам Великого Княжества Литовского и иных земель тому Великому Княжеству принадлежащих ... Но на благородность [шляхетство-дворянство] и всякую должность духовную и светскую не может быть избран, даже от Нас Государя ставленник, только издавна предков своих уроженец Великого Княжества Литовского Литвин и Русин».

Жемайты в этом списке привилегированных народов не значатся.

То, что во время подписания «Статута земли Жемайтской» жемайты были далеки от руководства страной, подтверждает цитата из «Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie» (Архив князей Любартовичей-Сангушко в Славутиче. В 7 томах. Львов, 1887–1910). Страница 148 в томе 3 дает перечень официальных лиц от ВКЛ, присутствовавших при подписании одного из нормативных актов королем Речи Посполитой Сигизмундом I:

> «А при том были: Князь Войтех, Бискуп Виленский; воевода Виленский, канцлер, пан Миколай Миколаевич Радивилович; пан Виленский, Гетман наивысший, староста Луцкий, Маршалок Волынской земли, князь Константин Иванович Острожский; Воевода Трокский, Маршалок дворный, пан Григорий Станиславович Остикович; пан Трокский, староста Жемайтский, пан Станислав Шнович; Маршалок земский, державца Слонимский, пан Шим Миколаевич; подчаший, староста Гродненский, пан Юрий Миколаевич – Радивиловичи – воевода Новгородский, пан Ян Шнович Заберезинский; староста Берестейский и Лидский, Маршалок, пан Юрий Иванович Ильинич и иные Панове рады Великого Княжества Литовского.
>
> Писан в Вилни лета Божьего 1516, месяца ноября двадцатого, индикт пятый».

11. Язык Статута

«Статут земли Жемайтской» написан кириллицей на славянском языке, который являлся письменным, литературным и официальным языком Великого Княжества Литовского до 1693 года, когда его заменил польский. Этот язык имеет и другие названия: западнорусский, западнорусский литературно-письменный, западнорусский письменный, росский, русинский, рутенский, литовский, литовско-русский, старобелорусский (старабеларуская мова), старобелорусский литературный, белорусское письмо, южно-русский, староукраинский (староукраїнська мова), славянский язык ВКЛ, канцелярский язык ВКЛ.

В оригинале текста мы выделили следующие особенности:

(а) ожидаемо много беларусизмов и украинизмов:

або – или, але – но, бо – потому что, годны – правильный, державец – хозяин, доведование – дознание, доконать – завершить, дотравить – добрать, дотычется – касается, ежели – если, инший – другой, казать – говорить, кривда – обида, лепей – лучше, наведывали – посещали, найлепей – наилучше, належат – служат, народзеня – рождения, нижли – если, николи – никогда, огледание – осмотр, повинен – должен, повинны – должны, повинный – виноватый, подвода – повозка, пожитки – натуральный налог, потреба – необходимость, почать – начать, рушить – двигать, свято – праздник, середа – среда, справа – дело, справлять – делать, справовать – совершать, ся – это, тыдзен – неделя, тых – тех, тяжкость – тяжесть, убачить – увидеть, утиск – притеснение, усталять – устанавливать, учинить – совершить, ховать – прятать, час – время, яко – как.

(б) в то же время есть примеры, когда ожидаемые беларусизмы и украинизмы в документе отсутствуют, например, нет «хат» и «роков», вместо них мы встречаем «дом» и «год»;

— некоторые понятия не соответствуют современному значению, например, «рок» не год, а срок, «мает» не имеет, а может, «мешкать» не ожидать, а жить;

— имеется масса устаревших вышедших из употребления слов: «вымувивши» — взяв-собрав, «одно чрез» — только через, «бызмо» — будет, «теж» — также, «зурадзу» — сразу, «выиминуючи» — за исключением, «слушна пшичинна» — служба недобросовестная, «непожиточный» — бесполезный, «тивун» — судья, «сия» — эта, «кром отвлоки» — безотлагательно, «пред ся» — перед этим, «и жобы скаране мяло ведли справа» — и чтобы очень скорее имело дело, «сказания» — речи, «с послушенства» — с согласия, «спможенье» — помощь, «ведле» — для;

- неопределенная форма глаголов наиболее сохранилась в современном украинском языке: брати, выезжати, давати, ездити, мешкати, прибавляти, розширати, ставити, становити, ходити, чинити.

Как и других исследователей, нас заинтересовал вопрос: элементов какого современного языка в нем больше всего? Для начала приведем комментарий редактора «Вестника Западной России» к опубликованному в нем «Уставу (Статуту) земли Жмудской» (с грамматическими изменениями):

> «Этот документ, писанный в подлиннике по-русски, помещаем здесь в доказательство сильного преобладание Русского элемента на всем пространстве древней Литвы, когда даже на Жмуди Русский язык был языком официальным, то есть судебным и, следовательно, господствующим и что этот язык во время Сигизмунда 1-ого, еще мало удалился от своего общерусского корня через усвоение полонизмов».

Это заключение трудно оспорить (кроме «через усвоение полонизмов»). Если взять в руки калькулятор и разнести все слова Статута в две колонки — в первую те, где преобладает сходство с современным русским языком, а во вторую — где преобладает сходство с современными беларуским и украинским языками, то получится, что в беларуско-украинской колонке в лучшем случае окажется не более 25 % слов. Таким образом, «Статут земли Жемайтской» написан по-русски, им могли пользоваться только славяне, а также жемайты, знавшие государственный «Русский язык ВКЛ».

12. Выводы

1. «Статут земли Жемайтской» (СЗЖ), «Статут Великого Княжества Литовского» и «Перепись войска Великого Княжества Литовского» — эту триаду принятых в одно время документов можно рассматривать как фундаментальную нормативную базу, тождественную современному понятию «Конституция».

2. Задекларированная цель «СЗЖ» — желание облегчить тяжелую жизнь жемайтов в ВКЛ, уравнять их в правах с другими народами ВКЛ.

3. Реальное содержание документа представляет собой свод государственных обязательных сборов на содержание государственных чиновников и судейского корпуса, также он касается порядка и сроков рассмотрения судебных дел и прописывает случаи, в которых нужно обращаться в вышестоящие судебные инстан-

ции. Никаких мер по реализации задекларированных целей этот документ не содержит.

4. Основным положительным достижением «СЗЖ» явилось ослабление налогового бремени и совершенствование процессуального законодательства. Конкретное прописывание норм и правил взимания налоговых сборов поставило определенные препятствия коррупции.

5. «СЗЖ» не дал никаких послаблений жемайтам Староства Жемайтского в плане прав и свобод: практика назначения славян старостами Жемайтии, судьями и другими государственными служащими оставалась без изменения.

6. Использование в документе, предназначенном для жемайтов, славянской терминологии фактически лишало жемайтов трех национальных систем: топонимической, денежной и государственного устройства.

7. Пребывание представителей рода Волимонтовичей-Кезгайло в роли династических старост Жемайтских на протяжении 5-ти поколений позволяет заключить, что эти права были тождественны правам суверена Жемайтии (завоевателя Жемайтии).

8. «СЗЖ» имеет признаки цинизма в отношении жемайтов, т.е. в отношении основного объекта этого документа:

– задекларированная высокая цель (облегчение жизни и уравнивание в правах и свободах) не соответствует фактически прописанным нормам и правилам (обычный налоговый кодекс);

– обвиняя старост Жемайтских (в основном династию Волимонтовичей-Кезгайло) в бесчеловечных злоупотреблениях властью по отношению к жемайтам, документ отдает власть в Жемайтии очередному представителю этой династии Станиславу Станиславовичу, который ранее уже был у власти в Жемайтии два года;

– обвиняя судей жемайтских в тотальной коррупции, документ фактически сохраняет такое положение дел;

– Статут написан не для жемайтов, а только для правящей верхушки Жемайтии – старост, государственных служащих и судей, поголовно славян.

9. «СЗЖ» является надежным источником, указывающим южные границы Жемайтии до Ковно (Кауны) без самого Ковно. По этому документу граница между Литвой и Жемайтией проходила примерно по середине современной этнографической зоны Аукштайтии, то есть Жемайтия 1529 года охватывала 75-80 % территории Республики Летува в границах до 1939 года (т.е. без Виленского края).

Таким образом, «Статут земли Жемайтской» убедительно доказывает не просто доминирование славян в ВКЛ, но и то, что эти славяне являлись господами по отношению к жемайтам. Жемайты не имели реальной власти в своей Жемайтии ни до 1529 года, ни после принятия «Статута земли Жемайтской».

/ Адрес автора: dodontitikaka@mail.ru /

СЛУЦКИЙ ПОЯС: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ МИФА

Ольга Лобачевская

Знаменитые слуцкие пояса входят в сокровищницу мирового искусства. В отличие от многих других произведений высокого искусства они избежали судьбы молчаливых музейных экспонатов. Со слуцкими поясами в течение двух последних столетий происходили необычные метаморфозы. Само это название — «слуцкий пояс» — отражает нечто большее, чем только конкретный предмет. Поэтому имеет смысл рассмотрение слуцкого пояса в культурологическом аспекте.

Слуцкие пояса — один из наиболее совершенных в художественном отношении типов кунтушевых поясов, производство которых под влиянием моды на использование в мужском магнатском и шляхетском костюме восточных (персидских, турецких) поясов распространилось в XVIII веке в Речи Посполитой. Радзивилловская мануфактура по изготовлению шелкотканых поясов — персиярня в Слуцке — сделалась тогда настоящим эпицентром моды на пояса как предметы одежды и роскоши. Прибыльность слуцкой персиярни побуждала предпринимателей основывать аналогичные предприятия в других местах Речи Посполитой, и в надежде на успех своих изделий у покупателей, брать слуцкие пояса в качестве образцов или даже копировать их.

Слуцкая мануфактура шелкотканых поясов в течение довольно значительного периода своего существования — с 1766 по 1846 год (80 лет) — действовала в составе двух государственных образований — в Речи Посполитой, а в результате ее второго раздела, с 1793 года — в Российской империи. Свидетельством этих исторических перемен остаются метки на слуцких поясах, выполненные на латинском языке: ME FECIT SLUCIAE, SLUCK, и на кириллице: ВЪ ГРАДЕ СЛУЦКЕ, СЛУЦКЪ. Присутствие в надписях названия места производства знаменитых поясов является бесспорным свидетельством их принадлежности к беларуской земле. Однако факт связанности слуцких поясов с землей, историей и культурой беларусов подчас не принимается во внимание исследователями за пределами Беларуси.

Слуцкие пояса относятся к тем явлениям, которые невозможно спрятать в историко-культурной сокровищнице только одного избранного народа. Они одновременно принадлежат художественному достоянию, истории и культуре Беларуси, Польши и Летувы. Самое значительное по количеству собрание слуцких поясов находится в Польше (1). Польская библиография научных работ, посвященных изучению шелкотканых поясов, весьма значительна, изданы каталоги всех наиболее известных музейных коллекций.

Из книги: Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства. (Рэд. В. Скалабан і інш.). Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2001, с. 205–213.

В Польше распространено название «польский пояс». В специальной литературе используется более конкретный термин — «кунтушевый пояс». Обычно ставится знак равенства между названиями «польский пояс», «кунтушевый пояс» и «слуцкий пояс». Польские исследователи отмечают, что последнее название закрепилось в общественном сознании в связи со Слуцком — местом их производства, длительным временем существования слуцкой шелкоткацкой мануфактуры, наличием на ее изделиях марки «Слуцк» (2). При этом с польским кунтушевым поясом — весьма заметной частью польской национальной одежды, отождествляются именно наиболее совершенные в художественном отношении слуцкие пояса (3).

Кунтушевый пояс в Польше, который в условиях Российской империи вышел из обихода вместе с запретом шляхетскому и мещанскому сословию на ношение кунтушей, стал своеобразным воплощением патриотической, национальной идеи. Как отмечено польскими авторами, с уходом поколения старопольской и старолитовской шляхты, которая до начала XIX века использовала старые образцы кунтушевой одежды с поясом, слуцкий пояс начал олицетворять какой-то общественный сантимент по утраченной исторической традиции и прежней польской государственности. С того времени в польском искусстве, литературе и общественном сознании глубоко укоренился образ старого сармата — польского шляхтича в национальной одежде с кунтушевым золоченым (парчовым) поясом. Этот национальный образ-клише репродуцируют польский театр и кино. В Польше не редкость встретить современные копии слуцких поясов, даже в продаже в художественных салонах. Нарисованная копия слуцкого пояса встречает гостей в вестибюле посольства Республики Польша в Минске.

В музейных собраниях Беларуси в результате Второй мировой войны не осталось ни одного образца слуцкого пояса (4). Музейщики заботливо собирали их остатки по разрушенным костёлам и церквам (5).

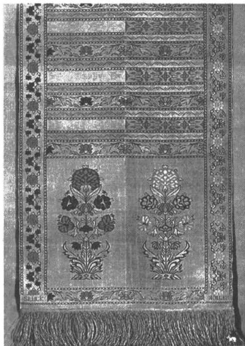
В современной беларуской культуре слуцкий пояс продолжает активно функционировать, только происходит это не столько на уровне самой вещи, сколько в сфере общественного сознания, где слуцкий пояс прочно укоренился в качестве национального символа и своеобразного мифа.

Словосочетание «слуцкий пояс» в Беларуси находится в достаточно широком общественном употреблении. Оно постоянно на слуху, как, например, имена классиков беларуской литературы – Коласа, Купалы, Богдановича. Тем не менее, если провести социологическое исследование с вопросом о слуцких поясах, оно могло бы показать, что большинство людей в Беларуси, зная и употребляя словосочетание «слуцкий пояс», во-первых, никогда не видели самих слуцких поясов и имеют очень приблизительное представление о том, как они выглядят; во-вторых, вообще не знают, кому и для каких целей они предназначались. Большая часть респондентов обязательно ответит, что слуцкие пояса изготовляют сегодня в Слуцке и процитирует известные строки Максима Богдановича:

І тчэ, забыўшыся, рука
Заміж персідскага ўзора
Цвяток радзімы васілька.

Уровень обыденного сознания точно отражает место и роль слуцких поясов в национальном самосознании, их высокий семиотический статус в беларуской культуре. Вопреки всему за слуцким поясом прочно закрепилось значение символа национальной культуры беларусов. Слуцкий пояс из предмета роскоши и искусства превратился в беларуский национальный символ не внезапно. Как самородный алмаз не сразу делается бриллиантом драгоценной огранки, так и слуцкий пояс-символ и слуцкий пояс-миф шлифовались в сфере общественного сознания грань за гранью, на протяжении того исторического периода, когда происходило становление беларуской нации.

На Беларуси в магнатских дворцах и шляхетских имениях шелковые, «литые» и «полулитые» золоченые и серебряные слуцкие пояса сохранялись не только как ценные вещи — они были родовыми реликвиями. Наряду со старосветскими портретами предков, пожелтевшими от времени бумагами их привилегий, слуцкие пояса напоминали потомкам о славных временах существования Великого Княжества Литовского. Видимо не случайно одним из первых обратился к изучению слуцких поясов Александр Ельский (1834–1916), который подписывал свои произведения псевдонимом «Литвин-гражданин». На основе архивных документов он в 1896 году написал статью «Исторические сведения о радзивилловской ткальне поясов в Слуцке» (6), на которую ссылаются почти все современные исследователи.

Слуцкий пояс

С начала XX века слуцкие пояса — непосредственные участники беларуского национального возрождения. В этом движении они, оставаясь вещами, привлекательными для коллекционирования, приобрели ценность другого, не утилитарного содержания и ценности. Именно тогда слуцкие пояса, связанные с землей Беларуси метками слуцкой персиярни, заняли почетное место в общественном сознании, приобрели черты беларуского национального символа. В коллекции Беларуского музея имени Ивана Луцкевича в Вильне имелось 4 слуц-

Персиярня в Слуцке

ких пояса (именно под таким названием они были записаны в инвентарной книге), 9 фрагментов поясов, 4 образца церковной одежды, где была использована ткань слуцких поясов. Не случайно слуцкие пояса экспонировались на Первой краевой выставке мелкого промысла и народного искусства Беларуси и Литвы в Вильне в 1913 году.

В 1912 году Максим Богданович написал стихотворение «Слуцкие ткачихи». Поэт, восхищенный искусством слуцких поясов, остро ощущавший их родственность истории и культуре Беларуси, создал в своем знаменитом стихотворении высокий поэтический образ. Произведение М. Богдановича было хорошо известно современникам. Его напечатал второй сборник «Нашей нивы», журнал «Wie Ilustrawana» (№ 9 за 1913 г.) который был целиком посвящен вышеназванной выставке народного искусства Беларуси и Летувы. С момента публикации стихотворение М. Богдановича, обозначившее основные грани национального символа, начало свою работу по мифологизации слуцкого пояса.

На пути к самоопределению Беларуси национальную принадлежность слуцких поясов защищали первые беларуские возрожденцы. Вацлав Ластовский со свойственным ему полемическим запалом довольно резко писал в 1924 году в своем журнале «Кривич» в статье «Слуцкие пояса»:

> «Мастацкая слава слуцкіх паясоў спакусіла палякаў прызнацца да гэтага вытвару беларускіга промыслу і мастацтва ды рэклямавацца імі перад легкавернай заграніцай, дзе палякі звыклі выдаваць слуцкія паясы як «Pasy polskie». Амбіцыя палякаў і прыродная склоннасьць перабівацца чужым дабром спанукнула з іншага боку даволі паважных польскіх аўтараў лгаць, не толькі, што слуцкія паясы – вытвор польскі, але да смешнай брахні, як: «Robotnikami byli sami polacy, ze Słucka przeważnie».

В период подъема первой волны беларуского национального возрождения слуцкие пояса были введены в круг национальных ценностей, знание о них донесено до общественности. Настоящая же шлифовка слуцкого пояса-символа и слуцкого пояса-мифа успешно была осуществлена в советское время.

Образ ткачих, созданный М. Богдановичем, трактовался советской наукой и средствами массовой информации как яркая иллюстрация феодального угнетения беларуского народа в прошлом.

Тема слуцких поясов с новой силой зазвучала в послевоенной беларуской печати. Авторы по-прежнему не хотели признавать несоответствие поэтического образа историческим фактам об организации производства поясов на радзивилловских персиярнях в Несвиже и Слуцке. Научные и популярные издания,

школьные учебники по беларуской литературе продолжали развивать тему тяжелого подневольного труда крепостных девушек-крестьянок на панской мануфактуре. Наглядное воплощение этот образ приобрел в монументальном живописном полотне «Слуцкие ткачихи», созданном в 1950-е годы художником Михаилом Блищем (1917–1966), которое хранится в Слуцком краеведческом музее.

Укоренению поэтического мифа во многом содействовала известная монография «Слуцкие пояса». Эту книгу подготовила Лидия Якунина (1889–1967), заведующая отделом тканей и вышивки Исторического музея в Москве, она была издана на беларуском и русском языках (Минск, 1960 г.) Институтом искусствознания, этнографии и фольклора АН БССР. Это стало событием в научной и культурной жизни Беларуси. В предисловии сказано:

> «В настоящее время в связи с ростом интереса к памятникам национальной культуры начато серьезное изучение слуцких поясов как образцов белорусского художественного шелкоткачества... Вопрос об истории слуцких поясов является вопросом о роли белорусского народа в создании этих чудесных образцов декоративного прикладного искусства» (7).

Эпиграфом к монографии служит приведенное полностью знаменитое стихотворение М. Богдановича «Слуцкие ткачихи». Книга не оставляла читателю никакого сомнения в том, что разработчиками слуцких орнаментов были народные мастера.

За слуцким поясом прочно закрепилась роль беларуского национального символа и внедренные стереотипы относительно происхождения этих поясов никто не собирался разрушать. В рецензии на книгу «Слуцкие пояса» М. Молочко писал:

> «Господствующие классы стремились использовать народные таланты в корыстных целях, заставляя мастеров изготовлять пояса по восточным образцам... Крепостные слуцкие ткачихи, большие мастера своего дела, принудительно копировали некоторые восточные образцы искусства» (8).

Типичный узор слуцкого пояса

В 1985 году, на заре современных перемен, автор статьи о Слуцкой фабрике художественных изделий В. Богданович красочно дополнил образ, созданный тезкой-поэтом, такими колоритными мазками:

> «Магнаты щеголяли золотыми и серебряными поясами, считали их изысканными предметами роскоши, а творцы неповторимой красоты день и ночь слепли в сырых цехах и избах» (9).

Поколебать укоренившийся стереотип не смогло появление даже новых материалов по истории слуцкой мануфактуры. Осталась незамеченной общественностью публикация историком А. Карповичем в 1978 году новых документов о создании шелкоткацкой мануфактуры, из которых следовало, что она была переведена Радзивиллом в Слуцк из Несвижа вместе с подмастерьями и учениками, и что на «персидской фабрике работали исключительно мужчины» (10).

Ни один из авторов, писавших о слуцких поясах, не обошел вниманием тему «цветка родного василька», заданную поэтической строкой М. Богдановича. Во всех публикациях о слуцких поясах обязательно пишется о переработке народными мастерами персидских образцов, о введении в них цветов беларуской флоры, благодаря чему восточное ремесло приобрело на слуцкой земле беларуский национальный колорит. Например, учебник по беларуской литературе так пишет о героинях стихотворения Богдановича: «Очарованные природой родного края, они невольно вносят в ткани красоту своей родной земли». Расхожее представление о том, как создавались слуцкие пояса, не было опровергнуто Л. Якуниной, хотя раздел по технологии ткачества в ее монографии позволяет утверждать, что импровизация в процессе ткачества поясов исключалась.

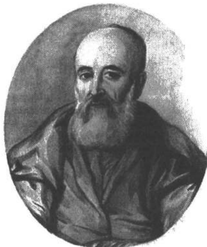
Искусству «соцреализма» чрезвычайно импонировал образ крепостных слуцких ткачих, в руках которых возникали реалистические образы родной земли. Идеологизированность и иллюстративность мышления, воспитанные не в одном поколении советских людей, были той почвой, на которой происходило отождествление поэтического образа «цветка родного василька» с образом цветка-букета на концах слуцких поясов. Декоративная цветковая композиция, стилистика которой несет на себе черты восточной художественной культуры, была воспринята как видимое творение рук крепостных мастериц, как беларуский народный орнамент.

Беларуское искусствоведение словно стыдится называть вещи своими именами. Художественный феномен слуцких поясов мало исследован на родине. На мой взгляд, искусствоведы в долгу перед беларуской общественностью, которая так и осталась в неведении о том, что известный всем орнаментальный мотив слуцкого пояса изначально носит название «карунфил», что в переводе с турецкого языка означает «гвоздики», и был он перенесен на слуцкий пояс из турецкой номенклатуры восточных поясов. Благодаря художественному таланту Яна и Леона Маджарских (отца и сына) – руководителей слуцкой персиярни, мотив восточной гвоздики был значительно переработан на слуцкой почве, но все же не превратился в скромный беларуский василёк. Польский автор следующим образом пишет о том синтезе, который представляет собой слуцкий пояс:

«Это специфическое сочетание персидской формы, турецкого названия и армянского исполнения» (11).

Большинство беларуских искусствоведов один за другим утверждают, что в слуцких поясах связь с востоком почти исчезла, что мотивы местной флоры полностью вытеснили персидскую орнаментику. Пожалуй, только Михаил Кацер (1906–1995) предпринял попытку анализа художественной природы слуцких поясов и, отвечая на поставленной перед собой вопрос — какой «национальности» слуцкие пояса, какой народ, какая страна является их творцом? — пришел к следующему выводу:

«Их орнаментика, колорит и композиция выросли на почве богатых достижений декоративного искусства многих стран и народов XVIII века» (12).

Ян Маджарский

По причинам научной неточности, общественного неведения, а также определенной идеологизации, слуцкий цветок-букет был положен в основу «нового народного стиля», или «советского народного стиля» Беларуси. Выразительный цветочный мотив был изъят из цельной структуры слуцкого пояса и как художественно самодостаточный преобразован в самостоятельный символ беларуского национального искусства. С середины 1950-х годов слуцкий цветок-букет наряду с геометрическим орнаментом национального флага БССР становится обязательным элементом художественного оформления в республике. Происходило это не без официального патроната.

Книжно-журнальная полиграфия, промышленная графика, монументально-декоративное и агитационно-оформительское искусство, архитектура 1950 — начала 1960-х годов во множестве тиражировали слуцкий образец. Весьма посодействовал этому шикарно изданный в 1953 году альбом «Белорусский народный орнамент», в котором наряду с народными орнаментами ткачества и вышивки были помещены 10 листов упрощенных копий слуцких поясов.

Надо отметить, что попытки использования слуцких поясов для разработки национального стиля предприняли еще первые беларуские возрожденцы. Так, Вацлав Ивановский в сборнике «Маладая Беларусь», который выходил в Петербурге в 1912–1914 годах, использовал узор слуцких поясов в качестве виньеток и заставок. В 1920-е годы литературная организация «Маладняк» использовала для оформления своих книг цветочные орнаменты слуцких поясов.

Слуцкий цветок-букет сделался «цветком счастья», одной из характерных черт минского варианта сталинского ампира, в стиле которого после войны отстраивалась беларуская столица. Один из многочисленных примеров – слуцкие букеты, отлитые на чугунных основаниях столбов уличного освещения, поставленных в послевоенные годы на проспекте Сталина в Минске.

Слуцкий узор был очень широко распространен в официальном народном искусстве 1950–1960-х годов. Народные мастера, которые готовили юбилейные подарки Сталину и другим руководителям советского государства от народа Беларуси, почти как обязательный элемент включали слуцкий узор в свои трудоёмкие произведения ткачества, резьбы и интарсии по дереву, инкрустации соломкой. Тема слуцкого пояса рефреном звучала в оформлении декадной выставки беларуского искусства 1955 года в Москве. В произведениях народных умельцев и в изделиях артелей художественных промыслов (тканых портьер, диванных подушек, полотенец) в разных вариантах повторялся Слуцкий цветок, имитировалась композиция поясов. В разработке рисунков для них принимали участие профессиональные художники, в частности Оскар Марикс (1890–1976). Они реализовывали социальный заказ – воплотить в действительность то, что очень хотелось видеть, – соединить знаменитый слуцкий растительный узор с аутентичным беларуским геометрическим орнаментом. Но даже в значительно стилизованной переработке слуцкий мотив не утратил иноземные признаки своей персидской родословной.

Шляхетский кунтуш со слуцким поясом

В качестве национального беларуского символа слуцкий пояс окончательно сформировался именно в послевоенные годы. Большое количество разнообразных примеров внедрения его в общественное сознание и повседневный обиход позволяет сделать вывод, что осуществлялось это согласно с определенной идеологической установкой. Именно в этот период слуцкий пояс приобрел статус одного из немногих официально разрешенных беларуских национальных символов, узаконенных господствующей идеологией. Присутствие в культурном обиходе на Беларуси слуцкого пояса-символа как бы закрепляло за беларусами право на собственные самобытные корни, на место в мировой художественной культуре. Беларуса нельзя было лишить этой части его культуры, как был он лишен родного языка, исторической памяти, значительной части своего национального культурного и художественного наследия – этому препятствовала высокая художественная ценность слуцких поясов и бесспорность их рождения на беларуской земле.

Символ, отшлифованный в сталинскую эпоху, не утратил своего значения и притягательности до наших дней. Там и здесь можно встретить его современные воплощения в художественном оформлении окружающей среды. Он по-прежнему активно функционирует в общественном сознании в качестве национального мифа. Запущенный некогда механизм мифологизации продолжает работать и штампует в новых поколениях старые стереотипы. Коммунистическая идеология уже не является государственной, изменилось наше общество, а миф о слуцких поясах живет.

Новую силу он стал набирать в начале 1990-х годов на новой волне национально-культурного возрождения Беларуси. Вновь приобретенные беларусами собственные национальные символы — бело-красно-белый флаг и герб «Погоня» — не вытеснили слуцкий пояс-символ. На Первом съезде беларусов мира известный деятель беларуского зарубежья Янка Запрудник высказал даже идею возродить искусство слуцких поясов на Беларуси и подарить такой пояс американскому президенту, повязав его этим поясом в знак дружбы между беларуским и американским народами.

Разрушение национальных символов — дело неблагодарное и неблагородное. Однако без анализа их формирования, действия и возобновления в стереотипах общественного сознания невозможно определиться с выбором путей расширения перспектив национальной культуры, в методах ее сознательного восстановления.

Примечания и ссылки

1. По состоянию на 1987 год в коллекции кунтушевых поясов Национального музея в Варшаве хранились 59 поясов слуцкого производства и один пояс несвижской мануфактуры.
2. Kolomajska-Saecd M. Polskie pasy kontuszowe. Warszawa, 1987, s. 14.
3. В нескольких подмосковных деревнях с конца XVIII до начала XIX века изготовляли шелкотканые пояса по образцу слуцких. Правда, своим качеством они значительно уступали оригиналу. Польские исследователи называют их «московскими».
4. Погибли 32 пояса из Несвижского замка Радзивиллов, которые осенью 1939 года передали в Государственную картинную галерею БССР в Минске. В то же время из Вильни не были переданы БССР слуцкие пояса из коллекции Беларуского музея братьев Луцкевичей.
5. В национальном художественном музее в Минске собрано около 30-ти образцов слуцких поясов, использовавшихся в одеянии католических и православных священников.
6. Статья А. Ельского (на польском языке) была опубликована в 5-м томе серийного издания «Sprawozdania Komisji do Badania Historii i Sztuki w Polsce», на страницах 193–204.
7. Якунина Л.И. Слуцкие пояса. Минск, 1960, с. 8.
8. Журнал «Беларусь», 1961, № 7, с. 31.
9. Журнал «Народная гаспадарка Беларусі», 1985, № 1, с. 15.
10. Журнал «Неман», 1978, 3 8, с. 188.
11. Kolomajska-Saecd M., s. 16.
12. Кацер М.С. Народно-прикладное искусство Белоруссии (от первобытного общества до 1917 г.). Минск, 1972, с. 104.

Краткая история «Слуцких поясов»

Длинные широкие пояса восточного типа, с красивым рисунком и сложным плетением из драгоценных нитей, получили распространение на беларуских землях еще в XVI–XVII веках.

В одежде магнатов дорогой красивый пояс, по многовековой традиции, являлся символом принадлежности к элите и, разумеется, богатства. Такие пояса для шляхты долгое время привозили из восточных стран (Турции, Ирана), но в XVIII веке на беларуских землях было запущено собственное производство шелковых и «литых» поясов, а также шелковых тканей (преимущественно для изготовления кунтушей).

М.К. Радзивилл «Рыбанька»

Мастерские или мануфактуры, где изготовляли такие пояса, называли персиярнями – от слова «Персия» (так раньше называли Иран). Пояса ткали по образцу персидских. Однако беларуские ткачи создали свою эксклюзивную технологию. Мировую известность получили пояса Слуцкой персиярни – мануфактуры самой богатой и влиятельной магнатской династии Речи Посполитой – Радзивиллов.

Первая персиярня была основана в Альбе под Несвижем по распоряжению Михаила Казимира Радзивилла «Рыбаньки» (1702–1762). Для руководства ею князь М.К. Радзивилл в 1758 году пригласил известного мастера Яна Маджарского (Ованес Маджарянц, умер в 1800), армянина из Стамбула. В 1740-е годы он работал в Станиславе (нынешний Ивано-Франковск), где принадлежавшая ему мастерская изготовляла такие пояса.

В конце того же 1758 года персиярню перенесли в Слуцк, с давних пор известный умелыми ткачами. Во времена расцвета слуцкой персиярни здесь работали до 55 ткачей (только мужчины!), столько же челядников и прядильщиц. На 20-25 станках они ежегодно выпускали около 200 поясов очень тонкой работы.

В 1777–1807 гг. Слуцкую мануфактуру арендовал сын Яна, Леон Маджарский (ок. 1740–1811)*. При нем она стала крупным предприятием.

В скором времени слуцкие пояса начали копировать на других мануфактурах: в беларуских Гродно, Слониме, Ружанах, Поставах, Кареличах, Шклове, польских Кобылках, Липкове, Кракове, Гданьске, французском Лионе, в Австрии.

Несмотря на знак «Меня сделал Слуцк», это не были настоящие слуцкие пояса. Производство оригиналов на самой мануфактуре Радзивиллов продолжа-

* Кстати говоря, дочь Леона Маджарского, Ильма, стала женой отставного офицера Чеслава Монюшко. В 1819 году она родила сына Станислава, в будущем – знаменитого композитора.

лось до середины XIX столетия. До того момента, когда царь Николай I своим указом запретил шляхте бывшего ВКЛ носить традиционные костюмы.

Считают, что сегодня в мире сохранилось около тысячи слуцких поясов. Почти все они находятся за пределами Беларуси: в музейных собраниях Польши (Варшава, Краков, Познань, Гданьск), Украины (Киев, Львов), России (Москва, Санкт-Петербург), Летувы (Вильнюс, Каунас), в частных коллекциях.

В музеях Беларуси имеется всего-навсего 11 слуцких поясов разных лет выпуска и разной степени сохранности, а также многочисленные фрагменты поясов.

Классический слуцкий пояс – это длинная (до 3,5–4 м) полоса ткани шириной 35–40 см, которую, складывая вдвое или скручивая, повязывали поверх шляхетского одеяния (кунтуша). Узоры на поясах – только растительные.

* * *

Кунтуш – это верхняя праздничная и обрядовая одежда мужчины «благородного происхождения», которая пришла в ВКЛ из Венгрии через Польшу в конце XV века.

Кунтуш одевали поверх жупана (полукафтана из ярко-красного или серого сукна, шерсти, льна, со стоячим воротником, длинными узкими рукавами и многочисленными пуговицами) и сильно сжимали поясом в талии. Характерная особенность кунтуша – широкие рукава с разрезами до локтей или до проймы. Они свободно свисали вдоль кунтуша либо их закидывали за плечи. Внизу рукава обшивали мехом, или тесьмой, или галуном. Воротник кунтуша мог быть как стоячим, так и отложным.

Кунтуши шили из сукна (позже из шелка) голубого, зеленого, красного цвета, а пояса были парчовые или шелковые. Их застегивали на густо нашитые пуговицы (из серебра, золота, полудрагоценных камней). Но верх кунтуша обычно не застегивали, чтобы был виден жупан. Кунтуш, подбитый мехом, могли просто набрасывать на плечи как шубу.

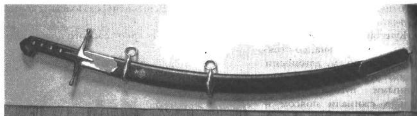
Слуцкие пояса и парадный кунтуш с саблей

В советские времена искусствоведы всячески затушевывали тот факт, что «слуцкий пояс» — это важный элемент традиционного костюма аристократа, не имеющий никакого отношения к народному декоративно-прикладному творчеству. Поэтому никогда не упоминали о том, что сам пояс обязательно сочетался не только с кунтушом, но и с «карабелой» — парадной шляхетской саблей*.

Карабелу использовали исключительно для украшения шляхетского «строя» (традиционного одеяния). Она была легче и тоньше боевой сабли. Ее рукоять и ножны были оправлены в серебро или золото, украшены драгоценными камнями.

Сейчас, когда слуцкие пояса демонстрируют на выставках в виде вертикально подвешенных кусков ткани, людям трудно понять, зачем они вообще были нужны.

А. Тарас

Сабля «карабела»

* Название происходит от иракского города Кербела, расположенного примерно в 100 км на юго-запад от Багдада, откуда долгое время привозили в Польшу и ВКЛ такие сабли.

ПОЛОЦКИЙ КОЛЛЕГИУМ ИЕЗУИТОВ И ГАБРИЕЛЬ ГРУБЕР

Анатоль Тарас

В ноябре 2014 года на стене одного из корпусов Полоцкого государственного университета появилась мемориальная доска в честь Габриэля Грубера. Более двух веков тому назад – с 1784 по 1800 год – этот человек был профессором иезуитского католического коллегиума в Полоцке.

Кирпичные здания бывшего коллегиума находятся на пересечения проспекта Карла Маркса с улицей Замковой, на бывшем Великом посаде. Они построены в XVIII веке. Однако большинство жителей нынешнего Полоцка, не говоря уже об остальной Беларуси, не имеет никакого представления ни о самом коллегиуме, действовавшем на протяжении 232 лет, ни о профессоре Грубере.

Между тем в этой истории есть много интересного.

Мемориальная доска Г. Груберу на стене одного из корпусов бывшей Полоцкой иезуитской академии (ныне принадлежит Полоцкому госуниверситету). Открыта в ноябре 2014 г. (Скульптор Павел Войницкий. Архитектор Вадим Глинник. Фото А. Глинника)

Орден иезуитов и его коллегиумы

Официальное название Ордена иезуитов – Общество Иисуса. Его создал в 1534 году испанский дворянин Игнатий Лойола (1491–1556). Задачей Ордена он поставил укрепление позиций Римско-Католической церкви и, соответственно, борьбу против Реформации. В 1540 году устав Общества Иисуса утвердил Папа римский Павел III.

Достаточно быстро Орден превратился в мощную организацию, распространившую свое влияние по всей Европе. Выражаясь современным языком, иезуиты вели «борьбу за умы». Поэтому они придавали огромное значение образованию и создали лучшую для той эпохи образовательную систему в виде широкой сети средних и высших учебных заведений – коллегиумов и академий.

В Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) иезуиты появились после Люблинской унии 1569 года, провозгласившей конфедеративный союз Польского королевства и ВКЛ – Речь Посполитую. В 1608 году была учреждена Литовская провинция Ордена, в которую вошли вся нынешняя Беларусь, вся Летува, вся Латвия, а также Мазовия (в нынешней Польше).

К 1772 году в ВКЛ существовало около 90-ти иезуитских учреждений – миссий, резиденций, коллегиумов, в том числе более 70-ти на территории современной Беларуси. В XVIII веке иезуитские коллегиумы работали в Бобруйске, Бресте, Витебске, Гродно, Жодишках, Минске, Могилеве, Мозыре, Мстиславле, Несвиже, Новогрудке, Новой Мыши (Барановичский район), Орше, Пинске, Полоцке, Слониме, Слуцке, Юровичах. К ним надо добавить коллегиумы на землях исторической Беларуси – в Вильне, Динабурге (Двинске, нынешнем Даугавпилсе), Ковно (ныне Каунас), Крожах, Смоленске. Итого – 23 коллегиума!

В коллегиумы принимали детей из разных сословий, даже крестьян! Иное христианское вероисповедание (православие или протестантизм) не препятствовало приему. Однако за время обучения большинство учеников-схизматиков сами склонялись к переходу в католичество. Большинство выпускников оставалось светскими людьми, лишь некоторые вступали на путь служения Богу.

Во главе коллегиума стоял ректор, за воспитательную работу отвечал его помощник – префект. Обучение было бесплатным, родители учеников платили только за общежитие и питание. Проживание, питание и одежду детей из неимущих семей оплачивал Орден.

Наиболее популярным типом иезуитских коллегиумов являлись 5-классные гимназии, со сроком обучения 6–7 лет (не считая подготовительного класса для тех детей, которых в семье не научили читать и писать). Они давали классическое гуманитарное образование.

Иезуитские школы ВКЛ, как и всей Европы, руководствовались принятым Генеральной конгрегацией Ордена в 1581 году документом под названием «Способ и порядок обучения», в основе которого лежали труды прогрессивных педагогов эпохи Возрождения, а также принципы деятельности Парижского и других европейских университетов.

В первых трех классах изучали латинскую и греческую грамматику. Программа 1-го класса (инфима грамматика, т.е. нижняя грамматика) была рассчитана на один или два года (infima minor, infima major). Ученики читали неслож-

ные письма Цицерона и эпиграммы. Кроме латыни, изучали основы греческого языка.

2-й класс назывался «средней грамматикой». В нем читали «Письма к друзьям» Цицерона, «Скорбные элегии» Овидия, некоторые работы Юлия Цезаря. Знание греческого доводилось до уровня синтаксиса.

В 3-м классе (высшая грамматика) предметом изучения служили письма Цицерона к Атику и Квинту, «Энеида» Вергилия, элегии Овидия, трактаты «О дружбе» и «О старости», стихотворения Катулла, Проперция и других древних римских авторов. Ученики должны были научиться пересказывать их содержание и переводить на свой родной язык – старобеларуский или польский. Греческая грамматика изучалась в полном объеме.

4-й класс назывался поэтика. В списке для изучения значились «Оды» и «Послание к пизонам» Горация, «Эпиграммы» Марциала, речи Цицерона, «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. На греческом языке ученики читали сочинения историка Плутарха («Жизнь 12-ти цезарей») и философа Платона.

Пока ученики не вполне свободно владели латынью, преподавание велось на старобеларуском языке (позже на польском). Ученики младших классов начинали с диктантов, которые переводили на родной язык, а затем делали перевод исправленного учителем текста вновь на латынь.

Обучение завершал 5-й класс – риторика, рассчитанный на два года. В нем ученикам преподавали основы ораторского искусства, вырабатывали навыки публичных выступлений и дискуссий (диспутов на заданную тему), продолжали изучение произведений римских и греческих авторов, а также некоторых трудов так называемых «отцов и учителей церкви».

Кроме того, в коллегиумах изучали логику (по Аристотелю), историю, географию, физику и астрономию, но программа долгое время не выделяла эти предметы в качестве отдельных. Вплоть до середины XVIII века их изучали «попутно», в общей канве изучения классических произведений.

В учебном процессе действовал принцип концентрации, требовавший от учителя сосредоточиться на уроке только на одной проблеме. Принцип практичности предусматривал использование усвоенных знаний в жизни. Завершив тему, ученики писали по ней письма и стихи, выступали с речами и ставили спектакли. Перегружать детей запрещалось. Так, дневная норма учебного материала во 2-м классе состояла из одного правила и четырех фраз античного автора.

После окончания гимназии можно было изучать трехгодичный курс философии или четырехгодичный – теологии, но сюда имели право поступать только члены и кандидаты Ордена. Фундаментом философского курса служили трактаты Аристотеля, теологического – труды Фомы Аквинского.

Большое значение придавалось умению вести диспуты. В обязательном порядке учащиеся играли роли в театральных постановках. Театр был в каждом коллегиуме (в Полоцке он появился уже в 1585 году). Репертуар театров состоял из пьес на античные и библейские темы, сюжеты из отечественной истории. Пьесы были на латыни, на польском и старобеларуском языках. Орденское руководство внимательно следило за театрами, приказывало ректорам постоянно обновлять репертуар, «дабы зрители избежали скуки».

В XVI–XVII веках иезуитские коллегиумы являлись лучшими в Европе средними учебными заведениями. Они в решающей мере способствовали становлению в ВКЛ западноевропейской системы школьного образования.

Запрет Ордена иезуитов и Россия

В 1773 году Папа римский Климент XIV своим постановлением упразднил Общество Иисуса, лишил его имущества во всех странах Европы, а «братьев» – должностей в официальной церковной иерархии.

Как известно, за год до папского вердикта произошел первый раздел Речи Посполитой. В результате его Российская империя захватила земли Восточной Беларуси. Новая граница прошла по реке Двине, рядом с Полоцким иезуитским коллегиумом.

Императрица Екатерина II приказала своему наместнику в новых губерниях (Полоцкой и Могилёвской) графу Захару Чернышеву (1722–1784):

> «Иезуитским монастырям и училищам сделайте особую опись. Вы за сими наипаче недреманно смотреть имеете, яко за коварнейшими из всех прочих латинских орденов».

Казалось, что после таких слов членам Общества Иисуса оставалось только паковать чемоданы. Но не тут-то было. На левом берегу Двины, который остался в Речи Посполитой, королевские ревизоры описывали иезуитские имения. На правом же дела шли совершенно иначе. Сообщения Чернышева в столицу империи радовали царицу Екатерину. Полоцкие иезуиты первыми присягнули ей и по этому поводу устроили в соборе Святого Стефана пышное богослужение. Ректор Полоцкого коллегиума Станислав Черневич отправился в Петербург, где очаровал всех ученостью и манерами, а приехавший вместе с ним проповедник Иосиф Катебринг настолько поразил императрицу красноречием, что получил пожизненную пенсию.

Царица прекрасно понимала выгоды дружбы с иезуитами. Во-первых, благодаря этому она приобретала симпатии своих новых подданных-католиков. Во-вторых, не тратя ни рубля, сохраняла на захваченных землях хорошо развитую систему образования.

Поэтому императрица Екатерина II не только не запретила деятельность Ордена на территории Российской империи, но и разрешила открыть в Полоцке новациат для подготовки иезуитских послушников к вступлению в Орден. В 1780 году состоялся торжественный прием молодежи. Известие об этом разнеслось по всей Европе и пересекло на кораблях океан. Оно означало, что Полоцк сделался официальной столицей Общества Иисуса. Как пишут современные историки Ордена, берега Двины на 40 лет заменили орденскому руководству берега Тибра.

В Полоцк из разных стран начали приезжать теологи и педагоги, литераторы и художники, медики и химики, историки и астрономы, говорившие на добром десятке европейских языков. Древний город на Двине стал одной из интеллектуальных столиц Европы.

Полоцкий иезуитский коллегиум

Появление членов Общества Иисуса в Полоцке связано с обетом короля Стефана Батория: во время осады города летом 1579 года он дал слово в случае победы основать здесь католический монастырь. 30 августа город был освобожден от московских захватчиков. Вскоре после этого король Стефан предложил популярному в Речи Посполитой идеологу контрреформации Петру Скарге (1536–1612) основать в Полоцке монастырь иезуитов и при нем — коллегиум. Летом следующего, 1580 года (2 июля) монастырь был учрежден. Осенью при нем начал работу коллегиум, который поначалу размещался в Полоцком замке. Затем для него построили деревянное здание.

Первый набор учеников составил всего лишь пять мальчиков, но среди них были сын полоцкого воеводы-кальвиниста Николая Дорагастайского (1530–1597) и племянник православного архиепископа Фомы (Рпинского). Пример этих знатных людей сыграл важную роль, уже на следующий год число детей, обучавшихся у иезуитов, значительно увеличилось.

Для обеспечения коллегиума финансовыми средствами и материальными ресурсами указами короля ему были даны 72 деревни (всего 730 дымов, т.е. хозяйств) Полоцкого повета и 42 разных строения в самом Полоцке.

В 1588 году при коллегиуме построили костёл. В 1598 году коллегиум перевели в специально возведенное здание неподалёку от замка (деревянный корпус сгорел при пожаре).

Большое значение полоцкий центр иезуитов приобрел после перевода сюда иезуитского новациата из Риги, изгнанного протестантами-шведами из города в 1600 году. В 1617/18 учебном году в коллегиуме был уже 81 ученик.

Все пять иезуитских коллегиумов, находившихся на территории Восточной Беларуси, после Первого раздела Речи Посполитой (Полоцкий, Витебский, Могилёвский, Мстиславский и Оршанский) имели свои общежития (конвикты) и пансионы. Наибольшей популярностью пользовался Полоцкий, предназначенный для детей шляхты. Открытый в 1802 году, он размещался в двухэтажном кирпичном здании. Некоторое время одновременно с пансионом действовал конвикт Хильзенов-Шадурских для сыновей бедной шляхты.

В Полоцкий шляхетский конвикт принимали детей от 8 до 14 лет. Они бесплатно изучали все курсы наук, но за пребывание в пансионе родители платили 100 рублей серебром, а с 1818 года — 150 рублей в год.

Руководство коллегиума очень внимательно подходило к подбору монахов для работы с детьми. Так, в первой половине XVII века в Полоцком коллегиуме преподавал поэтику и риторику философ и поэт-латинист Мацей Казимир Сарбевский (1595–1640), которого первым из славян увенчали на Капитолийском холме в Риме лавровым венком и назвали «христианским Горацием». Здесь же учил детей риторике его современник Жигимонт Лауксмин, чья книга «Практическое красноречие» после выхода в Полоцке выдержала 11 переизданий в Вене, Мюнхене, Праге, Франкфурте...

Ежедневные контакты с высокообразованными людьми оказывали положительное влияние на учащихся. Наставники умели своевременно выявлять у воспитанников способности к той или иной сфере интеллектуальной деятельности

и целенаправленно работать над их развитием. Поэтому не случайно то, что из Полоцкого коллегиума вышло немало художников, писателей, поэтов и религиозных деятелей.

Преподаватели и воспитатели большое внимание уделяли развитию у воспитанников навыков устной речи на иностранных языках, которые те изучали в школе. Если же кто-нибудь из мальчиков проявлял желание практиковаться в музыке, живописи, архитектуре, механике, то им предоставлялась такая возможность.

Театр коллегиума ставил пьесы с участием хора и балета на историческую и библейскую тематику в духе эстетики барокко и классицизма. В некоторые постановки (например, «Духовное причащение святых Бориса и Глеба») включались интермедии на беларуском языке.

Здания бывшего иезуитского коллегиума (открытка начала XX века)

Не забывали отцы-иезуиты о физическом развитии детей. В здании конвикта имелся большой зал, где они могли играть в подвижные игры и бегать. Со старшими мальчиками проводились занятия по фехтованию.

***

После захвата Полоцка московскими войсками в 1654 году царь Алексей Михайлович издал указ о передаче всех имений иезуитов православному духовенству. Но по Андрусовскому перемирию 1667 года Полоцк вернулся в ВКЛ, иезуиты восстановили и даже расширили свои владения в городе и окрестностях. В 1734 году российские войска, участвовавшие в войне за престол Речи Посполитой, разрушили старый костёл и забрали казну иезуитского монастыря, которую, однако, ксендзам вернули после их жалобы царице Анне Иоанновне в Петербург.

В 1738 году итальянский архитектор построил новый каменный храм, освященный 15 августа 1745 года в честь Святого Стефана; работы по оформлению

интерьера завершились в 1765 г. В часовне при храме хранились нетленные мощи проповедника Андрея Баболи (погибшего 16 мая 1657 года в Янове-Полесском от рук украинских казаков), поэтому костёл был местом паломничества верующих. Костёл имел две башни. Перед ним была устроена прямоугольная Парадная площадь.

Костёл Св. Стефана в комплексе зданий Полоцкого коллегиума (рис. Н. Орды)

На протяжении XVIII века здания коллегиума сформировали целый ансамбль (учебный корпус, музей, два здания конвикта, аптека, богадельня). Костёл Св. Стефана стоял по оси симметрии Парадной площади и завершал перспективу Витебской улицы. На береговом склоне перед главным фасадом строения коллегиума был разбит регулярный парк.

Костёл восстанавливался после пожаров 1871 и 1912 гг. Но в 1964 году коммунисты его взорвали. В 1976–79 гг. на этом месте появилась унылая девятиэтажка. Сейчас уцелевшие здания коллегиума отреставрированы, здесь находятся учебные корпуса Полоцкого университета.

В 1772 году коллегиуму принадлежало около 5 тысяч волок земли. К числу крупнейших относились 9 фольварков: Вяжищи, Иванск, Игумнов, Загатье, Казимирово, Мосар, Медичи, Туровля, Экимания, которые давали 63 882 злотых дохода. В 1796–1811 гг. в коллегиуме учились от 244 до 441 человека.

По сравнению с иезуитскими школами учебные заведения царской империи были настолько примитивны, что российская знать, чтобы дать детям приличное образование, часто привозила их в коллегиумы бывшего ВКЛ.

В числе выпускников полоцкого коллегиума было немало выдающихся людей. Назову хотя бы некоторых: переводчик и историк Францишек Папроцкий (1723 — после 1805) — издатель и редактор «Литовского курьера» — первого в ВКЛ информационного еженедельника; поэт Михал Дудинский (1747–после 1782); поэт и драматург Францишек Князьнин (1749–1807); мемуарист и историк религии Станислав Шантырь (1763–после 1846), поэт и писатель Ян Борщевский (1794–1851), автор знаменитой книги «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах»; живописец Валентий Ванькович (1800–1842); российский скульптор и гравер Федор Толстой (1783–1873). Здесь учились известный польский писатель и историк Никодим Мусницкий, а также Кароль Карицкий (1702–1789) — доктор философии, профессор Виленской академии и ректор Несвижского коллегиума... И многие, многие другие выдающиеся деятели нашего края — старой Литвы.

Габриэль Грубер

Наивысший расцвет Полоцкого коллегиума пережил в последней четверти XVIII и первом десятилетии XIX века. Очень важную роль в его подъеме сыграл Габриэль Грубер.

Кто же он такой? Говоря предельно кратко, этот человек был ученым-энциклопедистом и одновременно — прекрасным организатором.

Габриэль Грубер родился в Вене 6 мая 1740 года в семье горожанина словенского происхождения. В октябре 1755 года, в возрасте 15 лет, в Вене он вступил в Орден иезуитов. Проходя новициат с 1755 по 1757 год в одном из австрийских монастырей, он изучал латинский и греческий языки.

Профессор Габриэль Грубер.
Гравюра неизвестного автора (XIX век)

После новациата еще 10 лет (1757-1767 гг.) молодой Грубер продолжал свое образование. В Граце он изучал философию и теологию. В Венском университете прошел курсы рисования, живописи, математики, физики и практической механики, астрономии, гражданской и военной архитектуры, медицины. Параллельно изучил итальянский и французский языки. Окончил медицинский факультет со степенью доктора медицины. В 1766 году (в 26 лет) в Граце был рукоположен в пресвитеры.

В 1769 году он начал преподавать в Высшей инженерной школе в Лайбахе (Любляне) архитектуру, механику и гидравлику. Первой его творческой работой стало восстановление после пожара здания иезуитского коллегиума и костёла при нем. Затем он построил так называемый Дворец Грубера (сейчас здесь находится Национальный архив Словении) по собственному проекту. В этом здании Грубер устроил лабораторию по изучению механики и гидравлики.

В июле 1774 года его пригласили на должность физика (т.е. инженера) при дворе австрийского императора Иосифа II. Занимая этот пост, он строил корабли на верфи в Триесте, осушал болота в Словении и Венгрии (в частности, известен Груберов канал, осушивший большое болото на окраине Любляны).

Узнав о том, что в Российской империи Орден продолжает действовать, Грубер решил уехать в Полоцк. Правда, по пути он более чем на год задержался в Варшаве, где выполнял заказ короля Станислава Понятовского на серию живописных полотен.

В феврале 1784 года Грубер прибыл в Полоцк. До 1799 года он преподавал в коллегиуме механику и архитектуру (с элементами математики, рисования и черчения), до 1801 года — экспериментальную физику (так тогда называли инженерное дело).

Трудно найти такую область науки или искусства, в какой природа не наделила бы профессора Грубера талантом. Математик, механик, архитектор, химик, медик... Живописец и гравер, у которого учился известный русский художник Федор Толстой. Полиглот, свободно владевший латинским, итальянским, французским, немецким, польским и русским языками. И даже кондитер, восхищавший императора Павла I и его супругу своим рецептом приготовления горячего шоколада.

Стараниями и по проекту Грубера в 1787 году было сдано в эксплуатацию новое здание, в котором на следующий год он открыл музей, картинную галерею и многочисленные кабинеты – астрономический, три физических, химический, минералогический, архитектурный и другие. Здесь же разместились библиотека, залы для экзаменов и диспутов. Музейные коллекции использовались для демонстрации в процессе преподавания той или иной дисциплины в коллегиуме. Посещали музей также полочане и гости города.

Строительство специального трехэтажного корпуса для музея стало исключительным явлением в деятельности полоцких иезуитов. Грубер лично изготовил ряд механизмов, инструментов и приборов, сам расписал стены музея фресками. Южный склон холма, на котором стоял главный корпус, он укрепил подпорной стеной, на искусственной террасе устроил плодовый сад.

В этом трехэтажном здании, построенном Г. Грубером, размещались музей, кабинеты, комнаты с приборами, механизмами и автоматонами

Музей Грубера в Полоцком коллегиуме

Рассмотрим немного подробнее это творение.

Библиотека

В 1811 году она насчитывала свыше 40 тысяч томов и была самым крупным собранием книг на территории Беларуси. Библиотека имела три отдела — главный, научный и польский. В ней хранились королевские грамоты и древние рукописи, около 90 экземпляров библий, напечатанных в XVI–XVII вв. Основу книжного фонда составляли издания XVI–XVIII веков на польском, латинском, французском, немецком языках, среди них работы Аристотеля (Гейдельберг, 1562), Эразма Роттердамского (Амстердам, 1682). Значительное количество литературы была издана в Полоцке, Вильне и других городах ВКЛ.

В библиотеке также находился архив иезуитов, в основном состоявший из ежегодных отчетов и письменных работ преподавателей академии. Кроме того, здесь хранились документы по истории Балтийского края, вывезенные иезуитами из Риги в 1802 году.

В картинной галерее музея находились портреты, выполненные маслом, тушью, карандашом, в том числе всех королей Европы, Мартина Лютера, Жана Кальвина, императоров Павла I и Александра I, других важных персон. Некоторые картины имели большие размеры, другие были очень старые, нарисованы на дереве (в основном, это пейзажи). Среди холстов встречались оригиналы произведений Рубенса и Сальватора Розы, копии полотен Рафаэля и Тициана, написанные художниками Недзвецким и Малаховским. Здесь же имелось неплохое собрание скульптурных произведений, а также две тысячи гравюр.

В астрономическом кабинете, представлявшем собой нечто среднее между небольшой обсерваторией и планетарием, находился восьмифутовый (244 см) телескоп. Кроме него, там были три рефлекторных телескопа, глобусы неба и земли, астрономические компасы, барометры и т.д.

В зале архитектоники были представлены макеты всех архитектурных стилей эпохи античности, средневековья и нового времени, а также исполненные из алебастра детали различных ордеров, образцы кладки кирпичных стен. Здесь же находились макеты двухэтажного жилого дома, печи для обжига кирпича, специального помещения для сушки древесины и даже «модель постройки корабля в 1,5 аршина длиною и в аршин шириною (106 х 71 см), с парусами и прочим». Этот же зал был предназначен для занятий по рисованию.

В трех физико-механических кабинетах музея экспонировались электрофор диаметром шесть футов (183 см), лейденская батарея, три электрические машины, полиспаст; макеты машин для забивания свай, а всего около 140 приборов и макетов*. Часть их была привезена, другая часть изготовлена в мастерской коллегиума. В создании макетов и приборов Груберу помогали местные механики

* Электрофор — учебно-демонстрационный прибор. Состоит из неподвижного смоляного круга и вращаемого металлического круга с рукояткой из вещества, не проводящего электричества. В процессе трения этих кругов возникает статическое электричество.

Полиспаст — устройство для подъема грузов, состоящее из нескольких неподвижных и подвижных блоков, через которые проходит цепь или канат.

Франциск Ксаверий Шопфер (или Схопфер), Криштоф Шмидт и Ян Сомерер.

В минералогическом кабинете находились образцы драгоценных камней: два алмаза, шесть рубинов, 20 изумрудов, 5 сапфиров, более 100 штук циркона, 40 кусков граната, 24 топаза, 20 аметистов, а также куски горных пород, металлов, мамонтовой кости, окаменелых рыб, остатков растений. Эта коллекция сделала бы честь любому университету того времени.

В кабинете натуральной истории был представлен растительный мир Беларуси образцами досок разных пород деревьев (387 образцов), ископаемых масел (57 склянок), гербариев различных растений (518 образцов).

Химическая лаборатория музея была оснащена всем необходимым для проведения разнообразных опытов, расплавления, очищения, растворения, перегонки и выпаривания веществ.

В экспозиции музея можно было увидеть различные изделия из полудрагоценных камней — агатов, рубинов, халцедона (ручки, кубки, табакерки, блюдца, печати); из кораллов и янтаря (статуэтки, табакерки), из перламутра и слоновой кости (портрет императрицы Екатерины II в серебряной оправе, яйцо, в котором находились миниатюрные шашки, шахматы и кегли).

Один из автоматонов XVIII века

В семи больших ящиках хранилась великолепная коллекция древних монет.

В кабинете фокусов внимание посетителей привлекали так называемые автоматоны — самодвижущиеся механические куклы. По залу ездил в механической тележке железный Купидон. В лавке торговал железный купец. Механический музыкант играл на клавесине. Имелось еще и металлическое зеркало, в котором человек видел самого себя стоящим на колокольне базилианского монастыря. Все эти устройства сконструировал Грубер, а сделать их ему помогли местные умельцы — кузнецы и часовщики.

Воспоминание очевидца о главном чуде музея — механической голове-полиглоте — позже были напечатаны в 3-м томе популярной в свое время серии «Живописная Россия»:

> «Большим интересом пользовалась так называемая комната фокусов с различными диковинными механическими машинами и оптическими приборами. Чрезвычайное удивление у посетителей вызывала громадная говорящая голова. Высоко в стене, почти под потолком, вделана была голова старца с длинными седыми волосами. Подвижная, с глазами, принимавшими разные выражения, и, главное, говорящая на всех

употребительных языках, голова эта, понятно, приводила в недоумение, восторг и в то же время возбуждала страх.

Иезуит, сопровождавший посетителей музея, приглашал их задавать какие угодно и на каком угодно языке вопросы чудесной голове. Голова немедленно отвечала внятно, громко, логично, с полным знанием обстоятельств и обстановки спрашивающего, так что тот приходил просто в ужас... Чудо, однако, объяснялось просто: за стеною сидел опытный механик, приводивший в движение глаза и всё лицо головы и отвечавший за нее».

После отъезда Грубера в Санкт-Петербург с 1800 года музеем занимались Франциск Рыко и Юзеф Цитович, многое сделавшие для пополнения его коллекций.

Грубер в Санкт-Петербурге

В ноябре 1796 года российский трон занял Павел I. В 1797 году он посетил ряд городов империи, в том числе Полоцк. Здешние власти представили ему Грубера.

С 1797 года Грубер был ассистентом у генерального викария ордена иезуитов Г. Ленкевича, с февраля 1799 года – у Ф. Каре.

В феврале 1799 года он приехал в Санкт-Петербург для урегулирования взаимоотношений Ордена с католическим митрополитом Могилёвским Станиславом Богушем-Сестренцевичем (1731–1826). Дело в том, что по «Регламенту церквей и монастырей Римско-Католического исповедания в Российской Империи» от 3 (14) ноября 1798 г., католические монашеские ордены находились в юрисдикции епископов.

А в июне того же года Грубер встретился с Павлом I, который заверил его в своём намерении поддержать Орден, видя в нем средство борьбы с влиянием Французской революции. Со своей стороны, Грубер представил императору письменную просьбу о ходатайстве перед Папой Римским по поводу формального признания существования Ордена иезуитов в пределах Российской империи. Как отмечал Грубер, признание иезуитского ордена на территории России способствовало бы притоку бывших членов ордена в Россию, где они могут принести пользу в деле обучения и воспитания молодежи.

Император стал доверять Груберу после того как тот вылечил его жену Марию Федоровну от хронических зубных болей. Павел настолько доверял иезуиту, что разрешил входить без доклада. Не удивительно, что в начале 1800 года император распорядился освободить все католические ордены от епископской юрисдикции.

Грубер призвал Павла I выступить в роли «восстановителя и ангела-хранителя Общества Иисуса». В августе 1800 года Павел направил Папе Пию VII письмо с просьбой признать иезуитский орден в России*. А в октябре 1800 года император издал указ, по которому иезуиты получили право руководить системой образования в Литве и Белоруссии; им также была передана церковь св. Екатерины

* Соответствующее бреве Папы было издано 7 марта 1801 года. В нём Папа признал каноничность иезуитских структур в России и согласился на то, чтобы генеральный викарий Общества Иисуса в России и его преемники носили титул «Генерал ордена в России».

Александрийской в Санкт-Петербурге на Невском проспекте. Грубер был назначен ассистентом генерального викария Общества Иисуса в России Францискa Каре. При церкви был открыт иезуитский коллегиум, его ректором тоже стал Грубер.

В этом коллегиуме учились дети русских аристократов. Девять его питомцев позже стали участниками восстания на Сенатской площади, что, между прочим, дало основания одному из историков Ордена заявить, будто бы идеи декабризма внедрили наставники Общества Иисуса (в 1991 году на итальянском острове Капри прошел международный семинар на эту тему). Известно, что в Груберов коллегиум родители хотели сначала отдать и Сашу Пушкина, однако как раз тогда открылся Царскосельский лицей.

После смерти Францискa Каре, генералом Ордена иезуитов 10 (22) октября 1802 года был избран Грубер. Он перенес резиденцию из Полоцка в Санкт-Петербург, заново открыл миссию в Риге (1802), создал миссии в Саратове (1803), Одессе (1804), Астрахани (1805).

После официального восстановления Ордена иезуитов в Королевстве обеих Сицилий (папское бреве «Per alias» от 30 июля 1804 г.) со статусом филиала Общества Иисуса в России, юрисдикция генерала ордена распространилась и за пределы Российской империи.

Габриэля Грубера современники называли «душой, умом и вождем российских иезуитов». Благодаря его бурной деятельности идеи католицизма успешно распространялись среди российской интеллигенции. Поэтому нетрудно представить, что в иерархии Русской православной церкви огромное число людей желало его смерти.

Грубер погиб во время пожара в петербургском коллегиуме 26 марта (7 апреля нового стиля) 1805 года, в возрасте 65 лет. По официальному заключению чиновника, проводившего расследование, он «задохнулся от дыма» когда спасал ценные приборы.

Так ли все обстояло на самом деле, неизвестно. Трон с марта 1801 года занимал уже другой монарх, Александр Павлович, навечно опозоривший себя участием в заговоре с целью убийства собственного отца, и потому искавший расположения у церковных владык. Нельзя исключить такой вариант, что коллегиум подожгли, а Груберу «помогли» умереть.

Академия (1812–1820 гг.)

29 мая (10 июня) 1812 года Полоцкий иезуитский коллегиум был преобразован в Академию — первое высшее учебное учреждение на территории современной Беларуси. Однако в связи с франко-русской войной учебные занятия начались только через полгода — с 27 декабря (8 января 1813 г.).

Академии были даны все права университета, она имела три факультета: теологический, философский, свободных наук и языков (древних и современных). Среди 39-ти преподавателей наряду с учеными из Италии, Франции, Германии, Австрии, Швейцарии, Польши были уроженцы Беларуси: профессор физики Ю. Цитович, профессор философии В. Бучинский, профессор греческого языка Н. Гаврилевич, профессор русского языка и литературы И. Залесский и другие.

Руководство Академии состояло из ректора, четырех советников и трех деканов факультетов. Пост ректора поочередно занимали А. Люстиг (в 1812–14 гг.), А. Ляндес (в 1814–17 гг.) и Р. Бжозовский (в 1817–20 гг.). Общее число студентов трех факультетов достигало 700 человек. Формально обучение было внеконфессиональным, внесословным и бесплатным, но за содержание студента в конвикте брали 600 рублей за год.

На факультете свободных наук и языков студенты изучали русский, французский, немецкий, итальянский, польский, латинский, греческий и древнееврейский языки, а также литературу на этих языках. Плюс к этому всеобщую историю, физическую и политическую географию, теорию живописи и музыки, теорию и историю архитектуры и другие предметы.

На философском факультете они изучали логику, метафизику, диалектику, этику, психологию, политическую экономию, алгебру, геометрию, тригонометрию, экспериментальную физику и оптику, химию, астрономию и космологию, архитектуру, ботанику, зоологию и даже этиологию (учение о причинах и условиях возникновения болезней).

Работали все кабинеты, созданные Грубером.

На изучение естественных дисциплин на факультете свободных наук во 2-м и 3-м классах отводилось 20 часов в неделю, столько же – на языки. Преподавание велось по учебникам европейских университетов, а также по собственным, которые печатала академическая типография. За период с 1787 по 1820 год она выпустила более 500 книг, преимущественно на польском и латыни, частично на русском, итальянском, немецком и французском языках.

В старших классах использовалась семинарская форма обучения, отчеты о семинарах помещались в печатном органе академии – «Месячнике Полоцком» («Miesiecznik Polocki»). Журнал имел 6 разделов: литературы и свободных наук, морально-философский, физико-математический, исторический, критический, литературных новостей (издание журнала прекратилось в 1820 г. в связи с ликвидацией Академии).

Выпускники получали гражданский чин 14-го класа и могли поступать на гражданскую службу*. Академия имела право присвоения ученых степеней магистров свободных наук и философии, докторов теологии, гражданского и канонического права.

Дальнейшая судьба

В связи с запретом деятельности Ордена иезуитов в Российской империи указом Александра I от 1 (13) марта 1820 года, Академия была закрыта. Всех иезуитов в кратчайшие сроки выслали из страны. Некоторых студентов перевели в Петербургский университет. Но основная их часть прекратила обучение либо покинула пределы империи.

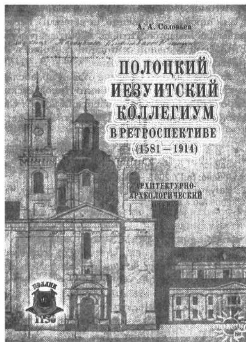
Одновременно власти осуществили раздел имущества академии: оборудование части кабинетов отправили в Петербург, до 20-ти тысяч томов из фондов

* 14-й класс являлся низшим в Табели о рангах. На гражданской службе это был чин регистратора (коллежского, кабинетского, синодского или сенатского). На военной службе ему соответствовали чины корнета, хорунжего и мичмана.

библиотеки передали в Виленский университет. Другую часть библиотеки разделили между Полоцкой духовной семинарией и Витебской гимназией; типографию перевезли в Киев.

В 1822 году в Полоцк перевели из Витебска пиарское училище и разместили его в зданиях упраздненной академии. От иезуитов училищу перешли: часть библиотеки (более 24-х тысяч томов), физический и минералогический кабинеты, музей. Преподавание велось на польском языке.

В 1823 году училищем, где работали 13 преподавателей (в большинстве выпускники Виленского университета), руководили ректор и префект. Попечитель Виленского учебного округа князь Адам Чарторыйский хотел придать училищу статус лицея, но в 1824 году Восточная Беларусь отошла к Петербургскому учебному округу.

В 1825–36 гг. по инициативе визитатора (инспектора) округа, профессора Петербургского университета В. Сеньковского, была проведена реформа училища: лекционная система преподавания запрещена, в начальных классах преподавание перевели на русский язык, усилилось наблюдение полиции за воспитанниками и преподавателями.

В 1829 году власти начали процесс упразднения училища, которое они считали (вместе с Кременецким лицеем) «культурным центром польской цивилизации» в Западном крае.

26 апреля 1830 года с целью «проведения на Западном крае идеи русского просвещения, русского патриотизма и русского дела» царское правительство приняло решение вместо пиарского училища учредить в Полоцке кадетский корпус. Училище было закрыто, пиары переведены в Вильню, где в сентябре открыли гимназию.

После того, как закрыли пиарское училище, начался настоящий грабеж музея и библиотеки. Этим мерзким делом занимались приехавшие в Полоцк в мае 1830 года профессор Петербургского университета Попов и чиновник Главного управления Духовных дел Шекалевич. Беларуский историк Г.А. Кахановский, который исследовал историю беларуских музеев, отмечал:

«Попечитель белорусского учебного округа Р.И. Карташевский убеждал, что библиотеку и музей в Полоцке надо оставить, однако по указаниям петербургского профессора Попова и библиотека и музей были разграблены. Лучшие произведения отправили в Петербургскую Академию искусств. В почтовом реестре зафиксированы 2 ящика по 160 перегородок каждая, с уникальными коллекциями. И еще 2 ящика с картинами, и 3 с уникальными солнечными часами, мозаичными работами; антикварными предметами культа. В этом обозе покидали Беларусь и 256 пудов (4096 кг) книг».

В результате этого грабежа Публичная библиотека Санкт-Петербурга получила 389 старопечатных изданий, Санкт-Петербургский университет — 6260 томов, Главное управление духовных дел — 3056 томов, Римско-католическая коллегия — 8694, Московский университет — 454 тома, две беларуские гимназии — 2619 томов, Полоцкий кадетский корпус — 1149 томов книг (в 1915 г. их вывезли в Симбирск и, естественно, не вернули). Все эти ценные издания навсегда потеряны для Беларуси. Правда, значительную часть фондов получила библиотека Витебской духовной семинарии, которая в 1900 году передала ее библиотеке Киевской духовной академии.

Костёл Святого Стефана отдали православной церкви. Попы перестроили костёл и переименовали в Свято-Николаевский собор. Орган в 1838 году демонтировали и передали в виленский костёл Св. Яна. В учебных зданиях разместился кадетский корпус. Он действовал с лета 1835 до осени 1917 года.

Литература

1. Блинова Т.Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения), Гродно: Гр.ГУ, 2002. — 426 с.
2. Иезуиты в Полоцке. 1580–1820 гг. (Сб. статей). Части 1–2. Полоцк: издатель А.И. Судник, 2005 (40 + 48 с.)

Часть III
ВОЙНА С НАРОДОМ

ВАС ТУТ НЕТ!

Сергей Дубовец

Беларуское отношение к сталинским репрессиям в целом никакое. Во-первых, надоело слышать и читать одно и то же. Во-вторых, что нам до того раскулачивания и НКВД, это забытая история. В-третьих, Сибирь и ГУЛАГ бесконечно далеко от нас, где-то за Уральским хребтом, при чем здесь мы?

Государственная пропаганда не только пестует такое самоощущение, но и добавляет в него новые стимуляторы забвения. Мол, репрессии были необходимы для строительства могучей индустрии, а чекисты от перегибов страдали вместе с народом и едва ли не больше его, поэтому мы торжественно отмечаем каждую годовщину их славной организации, а души и судьбы тех, кого они расстреливали, пытали и отправляли в концлагеря, по-прежнему держим в секретных архивах. Ведь вы понимаете, если осудили, значит, что-то там было, было за что.

Иначе говоря, беларуское отношение к сталинским репрессиям государство формулирует с точки зрения тех, кто репрессировал. И дело здесь не в коварном расчете или политической целесообразности, а в природе теперешней власти.

Представьте себе такую ситуацию. Сегодня ночью к вам в квартиру приходит спецназ, вас без всякой причины забирают в невозврат, в неизвестность, в забвение. А завтра в вашей квартире поселяется кто-то другой, скорее всего тот, на основании доноса которого вас и забрал спецназ. Таким образом, в спектакле три субъекта. Вы, спецназ, и тот, кто занял освобожденное от вас место. Так вот, по своей природе сегодняшняя власть — это тот самый «третий». А мировоззрение «третьего» навязывается в качестве мировоззрения всей беларуской нации.

***

В середине 1980-х годов в Гомеле нам удалось записать воспоминания жены Александра Власова о муже, центральной фигуре беларуского возрождения XX века, первом редакторе «Нашей Нивы», образованном интеллигенте и человеколюбе. Когда в Западную Беларусь в 1939 году пришли большевики, мир изменился. Власова посадили в тюрьму в Молодечно. Жена Власова вспоминала:

Из книги: «Хроніка палітычнага тэрору 1918–2008. (Крупскі рэгіён – Малое Палессе – Друцка-Бярэзінскі край). Энцыклапедычны даведнік». Крупкі, 2014, страницы 11–16, 33–38, 323–328, 363–367, 408–413, 444–449, 453–457, 465–470.

«Я дежурила под окнами тюрьмы, добивалась встречи с мужем, но безрезультатно. Домой, в фольварк Миговка, возвращалась пешком. Было морозно, звездное небо. Стучусь в двери своего дома, работница не открывает, отвечает: «Вас тут нет. Дети у соседки».

Вас тут нет — так сегодня звучит коллективный ответ беларуской нации сотням тысяч своих репрессированных предшественников. Словно мы заняли их квартиры и дома, их места. Вас тут нет...

* * *

В Беларуси тема сталинских репрессий никогда и не выходила на всенародный уровень. Как, скажем, в России, где массово читали своего Солженицына или в Польше, где каждый знает про свою Катынь, или в Украине с ее Голодомором, или в Летуве, где создан национальный музей геноцида, а в каждой деревне стоят памятники репрессированным землякам с перечислением жертв поименно.

Конечно, и беларусы были среди читательской аудитории «Архипелага Гулага», и беларусы что-то слышали про Катынь... Но больше говорят о Сибири, о приказах из Москвы, словом, о том, что происходило где-то, а не здесь. Поэтому как-то сам собой сформировался образ сталинского геноцида — как эпизода далекой и даже чужой истории.

Ради справедливости скажу, что мы в этом деле могли быть первыми. Мы и были первыми. Книга Франтишека Олехновича «В когтях ГПУ» вышла еще в 1930-е и стала настоящим открытием для остального мира, иначе с чего бы это ее немедленно выпустили в Западной Европе и Америке большими тиражами*. Как отмечает исследователь Анатолий Соболевский, это было «едва ли не первое произведение в мире на гулаговскую тему».

«Читатели должны понять!» — обращается Олехнович к публике. «Вы думаете, так легко признаться, что я, уже далеко не ребенок, позволил так наивно, так глупо, так предельно нелепо обмануть себя! Мне теперь стыдно, что я настолько некритически верил тогда в советский мираж, что даже агентов ГПУ принимал за людей, которым можно верить, едва ли не за своих друзей. (...)

Одни спрашивали: «За что же в конце концов большевики посадили этого Олехновича?» А другие говорили: «Э! Наверное что-то было... это не просто так... человека вот так ни за что в тюрьму не сажают...» (...)

Теперь знаете за что. Но теперь, после переживаний последних лет, уже, наверное, никто и не задавал бы таких вопросов. Теперь уже все — и в Западной Беларуси, и в Восточной — хорошо узнали большевиков и знают, за что людей сажают в тюрьму... (...)

Как спирохеты сифилиса в организм, так влезает в души поганая большевистская отрава. Пусть мои слова (...) помогут выздороветь этим бедным духом людям. Пусть учатся на моем примере».

/Олехнович Ф. В когтях ГПУ. Пер. А.Е. Тараса. Минск: «Харвест», 2012, с. 60–61./

* Первый, краткий вариант книги Ф. Олехновича «В когтях ГПУ» был опубликован в 1934 году на русском языке в Париже, в эмигрантской газете «Последние новости». В последующие пять лет она вышла отдельными изданиями на польском, украинском (в Западной Украине), беларуском (в Западной Беларуси), итальянском, португальском языках. Доработанный полный вариант книги автор опубликовал в 1941–42 гг. на беларуском языке в «Мінскай газэце». Отдельным изданием она вышла в Минске только в 1994 году. — *Прим. ред.*

Франтишек Олехнович дает картину раннего советского Гулага, разложив ее по темам. Быт заключенных, карцеры и расстрелы, долгие допросы и работа стукачей, лесоповал, попытки бегства и приезд на экскурсию Максима Горького, женская зона, кладбище, изолятор, иерархия узников и тюремный юмор. Последний раздел – один из самых впечатляющих, к нему я вернусь немного позже.

Программная книга известного драматурга, одного из первых сидельцев на Соловках, должна была бы войти в школьные программы уже потому, что первое слово дороже всего последующего многословия. Но не вошла. Беларусь, знаете ли, была тогда разделена на Восточную и Западную, а потом была война, когда Олехновича убили, причем неизвестно кто, может быть даже и «наши», а тогда – какой же он герой?.. И так далее. Растрепалась правда, заговорилась, перепуталась, а в результате ничего и не осталось. Вас тут нет...

Кто-то что-то слышал о минской «американке» или об ужасах Вилейской тюрьмы, или о том, как на перегоне из Глубокого в Витебск просто на дороге были расстреляны сотни безвинно осужденных людей. Но ни беларуского книжного бестселлера, ни кинофильма, которые бы сказали всё на эту тему, не появилось.

Сергей Дубовец

Единственный общеизвестный символ сталинщины в Беларуси – Куропаты, ценой невероятных усилий группы беларуской интеллигенции поднятый на всенародный уровень – стал символом вандализма и отрицания. Горстка людей упрямо ставит кресты на могилах расстрелянных, а кто-то «неизвестный» эти знаки уродует, как будто упрямо и бездумно повторяя своё: «Вас тут нет».

Милиция или спецназ – еще один субъект фантасмагории – то разгоняет защитников народного мемориала, то заводит уголовное дело по фактам вандализма, то есть, принимает сторону то тех, кого «нет», то сторону «некоего неизвестного». Борьба происходит даже не на поверхности, а в самой глубине души, в бессознательной сфере, которая по-детски защищается, противится сопричастности всей беларуской нации к геноциду – как в роли жертв, так и в роли карателей.

Между тем, история сталинщины – это всецело беларуская история. Ведь наши гиганты промышленности, типа МАЗа, были такими же подразделениями ГУЛАГа, такими же «исправительно-трудовыми» концлагерями, такими же мясорубками, как и знаменитый Беломорканал. Ведь наши люди – все, поголовно – принимали участие в этом фантасмагорическом спектакле, естественно, в разных ролях – кто-то произносил монологи, а у кого-то вообще не было слов. Ведь, наконец, наши души, наша психика, наше сознание даже у самого молодого нынешнего поколения явно несет на себе ожоги тех люциферовых котлов, в которых горела гаром вся беларуская нация во времена большевистского тотального уничтожения.

Когда-то я позволил себе утверждать, что в годы наибольшего подъема советского энтузиазма в Беларуси каждый день расстреливали 600–700 «польских шпионов». На таких цифрах я остановился согласно чувству, возникшему во время перечитывания анкет десятков тысяч расстрелянных. Вероятно, расстрелянных могло быть меньше или больше. Правды уже не узнает никогда и никто, ибо статистики не существует. И об этом я скажу немного позже. Но даже не это — не статистическая условность — в первую очередь возмутила моих оппонентов. Их возмутило то, что из моих цифр следует, будто бы во второй половине 1930-х к фантасмагории в Беларуси были причастны все. Каждый беларуский человек, а значит, все наши бабушки и дедушки каким-то образом имели отношение к сталинским репрессиям. Мол, при общем образе этого геноцида как чего-то чужого и далекого кто-то имеет наглость утверждать, что и наша семья в этом участвовала!..

Но эта — правда. Одних по доносам других арестовывали третьи, доставляли в тюрьму и охраняли там четвертые, носили им передачи пятые, допрашивали шестые, судили седьмые, везли на расстрел восьмые, расстреливали девятые — это был действительно грандиозный спектакль с огромными массовками. Если верить официальной цифре из энциклопедии, согласно которой в Беларуси были репрессированы 600 тысяч человек, то добавьте к каждому из них остальных фигурантов и вы получите, как минимум, весь беларуский народ.

О причинах недоверия к этому я уже сказал. А то, что информация не передавалась в семье из поколения в поколение, объясняется еще и простым нежеланием травмировать психику детей фактами человеческой подлости и грехопадения, а также ужасающими сценами расправы. Когда-то меня сильно удивляло то, что мои сверстники из еврейских семей в Беларуси часто ничего не знают про фашистский геноцид, который евреев затронул тотально. А объяснялось это чисто педагогическими целями их отцов и дедов.

Теперь о статистике.

Статистики сталинских репрессий в Беларуси не существует. Есть подсчеты, приблизительный анализ, и есть судьбы, которые своей совокупностью опровергают всякую статистику.

В чем здесь дело? Документы, фиксировавшие убийство людей, могли и не составляться. Ведь убийцы полностью распоряжались человеческими жизнями — что хочу, то ворочу. В массе своей палачи имели два класса образования. Поэтому в тех документах, которые составлялись, господствует полная неразбериха. И не только в фамилиях, названиях и датах, но также в причинах и мерах наказания. Выходит, что по одной версии человека расстреливали за антисоветскую агитацию, а по другой — за шпионаж в пользу Польши. Разницы не было не только расстрелянным, но и карателям. Ведь все понимали, что расстреливают ни за что.

Однако помимо неграмотности и палаческого произвола существовало еще одно явление, которое ставит под сомнение статистику. Это промежуточное состояние между живым человеком и трупом. На презентации книги «Ахвяры і карнікі» («Жертвы и каратели») о таких историях рассказал исследователь Леонид Моряков. В частности, он привёл пример судьбы Бронислава Тарашкевича,

Тарашкевич – интеллектуал, выпускник Питерского университета, автор первой грамматики беларуского языка, переводчик «Илиады» Гомера, лидер стотысячной Беларуской Громады в Западной Беларуси...

Когда он оказался в СССР, то, как и абсолютное большинство западнобеларуских деятелей, попал под расстрел. Так вот, Морякову удалось установить, что Тарашкевича не расстреляли в тот день, что указан в документах (29 ноября 1938 г. – *Ред.*). Его, не расстрелянного, использовали в качестве подсобного материала на допросах новых арестованных. Его приводили или приносили на допрос и добивали. Арсенал пыток был неограничен, в литературе о сталинщине можно найти много натуралистических подробностей про сломанные руки, порванную кожу, выколотые глаза... И вот, представьте себе, арестованный студентик видит, как убивают человека, который для тебя – абсолютный авторитет и даже кумир, и испытывает особые чувства. Это совсем не то, когда пытают тебя самого. И признание подписывается тобою едва ли не автоматически. Ты попадаешь в статистику наказанных «врагов народа», а Тарашкевича в это время перетаскивают в другой кабинет. Он уже вне всякой статистики. И ставить вопрос – сколько же было таких Тарашкевичей в беларуских тюрьмах – бессмысленно.

***

«Трагедия повторяется как фарс». «Одна смерть – трагедия, сотни тысяч – статистика». Эти сентенции выглядят совсем по-детски в контексте большевистского геноцида. Он был бессмысленным настолько, что обессмыслил и статистику о себе. Это как если что-то зашкаливает, то уже не важно, насколько.

Жизнь вообще не имеет никакого смысла. Каждый придумывает что-то свое. Но если у всех один смысл жизни, значит, кто-то нами манипулирует. Может быть, отправляет нас на войну с захватчиками, а может быть – на войну против самих себя. Жизнь настолько же бессмысленна, насколько бесценна. Абсолютные величины – ничто и всё. Реальный смысл и реальная цена жизни создаются конкретной человеческой судьбой.

Листая сотни и тысячи судеб, где пунктиром проходит слово «расстрел», наконец ловишь самого себя на... улыбке!

Эта улыбка горечи. Чтобы почувствовать правду истории во всем ее величии, надо улыбаться. Ничем другим наше омертвевшее душевное состояние не преодолевается. Если же только повторять о трагедии народа, о ямах, заполненных трупами ни в чем не повинных соотечественников, об уничтожении всей национальной интеллигенции, неизбежно отупеешь, очерствеешь душой либо дойдешь до нервного срыва. Тем временем та власовская работница, которая перевоплотилась в сегодняшнюю власть, будет по-прежнему долдонить: «Вас тут нет» и распоряжаться твоей судьбой.

Чтобы распрощаться с абсурдом, нужен горький, через слезы, невозможный, но – смех. Только в такой интерпретации история сталинского геноцида сегодня и завтра может каким-то образом тронуть абсолютное большинство наших соотечественников и убедить их, что это их собственная личная, семейная, национальная история.

Разве не смешно, если на пять лет ГУЛАГа осуждают младенца? В графе «работа» указано: не работал. Или вот – беларуские евреи, которые оттуда, из ямы, уже только фамилиями своими словно подсказывают нам способ прощания с абсурдом – у одного фамилия Арбуз Шмуля Овсеевич, его посадили в 1940-м за «эмигрантские намерения», а у другого Апельсин – Исаак Шлёмович – его расстреляли в Витебской тюрьме в 1937-м как польского шпиона. Рядом с экзотическими «фруктами» – целое дерево репрессированных беларусов с фамилией Груша. Не отсюда ли назывное имя человека – «фрукт»?

А вот – Чичиков Василий Степанович, беларус из деревни Новый Довск Гомельской области. В нашем случае – не скупщик мертвых душ, а сам – мёртвая душа. Работал машинистом паровой мельницы в местечке Лебедево под Молодечно. Ключевое слово – «работал», другое ключевое слово – «под немецкой оккупацией». Этого было достаточно, чтобы в 1945-м загреметь в лагерь в Коми АССР.

А вот – Огородников Алексей Алаевич, беларус из деревни Слобода Полоцкого района. Очередной польский шпион, расстрелянный 26 октября 1938-го. Мое внимание привлекла его профессия – стрелочник станции Полоцк. Помните? Виноват во всем стрелочник. Вот он и ответил. Всего в нашем списке на 60 тысяч персон сто пять стрелочников.

Трансформация страшного в смешное составляет содержание того Олехновичского «Тюремного юмора», о каком я обещал поведать. Обратите внимание – с 20-х годов прошлого столетия ничто особенно и не устарело:

> «Человек так быстро приспосабливается к новым, ненормальным условиям жизни, врожденная потребность смеха так сильно напоминает о своих правах, что даже те, кому завтрашний день сулит тяжкое путешествие этапом на Соловки, который никогда уже не увидит своих близких, и даже те, кого завтра со связанными руками и заткнутым ртом поведут на место казни, где их ждут с наганом, сегодня, бывает, беззаботно что-то напевают...
>
> Искренним юмором веет от слов афоризма, который надо было бы написать над входом в советскую тюрьму:
>
> *Входящий не грусти!*
> *Выходящий не радуйся!*»
>
> /Олехнович Ф. В когтях ГПУ. Перевод А.Е. Тараса. Минск: «Харвест», 2012, с. 152./

Речь идет не о животном хохоте вандала и не о зубоскальстве, а об одной из самых тонких черт человеческой натуры – чувстве юмора. Оно не свойственно ни одномерной власти, ни мрачным борцам, которые черствость и трагические мины считают своей главной доблестью и из-за этого не побеждают никогда. Чувство юмора, которое в сегодняшней Беларуси явно в дефиците – это настоящее супероружие против диктатуры, против беспамятства, против вандализма в Куропатах и помпезных юбилеев славных чекистов. Ибо всё, что не имеет этого чувства, не имеет и соответствующего оружия против него, а потому боится его едва ли не больше всего на свете.

2. «...И только надпись Вероника»

В недавнем опросе публики о беларуских национальных ценностях красной нитью проходит такой ответ – всё, что связано с ВКЛ. Великое Княжество Литовское ассоциируется с расцветом беларуской жизни. Достижения книгопечатания, архитектуры, искусства того времени и сегодня – то главное, чем мы представляем себя миру. И при этом каждый раз задумываемся: почему мы так фатально утратили преемственность от того государства к нынешнему?

Чтобы ответить на этот вопрос, начать надо с того, что Великое Княжество со всеми его золотыми плодами было творением беларуской шляхты, что после захвата территории ВКЛ Российской империей именно беларуская шляхта в течение 200 лет уничтожалась всеми возможными способами – физически и исторически, материально и морально. Сначала усадьбы беларуских дворян заняли российские помещики, а потом и их смыло цунами возбужденного плебса...

В списках жертв сталинских репрессий эти люди кажутся мне бриллиантами в основной массе народа. Их хочется идеализировать и романтизировать, как это делал Владимир Короткевич.

Каждый мой бриллиант включает в себя три грани. Место – Восточная Беларусь, социальный статус – дворянин, национальность – беларус. Трудно представить себе таких в 1920–30-е, во времена господства коммун, комбедов, воинствующих безбожников и ГПУ. Они – как инопланетяне среди работяг Осинторфа, олицетворяющих собой монолитный человеческий материал тогдашней БССР. И тут вдруг – дворянин. У него личное хозяйство. Точнее, его вытащили, как того ручейника из трубочки, из личного хозяйства, в котором он сидел, словно тот шляхтич Завальня, в абсолютной глуши, где у него была своя библиотека и семейный архив, где он планировал архитектуру сада, разводил цветники, вел заготовку грибов, меда, орехов... Организовывал жизнь вокруг себя. И крестьянам, которые у него работали, жилось по-человечески, ведь это был не чужой пан или помещик, а свой, беларус. Хотя и дворянин.

В советское время это выражение – «дворянин беларус» – стало оксюмороном. Для многих оно и сегодня звучит как сочетание несочетаемого.

Мне много раз приходилось путешествовать по рекам Восточной Беларуси. И там, в самых отдаленных уголках, повсюду встречаешь следы той организованной жизни. Прежние парки и место, где стояла усадьба. На самом деле ничего нет, но сам ландшафт подсказывает тебе, как гармонично были вписаны в него хозяйственные строения, клумбы, посадки и подъезды. Изредка можно встретить и само здание, чаще всего на круче над поймой реки – небольшой деревянный или каменный дворец на фоне необъятного простора.

Потомки создателей ВКЛ, обедневшие и отвергнутые властью, создавали на своих лоскутах земли маленькие оазисы гармоничной жизни – словно осколки того золотого века.

Ўстае перад маім паглядам
І вулка, веючая сном,
І ціхі, старасвецкі дом
З цяністым, адзічэлым садам;

Над ім шпакоўніца ў гары,
А ўкруг схіліўся тын стары.
Дом гэты да паноў Забелаў
Суседзяў нашых,наляжаў;
Я змалку там штодзень гуляў.
З дзяцьмі іх лез на дахі смела,
Рваў яблыкі, рабіў садом
І крыкам поўніў цэлы дом.
....
Так у гулянках пралятала
Маё дзіцячае жыццё,
А поруч ціхае дзіцё,
Дачка Забелаў, узрастала.
Яе я мала знаў: яна
Ўсягды была сама, адна.
Жылося цяжка Веранікі
(Хай так дзяўчыну будзем зваць):
Яе памерла рана маць
І не было саўсім сястрыцы,
А бацька сэрца хоць і меў,
Ды прытуліць яе не ўмеў.
Таму з маленства палюбіла
Хавацца ў сад стары яна,
Дзе веяла дыханне сна,
І цішыня ў паветры плыла,
І нерухомы быў спакой,
Маўляў у глыбіні марской.

Максим Богданович, живший далеко в России, был свободен от идеологии отрицания дворянства, свойственной многим возрожденцам в Отечестве. Вот почему его «Вероника» стала не только поэтическим шедевром, поныне восхищающим читателя реалиями жизни тогдашнего беларуского дворянства, но и пророчествует упадок, ожидавший родовые гнёзда дворян после пролетарской революции.

Ізноў пабачыў я сялібы,
Дзе леты першыя прайшлі:
Там сцены мохам параслі,
Вясёлкай адлівалі шыбы.
Ўсё ў пылу.
І стала мне –
Так сумна, сумна ў цішыне.
Я ў сад пайшоў
Ўсё глуха, дзіка,
Усё травою зарасло.
Няма таго, што раньш было,

І толькі надпіс «Веранiка»,
На ліпе ўрэзаны ў кары,
Казаў вачам аб тэй пары...

...Я говорю именно о Восточной Беларуси, так как дворянам с Западной до войны, под Польшей, были даны судьбой целых двадцать лет, чтобы понять либо почувствовать, куда катятся колеса истории – не в их пользу. Можно было уехать, распродать имущество, можно было записаться поляками. К этому склоняло и то, что беларуское движение под польской властью было окрашено в красный цвет. Беларус в Западной Беларуси стал едва ли не синонимом большевика, и этому дворянину как-то ни к чему было оставаться беларусом. Тех, что остались, после присоединения Западной к Восточной судили уже только за то, что они – дворяне.

У восточников же времени на размышления и предчувствия не было. Вероятно, многие из них тоже записались поляками, потому что не хотели отождествлять себя с нацией, на глазах делавшейся пролетарской. А если поляк, то уже как бы и не совсем ваш, не в полном вашем распоряжении. Вероятно также, что многие паны исправляли в анкетах свое происхождение на крестьянское, ибо много явно дворянских фамилий принадлежит крестьянам. Вероятно, многим все же удалось каким-то способом бежать с Беларуси, бросив свои усадьбы. Поэтому те, что остались на родине, что сохранили и свое дворянство и свою беларускость, вызывают тройное уважение. Не знаю, чувствовали ли они, что осуждены как класс, что их ждет утрата имущества, родины и жизни. Наверняка, не могли не чувствовать. Но они, моральные хозяева этой земли, держались за ее культуру и извечный порядок: «Старины не рушить, новизны не вводить».

В советское время любили высмеивать шляхту, мол, повыродилась она в своих забытых Богом поместьях. Но сталинские репрессии парадоксальным образом высветили тех, кто не выродился, кому наследственная рыцарская честь не позволила ни переписаться в другую национальность, ни назваться крестьянином, ни бежать из родовой усадьбы.

Городские дворяне-беларусы были оторваны от земли, они оказались в более пестрой людской среде, потому их судьбы трудно назвать типичными. Что же касается дворян на земле, застенковой шляхты, хозяев усадеб, то многие из них удивительным образом дотянули до коллективизации тридцатых годов в своих собственных поместьях. Вот тут и началось.

Иван Иосифович Акалович с хутора Силичи Логойского района – беларус, из дворян – в свои 56 лет считался колхозником в колхозе имени Дзержинского, когда в начале 1933-го «тройка» за антисоветскую пропаганду осудила его на 10 лет концлагеря. В примечаниях к приговору сказано: «Семью выслать в Северный край на 3 года». Сколько было той семьи у Ивана Иосифовича, не уточняется. Обычное для тогдашнего делопроизводства явление. Главное то, что Акаловичей в это время и в этом месте срубили под корень всех.

А вот Аколовых – беларуских дворян с хутора Дуброва в Червеньском районе, перечисляется много. Их ликвидацией занялись летом 1929-го. Павлина Викентьевна получила за содействие мужу в антисоветской деятельности три года Сибири, Янина Адамовна, Антон Адамович и Винцент Адамович – за содействие

отцу — три года Сибири. Василий Степанович за содействие брату — тоже три года. Теперь остается узнать, что получил главный фигурант дела — Адам Степанович. Вместе с семьей он отправился на три года в Нарымский край. После, в 1933-м, его уже там осудят на поражение в правах... О дальнейшей судьбе семьи архивы не говорят. Хотя по аналогичным примерам известно, что две судимости часто приводили в 1937-м к третьей, которая ставила в судьбе человека окончательную точку.

В 1933-м за антисоветскую пропаганду был отправлен в Казахстан беларуский дворянин Иван Фелицианович Алешкевич из поселения Зафранцузская Гребля Игуменского уезда.

И так далее, и так далее...

Составим здесь небольшой мартиролог беларусов-дворян, очутившихся в самом эпицентре советского энтузиазма.

Анкудовичи. Беларусы. Из дворян Заславского района Минской области, Нина Игнатовна, 25 лет. В начале 1931-го за шпионаж в пользу Польши приговорена к ВМН (высшей мере наказания). Расстреляна. Роберт Иосифович, 26 лет, за то же самое получил пять лет исправительно-трудовых лагерей. Франц Иосифович, 32 года, — 10 лет каторги.

Анциперовичи. Аранские. Барановские...

Барановские — большой род со Случчины, единоличные хозяева, учителя, врачи, «члены кулацкой группировки», арестованы в 1929–30 годах, осуждены на разные сроки концлагеря — от трех до десяти лет, Иван Васильевич, 45 лет, и Иван Михайлович, 32 года, как руководители организации — приговорены к расстрелу.

Бачилы. Березовские. Брановицкие. Бржезовские. Бурые. Буэли. Былины. Белькевичи...

Основной период репрессий беларуского дворянства — 1929–30 годы. Последних подгребли в 1933-м. До 1937-го почти никого не осталось. А вот раньше, до 1929-го встречаются спорадические случаи. Например, Адама Ивановича Войниловича, помещика 60-ти лет, взяли на его хуторе Роский Селец Кохановского района еще в 1927-м. За антисоветскую агитацию. И дали три года ссылки в Казахстан. А Леона Казимировича Оранского из Диссенского уезда судили еще в 1920-м. За антисоветскую деятельность. И посадили в концлагерь до окончания гражданской войны. Типичный случай. Помещика Владислава Ивановича Витковского из имения Зборовичи под Минском в 1920-м расстреляли. Как агента польской контрразведки. Тоже типичный случай.

Писатель Константин Тарасов в своей работе «Крест памяти, меч судьбы» приводит такой факт:

> «1 августа 1920 года в Минске начал функционировать концентрационный лагерь «для представителей враждебных классов», каковыми считались бывшая шляхта, землевладельцы, чиновничество, священники. В лагере было не менее 300 заключенных».
>
> /Тарасаў К. «Крыж памяці. Кароткі спіс войнаў, паўстанняў, рэпрэсій, катастрофаў, якія выпалі на лёс Беларусі за тысячагоддзе». Мінск, 2000./

Ватацы. Вечоры. Высоцкие. Гаевские. Горецкие. Гедройц-Товстики. Грабовские. Груши. Гуские. Гуриновичи. Гущинские. Дашкевичи. Дичковские. Долгие.

Драбушевские. Дроздовичи. Дубровские. Дыдырки. Ермалинские. Журавские. Жыдовичи. Заблоцкие. Забродские. Замбржицкие. Зубовичи. Ивановские. Ковелы. Каминские. Кандыбы. Катырлы. Кернажицкие. Корбуты...

Историки утверждают, что на выходе из ВКЛ беларуский народ на 10 процентов состоял из дворян. А в большевистском устройстве мира эти 10 процентов не предусматривались. Поэтому их судили, высылали и расстреливали часто даже не за антисоветскую пропаганду и контрреволюционную деятельность, а просто как «социально опасный элемент».

Корзуны. Круковские. Крепские. Кузьминские. Кулаковские. Кунцевичи. Лапицкие...

Перед глазами встают живые-мертвые сцены. Следователь НКВД, два класса образования, обессилевший от бесконечных допросов и пыток, начинает «разрабатывать» очередного подследственного.

Фамилия-имя-отчество?

Ленартович Камилия Фелициановна.

Где и когда вы родились?

1875 год, деревня Волевичи Червеньского района.

Национальность?

Беларуска.

Происхождение?

Из дворян.

Вот тут его всего, естественно, клинило. Этот самый оксюморон. Беларуска из дворян. Ладно, беларуска, я тоже беларус, а что из дворян, это значит помещица или сильно умная, университетка... Вот где ярость волной закипает в душе!.. Кровопийца на теле пролетарского класса...

Камилию Фелициановну отправили в Сибирь не за эксплуатацию, не как помещицу или социально-опасный элемент, не как кулачку, вероятно, она самим своим видом ни что подобное «не тянула». Ее осудили за содействие сыну в антисоветской деятельности. То есть, по самому крайнему счету, по которому только могли обвинить женщину, — за то, что она мать.

Липницкие. Лютаровичи. Лядские. Ляшкевичи. Лещинские. Малаховские. Малиновские. Малышевские. Мардовичи. Масальские. Мастовичи. Матусевичи. Минкевичи. Мукосеи. Неверовские. Некрашевичи. Погоские. Погумирские. Павловичи. Петражицкие. Плышевские. Пролесковские...

Иван Иванович Пролесковский, 40 лет, беларуский дворянин из деревни Пахомовщина Минского уезда, это теперь Дзержинский район, был арестован в самом начале 1930-го и приговорен «тройкой» к ВМН. За антисоветскую агитацию. По статьям 66 и 72 УК БССР. Расстрелян.

Пржесецкие. Пшонки. Петрищи. Рогалевичи. Радзевичи. Рыжие. Римашевские. Риторы. Рейнгольды. Реуты. Саковичи...

В продолжение истории 1920 года — случай с Ильёй Федоровичем Саковичем. Профессия — землевладелец. А схватили его в имении на хуторе Дубовики Борисовского уезда. Формулировка приговора, который вынесла коллегия ОГПУ, такова: крупный помещик, считать врагом народа. ВМН. Ни о том, что сделал

Илья Федорович, ни о том, что говорил – не сказано. Просто – считать врагом и расстрелять. Что, естественно, и было исполнено без промедления.

Савченки. Сементовские. Сикорские. Скуратовичи. Смольские. Станкевичи. Статкевичи. Стефановичи. Свидерские. Севруки. Тамаровичи. Тамковичи. Тарловские. Татуры. Товстики. Трайковские. Тумиловичи. Усаченки. Хаткевичи. Хаустовичи...

Иосифа Степановича Хаустовича, 42-х лет из деревни Кулаки Старобинского района приговорили в 1930-м как кулака, к ссылке – на Кировский прииск в Читинскую область. Срок ссылки не указан. Больше 10 лет в то время не давали, а если давали больше, так только расстрел, значит, выйти он должен был в 1940-м. Однако ГУЛАГовская бездна часто забирала человека без остатка. О чем и свидетельствует следующая запись в деле Иосифа Хаустовича. В 1954-м умер в ссылке. Через четырнадцать лет после того, как должен вернуться на родину...

Царевичи. Циминские. Чайковские. Шабловские. Шабуни. Шкурды. Шляхтицы. Шмаковы. Шпаковские. Шпилевские. Шуневичи. Шыбеки. Шиманские. Шипилы. Шемет-Полачанские. Эйсмонты. Юнацкевичи и Юнацевичи. Якубовские. Яновичи и Яновские...

Ликвидация беларуских дворян «как класса» производилась тотально – это значит, забирали и вывозили не кого-то конкретного, а всю семью. Или кого-то расстреливали, а остальных вывозили. И если крестьянам еще можно было надеяться на возвращение, а многие и вернулись из ссылки, то этим – нет. Их мир, все их свое и привычное, где было место им, уничтожалось вместе с ними однажды и навсегда. Как в спектакле «Идиллия» Купаловского театра, где паны садятся в конце концов на воздушный шар и улетают в невозврат. Конец идиллии.

В кагэбэшных списках самой нелепой строкой выглядит запись о реабилитации. Расстрелянный – реабилитирован. Сосланный – реабилитирован. Посаженный в концлагерь – реабилитирован. Каратели и их наследники так и не поняли, что отобранная жизнь и искалеченная судьба реабилитации не подлежит.

Есть реабилитация для компенсации за понесенные моральные и материальные потери. Что касается реабилитации в широком смысле этого слова, то просить ее ни у кого не надо. Тут другое дело. Беларускому народу для нормального развития требуется реабилитация своего беларуского дворянства.

Теперь у нас пишут иногда и о Радзивиллах, и о Тышкевичах, и о Сапегах. То потомки их приедут из далекого мира, то каменное их строение возьмут на реставрацию, то вдруг вспомнят, что наши Радзивиллы в свое время были богатейшим родом в Европе. Все это так, но я не об этом. Речь не об отдельных ярких персонажах национальной истории, а о реабилитации всего беларуского дворянства «как класса». И не где-то в судах и архивах, а в собственных головах.

Реабилитировать надо жизненные принципы, которыми руководствовалась аристократия и которые вместе с ней были уничтожены во времена сталинщины.

Не ломай то, чего не строил.
Не лезь туда, в чем не разбираешься.
Не отвергай то, чего до конца не понимаешь.

Не вернув эти принципы, мы так и остаемся безвольными наблюдателями смены эпох и только со скорбью повторяем слова поэта, мол, «нет того, что раньше было»...

3. Обет молчания

Величайшая тайна Куропатского леса – не в том, что здесь похоронены тысячи безвинных жертв советского режима. Это факт, и теперь дело археологов и архивистов выяснить обстоятельства. Нет загадки и в том, как и почему нынешний режим трактует сталинские репрессии. Слава богу, находятся люди, которые создают в Куропатах и по всей Беларуси народный мемориал. Бесконечное множество разгадок ждет нас в результате раскрытия конкретных человеческих судеб. Но величайшая тайна Куропатского леса в другом.

Миновало более 20-ти лет с того момента, когда правда о Куропатах была сказана всему миру. Это открытие стало отправным пунктом для перемен в Беларуси. Все последующие события – государственность языка, запрет компартии и провозглашение независимости – были непосредственным результатом того потрясения, которое пережило общество от правды про Куропаты. Но так же внезапно, как беларусы озаботились трагедией Куропат и пошли на перемены, они отказались от этих перемен и вернулись в прежнее состояние оцепенения в случае разговоров о сталинщине и коммунистическом терроре. Почему? Почему Куропат, которые были толчком к переменам, не хватило на то, чтобы перемены не только произошли, но и стали необратимыми? Вот в чем, по моему мнению, величайшая сегодня тайна Куропатского леса.

Одним из пяти человек, первыми опустивших лопаты в Куропатскую землю, был Сергей Витушка, тогдашний лидер неформального объединения «Талака». Витушка:

> «Так получилось, что я был хорошо знаком с Зеноном Позняком и он мне доверял, и однажды шепнул на ухо, что надо быть в такой-то день в таком-то месте. Зачем, не сказал и просил никому не говорить. Я приехал, а там оказалась легковая машина, был Позняк, был Евгений Шмыгалёв и была еще пара человек, и мы впятером поехали в эти Куропаты. Только там Позняк нам сказал, где мы и что будем делать, что мы будем искать. И было объяснено нам, что если какая-то милиция или просто чужой человек что-то спросит, то мы просто делаем раскопки, Позняк как археолог имеет открытый лист и право производить раскопки. Одну-другую яму раскопали и были в отчаянии, что может быть и неправда. Оно где-то так Позняку и верилось и не верилось, что такое может быть.
>
> И тут нашлись, помогли нам местные мальчишки. Они спросили, а что вы тут ищете? И повели («А вот что мы нашли») показать, что они нашли. А они еще раньше решили себе сделать землянку и одну ямину очень глубоко раскопали, метров на пять в глубину, и там вышли на слой захоронений, на эти черепа с простреленными дырочками в затылке. Позняк тогда это все сфотографировал, несколько черепов даже достали, положили в коробку. Поехали мы тогда в Боровляны, было заведено уголовное дело.
>
> И через неделю мы опять собрались и вместе с Позняком поехали в соседние деревни – Цна, Ёдково – и говорили с людьми. Пожилые люди рассказывали о своем детстве, как тогда они малыми любопытными детьми бегали в эти Куропаты, нахо-

дили дырки в заборе, подбегали к этим могилам, все это видели, все это слышали. И главное же, каждый вечер эти выстрелы звучали. Ну и тогда, после того, как вышла статья, «Талака» взялась. Там был устроен митинг. Пришло много людей, мы были поражены, как много людей собралось на этот митинг. И милиция стояла рядом, никто нас не разгонял, они слушали, просто слушали. И я думаю, что для них тоже это было шоком и открытием».

Надо сказать, что Куропатские шок и открытие быстро прошли. Так же, как и первая эйфория национального возрождения. Вернулись на господствующее место русский язык, советская символика, славные коммунистические и кагэбэшные традиции. Правды о Куропатах оказалось недостаточно, чтобы она стала флагманом основательной трансформации. А первое и самое главное место, где должна произойти эта трансформация — в семье. Тотальное беларуское явление — в семьях о репрессированных родственниках не говорят. Можно сказать об исключениях, но правило звучит именно так. Не говорили в советские времена, не стали говорить после открытия Куропат, не говорят и сегодня. Ясно, что еще через поколение или даже меньше, говорить уже не будет кому.

Как известно, архивы репрессированных поныне остаются под замком. Но речь не об этом, а про семейную память, которая не передавалась. Причем независимо от того, интересовались вы этой темой или нет. Корреспондент «Свободы» Анна Совсь уже несколько лет освещает на радио Куропатскую тему, из ее репортажей сложилась целая книга о Куропатах. Сегодня Анна рассказывает показательную историю своей семьи.

«Когда я показала своему отцу фотографию старой молодечненской тюрьмы в книге Михаила Чернявского о Ростиславе Лапицком, его первой реакцией было: "После войны мы с матерью сюда приносили передачи отцу".

Осенью будет 15 лет, как моего деда Василия Совся нет в этом мире.

И мне до сих пор почему-то не рассказали подробно, за что и сколько он сидел в молодечненской тюрьме в сталинские времена.

Из детских воспоминаний осталось только, как дедушка Василий рассказывал, как до советов он и бабушка зарабатывали за день работы на собственной мельнице столько, что за это можно было купить корову. Моя бабушка Люба любила говорить: «Если бы не большевики, мои дети учились бы в Вильне, или в Варшаве»... Все трое ее детей получили высшее образование в Минске, но она все равно вспоминала Вильню и Варшаву. Она никогда не рассказывала внукам о том, сколько и почему после войны сидел мой дед Василий.

В Молодечно в здании, где раньше размещалась тюрьма, теперь находится архив. Недалеко от него музыкальное училище, где преподает музыку моя двоюродная тетя Светлана Совсь. Восемь лет назад, когда на «Свободе» начинался цикл «Политическая география», я захотела быть первой и поехала в Молодечно. Остановилась у тети и, рассматривая старые фотоальбомы, долго вглядывалась в лица своих прадедов по отцу. Меня поразили шляхетные полуулыбки, красивая воинская форма, стильные женские платья и глубокие взгляды. За это точно могли посадить... Засыпая в чистом и большом доме в кровати с накрахмаленными белыми простынями, я ощутила сильную ностальгию по семье, которой на самом деле не знала, но всегда интуитивно чувствовала.

Моя мать не любила свою мачеху. Наверно это было взаимно. Но был момент, когда, вспоминая о ней, она поддержала мачеху. В день смерти Сталина Людмила

Нехай (Акулич) вместе со своим сыном (сводным братом моей матери) сожгли портрет усатого вождя. В сталинское время был расстрелян ее отец – Максим Акулич, учитель из Бобруйска. Я любила неродную мне по крови бабушку Люсю, но она мне так никогда и не рассказала про расстрел ее отца. Боялась, как боялась моя родная бабушка Люба рассказать, почему в молодечненской тюрьме сидел мой дед Василий Совсь.

Как и многие беларусы, я до сих пор не знаю всей правды о моих репрессированных предках».

В семьях о репрессиях не говорили. Я хочу сделать акцент вот на этом моменте – и после открытия Куропат не заговорили. Можно отыскать массу причин этого молчания, но, по моему мнению, начинать надо с себя, с собственного, из поколения в поколение передававшегося страха, который занес тему сталинских репрессий едва ли не в разряд непристойностей. А может быть, настолько законопослушными были и властецентричными, что при всех переменах допускали, что если сидел, значит, что-то там могло и быть... Даже если это родной отец или дед. С одной стороны, не поверили, что у родственника все чисто. С другой стороны, не поверили, будто что-то изменилось и говорить теперь можно. Пугало КГБ и анекдоты про «товарища майора» никуда не исчезли. Потому, выходит, причина в этом – не поверили. Поэтому и не допустили в души и сердца, в умы и психику никакой трансформации. Поэтому с этим и остались – со своим недоверием и страхом.

То же самое, кстати, произошло и с Чернобыльской темой, и с темой русификации. Куропаты просто добавились еще одним камнем на душу и «камнем в огород» беларуской национальной неполноценности, еще одним неотмщенным оскорблением национального достоинства. Как нация мы, вероятно, никак не созреем до того, чтобы выбрать себе таких лидеров, которые повели бы нас всех на расчистку наших душевных огородов от камней. Но до определенного времени в таком же состоянии пребывали и украинцы, и армяне, и евреи. Молчали в семьях, чтобы не травмировать психику детей. Пока, наконец, не появились такие лидеры и воля лидеров говорить о геноциде, холокосте или голодоморе – на весь мир. Нечто подобное неизбежно произойдет и с нами. Но уже по другому сценарию. И не через Куропаты. Ведь не изменили людей Куропаты. Если и затрагивают эту тему, то лишь косвенно, как в семейной истории Дмитрия Бартосика.

Бартосик:

«Про своих дедов и бабушек я могу рассказать много историй. Но одна запомнилась особенно. Как картинка своей эпохи. Как выхваченный кадр. Мой дед, Анатолий Францевич Бартосик, одессит, певец, говорун-весельчак, игравший на мандолине, был ярым и искренним сталинистом. Поляк-сталинист. Дяя меня это вещи несовместимые. Либо он был неискренним сталинистом, который на всякий случай заискивал перед режимом. Либо он был плохим поляком. Впрочем, кем бы он ни был, а его привычка всегда за столом, каков ни был повод, то ли день рождения детей, то ли Новый год, поднимать первый тост за великого Сталина, эта привычка не добавляет моему дедушке плюсов. Правда, к этой его привычке поднимать первый бокал за вождя и учителя, все родственники и знакомые как-то привыкли. День рождения дочери – «я предлагаю выпить за нашего дорогого и любимого». Годовщина свадьбы – «выпьем

первый тост за самого нашего родного человека, Иосифа Виссарионовича». Обмывали нового дивана — «поднимем наши бокалы за дорогого вождя». Ну, хочется человеку выпить за Сталина больше, чем за маму родную. Ну, надо же понять человека не самой благонадежной национальности и не самой беспорочной биографии. Но однажды дедушка нарвался.

Наступал Новый 1958 год. За столом собралось много гостей. Даже больше, чем обычно. Кто-то привел своих знакомых, кто-то пригласил родственников. И в праздничной суете как-то толком не познакомились. Но радиола была настроена на Москву. Шампанское было разлито по бокалам. Елка переливалась настоящими свечами и бумажными гирляндами. И под бой кремлевских курантов дедушка завел свою любимую песню. «Первый тост я предлагаю выпить за нашего мудрого и великого товарища Сталина!» Бокалы поднялись далеко не все. Возникла напряженная пауза. В воздухе повисла недобрая тишина. Дедушка повторил свой тост. Несколько бокалов были демонстративно поставлены на стол. Деду шепнули, что среди гостей есть те, кто пришел из лагеря. Но тот никак не унимался.

И третий раз с идиотским блеском в глазах прочитал оду мудрому учителю. И тут случилось то, чего дед не ожидал. Его лучший друг, который никогда не сидел, который всегда молча выпивал вместе с дедом за вождя, этот лучший друг потихоньку поставил свой бокал на стол. Повернулся всем корпусом к деду. И, глядя ему прямо в глаза, влепил деду звонкую оплеуху. Скандал возник ненадолго, так как уже через минуту он был замят в следующих тостах, в разговорах про жизнь, в рассказах тех, кто пришел оттуда... И праздник покатился дальше, утопая в дыме папирос «Казбек», под голос патефонного Утёсова, и еще долго продолжался на заснеженных улицах с долгими проводами гостей.

Говорят, после того Нового года дедушка больше никогда не поднимал тостов за великого вождя».

Одно из объяснений, почему в беларуских семьях не говорили о репрессированных родственниках и вообще о сталинских репрессиях, звучит так — не знали. Сами не знали, что там и как. Но эта неправда.

Массовые расстрелы тридцатых годов не могли быть тайной в тогдашнем Минске. Даже дети из окрестных деревень знали об этом. Или представьте себе, если бы сегодня ежедневно расстреливали сотни жителей и гостей столицы: нереально, чтобы мы об этом ничего даже не слышали. Поэтому — знали беларусы обо всем этом и до открытия Куропат. Причем, знали все. Но не говорили, поэтому на переходе поколений это знание куда-то пропало.

Как-то в разговоре на эту тему с журналистом Андреем Барковским меня остановило его высказывание о том, что и до открытия Куропат все об этом знали. Если не умом, то чутьем.

Барковский:

«Есть места, о которых говорят: «Хотел бы сюда вернуться». Там легко дышится, там плодотворно думается, и нет места отчаянию. Таким местом может быть лес...

Лес не принадлежит никому, даже подросткам послевоенного поколения, чувствовавшим себя хозяевами вселенной в окрестных минских лесах. Пока однажды лес не испугал нас и не заставил относиться к нему с осторожностью и уважением. Но что тот случайно найденный ржавый немецкий «Вальтер» или стреляные гильзы второй мировой, тревожная романтика киношной войны, если однажды лес рассказал про абсолютное зло. Мы еще не сознавали, что это такое, а зло уже имело свое представление о нас...

Я не был в Куропатах во время раскопок Зенона Позняка, который первым сказал правду. Однако перед этим уже было предчувствие правды. Ей-богу, что-то присутствовало в воздухе. «Полуживые» жертвы репрессий, которым удалось уцелеть, с началом «оттепели» возвращались в родные места и могли жить прямо в квартире напротив. Про такого даже у себя на кухне говорили полушепотом, и чурались не потому, что брезговали, а потому что от него веяло дуновением смерти. Рано постаревшие, «чужие» среди «своих», эти люди принесли с собой предчувствие правды. Беда была в том, что тогда мы больше хотели не правды, а именно предчувствия. В саму правду не хотелось верить, такой страшной она могла оказаться... Так и выросли с этим предчувствием. А правда, между тем, кричала отовсюду: «Вас обманывают!».

Я не был в Куропатах и в 1988 году, когда состоялась первая массовая демонстрация на «Деды». Я был в армии. От удивительного и нового слова «черемуха» зудело в носу. Мать охала и благодарила Бога, что меня там не было.

Я был там однажды. Когда прошел шествием вместе с тысячами беларусов. Тогда, в 1989-м, огромная толпа людей пронесла «Крест страданий» через весь город. Я прошел этот путь и больше не хочу туда возвращаться. Волнение этого момента важно пережить однажды. Коктейль из чувства страха, достоинства и пьянящего духа свободы.

Правда о Куропатах — это правда, которую потеряли наши деды, не нашли родители, отыскали мы и будут знать наши дети. Ибо этот лес сделал нас другими. Великая тайна перестала быть тайной.

Ежегодно на Деды сотни людей приходят в Куропаты, чтобы помянуть тех, кто погиб от большевистской пули. Но я не могу туда идти. Есть места, о которых говорят «Не могу туда возвращаться». Для меня Куропаты — именно такое место. Я не хочу возвращаться в Куропаты и не хочу, чтобы Куропаты возвращались в Беларусь»...

У Сергея Витушки свой взгляд на это дело. Как человек общественный, он склонен, напротив, призывать людей идти в Куропаты. Витушка:

«Я думаю, почему так мало людей приходит в Куропаты. Почему люди боятся прикоснуться к этому, к этой правде. Наверняка, каждый человек в Беларуси слышал про это, но по-прежнему прячется от этой информации. Ну, так бывает, что если человеку больно, то один будет кричать, суетиться, искать какого-то спасения, а другой будет, напротив, терпеть как-то так...

Есть народы, которые много об этом говорят. И не просто говорят — кричат. А беларусы... тоже ведь знали, знали про эти репрессии все, но наши отцы-деды молчали. Избрали такую тактику — молчать, терпеть, пусть забудется, пусть так вот залечатся эти раны. Им это, может, и помогло. Но детям-внукам эта информация, эта правда была неизвестна. И поэтому дети и внуки рискуют сегодня повторить эти ошибки. Поэтому никто и не возмущается, что сегодня существуют эти коммунистические названия улиц и городов и восстанавливаются памятники Сталину, что стоят памятники Ленину. Поэтому надо говорить, и надо изучать эту историю. Но мы наверняка никогда не сможем быть такими, как другие народы. И так громко об этом говорить и просто кричать. Однако у беларусов есть свой способ, свое настроение, с которым можно прикасаться к этой правде. Вот на Деды или на Радуницу люди идут на кладбища с весьма дивным чувством. Нет боли, нет оцепенения, нет плача, как в момент похорон. А на Деды, на Радуницу идут с мудрым спокойствием. И вот с таким настроением стоит подступать к этой теме».

Две противоположные, но не противоречивые мысли. Один призывает прикоснуться к Куропатам, другой отвечает: не хочу туда возвращаться. Они не про-

тиворечащие, так как каждый выбирает свое. И это вовсе не значит, что одному больше болит, чем другому. Если эти мысли спорят между собой, то вовсе не за боль, а только за пафос.

Главная тайна Куропатского леса сегодня уже не в том, что он есть и не в том, кто там расстрелян.

Беларусы в массе своей отмолчались о сталинских репрессиях. И теперь уже поздно призывать говорить об этом в семьях. Тем более, что общественный климат никак не способствует таким разговорам. Тем более, что никуда не исчез страх. Тем более, что прежнее недоверие давно застыло, словно цемент.

Но и Куропаты не сыграли еще всей своей исторической роли. Того шока 20-летней давности не повторишь. У Куропат, по моему мнению, другое продолжение — не политическое, а культурное. Они должны превратиться в эпос. Где сотни и тысячи свидетельств сольются с множеством образов отечественной культуры, начиная от невероятно точных пророчеств Купалы, который в стихотворениях своих видел и описал Куропаты задолго до катастрофы, начиная с Коласа и с Быкова...

4. Курьёзы картотеки и шутки судьбы

Слово «курьез» применительно к жертвам советского режима, на первый взгляд, звучит неэтично. Тем более, слово «шутка», если бы вам захотелось говорить о «шутках судьбы». Однако природа нашей памяти такова, что ощущение страшной трагедии уже через пару поколений стирается, уступая место беэмоциональной статистике. И только отдельные частные курьезы доносят до нас живое понимание того, что произошло.

Когда просматриваешь картотеки с судьбами тысяч репрессированных, то наконец почти физически ощущаешь, как пусто становится в душе от этого бесконечного повторения стандартных формулировок: из рабочих, из крестьян, из рабочих, из крестьян, арестован, осужден, арестован, осужден, расстрелян, сослан, расстрелян, сослан... Даже разнообразие фамилий и названий деревень происхождения не спасает этой монотонности небытия. И ты вдруг понимаешь — так устроено для того, чтобы даже память о безвинных жертвах растворилась в рутинной кислоте. Однажды и навсегда. Никаких курьёзов и шуток судьбы! Иначе перестанет быть страшно. Ведь достаточно одного курьезного факта, как вся ситуация сталинского абсурда оживает, веет на тебя всем своим идиотизмом, когда ненормальные люди тотально уничтожали людей нормальных, обвиняя их в небылицах и в самых фантастических нарушениях самого невероятного в мире законодательства.

Малограмотные писари НКВД относились к своей работе чрезвычайно серьезно и системно, а поэтому вели дела «врагов народа» максимально упрощенно, отсекая всё, что не имело отношения к делу. Фамилия, год и место рождения, национальность, социальное происхождение, образование, где и кем работал, статья, по какой осужден, мера наказания.

В результате система должна была напоминать огромный механизм, который одной только слаженностью своей работы вызывал восхищение у такой же неграмотной и темной публики. Интересы государства, гений Сталина и высшая

Мера социальной защиты (это про расстрел) — вот какие образы должна была рождать в народных массах эта машина.

Психологически она должна была ассоциироваться с комбайном на жатве, который под один уровень аккуратно срезает одинаковые колосья, а сам процесс «чисток» и социальной селекции должен восприниматься как дело хозяйское, нужное и полезное для будущего, для построения нового общества, для коммунизма. Комбайн вообще — позитивная машина. Беда только в том, что люди — не одинаковые колоски. И потому происходит не жатва, а, если хотите, пробуксовка на цветнике. Вот о чем свидетельствуют эти самые курьезы и шутки судьбы, выбивающиеся из общего порядка и общей гребёнки, как кудри, которые не помещаются в стандартной графе.

Например, не все бывает просто с национальностью, если так часто встречаются гибриды «беларус-поляк», и с социальным происхождением, если один брат из рабочих, второй из дворян, третий из купеческого сословия...

Наконец, самая, казалось бы, существенная графа — про вину человека — тоже по сути дела ничего нам не говорит. Наиболее частая формулировка — «антисоветская агитация» — может варьировать с «контрреволюционной пропагандой», но ни о чем не свидетельствует. Их даже писали сокращенно через косую линию — а/а и к/п. Иногда встречается «антиколхозная пропаганда». И опять — никакой реальной вины, за что человека приговорили к расстрелу, не видно. А сколько здесь могло быть нюансов! Кто сказал, как, с какой интонацией, как посмотрел, в каких обстоятельствах, кто это услышал, как к этому отнесся... И так до бесконечности! Если бы антисоветскую агитацию преподавали в университетах, то называлась бы она не иначе как театральным искусством.

Изредка каратели пытаются дать расширенную формулировку антисоветской агитации, но и это к общей картине ничего не добавляет.

Статкевич Павел Адамович, лесник Минского района, жил на хуторе Вандолино. Приговорен 14 февраля 1938 года к ВМН за то, что враждебно настроен к советской власти, высказывал террористические намерения в адрес руководителей партии и правительства. Расстрелян в Минской тюрьме 7 марта 1938 года.

Федоров Афанасий Федорович, крестьянин из Городка, 64-х лет, в 1938-м тоже пошел на смерть за антисоветские высказывания и террористические намерения. Это значит, где-то неосторожно высказался. То ли сказал что думал, то ли просто возмутился каким-то беспорядком. А кто-то услышал и донес «куда надо». А мог Афанасий Федорович и не высказываться, а тот все равно донес. Думай и представляй себе что хочешь. Этот захотел занять место того или просто невзлюбил того или вообще — натура такая, чтобы на кого-то донести, не важно, на кого и о чем.

Адамец Елена Иосифовна, полька, 1903 года рождения. Парикмахерша в городе Браслав. Осуждена 13 сентября 1940 года на пять лет каторги в Сиблаге за «нежелание жить в СССР».

Мирмыль Николай Степанович, беларус, крестьянин из Березинского района. 23 июня 1935 года осужден на пять лет исправительных лагерей за причинение телесных повреждений в ответ на критику в газете.

Бессонов Игорь Дмитриевич, русский, счетовод в колхозе, жил в Минске.

Участвовал в ликвидации армии Врангеля. 14 апреле 1933 года осужден на 10 лет лагерей за содействие шпионской связи своей тещи.

С тёщами просто беда. Не знаю, как вас, а меня с малых лет смущало, что вокруг так много анекдотов про тёщу, мол, тёща — априори человек коварный и едва не враг. Смущало это потому, что вокруг себя в реальной жизни в самых разных семьях я не только не видел этих самых «зловредных тёщ», но и вообще — самого выделения тёщи в какой-то особый разряд между других родственников. А из телевизора и газет продолжался всеобщий хохот про тёщу... Теперь эта тема как-то притихла. Но с новой силой она встала передо мной из картотек репрессированных. Именно то, что она — тёща, было часто ее главной виной перед партией, правительством и советским народом.

К примеру, Евдокия Григорьевна Перка-Зубрицкая из деревни Зажевичи Старобинского района. Беларуска, из крестьян, неграмотная, колхозница в колхозе «Передовик». В 1935-м ее осудили на десять лет каторги с формулировкой «тёща агента польской разведки». Даже не шпионка, а — тёща!

Отца и двоих сыновей Чертолысовых, беларуских крестьян из деревни Титы Межанского района Витебской области 11 марта 1931 года выслали в Сибирь, срок ссылки не указан, но известно, что отец Яков Игнатович Чертолысов через два года в ссылке умер. Мое внимание привлекла та формулировка, с какой «тройка» осудила всех троих — «посягательство на жизнь комсомольца». Формулировка редкая, хотя тоже ни о чем не говорит. Разве что об особой ценности комсомольской жизни.

Известно, что в СССР, как и сегодня в Беларуси, не было политических осужденных, а только уголовные. Но все всё понимали. И на нарах делились на блатных и политических. Чекистский следователь, который «сочинял дело», иной раз неосознанно «проговаривался» на эту тему. Так, когда в 1935 году судили за контрреволюционную деятельность студента биофака БГУ Константина Казея, ему дали 5 лет каторги, а в примечаниях к делу отметили: «Был судим за уголовное преступление». Это значит, что контрреволюционная деятельность — все-таки не уголовная, ведь не убил, не украл, не оскорбил никого. Утратив бдительность, энкавэдист таким образом признал «политику».

Благодаря курьезным ситуациям стандартная анкета иногда позволяет реконструировать судьбу человека. Правда, это уже не документальная, а скорее художественная реконструкция. Вот я остановился на карточке Богданова Дмитрия Владимировича. Русский, из крестьян деревни Бритвино Новосокольнического района Калининской области, пенсионер. Как и почему он в 1938 году очутился в Минске — неизвестно. Может быть сын, который работал в Беларуси, забрал состарившегося отца к себе, может быть, здесь считалось спокойнее. Ну и поселился этот российский пенсионер в беларуской столице, в Новом Свердловском переулке, дом 4, квартира 1. Отсюда его и забрали. И как агента польской разведки приговорили к ВМН. Долго не думая, через три дня после приговора в Минской тюрьме расстреляли.

Польские шпионы в тридцатые годы буквально наводнили Беларусь. Причем, они не приходили сюда волнами с Запада, а здесь родились и жили. Иногда польскими шпионами становилась целая беларуская крестьянская семья и за это все

ла на расстрел. Так случилось с семьей Ашкеров из деревни Малые Жиберичи Крупского района. Отец Самойло Семенович, 67 лет, и мать Софья Ермолаевна, 60 лет, были колхозниками в колхозе «Победа». Как и дочь их Надежда. Сын Михал работал бухгалтером в сельпо, а сын Григорий кладовщиком камнедробильного завода в Орше. За пособничество польским агентам все они были приговорены к ВМН и 1 ноября 1937 года в Оршанской тюрьме расстреляны.

Если вытряхнуть из головы бесконечное повторение стандартных формулировок и вдуматься в слова «шпионаж в пользу Польши», то поймешь, что и здесь — театральное искусство. В семьи Ашкеров получили высшую меру все до одного. Это значит, что и шпионили все по полной программе. Трое в колхозе добывали чрезвычайно полезные для вражеской Польши сведения — один в сельпо, другой — в сфере камнедробления. О том, за какие именно сведения расстреляли семью Ашкеров, история в кагэбэшных архивах молчит.

Шпаковский Григорий Федорович, беларус, из крестьян, вагонный мастер железнодорожной станции Минск. Приговорен 23 февраля 1938 года к ВМН как агент японской разведки. Через две недели расстрелян в Смоленской тюрьме.

Демьянков Федор Петрович, беларус, из крестьян, образование начальное, рабочий фабрики «Днепровская мануфактура» в городе Дубровно Витебской области. 21 января 1938 года приговорен к ВМН как агент разведорганов Японии. Расстрелян в городе Минск.

Японские шпионы среди тогдашних беларусов в Беларуси — не такая уж большая редкость. Уникальным надо признать случай Алексея Борисовича Фиалки, беларуса из деревни Полюдовичи Ветринского района. Работал он колхозником в колхозе «Красная Полотчина». Осенью 1937-го был приговорен к ВМН и расстрелян в Полоцкой тюрьме как «агент иноразведки»!..

Вот, оказывается, откуда у наших людей такая привязанность к слову «иномарка». Ни своих легковушек Беларусь не выпускает, ни советские машины давно не составляют основу нашего машинного парка, все пересели на фольксвагены, форды и тойоты, а слово живет. «Купил сосед иномарку» — звучит с нотой отчуждения, если не осуждения. Как про агента иноразведки. Неясно только, что это такое. А человека расстреляли.

Другое дело, конкретные страны — Польша, Латвия, Литва, или этот случай:

Юн-Цян-Си Владимир, китаец, рабочий китайской прачечной в Витебске. Приговорен 28 мая 1938 года к ВМН за шпионаж в пользу Японии. Расстрелян в Витебской тюрьме.

Пример не единичный, обратите внимание, что этот китаец был осужден как японский шпион 28 мая 1938 года. То же самое случилось с его коллегой по китайской прачечной в Витебске Чжан-Чжай-Яо и с витебским охранником Ван-Куй-Лином. Но дело совсем не в том, что они китайцы и что шпионили в пользу Японии. Дело в том, что это Витебск и конец мая 1938-го. Теперь смотрите.

Вахимяк Антон Викторович, финн, слесарь Судоремонтных мастерских в городе Витебск. Приговорен 25 мая 1938 года к ВМН как агент разведки Финляндии. Расстрелян в Витебской тюрьме.

Даты почти совпадают. Финнов и китайцев в Витебске ловили и расстреливали одновременно как шпионов, соответственно, Финляндии и Японии, чьи

интересы в это время и в этом месте были представлены не очень широко, сколько тех финнов и китайцев в Витебске! Но картину легко дополнить десятками немцев и латышей, сотнями витебских поляков, шпионивших, соответственно, в пользу Германии, Латвии и Польши. Теперь линия партии из отдельных точек сливается в толстый красный рубец, который на неделю или на месяц превратил Витебск в город настоящей национальной резни. Это значит, что в городе проводилась определенная установка или даже кампания. Человек другой национальности вызывал подозрение, несмотря на всеобщий интернационализм и на ребенка негра в популярной кинокомедии «Цирк».

Негров я в кагэбэшных списках не встречал. Пока. А вот литовцев видел много. В отличие от польских агентов, среди которых поляки только иногда встречаются, а основная масса беларусы, литовские шпионы и по национальности, как правило, литовцы. Кто еще может встретиться среди литовских шпионов, так это латыши, как, кстати, и наоборот — латышскими шпионами называются литовцы. Но это, очевидно, описки следователей НКВД, результат географического кретинизма, который до сих пор часто сидит в головах. Ведь тот, кто немного знаком с историей и географией, заметит, что шпионаж литовца в пользу Латвии и напротив, латыша в пользу Литвы, возможен как нонсенс, но не как распространенное явление своего времени.

Впрочем, что у нас здесь не нонсенс...

Иван Москалевич, беларус, из крестьян, 1913 года рождения, колхозник в колхозе «Молодая гвардия» Ильянского района Минской области. Осужден 8 июля 1950 года «особым совещанием» на пять лет лагеря «за шпионаж в пользу Англии».

Этот английский шпион, который без паспорта работал за палочки в беларуском колхозе, явно не Штирлиц. Но и адресат шпионажа у него достаточно экзотический. То, что наши колхозы буквально кишели шпионами польскими, немецкими и латышскими, это понятно. Потому что близкий мир. Другая масть встречалась редко. Совершенно новым явлением в наших колхозах в начале 1950-х стали шпионы американские. И меру наказания для них придумали новаторскую — принудительное лечение в психиатрической больнице. Такой приговор получил Викентий Иванович Чарнецкий из деревни Рогалёвщина Воложинского района, колхозник колхоза имени Рокоссовского. 6 февраля 1952 года его направили в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу МВД СССР.

Еще одно распространенное обвинение — за вредительскую деятельность. Кому и чем навредил Александр Алексеевич Гаврильчик, бригадир колхоза в деревне Лошница Борисовского района, мы не узнаем никогда. Да и сомнительно, чтобы он в молоко доливал воду или воровал колоски. Масштаб не тот. Александр Гаврильчик, беларус, из крестьян, в 1907-м был депутатом Государственной думы II созыва. И после в колхозе получил звание стахановца, ездил на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в 1929-м. А тут в 1937-м его осудили как бывшего бригадира-вредителя и 16 октября в Минской тюрьме расстреляли...

Если колхозы и совхозы буквально кишели иностранными шпионами, значит, и государственных тайн там было бесчисленное множество. Не удивительно, что встречались средь сельчан не только агенты разведок, но и такие, кто просто

не умел держать язык за зубами. Ну и, естественно, попадал под бдительный прицел соответствующих органов. Так случилось с Григорием Васильевичем Горошко из деревни Алекшицы Логойского района. Он работал счетоводом в совхозе «Комсомолец». В 1936-м получил три года сибирской каторги за разглашение гостайны (государственной тайны). Такой же приговор, только раньше, в 1925-м, дали Ивану Казимировичу Илюкевичу, крестьянину из деревни Копыльцы Койдановского района.

...Особенность картотечных курьезов не только в том, что они оживляют перед нами эпоху каторги и расстрелов, но и в том, что между ними возникают мостики, и мы видим те закономерности, которые действовали в Беларуси в то время и все еще ощущаются в дне сегодняшнем. Мы еще не однажды будем обращаться к «шуткам судьбы», ибо, по большому счету, в монотонных кагэбэшных картотеках только эти «шутки» и есть — живая правда о своем времени.

3. *Канцелярит*

Среди репрессированных в сталинские времена уроженцев Беларуси — многие тысячи поляков и только единицы русских. Почему? Разве в течение прежней истории из Польши на наши земли переселялось больше людей, чем из России? Нет. Известно, что за девятнадцатое столетие в Беларусь приехали сотни тысяч русских людей, которые заполонили все здешние новосозданные структуры власти, хозяйства, образовательные учреждения и церкви. Именно в XIX столетии в Беларуси был установлен тот баланс количества беларусов, поляков и русских, который в общих чертах сохранился до сего дня. И если сталинщина действительно не выбирала национальности своих жертв, то откуда такой дисбаланс между репрессированными поляками и русскими? Может быть, все же — выбирала? Хотя бы уже потому, что рядом с популярными приговорами «шпионаж в пользу Польши» или «сотрудничество с польскими агентами» или просто «содействие полякам» невозможно представить себе такие же формулировки про Россию и российских шпионов. Причем, если в деле фигурировала Польша, заканчивалось такое дело чаще всего расстрелом.

...Прокудин Назар Савельевич, 1867 года рождения, беларус, крестьянин из деревни Городище Холопеничского района Минского округа. 6 марта 1930 года приговорен «тройкой» за связь с поляками к ВМН. Расстрелян.

...Баньковский Франц Францевич, 1863 года рождения, беларус, повар столовой инвалидов в городе Минск. Приговорен в 1926 году как агент польской разведки к ВМН. Расстрелян 8 мая 1926 года.

...Ортынский Викентий Антонович, 1850 года рождения, крестьянин с хутора Липки Заславского района Минской области. 13 февраля 1930 года приговорен «тройкой» к ВМН за связь с польскими разведорганами. Расстрелян.

Это все беларусы — «польские шпионы». Но очевидно, что и уроженцы Беларуси, записанные поляками, на самом деле в массе своей были здешними людьми. А их национальность (кстати, часто двойная: поляк-беларус) это результат полонизации. Так неужели полонизация у нас была интенсивнее русификации? Разумеется, нет. Но вот то, что она была более эффективной, это факт.

Когда-то Сержук Соколов-Воюш написал такой детский стишок:

Блакіт нябёс і белы бусел,
І кветкі ў полі, як абрус,
Мой край завецца Беларуссю,
А сам я хлопчык-беларус.

Стишок запомнился с первого раза и стал нашим беларуским ответом на запоминалку «Ким ты естэсь? — Поляк малы». Все нации в пору своего становления придумывают такие стишки для своих «малых», чтобы те сразу усвоили, к какому народу они принадлежат. С польского «Ким ты естэсь» начинали свое школьное образование многие тысячи беларусов, попадавших в волну процесса полонизации. Но вот вопрос. Русского такого стишка нет. Более того — и быть не может.

Здесь скрывается главное отличие полонизации от русификации. Первая подбрасывала беларусам признаки своей нации и тащила их в поляки. Другая шла с наднациональными признаками империи. Первая давала язык, культуру и чувство принадлежности к нации. Вторая несла канцелярит, идеологию и субординацию. Вот почему беларусы очень часто делались поляками, а русские, напротив, часто становились у нас беларусами. И замена царизма на сталинизм не изменила в этих процессах ничего существенного. Большевики не врали, когда обещали разрушить старый мир «до основанья», а затем построить новый. И построили. На том самом «основанье».

Канцелярит, идеология и субординация — три черепахи российского империализма — не сделали из нас русских именно потому, что не были (и не являются) языком, культурой и чувством национальной самоидентификации, а только их суррогатом. И, как всякий суррогат, они на каждом шагу несли в себе доведенный до абсурда обман и подмену понятий. Своего апофеоза этот абсурд достиг именно во времена сталинщины.

Воинский – военный

Первую подмену со стороны и не увидишь. Казалось бы, какая разница, воинский или военный. На самом деле воинский — это то, что касается войска, армии, профессии. А военный — то, что касается войны и всех, всего народа. Мы живем в Беларуси, а наши военнослужащие за забором служат в Беларуском воинском округе. Но правильное его название — Белорусский военный округ. И это значит, что он и есть — Беларусь, и мы все живем на его территории, независимо от того, есть ли на дворе война, или ее нет, считаем мы себя штатскими людьми, или нет.

Скажем, когда в 1930-м году на крестьянку из подминской Ратомки 50-летнюю Марию Ивановну Юшкевич поступил донос в компетентные органы, мол, что-то не то сказала Мария Ивановна о советских порядках, то компетентные органы сразу завели дело об антисоветской агитации. Причем назывались такие дела не уголовными, а — военными. Хотя никакой войной в 1930-м году еще и не пахло. Судила Марию Ивановну «тройка» и дала ей пять лет каторги на Соловках. А через три года «военное дело» Марии Ивановны пересмотрела коллегия ОГПУ и постановила досрочно освободить женщину. Но не просто освободить, а лишить при этом на три года права жительства в Белорусском военном округе. Замечаете подмену понятий? В Белорусском военном округе крестьянка из Ра-

Ломки никогда не жила и жить не собиралась. Но домой ее не пустили в Белорусский военный округ.

Наконец, через много лет, уже после смерти Сталина, дело Марии Ивановны рассмотрел «военный трибунал». Это чтобы аннулировать, за отсутствием состава преступления и реабилитировать несчастную крестьянку. Но опять же, почему дело штатской крестьянки рассматривает воинский трибунал? А потому, что произошла подмена, и трибунал называется — военным.

Без войны работают у нас военный трибунал и военные прокуроры. По идее они воинские и имеют отношение только к военнослужащим, а по названию — ко всем нам. По нашим улицам до сих пор ходят военные, в наших карманах лежат военные билеты, наша армия занимается военным строительством, а в школах и институтах проходят военную подготовку и военную кафедру...

Через подмену воинского на военное каждый штатский человек в Беларуси якобы причастен к воинским обязанностям и должен нести ответственность, предусмотренную для корпорации, к которой он не принадлежит, в данном случае, армии.

«За измену Родине»

Одна ключевая подмена влечет за собой целый обвал других. Например, измена Родине. Вроде бы понятно, что тут к чему, а если вдуматься...

За измену Родине карался не только сам «предатель», но и его жена — с официальной формулировкой «жена изменника Родины», а также дети, тещи и все остальные «члены семьи изменника Родины».

Николай Антонович Богданович из деревни Малиновка Логойского района в 1945-м, когда получил пять лет ссылки, имел всего четыре года от роду. Получил больше, чем имел. На этап он пошел как член семьи изменника родины.

Мария Дубинина, крестьянка из деревни Шаверничи Березинского района в 1946-м получила пять лет ссылки как жена изменника Родины. Отдельно заведены дела на ее дочерей, двухлетнюю Людмилу и Тамару, которой не было года. Они тоже, как члены семьи изменника Родины, получили по пять лет ссылки в Красноярский край.

С изменниками Родины у нас курьезная ситуация. Если, скажем, за измену Родине судили западных беларусов. Родились они под Польшей, в школу пошли под немецкой оккупацией. А тут приходит советская власть и судит за измену Родине, естественно, своей, советской. А они ни сном, ни духом. Ни про дедушку Ленина, ни про стены древнего Кремля, ни про «гражданином быть обязан».

Отца и двух сыновей Юркевичей из деревни Зауголье Кривицкого района Молодеченской области в 1946-м за измену Родине осудили на 8 лет лагерей. Через два года этот приговор пересмотрели и отменили. Но эти крестьяне в своем Зауголье видели советскую власть разве что год или полтора, перед самой войной. Допустим, они этой власти каким-то образом изменили. Но изменили власти столь же чужой для них, пришлой и репрессивной, как немецкая или довоенная польская. Подмена понятия власти понятием Родины — еще одна сталинская выдумка, которая должна всех людей затянуть в корпоративное поле этой конкретной власти и сделать их виновными перед ней.

«Умер в ИТЛ»

Воинский – военный... А почему вообще этими архивами, где почти сто процентов жертв – гражданское население, которое на самом деле никому не причинило вреда – почему ими занимается КГБ – структура национальной безопасности? Еще можно формально как-то привязывать белыми нитками те дела, где фигурирует шпионаж, а что касается антисоветской агитации... – какое отношение имеют эти тысячи дел к сегодняшней РБ и ее безопасности?

Подмена понятий для того и делается, чтобы терялся всякий смысл. Вот еще одна чрезвычайно распространенная в картотеке фраза: «Умер в ИТЛ». На канцелярите каторгу называли исправительно-трудовым лагерем. Осужденные – главным образом трудящиеся – своим трудом должны были якобы исправлять свое неприятие коллективизации и советского беззакония. Каратели и сами понимали, что никого они не «исправят», но звучало, вероятно, более гуманно. Точнее, более бессмысленно.

Однако вернемся к фразе «умер в ИТЛ». Здесь в канцелярите мы имеем дело уже не с подменой слов, а с подменой сути дела. ИТЛ по сути дела – разве не то же самое, что ВМН? Если «тройка» дает вам не расстрел, а каторгу в Сибири с тем же, только растянутым во времени результатом.

Самый гибельный год для осужденных на каторгу беларусов в советской пенитенциарной системе – 1942-й. Ясно, что в лагерях было полно садистов и что люди не уходили из жизни на больничной постели. Умирали, главным образом, от побоев и пыток. Иногда и в дела это попадало словом «от кровоизлияния».

1942 год. Это не начало войны, но и перелом в войне еще не наступил. Никто не знает, в какую сторону качнется маятник истории. Вся Страна Советов в едином порыве прикладывает невероятные усилия, чтобы переломить победное наступление войск гитлеровского рейха. Этой цели подчинено всё – и жизнь солдата на передовой, и талант генерала, и вся энергия заводов тыла. А что это время происходит с миллионами заключенных ГУЛАГа? Точнее, что происходит в мозгах вертухаев, которые не включены в процесс военного противостояния? Они по-вертухайски прикидывают – а что, если? А что если перелом не наступит?.. На дальнейшие рассуждения не хватает ума и образования. Тут самое главное то, что поднимается откуда-то из-под желудка скрытая в человеческой душе муть вседозволенности и наслаждения безнаказанным убийством другого человека. Контроль сверху фактически отсутствует, так как переброшен куда-то на фронт. И ГУЛАГ превращается в настоящий ад. Вот откуда этот 1942 год, когда судьбы наших репрессированных соотечественников чаще всего заканчивались строкой «Умер в ИТЛ».

Кто-то скажет, что люди иногда и сами умирают. Старость, болезни... Средний возраст «умерших в ИТЛ» мужчин – 40–50 лет. Для женщин этот срок наступал на десять лет раньше. Но о женщинах я скажу потом.

...Боярин Олимпий Архипович, 1865 года рождения, беларус, крестьянин из деревни Барки Холопеничского района. 20 октября 1937 года осужден «тройкой» за антисоветскую агитацию на 10 лет ИТЛ в Темлаг НКВД. 13 мая 1942 года умер в ИТЛ.

Этому Олимпию Бояриину на момент приговора было уже 72 года, а ему влепили 10 лет каторги. Темниковский лагерь находился в Мордовии и занимались там лесоповалом. Удивительно, что наш дед дотянул еще до семидесяти семи. Когда его туда отправляли, наверняка и он сам и оперы понимали, что это фактическая ВМН. Но растянули страдания. Дедов жаль, только здесь у нас нет таких убедительных оснований назвать их смерть преждевременной, как в случаях с молодыми.

...Юшкевич Игнатий Павлович, 1916 года рождения, слесарь-токарь кузнечной артели в городе Березино. В 1937-м осужден за антисоветскую агитацию на 10 лет ИТЛ в Магадан. 26 февраля 1942 года умер в ИТЛ.

Этот юноша из кузнечной артели вряд ли жаловался на здоровье. Но вот умер, имея всего 26 лет от роду. И такие случаи совсем не редкость. Станислава Буйку, крестьянина из Плещеницкого района осудили за связь с польским агентом, когда ему было всего 19. А через год, на каторге в Архангельской области, парня не стало. Леонтию Буланчикову, 36 лет, ветеринарному врачу из Сиротинского района Витебской области, которого судили за антисоветскую агитацию, не удалось даже до каторги доехать. «Умер под стражей».

...Люлькович Антон Сергеевич, 1914 года рождения, крестьянин из деревни Дивин Кобринского района. Осужден в 1940 году за связь с польской полицией на 5 лет ИТЛ в Коми АССР. 2 ноября 1942 года умер в ИТЛ.

Выходит, Антону Люльковичу было 28 лет. Тоже не век для естественного ухода.

Теперь о женщинах. С ними совсем беда. Их, правда, репрессировали немного меньше, чем мужчин. Но и принцип естественной смерти от старости здесь статистически не просматривается. Даже наоборот, более молодые умирали в лагерях первыми.

...Шидловская Анна Петровна из деревни Слобода Узденского района, беларуска. 12 лет. В 1935 году как член кулацкой семьи выслана в город Котлас Архангельской области. Через год, в 1936-м, умерла от голода.

...Яичка Янина Иосифовна, 20 лет, беларуска, помощник фармацевта аптеки при центральной поликлинике Минска. В 1944 году за измену Родине осуждена на 10 лет ИТЛ, Севураллаг, Свердловская область. 3 ноября 1947 года умерла в ИТЛ.

...Суримта-Милашевская Бронислава Станиславовна, 27 лет, полька, колхозница из деревни Шепели Заславского района Минской области. В 1938 году осуждена как агент польской разведки на 10 лет каторги в Карлаг, Архангельская область. 24 ноября 1938 года умерла в ИТЛ.

...Змачинская Вера Владимировна, 19 лет, учащаяся курсов бухгалтеров, г. Минск. В 1945-м осуждена как член СБМ на 5 лет ИТЛ. 12 мая 1950 года умерла в ИТЛ.

...Кунцевич Валентина Ипполитовна, 20 лет, беларуска, крестьянка из деревни Новый Погост Миорского района Витебской области. 18 июня 1941 года осуждена за контрреволюционную деятельность на 8 лет ИТЛ. Умерла в ИТЛ.

...Ласовская Антонина Николаевна, 26 лет, студентка Минского политехнического института. В 1937-м осуждена «особым совещанием» как жена врага народа на 8 лет каторги в Карлаг, г. Акмолинск. Через полгода умерла в ИТЛ.

...Малецкая Елена Ивановна, 16 лет, беларуска, крестьянка из деревни Ольховка Ветринского района Полоцкого округа. В 1930-м осуждена за антисоветскую агитацию на три года ссылки в Томский округ. 3 мая 1930 года умерла в ссылке...

* * *

Сталинский канцелярит, как язык Эллочки Людоедки, состоит из десятка формулировок, десятка названий подразделений ГУЛАГа и десятка аббревиатур — ВМН, ИТЛ, НКВД... На гигантском конвейере абсурда этого достаточно, чтобы описать жизнь и смерть сотен тысяч людей. Если бы еще и сами люди назывались номерами или аббревиатурами, архивы КГБ достигли бы полного совершенства — полной абстракции, перестали бы вообще что-нибудь значить. Наверняка, сами исполнители этого преступления и стремились к такому абстрагированию, за которым исчезает суть преступления.

Оно бы так и было. И только живые имена и фамилии людей разрушают эту смертельную пустоту и абстракцию. Они все непохожи и единичны, они — единственное пристанище гуманизма в этой космической кагэбэшной бесконечности. И только в них содержится правда того, что на самом деле произошло с народом и со страной. Они через эти имена и фамилии шлют нам послание из своего невозврата. Как, к примеру, осужденный на ссылку за антисоветскую агитацию старенький крестьянин Кирилл Трофимович Боровик из деревни Вечность Круглянского района. Так и пошел он из одной вечности в другую...

Сталинские подмены никуда не исчезли и в нашей сегодняшней жизни. По-прежнему все воинское называется у нас военным, канцелярит служит вторым, а на самом деле первым государственным языком, и великий соседний народ так и не сложил своего стихотворного ответа на вопрос «Ким ты естэсь?» Вся государственная идеология по-прежнему трактует слово Родина как Советский Союз — исчезнувшую атлантиду большевистской империи, от которой снова осталось одно только «основанье» той самой российской империи. И поэтому «измена Родине» у нас по-прежнему является изменой власти, режиму и его руководителю. «Сквернословие», за которое сажают на сутки инакомыслящих, ничем не отличается от «антисоветской агитации», а «хулиганство», за которое сажают в тюрьмы на годы — от «шпионажа в пользу Польши». При этом доказывать вину нет никакой нужды, так как судят не суды, а те же, по сути дела, «двойки», «тройки» и «особые совещания», где свидетелями выступают те же оперуполномоченные НКВД.

И люди наши в массе своей относятся ко всему этому так же безразлично, как тогда, когда казалось, что лишь бы меня это все не затронуло, а затронет, так лишь бы дали года три и лучше ссылки, чем десять и каторги, а если десять, то лучше бы в Коми, чем на Колыму, а если нет, то пусть и на Колыму, лишь бы не ВМН.

Так и живем, и никак не дождемся пробуждения национальной памяти и национальной воли. Так и будем жить, пока будем обычной толпой, населением, заполнителями пространства, пока не станем народом и нацией.

6. Сатисфакция

Если сталинские репрессии были несправедливостью и преступлением, если если людям утраты и обиду и если мы все это признаем, то – что дальше? По идее, надо было бы восстановить справедливость, наказать преступников, компенсировать утраты и успокоить обиду тем, что называется словом сатисфакция, которое Вацлав Ластовский перевел на беларуский язык как «здаволеньне». Но по существу ничего этого не произошло. Не зря в советских словарях сатисфакции либо нет, либо она дается как устаревшее понятие. Отдавать долги несвоевременно! С точки зрения должника – в нашем случае государства – оно может быть и так. Парадокс в том, что и «кредитор» – в нашем случае народ – часто соглашается с этим, чтобы «не ворошить прошлое». При этом оба участника «сделки» – и государство, и народ – неизбежно переживают мутацию, так как согласились переместиться с нормального пути в мир абсурда.

И скажу искренне, реабилитация – малопонятное мне явление. Что это такое и зачем? Как будто через реабилитацию можно вернуть расстрелянного, вылечить искалеченного, открутить назад поломанную судьбу... А добавьте сюда то, что решение о реабилитации или нереабилитации принимают те же структуры, которые раньше осудили на расстрел, уродование и сломанную судьбу. Это значит, что прежнего «врага народа» реабилитируют не перед Богом и людьми, а перед теми самыми кабинетами, в которых и засудили, в той самой системе координат, в которой только и возможно было невиновного человека назвать «врагом народа» и пытать, ссылать, расстреливать. Это значит, что чекисты нового поколения оправдывают того невиновного в своих глазах, перед собственной системой и тем самым как бы утверждают, что он для них свой, такой же. Получается, что реабилитация – это, с точки зрения нормального, здорового умом человека – не что иное, как дискредитация?

Когда я перечитываю биографии репрессированных и реабилитированных, ощущение абсурда перевернутого вверх ногами мира становится постоянным чувством.

...Бондарев Фома Александрович, беларус, крестьянин Сенненского района, 52 года, за антисоветскую агитацию 17 мая 1933 года осужден на три года ссылки в Башкирию. 15 сентября 1937-го приговорен к ВМН. Расстрелян. В 1957-м реабилитирован.

...Жизневский Альфонс Иосифович, крестьянин Полоцкого округа, беларус, тридцати лет. В 1935-м «особым совещанием» осужден за шпионаж в пользу Латвии на три года поражения в правах. В 1938-м «тройкой» приговорен к ВМН. Расстрелян. В 1989-м реабилитирован.

...Круценко Александр Климович, беларус, тридцати лет, колхозник в Витебском районе. 20 января 1934 года осужден за антисоветскую агитацию на пять лет лагеря. В 1937-м за то же самое получил 10 лет лагеря. В 1942-м умер в лагере. В 1989-м реабилитирован.

Каждый из этих примеров – типичен. Таких судеб многие тысячи.

В приговоре обычно писали по три, пять или даже 10 статей уголовного кодекса, которые якобы нарушил обвиняемый. Человека расстреливали в одной из тюрем БССР, или невозвратно отправляли на каторгу, или след его исчезал в

бескрайних просторах Сибири. А через полстолетия после этого чиновники с портфелями заседали специальной комиссией, чтобы рассмотреть дело о его реабилитации. Изучали каждую статью и выносили по-своему забавные вердикты. Вот частая формулировка (извиняюсь за канцелярит): «Реабилитирован в части учинения преступления по статье 72 УК БССР». По остальным трем, пяти или десяти статьям человек оставался «врагом народа». Точнее, оставался только «враг», ведь самого человека чаще всего давно уже не было в природе. А если и был, то что ему давала эта «частичная реабилитация»?

...Константин Михайлович Бич, беларус, батрак по найму в деревне Бабаевичи Несвижского района. Осужден в сентябре 1940-го за нелегальный переход границы и антисоветскую агитацию на 8 лет каторги в Каргопольлаг НКВД по статьям 72 и 120 УК БССР. Через сорок лет реабилитирован в части статьи 72.

Константина Ивановича Вишневского, беларуса и крестьянина из Любанского района, судили за контрреволюционную агитацию, как это тогда широко практиковалось, дважды. Первый раз, в 1935-м, отправили на шесть лет в Дальневосточный лагерь, а в 1938-м уже там, на Дальнем Востоке расстреляли. И вот через четверть века в деле Вишневского, хранящемся в архиве КГБ в Минске, делается запись — не реабилитирован.

Хочется позвать на помощь Кафку, Оруэлла, а лучше всего Эжена Ионеско, классика литературы абсурда, чтобы объяснил, что это все значит и чем занимаются все эти кагэбэшные люди с серьезным выражением лица в сумрачных сталинских коридорах, где через дверь на кабинетах едва ли не со сталинских времен висят таблички «Идёт допрос».

...Леонид Федорович Ласточкин, русский, ветеринарный врач научно-исследовательской станции, город Витебск. Приговорен в 1937-м как член контрреволюционной организации к ВМН. Расстрелян 3 января 1938 года. 8 августа 1990 года Верховным Судом БССР реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Александра Бонифатьевича Недзвецкого, беларуса, из мещан, табельщика депо станции Орша, приговорили в 1938-м за антисоветскую агитацию к ВМН с конфискацией имущества. Расстреляли. А в 1989-м, через полстолетия, реабилитировали. Задачка с одним неизвестным — какова судьба конфискованного имущества? У человека мог быть дом и сбережения, которые он копил для детей. Ну и, поскольку из мещан, а не из батраков, то не исключено и наследство. Ведь не зря здесь упоминается конфискация. Редко это слово встречается в делах «врагов народа». Но ведь человека реабилитировали, пусть через 50 лет, пусть расстрелянного. И если реабилитацию считать восстановлением справедливости, то верните конфискованное имущество детям или внукам Недзвецкого, для которых он только и старался, собирал свой скарб. Скажут — проехали. Давно это было. Тем более, что внуки жертвы могут и не знать о приготовленных для них кладах. Здесь логика государства напоминает логику мелкого воришки.

...Гервятовский Адольф Мацеевич, беларус, крестьянин, 70 лет, единоличное хозяйство на хуторе Савин Дуб Лепельского района. За антисоветскую агитацию приговорен «тройкой» к ВМН. Расстрелян 6 сентября 1937 года. В 1989 году реабилитирован.

К моменту реабилитации Адольфу Гервятовскому исполнился бы 121 год — если бы он дожил...

У Адольфа был сын Казимир. Его тоже судили, вывезли в город Ачинск, он бежал, его поймали и опять осудили, теперь уже на каторгу. И тоже через полвека реабилитировали. Может и хорошо, что оправдали, хотя тебе уже за 80. С другой стороны — какая реабилитация тебе нужна? Прибавка к пенсии? Или, может быть, реабилитация «доброго имени»?..

Меня удивляют старания о посмертной реабилитации Ларисы Гениюш. Разве поэтесса, мученица ГУЛАГа, должна быть реабилитирована? Кем? Перед Богом и людьми ей оправдания не требуется. Что же до реабилитации перед системой, перед бюрократией, перед чекистами уже наших дней, то такая реабилитация — это как просьба о зачислении в ряды этих самых бюрократов и чекистов. И это та самая Гениюш, которая всю жизнь страдала от преследований органов, но, проживая в БССР, отказалась принимать советское гражданство. Это значит, отказалась от чужой и позорной для нее системы. Это значит, что старания о реабилитации Гениюш кардинально противоречат ее собственным принципам, мировоззрению, жизни.

***

После каждой всенародной беды людям нужна сатисфакция. Иначе кажется, что нет в мире ни правды, ни справедливости. И как с этим жить?

Сатисфакция — удовлетворение прежде всего за униженное достоинство.

Правда, то, что давно ясно другим, у нас нет. Скажем, в случае всенародного унижения речь идет о национальном достоинстве, а оно унижалось у нас не только при царе, при Сталине, в войну, но и сегодня унижается. Какая же здесь сатисфакция?

Беларуский народ в XX веке испытал много бед, но ни разу не изведал сатисфакции. Били, плакать не давали и не извинялись. Сталинские репрессии — под замком. Страна-победительница — единственная в антигитлеровской коалиции — вышла из войны с потерями территории. Это не потому говорится, чтобы территории вернуть, а потому, что это правда, и потому что сатисфакции за потери не было. Взорвался Чернобыль, а люди поныне не знают, нормально они живут, или под угрозой смерти. Рухнули советские порядки, ну и дело с концом. Нет сатисфакции.

Между тем, по большому счету, вовсе не перечисление наших трагедий нужно нам для жизни, для будущего, а эта самая сатисфакция, которая позволяет закрыть один этап истории и перейти в другой без камня на сердце и абсурда в голове. Но сделать так можно только тогда, когда население чувствует себя нацией — хозяйкой собственной судьбы.

***

Теперь больше ни слова о трагедии. Ибо слышу голос оппонента — сатисфакция, сатисфакция, а как ты себе это представляешь? Представлять можно все что угодно. Лучше взять реальную ситуацию. Вот самая близкая нам и в истории, и в географии, и в общей ситуации — Литва. Как там справляются с теми же проблемами? Мой собеседник — Валентин Стэх — тот человек, который в Литве непосредственно осуществляет эту самую сатисфакцию.

Замечу, что, в отличие от Беларуси, Литва после 1991 года окончательно распрощалась с коммунизмом. Там были начаты процессы реституции — возврата людям отобранной коммунистами собственности, и люстрации — разоблачения тех, кто сотрудничал с коммунистическим режимом и фактически причастен к репрессиям. Литва объединила весь период с 1940 года, когда очутилась в составе СССР, до 1990-го, когда из этого состава вышла. Все, кто пострадал за это время, добиваются статуса потерпевших и соответствующих денежных компенсаций. В их число входят и раскулаченные крестьяне, и заключенные за антисоветскую агитацию, и жертвы нацистов, и те, кого послали на войну в Афганистан, и ликвидаторы последствий Чернобыльской катастрофы... Все эти люди олицетворяют собою наиболее обиженную часть нации, а компенсации, которые выплачивает им литовское государство — это сатисфакция для всего народа, который сам распоряжается своей судьбой.

О том, как действует этот механизм, рассказывает Валентин Стэх, сотрудник правовой комиссии при Центре исследования геноцида и сопротивления населения Литвы, который осуществляет эту самую сатисфакцию.

Стэх: Круг вопросов этого учреждения довольно широк. Мы же теперь поведем разговор о тех людях, которые в 1939–90 годы пострадали от окупационных режимов, то есть, от нацистской Германии и от Советского Союза. Когда Литва восстановила свою независимость в 1991 году, тут же был принят ряд законов о частичной компенсации тех потерь, которые понесли жители Литвы. Эти законы предусматривают придание человеку статуса потерпевшего. Потерпевшими признаются лица, которые были заключены, вывезены в Сибирь, ранены и утратили здоровье, не могли приобрести образования либо работать по специальности, которые принимали участие в ликвидации последствий Чернобыльской аварии, которые служили в Афганистане, которые были переселены еще до войны.

— Другими словами, существует определенный стандарт пострадавшего в этот период по разным причинам и в разных обстоятельствах. Вероятно, таких людей немало...

Стэх: Могу сказать только, что на сегодняшний день к нам обратилось свыше 80-ти тысяч. Это не учитывая непосредственных участников сопротивления, тех людей, которые отстаивали независимость Литвы с оружием в руках. Ну, а всего, я думаю, где-то тысяч около ста.

— Каким образом это все выглядит? Люди обращаются, вы рассматриваете и назначаете компенсацию...

Стэх: Свое право на этот статус они должны подкрепить документами, к числу которых, в первую очередь, относятся архивные справки. Если в архиве таких сведений не сохранилось, они могут обратиться в суд по месту своего жительства, тогда дело рассматривается на основании решения суда, и после того, как все эти документы поступают к нам, комиссия решает, за кем из них признать этот статус, а за кем нет.

— Возьмем такой пример. Если у человека дед был арестован и расстрелян за антисоветскую агитацию, и этот человек обращается к вам, что вы ему говорите?

Стэх: Если это был дед, то внуки никаких прав не имеют. А вот дети — да. Дети могут обращаться к нам (и они это делают) с просьбой присвоить им тот или

иной статус. Если, к примеру, отец или мать были осуждены по знаменитой 58-й статье Российской Федерации, а семья не могла в результате этого остаться жить на своем прежнем месте, вынуждена была скрываться, жить по чужим людям, то дети этого потерпевшего тоже имеют право на такой правовой статус. И при выходе на пенсию имеют право на надбавку к пенсии, которая на сегодняшний день составляет 200 литов или, по сегодняшнему курсу, свыше 90 долларов. Есть и другие компенсации. Например, одноразовые. Есть государственные пенсии первой, второй степени. Но это относится к участникам именно вооруженного сопротивления.

— Вильня во все времена была открыта к Беларуси, и здесь живет много беларусов. Каким образом возможности пострадавших ограничены территорией?

Стэх: Для того, чтобы получить статус пострадавшего, не обязательно было родиться на территории современной Литвы. Не обязательно было иметь литовское гражданство. Если на сегодняшний день лицо имеет гражданство Литовской Республики, то независимо от того, какое гражданство оно имело раньше, оно имеет право на этот статус. Разумеется, при условии, что оно сможет доказать.

— А если сын, современный гражданин Литвы, обращается к вам и говорит, что у него в 1930-е годы на территории современной Беларуси пострадал отец, который не был гражданином Литвы...

Стэх: Да, мы рассматриваем такие заявления.

— В Беларуси КГБ сейчас культивирует мысль, что едва ли не больше остальных пострадали сами каратели, осуждавшие и расстреливавшие невиновных граждан, а потом сами отправлявшиеся вслед за ними. Такие высказывания можно встретить на сайте КГБ в интернете или в интервью представителей этой организации.

Как по мне, так это продолжение абсурда. Тащил волк, потащили и волка. В том, что расстреляли убийцу, нет ничего хорошего, но и ничего сверхъестественного нет. Совершенно неестественно этого волка вписывать сегодня в мартирологи овец – мирных граждан, которые были абсолютно незаконно вырваны из жизни. Как в Литве разбираются с пострадавшими карателями, дают ли им надбавку к пенсии?

Стэх: Этот статус не могут получить бывшие сотрудники карательных органов как нацистской Германии, так и Советского Союза. К тому же кругу людей относятся секретари центрального комитета компартии Литвы, районных комитетов, заведующие отделами, инструкторы, освобожденные партийные секретари на предприятиях, в учреждениях, организациях.

— То есть, все, кто имел непосредственное отношение к репрессивной системе.

Стэх: Абсолютно так.

***

Существует мысль, что Беларусь — не Литва, что там всё какое-то другое, литовцы — националисты и вообще чуть ли не немцы. На самом деле это не так. Послевоенная советская история у них ничем не отличается от нашей. Другое дело, что они разобрались со своим прошлым и уже сегодня спешат компенсировать своим гражданам утраты советского времени, пока эти люди живы — из собственного бюджета, так как переговоры с Москвой на эту тему могут продолжаться сколько угодно и закончиться ничем.

То, что все пострадавшие за этот период оказались собранными в одну группу и трактуются именно таким образом — результат того, что весь этот период оценен как окупационный. Возможно ли такое в Беларуси? Нет. Ибо весь советский период у нас не рассматривается властями как одно целое и при том противоречащее национальным интересам беларуского народа.

Говорят — это наша история, какой бы она ни была. Фраза красивая, но лживая. Достаточно вдуматься — насколько эта наша история, насколько от нас зависел выбор власти, выбор репрессий, войн и катастроф. Нет, это как раз не наша история. Эта история, в которой беларуская нация была то пушечным мясом, то подопытной овцой, то послушным электоратом, но никогда — субъектом своей собственной истории. У литовцев та же ситуация, только они сказали себе — это была не наша история. **История про нас, с нашим участием — да, но не наша.** Окупационная относительно нас история. Если так, то появляются реальные лица, ответственные за преступления советского периода, и реальные пострадавшие.

В примирительной, на первый взгляд, трактовке про «нашу историю» не находится места сотням тысяч наших соотечественников, пострадавшим от незаконных и античеловеческих действий власти, а значит, нет никого, кому надо компенсировать потери. Трактовка про «нашу историю, какой бы она ни была» — это на самом деле заговаривание зубов, которым власть и ее пропаганда предупреждают возможные призывы к компенсациям и сатисфакции. Народ остается жить не отомщенным и не вознагражденным, без сатисфакции. В координатах абсурда.

7. Латвийский агент Лукашенко

В разговорах о характере сегодняшней власти в Беларуси неизбежны вопросы — откуда эти люди происходят и с кем в истории себя отождествляют. Вывод получается парадоксальный. Большинство номенклатуры происходит из тех семей, которые пострадали от сталинских репрессий, а отождествляют они себя с теми, кто эти репрессии осуществлял.

Информация о репрессированных по-прежнему закрыта в архивах КГБ, но стократ глубже скрывается там информация о тех, кто репрессировал. Из скупых сведений, добытых и опубликованных — вопреки воле теперешней власти — в книгах Александра Лукашука и Леонида Морякова, а также на соответствующих сайтах в сети, видно, что среди следователей НКВД, среди членов «троек», «двоек» и «особых совещаний» (то есть, тех, кто непосредственно отправлял людей на расстрелы и каторгу) есть и деятели местного разлива, но их единицы. Основная масса — люди ярославские, иркутские, орловские, рязанские... одним словом — русские. Казалось бы, логично как раз в их списках найти фамилии Лукашенок, Петкевичей, Козиков, Сидорских, Гайдукевичей... Но их там нет. Зато эти фамилии есть в списках репрессированных.

...Лукашенко Андрей Семенович, колхозник колхоза «Красное знамя» в деревне Беззубенки Россонского района. В 1937 году арестован и осужден «тройкой» за антисоветскую агитацию на 10 лет исправительно-трудового лагеря.

... Лукашенко Борис Александрович, колхозник в деревне Шатрово Россонского района. В 1937-м приговорен как агент польской разведки к ВМН. Расстрелян в Полоцкой тюрьме 28 декабря 1937 года.

...Лукашенко Мария Никитовна 1924 года рождения из деревни Витынь Костюковичского района Могилёвской области, учительница. В 1947-м за антисоветскую агитацию осуждена на семь лет лагеря.

Этой учительнице – Марии Лукашенко – на момент приговора не было и двадцати трех лет. Однако в перечисленных анкетах впечатляет не это, а то, насколько они типичны между десятков тысяч подобных. Среди всех моих Лукашенок на определенную непохожесть претендует разве что этот:

... Лукашенко Павел Карпович, 1890 года рождения, колхозник в колхозе имени Дзержинского в деревне Сидоренки Освейского района. В 1938-м Постановлением НКВД СССР и Прокурора СССР как агент латвийской разведки приговорен к ВМН. Расстрелян 19 февраля 1938 года.

Конечно, фамилии эти – просто совпадения. Хотя кто знает, каким образом и через что передается в людях особая энергетика и чьи удивительные сны иной раз снятся нам. Не секрет, что нынешний руководитель страны, в отличие от предшественников, старательно хранит тайну своего происхождения. Отца он не знал и живет с фамилией матери. Такая секретность характерна для колонизаторов и авторитарных популистов. Образцом тут, безусловно, выступает Гитлер, который не принадлежал ни роду, ни семье, а только – весь и полностью – немецкой нации. И жены у него не могло быть, ведь женою героя была вся Беларусь, то есть, Германия.

Следом за руководителем и его окружение начинает «обрубать хвосты» – признаки происхождения. Теперь даже при назначении на высокие должности не модно печатать биографию персоны с признаками происхождения. Скажем, у фигуранта с фамилией Янчевский в биографии сказано, что родился в городе Борисов, а у фигуранта Петкевич, что в Минске. Кто были отцы и деды, из какой местности родом-племенем, не уточняется.

Картотеки репрессированных в Беларуси раскрывают на территории страны целые гнезда и Янчевских и Петкевичей. Но нынешняя идеология не предусматривает у человека сколько-нибудь человеческого происхождения и, тем более, связанного с этим происхождением влияния на характер и склонности фигуранта. Он будто гомонкулюс или человек из пробирки. Не дерево, а телеграфный столб – легче устоять и ни за что не зацепится в интригах и бурях коридоров власти. А то, что при такой выхолощенности власть оказывается полностью вне культуры в самом широком смысле этого слова, то культурой решили пожертвовать.

Таким образом, популистский характер авторитарной власти стал причиной тому, что деятели официальной беларуской политики выступают не на стороне репрессированных предков, а на стороне тех, кто их предков репрессировал. Вот они и создают линии Сталина, всячески мешают людям чествовать память безвинных жертв в местах массовых захоронений, дают совершенно тенденциозные оценки истории, как, к примеру – на сайте КГБ РБ. Вот что там сказано о сталинских репрессиях и роли в них славных чекистов:

«После окончания Гражданской войны необходимость в специальном органе, имевшем чрезвычайные права и полномочия, отпала, и ЧК была ликвидирована. Ее преемником стало созданное 1 марта 1922 года Главное Политическое Управление при ЦИК Беларуси, а с 15 июня 1934 года – НКВД БССР.

Основной задачей этих органов являлась борьба со шпионажем, диверсиями и террором. Их сотрудники уже в те времена осуществляли сложные мероприятия против зарубежных подрывных организаций, действовали высокопрофессионально и результативно.

Трагические события 30-х годов XX века затронули и органы госбезопасности. Репрессиям подверглись 23 тысячи чекистов, причем погибли лучшие – профессионалы, сподвижники Дзержинского, люди необычные, с богатой и отзывчивой душой, которые беззаветно служили Родине и боролись за светлое будущее страны».

О том, кто репрессировал 23 тысячи людей с богатой и отзывчивой душой, на сайте КГБ не сказано. Кто репрессировал все 600 тысяч людей в Беларуси (это официальная статистика) – тоже.

Ни слова о репрессиях нет и на официальном портале президента РБ.

Приоритет власти в чистом виде заставил политиков отказаться от репрессированных предков, ведь по-хорошему это они, политики, обязаны были начинать шествия в Куропаты, инициировать создание подобных мемориалов и музеев. Но они сделали наоборот.

Ибо в золотых лучах сталинского солнца можно, во-первых, полностью игнорировать законы и Конституцию, чем сразу и отличился Лукашенко на посту президента. Можно безнаказанно сконцентрировать всю власть в одних руках и править страной бесконечно долго. Можно безнаказанно расправляться со своими политическими оппонентами.

Во-вторых, можно не заниматься национальным строительством и держать народ в состоянии, зависшем между *населением* и *нацией*, а в таком состоянии люди не способны консолидироваться вокруг идеи перемен, они ничего не решают на выборах, они опускаются до первичных потребностей и по сути дела не являются гражданами своей страны, так как от них ничего не зависит.

Как ни крути, а общая память о жертвах объединяет людей и они перестают быть безголосой массой. У народа прорезается свой голос. Нация, как живой организм, уже сама становится гарантией от беззакония и рецидивов сталинщины. Но это совсем другой тип отношений между властью и народом.

***

Чтобы оценить масштабы сталинщины в Беларуси, достаточно сказать, что происхождение нашей номенклатуры, корни этих людей легче найти в архивах репрессий, чем в обычных исторических архивах, где хранятся генеалогии рода. Читая картотеки репрессированных, невольно обращаешь внимание на знакомые фамилии.

Вот Константин Павлович Кебич, осужденный и расстрелянный в 1937-м за антисоветскую агитацию. А вот Фома Филиппович Лученок, крестьянин из деревни Ганополье Игуменского уезда, арестованный и расстрелянный еще в 1921-м за дезертирство и грабеж.

Крестьянин Алексей Евдокимович Козик как агент польской полиции в 1941-м был отправлен в исправительно-трудовой лагерь в Сибирь и там менее чем через год умер. Козик Василий Антонович был сигнальщиком блокпоста на станции Славное Толочинского района и отправился в ГУЛАГ как немецкий шпион. Встречаются и Козики поляки, их расстреливали на месте, в Беларуси. Козик Иосиф Францевич был беларусом, в 1951-м его судили как пособника немецких оккупантов и дали 10 лет лагеря. Послевоенные суды над пособниками заканчивались обычно подобными приговорами, в отличие от судов 1937–38 годов, когда за шпионаж и антисоветскую агитацию давали, как правило, ВМН.

Среди многочисленных репрессированных Гайдукевичей встречаются помощник мастера-оружейника, боец пожарной охраны, крестьянин, инвалид, безработный — много Гайдукевичей. Судили их за разное, а по сути за одно и то же — за антисоветскую деятельность и агитацию, участие в контрреволюционных организациях, шпионаж в пользу Польши. Большинство Гайдукевичей были расстреляны в Минской или Червеньской тюрьме, и только единицы получили каторгу.

Репрессированных Шейманов в картотеке КГБ только два и оба евреи. Симон Моисеевич из Копыля был студентом химфака БГУ, в 1934-м его расстреляли за антисоветскую деятельность. А Шмерка Шмеркович происходил из Гомеля. Был начальником электростанций Минска, жил в центре столицы на улице Энгельса. В 1936-м «особое совещание» осудило его за контрреволюционную троцкистскую деятельность и незаконное хранение оружия на 5 лет каторги. Что было с ним следующие пятнадцать лет, неизвестно. Но в 1951-м он получает новый срок и ссылку, после чего оказывается в Красноярском крае, где работает на Читинской ТЭЦ-9. Это значит, пронес человек через все испытания верность профессии и электричеству.

Естественно, не одни только властные фамилии встречаются в картотеках КГБ. Есть и ономастика демократического лагеря.

Великое множество Позняков из самых разных регионов Беларуси свидетельствует о распространенности этой фамилии. Интересно, что встречаются Позняки не только беларусы, но и латыши, и евреи.

...Позняк Доминик Иеронимович, родился в Люцинском уезде, латыш, из крестьян, машинист паровозного депо в Полоцке. В 1938 году за шпионаж в пользу Польши приговорен к ВМН. Расстрелян.

...Позняк Герц Беркович, родился в 1888 году в местечке Раков Минской губернии, сторож складов фабрики «Коммунарка» в Минске. Жил на улице Республиканской, 23, кв. 11. В 1935 году за недонесение о контрреволюционной деятельности приговорен к трем годам ссылки в Казахстан.

Долгое чтение картотеки КГБ корректирует взгляд на многие вещи. Единственно неизменной остается реакция на репрессии против стариков, детей и женщин...

...Позняк Елена Антоновна, 1908 года рождения, колхозница колхоза «Орка» («Пахота». — *Ред.*) в деревне Колосовщина Копыльского района Минской области. За содействие шпионажу в 1938 году приговорена к ВМН. Расстреляна в Слуцкой тюрьме 25 августа 1938 года.

Встречаются среди репрессированных Позняков и нацдемы, национальные демократы, в чем и заключается их главная вина.

...Позняк Станислав Ипполитович, 1911 года рождения, из деревни Юрздрика Червеньского района, беларус, начальник вневедомственной охраны спиртзавода «Раваничи». В 1935 году как член контрреволюционной нацдемовской организации осужден на три года лагерей.

Репресированные Милинкевичи в картотеке КГБ тоже представляют разные национальности, что характерно для исторической Виленщины. Например, колхозник из колхоза «Маяк социализма» Александр Викентьевич Милинкевич был литовцем, а расстреляли его в 1937 году как польского шпиона. Нормировщик фабрики «Чырвоная зорка» в Чашниках виленец Иосиф Александрович Милинкевич был поляком. Его расстреляли в том же году как члена вредительской группы. Обращает на себя внимание то, что и всех остальных Милинкевичей из моего списка — расстреляли.

Единственному в картотеке Козулину повезло немного больше.

...Козулин Иван Александрович, родился в деревне Залоги Невельского района, беларус, из крестьян, имел единоличное хозяйство в деревне Бухово Россонского района. В 1937 году за антисоветскую агитацию арестован и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

О многом рассказывают фамилии и судьбы репрессированных земляков. Иногда просвещают, как, например, множество Шостаковичей, которых всех «брали» в Логойском и Плещеницком районах, будто намекают, что и знаменитый российский композитор — отсюда. Так и есть. А иногда снова рассказывают о курьезах, от которых только улыбнешься горькой усмешкой. Как, например, история Гитлера, правда, не здешнего, из поволжских немцев. Но репрессировали его здесь.

...Гитлер Антон Яковлевич, родился в 1886 году в деревне Семеновка Конышевского уезда Саратовской губернии, немец, из крестьян, неграмотный, канализатор 15-го погранотряда в поселке Студенец Заславского района Минской области. В 1938-м осужден «тройкой» за шпионскую деятельность на 10 лет лагеря.

Это значит, что всю войну Антон Гитлер выживал на каторге в Сибири. Можно только представить, каково ему было с такой фамилией. И выжил ли — неизвестно.

Иной раз неожиданные сходства ставят в тупик, так как трудно понять, что это — курьезное совпадение или закономерная повторяемость истории?

Многие помнят недавний медийный сюжет, когда студентку Татьяну Хому исключили из университета за то, что она поехала за границу на международную конференцию. Только в случае Татьяны Хома — это фамилия, а в кагэбэшной картотеке мне попалось имя Хома.

...Форштер Хома Мееровна, еврейка, студентка Минского мединститута. В 1937 году приговорена к ВМН за нелегальный переход границы. Расстреляна в Минской тюрьме 20 февраля 1938 года.

Рассказывая о такой судьбе, я вовсе не стремлюсь накалять страсти или, не дай Бог, сглазить. Факты, совпадения, сходства как будто сами хватают тебя за

полу. Обернись, подумай, какие смыслы затаены в этой жизни, которая вроде бы мирно течет вокруг тебя, и каким образом все это вдруг может взорваться. Как тогда. Неужели эта Хома Форштер, направлявшаяся, скорее всего, к родственникам в Белосток, откуда была родом, могла допустить, что только из-за этого ее...

А еще вспоминаются сегодняшние программы обучения оппозиционной беларуской молодежи за границей — в зеркальном отражении. Когда-то молодежь из бесчеловечной панской Польши, наслушавшись о счастливой стране Советов, стремилась в Минские университеты на учебу, а стала гумусом для выращивания чьей-то абстракции счастья. Хоть бы какой-то смысл был в этих жертвах, хоть бы кто-то на них нажился или строил замки из трупов... А так... Бессмысленные смерти без всякой цели, даже самой преступной. Чистый абсурд.

Может быть, потому и не дошло и не доходит до многих наших соотечественников то, что произошло. Словно и не преступление всё это было. Никакой пользы никому от этого не досталось. А значит — как стихийное бедствие, как цунами, как давка в переходе метро Немига. Никто не виноват, потому что никто от этого ничего не получил.

Сталинщина подобна ржавому детонатору абсурда в заряде прошлого. Заряд прошлого можно только взорвать — обезвредить. Время от времени средства массовой информации сообщают о таких случаях. Другое дело, что никто не знает, где эти снаряды закопаны и сколько их вообще. Возможно, что находить и обезвреживать их мы будем на протяжении всей обозримой перспективы нашего существования. И с каждым обезвреженным беларуская земля будет делаться более безопасной для жизни.

8. Долгий брод

Прошло довольно много времени, чтобы мы смогли не только оценить то, что произошло, но и переоценить это с точки зрения приоритетов и интересов новейшей эпохи. Поэтому в предыдущих эссе речь шла о живых нервах этой трагедии, которые до сих пор отзываются в душе и будут отзываться еще долго. Таких нервов много. Возможно, что двадцать и сорок лет назад они просто не ощущались, им не придавалось значения, так как слишком жива была боль потерь и ужас пыток. Сегодня эти чувства притупились и на их месте ожили другие.

Один официозный журналист, который стремится затушевать правду о Куропатах, пишет, что массовые расстрелы — выдумка беларуских националистов. А на самом деле расстреливали в Куропатах немцы, и расстреливали главным образом не беларусов, а евреев, латышей, поляков, о чем свидетельствуют найденные в захоронениях предметы, изготовленные в разных странах Европы. Журналист, очевидно, находится в плену того стереотипа, который приемлем для российской истории и географии, но не подходит для Беларуси.

Во-первых, Беларусь — бывшая черта оседлости евреев, которым на территории России жить было запрещено. Не удивительно, что в наших городах и местечках евреи за столетия стали полноправными участниками здешней жизни. Немало их и среди репрессированных.

Во-вторых, в отличие от Тамбовщины или Рязанщины, Беларусь – страна на семи ветрах, поэтому здесь всегда было много и поляков, и украинцев, и литовцев, и латышей, ведь эти народы – наши ближайшие соседи. Войны через Беларусь в XX веке шли туда-сюда, почти не останавливаясь, границы тоже много раз передвигались. И потому невозможно найти в 1937-м хоть одно сельское хозяйство, где не было бы какого-нибудь австрийского карманного ножика или чешской туфли. Кто-то ездил к родственникам, кто-то на заработки, кто-то возвращался с войны. Это уже потом, ближе к нашим временам, беларусам будут подбрасывать российский стереотип однообразия и самодостаточности населения по крови, согласно плакатному «славянскому типу». Но до репрессий и до второй мировой войны Беларусь была совсем другой – тем, что называют котлом народов и культур.

Недаром в этом котле «сварилось» так много знаменитых деятелей польской, российской, еврейской и других наций. Их успех добавляет нам чести. А утрата их соплеменников в Куропатах воспринимается как утрата своих, беларуских людей. Их принадлежность к другим нациям или наличие швейцарских часов в кармане не делает их чужими для нас или экзотическими. В то же время большинство репрессированных, о чем свидетельствуют дела в архивах КГБ – этнические беларусы, для них тоже не был чудом французский гребешок в кармане или чешские туфли на ногах.

Куропаты не имеют отношения к беларускому национализму. Это преступление против беларуской нации и против человечности.

Что касается искусственного спора о том, кто и когда расстреливал в Куропатах, тут могут быть разные допущения, но суть дела от этого не меняется. Например, исследователь Леонид Моряков настаивает на том, что в Куропатах и подобных местах чекисты только закапывали трупы, а расстреливали – в тюрьмах. Архивные дела КГБ ясной картины этих преступлений не дают. У кого-то в деле написано – расстрелян в Минской, Витебской, Оршанской, Борисовской, Слуцкой и т.д. тюрьме, а у кого-то – расстрелян в Минске, Витебска, Орше, Борисове, Слуцке... Суть дела в том, что расстреливали по всей стране сотни людей, причем каждый день. Этот факт документально подтверждают кагэбэшные архивы 1930-х годов. При чем здесь война и немцы? Ясно, что сотни трупов ежедневно надо было куда-то девать. А поскольку их не сжигали, постольку и появлялись возле каждого города, где была тюрьма НКВД, свои погребальные ямы – Куропаты.

Теперь о самом массовом, центральном сюжете в репрессивных архивах КГБ. Абсолютное большинство репрессированных – крестьяне. Во времена хуторизации двадцатых годов они жили в собственных единоличных хозяйствах и, как правило, были хорошими хозяевами. По сегодняшним меркам, предпринимателями. В аграрной стране массовый бизнес занимался сельским хозяйством. Когда же началась коллективизация, естественно, что абсолютное большинство самостоятельных хозяев не пожелало отдать своё нажитое добро в коллективный общак и остаться, по сути дела, без штанов. Кто бы сегодня добровольно согласился на такое? И тогда каждая молотилка или каждая корова была реальным оборотным средством бизнеса семьи. Как отобрать? Поятно, что несогласный

хозяин своим несогласием противоречил линии советской власти, поэтому отправлялся в тюрьму или ссылку за «антисоветскую пропаганду».

Вот представьте, что завтра к вам придут и скажут, что решением властей вы должны сдать свою квартиру со всем имуществом в общий фонд и переехать в барак. Ясное дело, вы возразите, скажете, что вы не против властей, но так дорого вам досталась эта квартира, и не столько о себе вы думали, когда ее строили, сколько о детях. Надо компенсировать расходы. Но компенсации не предусмотрены. Весь народ живет непросто. Надо еще пятилетку всем нам помучиться, а там легче будет... Нет, скажете вы, я не согласен. У меня и документы на квартиру... А они аннулированы президентским указом. Ваш протест нарастает и вот уже нетрудно квалифицировать его как сквернословие или хулиганство. И вы получаете 1 год колонии. Конечно, с конфискацией. Как, например, Алексей Иванович Борисовец.

...Борисовец Алексей Иванович, 1889 года рождения, беларус, крестьянин. Имел единоличное хозяйство в деревне Павловка Слуцкого района. В 1931 году осужден «тройкой» за антисоветскую агитацию на 1 год ИТЛ.

...Борисовец Алексей Иванович, 1889 года рождения, беларус, крестьянин. Колхозник колхоза имени Куйбышева в деревне Павловка Слуцкого района. В 1935 году за контрреволюционную агитацию осужден на шесть лет каторги в Дмитровлаг НКВД СССР.

Вы заметили, как изменился статус Алексея Борисовца? Был единоличный хозяин, а после года тюрьмы — уже колхозник. Был человек с имуществом, а стал — без ничего.

Или вот — Филипп Иванович Левданский из деревни Юрьево Смолевичского района, единоличный хозяин, который в марте 1931 года был осужден «тройкой» за антисоветскую пропаганду на один год каторги.

Эта схема уродования человеческой судьбы повторяется тысячи раз. Если брать суть дела — обычный грабеж. У вас силой отбирают ваше имущество. Преступление? Преступление.

Допустим, через год вы возвращаетесь из колонии. Куда? Разумеется, к себе домой. А вашего дома больше нет. Нет у вас больше квартиры... Конечно, люди разные. Кто-то «бросится на амбразуру», схватит участкового за грудки и сразу «загремит под фанфары» на все 10 лет каторги, а то и под расстрел. Однако большинство, понурив голову, шло в барак с переполненной возмущением душой и настраивалось ждать, когда справедливость будет восстановлена.

Так и наш Филипп Иванович Левданский. После отбытия наказания он уже не единоличный хозяин, а колхозник колхоза «Культура» в родной деревне Юрьево Смолевичского района. Кто-то из прежних хозяев становился рабочим на фабрике или на железной дороге, или просто — лицом без определенных занятий. Но чаще становились колхозниками, как Филипп Иванович. Те же, кто эту политику проводил, отлично понимали, что не смирится гражданин Левданский с потерей своего добра, что не всем сердцем он преданный большевистскому делу человек, есть в нем «червоточинка». А значит, когда в 1937-м арестовывать стали уже по разнарядке, такие, как он, были первыми в очереди. И в октябре 37-го за контрреволюционную пропаганду «тройка» осудила Филиппа Ивано-

вича на 10 лет каторги в Бурлаг. Бурейский лагерь размещался на Далеком Востоке. И там 23 октября 1941 года Филипп Иванович умер.

Возможно, среди наших читателей вдруг окажется кто-то из потомков единоличного хозяина Левданского из деревни Юрьево. Теперь вы понимаете, почему до сих пор закрыты архивы КГБ? Понятно, работает корпоративная солидарность, надо дать возможность спокойно уйти палачам и карателям, проводившим репрессии. Гуманный шаг. Но прежде всего потому, что там — следы единоличного хозяйства Филиппа Ивановича и сотен тысяч других репрессированных крестьян, предков теперешних беларусов.

Что за хозяйство? Известное дело, не Нафтахим. Но — хозяйство, предприятие со своими активами, запасами, строениями, землей, оборотными средствами... Говорите, забытая история? Да не забытая. И денежки крестьянина Левданского по закону сохранения материи многократно увеличились и работают на силу и мощь уже очередной власти. Ведь отобранное имущество, а еще раньше — земля — никуда не делись, они работали, умножались, перевоплощались в другие формы, они работают и сегодня. Представьте, если бы весь народ пожелал восстановления справедливости, это повлекло бы за собой изменение всей государственной политики. И без всякой идеологии. Только — справедливые компенсации за несправедливо отобранное имущество.

Мы уже говорили о соседней Литве, где после провозглашения независимости в начале 1990-х государство сразу приступило к выплате таких компенсаций. У нас же саму эту идею готовы немедленно растоптать пересмешники с БТ или из государственных газет. Ну да Бог с ними. Главное, ответ на вопрос о том, почему через 70 лет после репрессий по-прежнему закрыты архивы КГБ, мы знаем.

Не идеология здесь главное. Будем ли мы правыми или левыми, пророссийскими или прозападными — неважно. Вернуть людям имущество — это и значит дать адекватную оценку сталинским репрессиям.

***

Открытие правды о Куропатах стало «откровением», границей, которая разделила беларуский мир на «до» и «после».

Тогда все вдруг смешалось — и жажда перемен, и статья Зенона Позняка «Куропаты — дорога смерти», и Деды с милицейскими водометами, и взлет беларуских музыкальных групп... Первой вспоминается песня, начинавшаяся словами «Долгий Брод», ведь именно Бродом называлась местность, которой Позняк дал имя Куропаты.

Доўгі Брод, завулак кветак і траў,
Не пытай мяне, дзе яны цяпер,
І не шукай...

Я даже глянул на год написания этой песни — 1988. Ну, недаром же она пришла в голову. Когда случается «откровение», оно, словно взрыв света, пронзает собою всё и вся. Я спросил у автора этих слов Феликса Аксёнцева — нет ли здесь связи. Относительно связи Феликс осмотрительно промолчал, заметил только, что искал образ — что-то цветное, с беларуским древним городским ароматом:

«Долгобродская улица берет название от урочища или фольварка Долгий Брод. Тот факт, что историческое, естественное название было замаскировано «улицей Козлова», нам всем не нравился. Ведь строка «Долгий Брод, переулок цветов и трав» фактически говорила, что Долгий Брод – живой, как и цветы с травами. А вот «улица Козлова» – фикция, мертвые пустые слова».

Почему я делаю на этом акцент? Потому что хочу найти способ актуализации в сегодняшнем и завтрашнем дне Куропат как таковых, и Куропат как символа сталинских репрессий.

Статья «Куропаты – дорога смерти» стала водоразделом. То, что было после нее, носит уже как бы канонический характер, это исследования и впечатления – в свете этой статьи. А все, что до нее – некая апокрифическая часть, сохраняющая в себе энергию эпоса. Ибо до этой статьи любое упоминание о Куропатах, даже между строк, было подвигом.

Не говорю о научных исследованиях, строительстве народного мемориала и уроках правды, что само собою будет продолжаться. Говорю про эпос Куропат.

Выше шла речь про обет молчания. Беларусы тотально молчали о сталинских репрессиях вплоть до появления статьи о Куропатах. И любое упоминание в печати, найденное нами в этом рьяном молчании – на вес золота.

Лёд забвения не вокруг нас и не перед нами. Он за нашими спинами. Надо пристальнее вглядеться... Если вокруг гибнут сотни тысяч людей, и притом все – твои друзья и сподвижники, ты не можешь не оставить никакого свидетельства об этом – пусть только намеком или самим тобою неосознанной эмоцией.

Начало эпоса Куропатов – в поэзии Янки Купалы. В самых ранних, дореволюционных стихотворениях, где тема массовых репрессий проходит красной нитью. Поэт не связывает эту тему с историей либо с фактами современности, он – пророчествует будущее:

Я змогся. Ногі больш служыці
Мне не хацелі, чуць цягнуў.
І ўсеўся на курган спачыці,
І на кургане я заснуў.
Я сніў. А ўсё як бы наяве
Кругом мяне жыло жыццём:
Той абымаў, той нож крывавіў,
Той спаў летаргу зводным сном.
Збуджэння дух махаў крыламі,
Нянамяць свой скідала пыл,
Вякі пражыты за вякамі
Ўставалі з попелу магіл.

Далее идет собственно прорицание, в котором мы в деталях узнаем картины сталинского оптимизма.

Спіхала ў долы праўду здрада,
За быт, за шчасце йшла вайна,
Парад цягнуўся за парадам,
Жыла, ўмірала старана.

Купаловы сны на курганах — это припадание к могилам, к массовым похоронам сотен тысяч земляков, которые будут убиты через два-три десятка лет.

Эпизод такого разговора с убитыми есть и в биографии Якуба Коласа. О нем рассказал в биографической повести о поэте Степан Александрович. Здесь узнается уже точная топонимика Куропат, описанных Зеноном Позняком.

Книга Степана Александровіча «Крыжавыя дарогі» увидела свет в 1985 году, еще до того, как о Куропатах заговорили широко, и когда появилось само это название. Вот этот эпизод:

> «После завтрака 13 августа 1956 года Константин Михайлович попросил шофера отвезти его в лес. Проехали они по Московскому шоссе и повернули налево, где на пригорке стояли высокие сосны, а чуть ниже притулились кучки крепких берез.
>
> Сначала он немного потопал: не спрятались ли где-нибудь в зеленом мхе или под кустом боровики. А потом присел на пень. Солнце светило еще по-летнему, но перегонами налетал холодный ветер, и он вынужден был искать затишье в ложбине возле берез. Прилег на сухую кочку и только теперь увидел рядом с тремя берёзами большой муравейник... Долго сидел он, поглядывая на суету муравьев, отключившись от всего, что творилось вокруг. Потом молча поднялся, походил вокруг муравейника и берез, сел в машину и вернулся домой. С трудом поднялся в свою рабочую комнатку, перекусил, и вдруг стало плохо.
>
> В тринадцать часов двадцать минут перестало биться его сердце...»

Сегодня говорят — чего нет в интернете, того нет вообще. В доинтернетные времена то же самое можно было сказать о литературе, фольклоре, слухах. Доканонический беларуский эпос под названием «Куропаты» уже создан, он уже существует. Его только надо отыскать по частям, собрать и соединить в одно целое. Пока это не сделано, до тех пор обет молчания будет сохраняться и до тех пор нельзя будет сказать, что Куропаты полностью сыграли свою историческую роль и теперь это только символ и только памятник трагедии, понятной для всех нас и для наших преемников.

Известно, что сегодня вокруг этого места и этой темы группируется только небольшая часть людей. Известно, что так и не будут открыты архивы КГБ до того времени, когда их открытие перестанет что-либо значить. Иначе говоря, те, кто мог бы претендовать на компенсацию отобранного имущества, утраченных жизней, сломанных судеб, и их дети таких компенсаций в Беларуси не дождутся. Известно, наконец, что объективная оценка трагедии не будет инициирована властями, а иная не изменит ситуацию. Общество потеряло внутреннее желание и, если хотите, вдохновение к переменам.

Поэтому мы опять обращаем взоры в сторону Куропат. Мы ощущаем в них великий источник этого вдохновения, составленного из тысяч отдельных вдохновений наших предков, не сумевших реализовать свою энергию в жизни. Но и в этот раз добыть огонь будет не проще, чем двадцать лет назад. Ведь мы не сможем пойти путем других народов, наших соседей, которые тогда двигались вместе с нами. Теперь мы остались одни, и прокладывать свой путь нам придется в одиночестве. Долгий путь, похожий на долгий брод. В этом есть как отрицательные, так и положительные стороны. Но это уже совсем другая история.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ РЕПРЕССИИ В БССР (1944–1953 гг.)

Игорь Кузнецов
кандидат исторических наук

В 30-е годы политическое руководство ВКП(б) и СССР, во главе с И.В. Сталиным и его ближайшим окружением, осуществляло массовые репрессии против граждан своего государства под ширмой борьбы с «антисоветским подпольем», которое в действительности не существовало. К этому «подполью» партийные и карательные органы отнесли представителей бывшей городской и сельской буржуазии, функционеров дореволюционного аппарата управления, бывших членов ранее существовавших политических партий и общественных организаций (кроме большевистской), церковных деятелей и активистов (в том числе сектантов). Всех – скопом. В самой компартии официально были объявлены «врагами» участники любых группировок, когда-либо находившихся в оппозиции к Сталину. Их называли троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами, рютинцами и т.д*.

Соответственно, массовые репрессии против указанных категорий граждан осуществлялись на основе заранее составляемых списков («альбомный» метод). Наличие или отсутствие у обвиняемых пресловутой «вины» (т.е. собственно антисоветской деятельности) не играло никакой роли.

Сами же репрессии осуществлялись под вымышленными предлогами. Якобы это была ликвидация «широкой сети шпионско-диверсионных и террористических резидентур» разведок иностранных государств, антисоветских «троцкистско-зиновьевских и право-троцкистских организаций и групп», а также многочисленных «вредителей» и «социально опасных элементов» (например – «кулаков», т.е. лучших крестьян, фактически – фермеров).

В конце 1940 – начале 50-х годов репрессии приобрели иной характер. Их общий размах сократился, от арестов по «альбомному» методу власти отказались еще в ноябре 1938 года.

При Министерстве государственной безопасности СССР (в 1946 г. прежние комиссариаты преобразовали в министерства) в сентябре 1946 года был создан новый орган внесудебной расправы – *Особое совещание (ОО).* Он состоял из трех человек: председателя (министр госбезопасности Виктор Абакумов) и двух членов (заместители министра госбезопасности).

Участие сторон (обвинителя-прокурора и защитника-адвоката) не допускалось. Постановления Особого совещания кассационному обжалованию не под-

* Лев Троцкий (1879–1940), Григорий Зиновьев (1883–1936), Николай Бухарин (1888–1938), Мартемьян Рютин (1890–1937) – крупные деятели партии большевиков и советского государства. Троцкого агенты НКВД под руководством П.А. Судоплатова убили в Мексике (операция «Утка»), остальных арестовали и казнили в СССР. – *Прим. ред.*

лежали. В работе Особого совещания в обязательном порядке участвовал Генеральный прокурор СССР, имевший право вносить протесты в Президиум Верховного Совета СССР на решения, выносимые этим Совещанием по рассматриваемым делам.

Однако, как показала практика, Генеральный прокурор СССР Константин Горшенин (1907–1978), а затем Григорий Сафонов (1904–1972) протестов на постановления ОО не вносили. Они прекрасно знали, что министр госбезопасности В.С. Абакумов (1908–1954) пользовался доверием Сталина. В годы войны он возглавлял Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР (существовало с апреля 1943 по октябрь 1946 г.) и одновременно был заместителем наркома обороны, т.е. Сталина. Сталин верил Абакумову до той поры, пока не усомнился в его преданности в связи с так называемым «делом врачей» (1951 год).

МГБ СССР существовало до марта 1953 г. После смерти Сталина совместным постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР от 7 марта 1953 года Министерство госбезопасности и Министерство внутренних дел СССР были объединены в единое Министерство внутренних дел СССР. Произошла такая же их реорганизация, как в июле 1934 года (образование НКВД СССР) и в июле 1941 года (объединение НКВД и НКГБ в единый НКВД СССР).

МВД во главе с Лаврентием Берией (1899–1953) стало еще более мощным централизованным карательным механизмом в системе органов власти СССР. Однако единое МВД существовало недолго. Уже в июне 1953 года Берию арестовали, судили и казнили*. После этого высшее партийное руководство решило снова вывести органы госбезопасности из состава МВД. В соответствии с решением ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта был образован Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР (КГБ при СМ СССР). Он являлся союзно-республиканским государственным комитетом и действовал на правах министерства (председатель КГБ входил в состав Совета Министров СССР).

1. Интернирование

Самым массовым видом репрессий в СССР после войны стало интернирование. Интернированию подверглось большинство советских граждан, арестованных в 1944–45 годах органами контрразведки СМЕРШ, внутренними войсками НКВД по охране тыла фронтов, органами НКВД и НКГБ Украинской, Белорусской и Литовской ССР в этих республиках и на территории Польши**.

* Такова официальная версия. По мнению многих независимых исследователей, а также сына Л.П. Берии – конструктора радиолокационной и ракетной техники Сергея Берия (1924–2000), Лаврентия Павловича убили в его собственном доме в Москве в момент так называемого «ареста». – *Прим. ред.*

** По соглашению от 26 июля 1944 года заключенному в Москве между правительством СССР и ПКНО польское гражданское население в зоне военных действий подлежало юрисдикции советского командования. Немного позже эту зону определили как прифронтовую полосу глубиной до 100 километров. Но фактически она охватывала всю территорию Польши. Соглашение послужило формальным основанием для широкомасштабных репрессивных действий советских органов в Польше.

В 1944 году поводом для арестов являлись огульные обвинения в диверсионных, террористических и шпионских действиях, направленных против Красной Армии, а также в агитации против ПКНО и просоветского правительства Польши, в уклонении от призыва в польскую армию или же в сотрудничестве с германскими оккупационными органами. Фактически же главной целью повальных арестов было уничтожение мощного польского некоммунистического антигитлеровского подполья, прежде всего его вооруженных сил — Армии Краёвой (подчинявшейся «лондонскому» правительству, единственно легитимному по польской конституции 1935 года), поскольку это подполье представляло угрозу существованию просоветского режима в Польше.

В подавляющем большинстве случаев органам СМЕРШ, НКВД-НКГБ и милиции не удавалось предъявить арестованным обвинений в совершении каких-либо конкретных действий, кроме участия в подпольной организации и в боевых действиях против немцев во время оккупации. Поскольку этого было недостаточно для предания Военному трибуналу, таких арестованных отправляли в глубь СССР в качестве интернированных, в лагеря для военнопленных или в проверочно-фильтрационные лагеря для проведения дальнейшего следствия.

Игорь Кузнецов

Сохранились директивные документы НКВД СССР, относящиеся к интернированию задержанных в порядке очистки тыла в 1945 году.

Приказом НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 года «для обеспечения очистки фронтовых тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов» на 2-й и 1-й Прибалтийские, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские, 1-й и 4-й Украинские фронты были назначены уполномоченные НКВД с заместителями — начальниками войск НКВД по охране тыла и начальниками фронтовых Управлений военной контрразведки «СМЕРШ» (она существовала с апреля 1943 по октябрь 1946 года).

В соответствии с приказами № 0061 и 0062 от 6 февраля и № 00101 от 22 февраля 1945 года, военнослужащие германской армии и других воюющих с СССР стран, члены «фольксштурма», сотрудники различных военных административных органов подлежали отправке в лагеря для военнопленных; гражданские лица — члены различных «вражеских» организаций, а также руководители местной администрации и антисоветские деятели — в лагеря для интернированных Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР; советские граждане — в так называемые спецлагеря НКВД СССР (20 февраля 1945 года приказом № 00100 НКВД СССР их переименовали в проверочно-фильтрационные лагеря).

После перехвата и расшифровки 30 января 1945 года контрразведкой СМЕРШ радиограммы руководства Армии Краёвой об ее роспуске и оставлении небольших законспирированных штабов и радиостанций, 6 февраля была из-

дана директива-циркуляр НКВД № 47/14. Этой директивой нарком Л.П. Берия предписывал уполномоченным НКВД СССР по 1-му Украинскому, трем Белорусским, 1-му Прибалтийскому фронту, всем органам СМЕРШ, НКВД и НКГБ УССР, БССР и ЛитССР усилить агентурно-оперативную и следственную разработку польского подполья. Знаменателен третий пункт директивы:

> «3. Всех легализуемых участников белопольского националистического подполья направлять для проверки на фильтрационные пункты, которые вам необходимо создать по договоренности с командованием Войска Польского под видом запасных полков».

Под легализацией подразумевалась явка и сдача оружия по призыву польских властей, обещавших безопасность тем, кто добровольно выйдет из подполья.

Приказ № 00315 НКВД и ГУКР СМЕРШ НКО СССР от 18 апреля 1945 года пятым пунктом предписывал прекратить отправку в СССР лиц, арестованных в порядке очистки тылов действующих частей Красной Армии (кроме тех, кто подлежал направлению в лагеря для военнопленных, и отдельных арестованных, представляющих оперативный интерес).

Восьмой пункт того же приказа предписывал провести в двухмесячный срок фильтрацию всех арестованных, вывезенных в лагеря НКВД. По результатам фильтрации полагалось лиц, не являющихся шпионами, диверсантами, радистами, сотрудниками германских карательных органов, активными членами профашистских партий, переводить в рабочие батальоны, а больных и инвалидов – отправлять домой.

Циркуляр НКВД № 74/60 от 26 апреля 1945 года, дополнявший приказ № 00315, разъяснил, что поляки в аналогичных случаях (в отличие от немцев – не только больные и инвалиды, но и здоровые тоже) направляются не в рабочие батальоны, а организованным порядком домой. Для остающихся «более опасных» поляков (например, активных членов АК) предписывалось организовать в лагерях военнопленных и интернированных «отдельные лаготделения».

В «особой папке» Сталина имеется довольно много сводок и докладов о широкомасштабных операциях по разоружению и ликвидации формирований Армии Крайовой, по аресту руководителей подполья на местах, массовому изъятию рядовых участников подполья и их отправке из Польши в лагеря на территории СССР (начиная с ноября 1944 года). Ныне известно, что многие участники польского подполья и антифашистских вооруженных формирований были осуждены на длительные сроки лишения свободы в лагерях системы ГУЛАГ. Среди этих людей много жителей западных областей Беларуси – и поляков, и белорусов.

* * *

В конце войны одной из задач СМЕРШ стала проверка многомиллионной «армии» советских граждан, возвращавшихся из плена или с работ в Германии. Английские и американские спецслужбы, скрупулезно выполнявшие свои обязательства перед союзником (об обязательном возвращении граждан в страну проживания), участвовали порой в варварских репатриациях. Большинство из двух миллионов советских граждан, которых они, часто против воли этих

людей, вернули на родину, просто сменили гитлеровские концлагеря на советские. Даже советская официальная история признала, что сотрудники СМЕРШ «с недоверием» относились к более чем миллиону советских военнопленных, выживших в немецких лагерях. Почти всех их рассматривали как дезертиров.

Без всяких «натяжек» можно сказать, что контрразведка СМЕРШ по целям своей деятельности и, особенно, применяемым методам, была «гестапо в квадрате». Так, 5-е управление в органах СМЕРШ исполняло роль военно-полевого суда.

Рука об руку со СМЕРШ работали комиссии по репатриации советских граждан. Все без исключения работники этого отдела являлись кадровыми офицерами либо СМЕРШ, либо НКВД-МГБ. Об организации таких комиссий было объявлено 24 октября 1944 года, через неделю после того, как англичане пообещали В.М. Молотову проследить за возвращением всех потенциальных репатриантов на родину.

В репатриационных миссиях смершевцам была предоставлена полная свобода действий. В частности, они широко применяли вербовку тайной агентуры, угрозы и шантаж. Впрочем, англичане и американцы с величайшей готовностью выдавали им бывших советских граждан. Задача же сотрудников миссий сводилась к тому, чтобы склонить максимальное число пленных к «добровольному возвращению» на родину.

Агенты СМЕРШ и НКВД действовали и открыто (через своих аккредитованных представителей), и тайно (через секретных сотрудников, внедренных или завербованных среди военнопленных). Для выяснения лиц, уклонявшихся от репатриации, допрашивали уже репатриированных пленных. Допрашивали и тех, кто решительно отказывался вернуться на родину.

В лагерях для военнопленных СМЕРШ быстро организовал «внутренний круг» агентов и информаторов во главе с «комиссарами». Информаторы составляли «черные списки» тех, кто не желал репатриироваться, сообщали о планируемых побегах. Иногда этих пособников чекистов военнопленные убивали.

Следующим шагом СМЕРШ и НКВД в работе с пленными, после отбора и перевозки их домой, был прием репатриантов в СССР. Однако многие пленные расставались с жизнью, едва ступив на контролируемую советскими войсками землю. Ведущая британская газета «Times» писала 4 июня 1945 года, что в Берлине «с изменниками из власовской армии советские расправляются скопом». Об обменном пункте в Торгау в статье говорилось:

> «Целое крыло тюрьмы было выделено для приготовленных к смертной казни, большинство которых составляли солдаты армии Власова. Они кричали из зарешеченных окон: «Мы умираем за Родину, а не за Сталина». Огромное множество казаков, выданных в Австрии, — в том числе большая часть офицеров — были расстреляны в первые же дни после выдачи на Юденском металлургическом заводе, на сборном пункте в Граце, по дороге в Вену».

С пленными расправлялись и другими способами: топили, вешали, забивали до смерти, морили голодом... Впрочем, был бы человек, а способ его уничтожить найдется. Сколько из пленных погибло сразу после выдачи — неизвестно, но счет идет на сотни тысяч. Покончившие самоубийством выбрали не худший вариант.

Все выданные проходили через многочисленные допросы, построенные на угрозах, провокациях, издевательствах и избиениях. Их пожитки, включая смену одежды, немедленно отбирали. Членов семей сразу же отделяли друг от друга (в том числе детей от родителей) и отправляли в разные лагеря.

Для приема репатриантов советская администрация выделила в Германии бывшие лагеря «восточных рабочих» и другие сборные пункты, в большинстве своем обнесенные проволокой и охраняемые. Сотрудники СМЕРШ при проверке разделяли советских граждан на три категории.

Первая: «ярые враги» советской власти, все власовцы и казаки.

Вторая («относительно чистая»): те, кого нельзя было доказательно обвинить в сотрудничестве с врагом.

Третья: состояла из незначительного меньшинства, сумевшего и на Западе проявить лояльность к советскому режиму.

Москва запланировала всех репатриантов 1-й категории (не считая тех, с кем расправились сразу) отправить в исправительно-трудовые лагеря. Репатрианты, отнесенные ко 2-й категории, должны были заниматься принудительными работами на воле. Представителей 3-й категории предполагалось направить на «восстановление народного хозяйства». Но из-за огромного объема работы часто возникала неразбериха, люди попадали не в те категории, с наказаниями тоже случались недоразумения.

Первые проверочно-фильтрационные лагеря были организованы еще в 1942 – 43 годах. Сюда попадали все без исключения советские военнослужащие, бежавшие из плена либо освобожденные войсками РККА. За несколько месяцев проверки их «фильтровали»: одних – в лагеря, других – на казнь «за измену Родине, третьих – в штрафные роты. Всего через такие лагеря до конца боевых действий были «пропущены» 354.592 человека, в том числе 50.441 офицеров.

Затем к ним добавились миллионы бывших заключенных концлагерей нацистов и тех, кто работал в Германии – как добровольно, так и принудительно. Проверочно-фильтрационные лагеря закрыли только в 1947 году. Бежавший на Запад бывший офицер СМЕРШ, имевший доступ ко многим секретным документам, сообщил некоторые цифры: всего из ранее оккупированных районов СССР и Польши, а также с территории Германии в 1943–47 годах было репатриировано около пяти с половиной миллионов советских граждан*. Из них:

20 % (1 млн 100 тыс) – расстреляны или осуждены на 25 лет лагерей (что фактически равносильно смертному приговору).

20 % – осуждены на 5 – 10 лет лагерей;

10 % – высланы в отдаленные районы Сибири не менее чем на 6 лет;

15 % – посланы на принудительные восстановительные работы в Донбасс, Кузбасс и другие районы, разрушенные немцами. Домой они вернулись лишь по завершении этих работ;

15 % – разрешили вернуться в родные места, но им редко удавалось найти работу. Среди последних были часты случаи самоубийств.

* Этим офицером был полковник А.И. Романов. Из советской зоны оккупации Германии он перешел к американцам в 1949 или 1950 г. В 1972 году в Нью-Йорке вышла на английском языке его книга воспоминаний «Там самые длинные ночи». – *Прим. ред.*

Эти приблизительные данные дают при сложении 80 %. Вероятно, недостающие 20 % — люди, «скрывшиеся» на территории СССР, умершие в дороге или сбежавшие.

2. Внутренние войска НКВД против подполья

В 1944–45 гг., после освобождения Красной Армией польских территорий от германской оккупации, борьбу с Армией Краёвой (АК) с целью ее ликвидации вели уже не немцы, а органы военной контрразведки СМЕРШ, войска НКВД СССР, а также карательные органы просоветских властей Польши.

В истории вооруженных формирований польского сопротивления на территории Беларуси можно выделить следующие периоды:

1. *Октябрь 1939 – июль 1941 года.* Период открыто враждебных отношений. Создание конспиративной сети, первые спонтанные антисоветские выступления.

2. *Июль 1941–апрель 1943,* когда польское сопротивление было союзником СССР в борьбе с немецкими захватчиками.

3. *Апрель 1943 – июль 1944.* Период резкого обострения противоречий между советскими партизанами и формированиями АК.

4. *Июль 1944 – начало 1950-х годов.* Подпольная борьба против советской власти, которая квалифицировала отряды АК как «бандитов». Эта борьба продолжалась даже после официального роспуска АК приказом из Лондона от 19 января 1945 года.

Утверждения официальной советской историографии, что борьба против польского антигитлеровского подполья, вызванная необходимостью разгрома сил, сопротивлявшихся строительству социализма, началась лишь в октябре 1944 года, не выдерживают критики даже при беглом просмотре документов пограничных и внутренних войск НКВД СССР.

Еще в мае 1944 года, то есть до вступления Красной Армии на территорию Польши в ее будущих послевоенных границах, директива зам.наркома внутренних дел СССР комиссара госбезопасности 2-го ранга Ивана Серова (1905–1962) и начальника войск НКВД по охране тыла Действующей армии генерал-майора Ивана Горбатюка (1903–1957) предупреждала командиров частей внутренних и пограничных войск, что на территории которую планировалось очистить от немецко-фашистских захватчиков летом 1944 года, «враждебнонастроенные к нам группы населения» будут стремиться «в подходящий момент ударить нам в спину». К разряду «враждебно-настроенных» были причислены все вооруженные организации, подчинявшиеся польскому правительству в эмиграции.

В ходе наступления Красной Армии летом 1944 года войска Белорусских и Прибалтийских фронтов быстро заняли территорию, которая ранее входила в состав польского государства. Уже 20 июля 1944 года штаб войск НКВД по охране тыла 3-го Белорусского фронта (далее 3-й БФ) издал приказ о задержании лиц, принадлежащих к вооруженным формированиям эмигрантского правительства Польши.

Очевидно, в этом приказе воплотился опыт операции, проведенной 2–3 днями раньше, когда были окружены и захвачены бойцы объединенной группи-

ровки Виленского и Новогрудского округов Армии Краёвой, активно участвовавшие вместе с войсками 3-го БФ в освобождении от немцев города Вильни. Они были разоружены и под конвоем 86-го пограничного полка отправлены на сборный пункт в местечко Медники, а затем — в глубь СССР. При этом подразделения 86-го полка открывали огонь на поражение при неповиновении и попытках побега конвоируемых бойцов АК.

В июле 1944 года были разоружены также несколько других групп польского Сопротивления, хотя отряды АК еще не начали в то время активного сопротивления советским органам. Руководство АК в тот период относилось к СССР (при всем недоверии и враждебности к нему) лояльно — как к участнику антигитлеровской коалиции («союзники наших союзников»), вооруженные действия против которого допустимы лишь в порядке самообороны конкретного отряда, подвергшегося нападению.

В августе войска НКВД активизировали действия против отрядов АК. Директива штаба войск НКВД по охране тыла 3-го БФ предусматривала не только уничтожение этих формирований вооруженным путем, но и создание агентуры, на которую возлагалась задача разложения подпольных отрядов изнутри. На агентурную сеть обращалось особое внимание, поскольку многие операции по ликвидации отрядов АК срывались из-за недостаточного знания местной обстановки.

В октябре 1944 года была сформирована Сводная стрелковая дивизия внутренних войск НКВД (командир — генерал-майор Борис Серебряков; 1904–1956), главной задачей которой стала борьба с польским национальным подпольем. В ее состав вошли 5 полков (2-й, 11-й, 18-й, 98-й пограничные, 145-й стрелковый внутренних войск), а также 198-й отдельный мотострелковый батальон внутренних войск. Впоследствии в разное время ей придавались и другие соединения, в частности 338-й погранполк, 267-й полк внутренних войск, дивизион бронепоездов.

С 14 октября Сводная дивизия начала свою оперативную деятельность. Но в октябре — ноябре 1944 года боевая активность отрядов АК была невысокой. Сказались следующие факторы:

— значительная часть поляков поначалу восприняла Красную Армию как освободительницу;

— новые органы власти еще не успели своими действиями восстановить против себя население;

— осенние холода заставили подпольные отряды покидать леса и скрываться на зимних квартирах.

Активные действия формирований АК наблюдались в тот период в Белостокском воеводстве. В ноябре против них была проведена крупномасштабная операция силами специально сформированной Белостокской оперативной группы войск НКВД, образованной из нескольких полков пограничных и внутренних войск. В результате операции подполью был нанесен урон, и в середине декабря 1944 г. Белостокскую оперативную группу расформировали, а подчиненные ей части вернули в свои соединения.

Группы АК действовали не только в пределах новых границ Польши, но и в Западной Беларуси. Успешно используя приобретенный опыт партизанской войны против немцев, они противодействовали мероприятиям по установлению советской власти в Брестской, Барановичской и Молодечненской областях. При этом нередко отряды АК осуществляли акты жестокого террора против населения непольской национальности. В одном из документов НКВД утверждалось, что «белопольские формирования... имеют целью произвести ряд террористических актов над представителями советской власти и совпартактива».

В начале февраля 1945 года два полка незадолго до этого сформированной 58-й стрелковой дивизии ВВ НКВД окружили и разгромили отряды Геруса и Василевского, базировавшиеся в Козловщинском и Дятловском районах Барановичской области. В результате этой операции 34 партизана были убиты, 109 — арестованы. Одновременно с боевыми операциями войск НКВД против лесных отрядов осуществлялись массовые аресты участников подполья в городах и селах.

Летом 1945 года внутренние войска НКВД продолжали активные боевые действия против отрядов польского Сопротивления. Только части 64-й СД в этот период провели более 25 операций по их ликвидации, правда, не всегда успешных.

В 1944–46 гг. на территории БССР подразделения ОУН, УПА и АК совершили, по данным НКВД, 2384 диверсии и террористических акта, в результате которых погибли 1032 человека. Ответные меры НКВД были весьма жесткими. В те же 1944–46 гг. в республике было проведено 4596 операций, направленных против украинского, польского и белорусского националистического подполья. При этом только в 1946 году 3766 человек были убиты, 19 050 арестованы.

Например, с 15 января по 20 февраля 1945 года в Брестской и Пинской областях проводилась чекистско-войсковая операция «по ликвидации контрреволюционного повстанческого подполья, бандгрупп местного формирования, а также ликвидации банд УПА». В ходе ее были окружены 839 населенных пунктов, обысканы 48.799 дворов, проверены 165.137 человек, прочесаны 12 тыс. кв.км. лесов и болот. В результате удалось разгромить 33 вооруженные группы (отряда). Были убиты 98, арестованы 3808 человек, 55 человек сдались в плен.

Активное участие в проведении карательных акций принимали участие части внутренних войск. На 1 января 1946 года штаб 226-го полка дислоцировался в Минске, остальные подразделения в Глубоком, в Бобруйске и Бобруйском районе, в Дзержинске. К началу 1947 году дислокация полка значительно расширилась: в Минске несли службу 8 взводов, в Борисовском районе — 6, в Гомельской области — 5, в Бобруйске — 3, в Могилевской области — 3, в Витебской — 10, в Полоцкой — 3, в Гродненской — 1, в Великих Луках — 3. Всего 42 взвода при общей численности полка (вместе со штабом и вспомогательными подразделениями) 2300 человек.

За шесть месяцев, с августа 1945 по январь 1946 года внутренние войска провели в БССР 2580 боевых операций, в ходе которых они захватили 1800 пленных.

В борьбе с подпольем активно использовался 287-й стрелковый полк НКВД (из состава 7-й мотострелковой дивизии ВВ). Штаб полка и его 9-я рота, охранявшая правительственные объекты, находились в Минске. 1-й батальон был в Пинске, 2-й в Кобрине, 3-й в Новогрудке. Только за 1947 год военнослужащие этого полка захватили в плен или убили 475 человек, изъяли 503 единицы огнестрельного оружия.

В январе 1947 года внутренние войска (части оперативного назначения) из состава МВД перешли в подчинение МГБ СССР, а конвойные войска остались в подчинении МВД. По состоянию на 1950 год 26 полков внутренних войск МГБ СССР дислоцировались в западных областях Украины, Беларуси и в республиках Прибалтики.

По данным органов МГБ, на 1 октября 1951 года в западных областях БССР еще действовали 13 отрядов («банд»), совершивших за девять предыдущих месяцев 8 терактов.

В сентябре 1951 года подразделения 287-го полка приняли участие в чекистско-войсковой карательной операции в Большом Козянском лесу Видзевского района Полоцкой области, в ходе которой было захвачено 32 участника сопротивления.

Всего же личный состав полка в период с 1944 по 1954 год «ликвидировал» (убил, захватил, задержал): шпионов — 40 чел., «бандитов» — 1539 чел., прочих (дезертиров и т.д.) — 37.461 человека.

С 1951 года подразделения внутренних войск БССР принимали участие в проведении карательных акций по выселению части населения с территории Западной Белоруссии. Первая операция по выселению проводилась с 2 июня по 2 августа 1951 года. За этот период в Иркутскую область были выселены 1024 семьи (около 4000 человек), а имущество их было конфисковано.

В апреле 1952 года произошло второе массовое выселение «кулаков», в соответствии с постановлением СМ БССР № 436 от 7 апреля. В этот раз 1065 семей общей численностью 5000 человек по этапу были отправлены на спецпоселение.

3. Тюрьмы и концлагеря

По мере освобождения Беларуси от оккупантов на ее территории наряду с восстановлением органов государственной власти началось восстановление мест лишения свободы — тюрем, колоний, лагерей. Они стали низовыми подразделениями Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) НКВД БССР, которое, в свою очередь, являлось структурным звеном Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР.

Формирование УИТЛК началось осенью 1943 года с создания оперативных групп этой системы. В ноябре первая такая группа была образована в Витебской области. Возглавил ее сотрудник НКВД БССР лейтенант госбезопасности Ф.А. Босулаев.

По мере освобождения территории республики оперативные группы УИТЛК, продвигаясь вслед за частями РККА, постепенно возвращали оборудование и имущество, принадлежавшие до войны лагерям и колониям, на прежние места. В конце 1943 года, как только были освобождены первые районы Гомели

ской области, здесь начали функционировать две колонии: ИТК-1 в местечке Хальч Ветковского района, возглавляемая лейтенантом Ласковым, и ИТК-2 в Гомеле, возглавляемая старшим лейтенантом Гонтарем.

Первая из них предназначалась для лиц, осужденных на срок до трех лет лишения свободы, с использованием их на сельхозработах. Колония имела земельные угодья площадью 1571 гектар. В ее состав входил лагпункт (участок) Тарасовка.

В течение 1944 года на территории республики было образовано еще 6 колоний: ИТК-3 в Минске (на 1200 заключенных – з/к); ИТК-4 в местечке Хотеничи Витебской области (на 200 з/к); ИТК-5 в Витебске (на 500 з/к); ИТК-6 в Орше (на 400 з/к); ИТК-7 в Могилеве (на 100 з/к); ИТК-8 на станции Новосады Минской области (на 300 з/к). Кроме того, в Орше был создан пересыльный пункт (позже – пересыльная тюрьма) на 1500 человек.

Вначале начальником Управления исправительно-трудовых лагерей НКВД БССР был подполковник госбезопасности Г. Орлов, с февраля 1947 года – подполковник Ф. Шунькин, с 25 мая 1948 года – замминистра внутренних дел БССР полковник А.Л. Клименко. На УИТЛК и колонии возлагались задачи по обеспечению исполнения приговоров путем использования заключенных на производстве.

По состоянию на 1 февраля 1946 года в систему УИТЛК МВД БССР входили:

ИТК-1 в местечке Хальч Ветковского района Гомельской области (начальник лейтенант Ласков);
ИТК-2 в Гомеле (старший лейтенант Гонтарь);
ИТК-3 в Минске (старший лейтенант Банузов);
ИТК-4 в Хотеничах Витебской области (начальник Евтушков);
ИТК-5 в Витебске (начальник Билан);
ИТК-6 в Орше (начальник Корнюхов);
ИТК-7 в Могилёве (начальник Булыгин);
ИТК-8 в Новосадах Минской области (начальник Черкасов);
ИТК-9 в Жодино Минской области (начальник Ширяев);
ИТК-10 в Полоцке (сведений о начальнике нет);
ИТК-13 в Минске (начальник Новоковский);
Пересыльный пункт в Орше (начальник Петров).

По состоянию на май 1946 года на территории республики насчитывалось уже 14 ИТК, в которых содержалось 15.198 заключенных (в среднем, 1085 заключенных в одной колонии). По характеру производства они разделялись на 4 сельскохозяйственные (ИТК-1, 4, 12, 14), две лесные (ИТК-8, 9), 6 промышленных (ИТК-2, 3, 5, 6, 7, 10), одну строительную (ИТК-11) и одну со смешанным производством (ИТК-13). В связи с расширением в БССР строительно-восстановительных работ во второй половине 1946 года УИТЛК организовало еще 8 ИТК на 7500 заключенных.

Приказом МВД БССР от 5 сентября 1946 года Оршанский пересыльный пункт был переименован в пересыльную тюрьму. Во исполнение этого приказа открыли еще две пересыльные тюрьмы – в Барановичах и Гомеле. Через них следовали этапы за пределы республики. Так, в сентябре 1946 года в СИБЛАГ на

станцию Мариинск Красноярского края были отправлены 400 человек, приговоренных к каторжным работам 3-й и 4-й категорий труда. Осужденные следовали воинским эшелоном под конвоем.

В конце 1946 года из числа осужденных, содержавшихся в ИТК БССР, в Северо-Восточный лагерь, на станцию Находка (Приморский край РСФСР), эшелоном было направлено 1539 человек, приговоренных к каторжным работам 1-й и 2-й категорий. Из них 762 человека взяли из колоний № 13, 19, 21 и 23; 787 человек – из пересыльной Оршанской тюрьмы, остальных – из других мест лишения свободы. Далеко не все заключенные прибыли к месту назначения: из-за необеспеченности теплой одеждой, плохого питания и медобслуживания в пути следования с эшелона было снято 6 трупов, 277 больных и ослабленных (18,3 % от общего количества).

В середине 1947 года руководство МВД БССР приняло решение, согласно которому осужденные из тюрем МВД, вблизи которых не было лагерных подразделений УИТЛК, подлежали направлению в другие населенные пункты. Из тюрем Барановичской, Гродненской и Пинской областей, городов Молодечно, Ошмяны, Воложин, Брест, Пружаны – в УИТЛК Минска; из тюрем Вилейки и Глубокого – в ИТК-10 Полоцка; из тюрьмы Кобрина – в ИТК-12 (город Городец Антопольского района Брестской области); из Слуцкой тюрьмы – в ИТК-18 Могилёва.

По приказу МВД СССР от 2 января 1947 года в феврале ряд исправительно-трудовых колоний МВД БССР был переформирован в лагерные отделения (ЛО) и отдельные лагпункты (ОЛП). По состоянию на 15 января 1950 года в ведомстве УИТЛК имелись 23 подразделения, в том числе 5 колоний, 2 лагерных отделения, 15 лагпунктов, пересыльная тюрьма.

В республике шло и восстановление тюрем. Уже 22 марта 1944 года приказом НКВД БССР были объявлены штаты этих учреждений в Минской, Могилёвской, Витебской, Гомельской и Полесской областях, присвоены номера с первого по десятый. 18 июля того же года были объявлены штаты тюрем западных областей БССР, определены места их дислокации и нумерация. Тюрьмы № 11–17 дислоцировались на территории Барановичской области, № 18–22 – Белостокской, № 23–25 – Брестской, № 26–28 – Вилейской, № 29–31 – Пинской.

Уже к концу 1944 года на территории БССР была организована 31 тюрьма на 12027 человек. Наибольший лимит наполнения (2000 человек) был определен Брестской тюрьме, наименьший (60 человек) тюрьме в Столбцах.

Однако лимиты наполнения тюрем в различные годы не были постоянными. Менялось и количество тюрем – как правило, ликвидировались более мелкие из них. В 1946 году в соответствии с циркуляром МВД СССР от 19 июля общая численность заключенных для содержания в тюрьмах республики была установлена 3300 человек. Лимиты наполнения: в тюрьмах Минска, Витебска и Орши допускалось содержать по 300 человек; Бобруйска, Бреста, Гомеля, Гродно и Могилева – по 200; Баранович, Пинска, Полоцка – 150; Вилейки, Глубокого и Лиды – 100; Мозыря и Слуцка – 80; Борисова и Молодечно – 70; Волковыска и Новогрудка – 40; Воложина, Дрогичина, Кобрина, Ошмян, Пружан, Слонима, Столина – 30, Несвижа, Столбцов, Червеня – 20. Они обслуживали прилегающие

районы. Так, к тюрьме № 1 города Минска были прикреплены Минский, Дзержинский, Заславский, Логойский, Пуховичский, Руденский, Смолевичский и Узденский районы.

Тюрьмы предназначались как для лиц, осужденных к лишению свободы, так и для находившихся под следствием. Например, в Лидской тюрьме № 13 по состоянию на 30 сентября 1944 года содержалось 655 человек, из которых подследственные составляли 439, осужденные — 25, задержанные по ст. 100 УК БССР — 191. Как следовало из архивных документов, все задержанные и арестованные содержались с нарушением норм УПК: принимались в тюрьму без оформления материалов на арест или задержание. В камерах арестованные содержались все вместе, без учета состава преступления.

Отметим, что лиц, осуждаемых к смертной казни (ВМН) направляли после вынесения приговора в определенные для этой категории осужденных тюрьмы, где для их содержания имелись специальные камеры. В соответствии с инструкцией, объявленной приказом НКВД СССР, было запрещено содержать осужденных к ВМН в тюрьмах Бобруйска, Вилейки, Глубокого, Мозыря, Орши, Полоцка, Слуцка. Для этой категории осужденных были определены тюрьмы в Могилёве, Гродно, Минске, Гомеле, Витебске. Этапирование осужденных к ВМН производили особые команды конвойных войск МВД в тюремных вагонах и автотранспортом.

Руководство тюрьмами на территории БССР осуществляло тюремное управление НКВД (с 1946 г. — МВД) БССР, образованное в 1944 году. В то время оно являлось структурным звеном Тюремного управления НКВД-МВД СССР. Во главе республиканского управления с начала его создания стоял майор госбезопасности Степанов, затем его сменил подполковник Бабанов.

Организационно аппарат Тюремного управления по состоянию на начало 1952 года выглядел следующим образом: секретариат; оперативный отдел; 1-й отдел (с двумя отделениями: охраны и режима, учета и этапирования); 2-й отдел (с тремя отделениями — хозяйственного снабжения, ремонтно-технического, санитарного). Штатный состав управления — 46 человек.

Итак, после освобождения БССР от оккупантов на ее территории в кратчайшие сроки была восстановлена система карательных учреждений.

4. Фальсификация данных

Прокуратура, Министерство юстиции, Министерство внутренних дел СССР и КГБ при Совмине СССР начиная с мая 1954 года пересмотрели дела в отношении многих лиц, осужденных за государственные преступления и отбывавших наказание в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР, а также в отношении лиц, находившихся в ссылке или на спецпоселении.

Те, кто были осуждены Особым совещанием, «тройками» и «двойками» НКВД-МГБ, а также судебными органами, были освобождены и реабилитированы, многим осужденным сокращены сроки наказания и переквалифицированы составы преступлений. Однако эти мероприятия не были доведены до конца, пересмотр дел граждан, осужденных в 30-е, 40-е и начале 50-х годов, со второй половины 60-х годов стал тормозиться.

Одной из малоисследованных проблем истории советских репрессий является фальсификация истинных причин смерти и мест приведения в исполнение приговоров о высшей мере наказания.

Правда раскрывалась малыми порциями начиная с середины 50-х годов. Однако была категория жертв репрессий, о судьбе которых продолжали сознательно лгать и в пору первой реабилитации, и при «застое», и в разгар «перестройки». Под запретом во все эпохи оставалась правда о судьбах тех, кто был расстрелян по приговорам несудебных органов — «особых троек», «троек», «двоек», Особого совещания, Комиссии НКВД и Прокурора СССР и т.д.

Самый ранний из известных приказов НКВД по этому вопросу относится к 1939 году. Приказ предписывал на запросы родственников о судьбе того или иного казненного отвечать, что он был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки и передач. Осенью 1945 года приказ был скорректирован — заявителям стали сообщать, что их родственники умерли в местах лишения свободы.

На заседании Президиума ЦК КПСС 18 августа 1958 года было принято постановление, на основании которого через неделю тогдашний председатель КГБ СССР И. Серов издал развернутое указание. Предписывалось, как и раньше, сообщать о казненных, что они были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли во время отбывания наказания. Но в необходимых случаях (если это требовалось для решения имущественных или правовых вопросов) предписывалось регистрировать смерть в органах ЗАГС по месту жительства осужденного до ареста и выдавать свидетельство о смерти. При этом дату смерти сотрудники КГБ определяли произвольно — в пределах 10 лет со дня ареста, вымышленной была и причина смерти, а в качестве ее места указывалось место жительства осужденного до ареста.

Органы НКВД — МГБ — КГБ сообщали родственникам осужденных на смертную казнь, что последние якобы осуждены на 10 лет лишения свободы в отдаленных местностях Крайнего Севера без права переписки. Военная коллегия Верховного суда СССР на этом основании давала вымышленную дату смерти. Между днем осуждения и этой датой образовывался разрыв до 5–6 лет.

В результате этого вымышленные даты стали появляться в официальных документах и свидетельствах о смерти, органы ЗАГС по указанию МГБ продолжали выдавать родственникам липовые свидетельства о смерти. Такие «свидетельства» получили сотни тысяч наших сограждан.

В результате пересмотра архивно-следственных дел с 1954 по 1961 год из общего количества казненных в несудебном порядке было реабилитировано около 60 процентов жертв. В отношении их родственникам были объявлены ложные сведения о смерти, якобы наступившей в местах лишения свободы.

И только в декабре 1962 года в недрах КГБ созрело предложение о необходимости пересмотра прежнего порядка ответов на запросы граждан о судьбе родственников. Но это было вызвано отнюдь не гуманными соображениями. Оказывается, сообщение гражданам вымышленных дат и обстоятельств смерти близких родственников «ставит органы госбезопасности в ложное положение,

особенно при опубликовании в печати дат смерти лиц, имевших в прошлом заслуги перед государством.

Кроме того, регистрация смерти казненных граждан по решениям несудебных органов с указанием в документах вымышленных сроков их пребывания в местах заключения ставило членов их семей в неравные условия с членами семей лиц, казненных по суду.

В связи с этим по предложению председателя КГБ СССР В. Семичастного и одобрения Политбюро ЦК КПСС с 1963 года на запросы граждан о судьбе их родственников, приговоренных в несудебном порядке к смертной казни, устно стали сообщать действительные обстоятельства смерти этих лиц, а регистрацию в ЗАГСах их смерти производили датой расстрела без указания причин смерти, как это делали Военная коллегия Верховного суда СССР и военные трибуналы в отношении лиц, казненных по приговорам судов.

Тем, кому ранее давались лживые ответы (в соответствии с указаниями предыдущих лет) продолжали лгать по-прежнему. Не изменен был порядок и относительно сведений, сообщаемых за границы СССР, – здесь, как и прежде, предлагалось руководствоваться соображениями практической целесообразности в каждом отдельном случае.

Ложь образца 1963 года существовала до конца 80-х и была отменена (опять-таки по согласованию с ЦК КПСС) приказом по КГБ СССР от 30 сентября 1989 года. Таким образом, граждане, получившие ответ между 1939 и 1963 годами и не обратившиеся с новыми запросами после 1989 года, так и остались в заблуждении относительно подлинных причин, дат и мест гибели своих близких.

Без детального изучения подлинных документов невозможно получить объективную картину репрессий периода 1920–1950-х годов на территории Беларуси. Между тем в архивах КГБ хранятся все дела на осужденных по политическим мотивам. В том числе – архивно-следственные дела, по которым карательные органы вели предварительное следствие, а также уголовные и гражданские дела, содержащие «секретные» сведения (давным-давно устаревшие). Кроме того, хранятся протоколы заседаний Особой тройки НКВД БССР на осужденных по политическим мотивам.

Исключительное внимание к преступлениям сталинизма полностью обоснованно. Оно отвечает стремлению родственников тех лиц, которые стали жертвами этих преступлений, свидетельствовать против них, стремлению ученых понять их, помогает нравственным и политическим авторитетам утверждать в нашем обществе демократические и гуманные ценности.

О РЕАЛЬНЫХ МАСШТАБАХ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ В БЕЛАРУСИ

Юрий Королев

В 2013 году накануне осенних Дедов, во время которых традиционно чествуется память жертв сталинских репрессий, кандидат исторических наук Игорь Кузнецов заявил на специальном брифинге следующее:

«...в Беларуси, по моим подсчетам, было репрессировано — с точки зрения попавших в какую-то юридическую статистику, где-то зафиксированных документально - примерно от 1 430 000 до 1 625 000. [...] Некоторые предыдущие цифры, непосредственно связанные с расстрелами... общая цифра носит ориентировочный характер, я могу сказать, что меньше уже быть не может, больше же может возрасти еще неизвестно насколько. Примерно было расстреляно на территории Беларуси 377 тысяч человек» (1).

В деле исследования сталинских репрессий господин Кузнецов — человек не новый. Как он сам в свое время говорил:

«...начиная с 1988 года, с момента, как я стал членом Томского международного правозащитного общества «Мемориал», и до сегодняшнего дня я занимаюсь этой профессиональной деятельностью, независимо от того, на какой работе, на какой должности нахожусь. Это была тема моей кандидатской диссертации, эта тема моих многочисленных публикаций, в целом у меня вышло 8 книг только по тематике репрессий, а сколько статей, даже трудно подсчитать: не менее 400, но не более 500. И все это посвящено именно проблеме репрессий» (2).

На протяжении четверти века — в среднем по статье каждые три недели, и по книге каждые три года — только по теме репрессий. Не удивительно, что если человек с таким послужным списком озвучивает какие-то цифры и при этом ссылается на свои подсчеты, то газета «Наша Нива», Радио Свобода и другие медиа без сомнения ретранслируют их. Между тем, как будет показано ниже, Кузнецов завышает общее количество репрессированных в разы, а количество расстрелянных — почти на порядок.

Объяснений этому феномену может быть только два. Объяснение первое: г-н Кузнецов — тотально некомпетентный в деле своей жизни человек, который искренне ошибается и неосознанно вводит в обман пополитое общество. Объяснение второе: г-н Кузнецов знает (или хотя бы подозревает), что названные им цифры не соответствуют исторической действительности — и сознательно вводит в заблуждение посполитое общество. Tertium non datur.

Об этом я и написал в комментариях к материалу «Нашей Нивы» о «подсчетах» Кузнецова в конце октября прошлого года /2013. — *Ред./*. На редакционную

---

* Из журнала «АРХЭ», 2014, № 5, с. 32–71. Перевод и редакция А.Е. Тараса. Автор, Ю. Королев, окончил исторический факультет БГУ в 1993 г. Живет в Минске.

политику газеты мои послания никак не повлияли — как тиражировали цифры Кузнецова, так и тиражируют, а другие комментаторы предсказуемо зачислили меня в криптогэбисты и предложили следующее:

«...несогласным с Кузнецовым — флаг в руки: займитесь этой темой, приведите аргументы, факты, результаты исследований. Если кто-то аргументированно опровергнет Кузнецова, то так будет лучше для всех, мы приблизимся к исторической истине».

Если кто-то не знает, г-н Кузнецов — автор практических пособий, ориентированных на широкую читательскую аудиторию. В одном из них описывается полемический прием «Истина в молчании!», суть которого — «переложить все трудности доказательства на оппонента» (см. И. Кузнецов. 500 способов влиять на людей, убеждать и управлять. Мн., 2011, с. 140).

Когда речь идет о количестве жертв репрессий, то Кузнецов сам широко пользуется этим приемом: приводит общие цифры без объяснения методологии их расчета, источников и других стандартных для историка вещей. Говорит, что «сегодня очень сложно определить реальный масштаб человеческих жертв коммунизма, поскольку не разработана сама методология таких подсчетов», но цифры все-таки выдает. Методология не разработана, но у Кузнецова есть своя: «разные источники, один говорит одну цифру, другой — другую, выводится средняя цифра». Кстати об источниках. С одной стороны, Кузнецов непрерывно пеняет на закрытость архивов, а с другой — с невероятной легкостью отбрасывает те архивные данные, которые имеются. Вот, например, что он говорит о так называемой «польской» операции НКВД:

«...официальная цифра, которая проходит по разным отчетам и докладам: во время этой операции было репрессировано около 18.000 человек. Эта цифра абсолютно не соответствует действительности, хотя эта цифра документально подтверждена в Национальном архиве, есть документы» (3).

К тому же цифры его «подсчетов» все время меняются. Например, в 2000 году г-н Кузнецов считал, что «за период с 1917 по 1953 годы [...] по политическим мотивам было репрессировано... на территории БССР — свыше 900 тысяч человек» (4). К 2012 году эта цифра увеличилась в два раза:

«по последним подсчетам, какие я сделал, в Беларуси юридически было репрессировано (начиная от расстрела и до лишения избирательных прав) примерно от 1.600.000 до 1.800.000 человек»; расстреляно — «не менее 300.000 человек» (5).

Выходит, что до прошлогодних Дедов г-н Кузнецов пересмотрел свои «подсчеты» еще раз и исключил из числа репрессированных 200–300 тысяч человек. Интересно — кого? В одном месте Кузнецов утверждает:

«в Беларуси по оценочным данным в 1935–1940 гг. за контрреволюционные преступления было привлечено к уголовной ответственности свыше 200 тысяч человек» (6).

В другом:

«как свидетельствует статистика за очередную пятилетку, в 1935–1940 гг. в Беларуси было репрессировано свыше 480 тысяч человек, из которых более 50 тысяч были расстреляны» (ссылка — «по подсчетам автора по документам Государственного архива Российской Федерации») (7).

В третьем:

«в Беларуси в 1937–1938 гг. судебными и несудебными органами было репрессировано (без учета ссыльных и высланных) около 900 тысяч человек» (8).

В четвертом:

«на территории Беларуси в 1937–38-е годы было расстреляно не менее 50.000 поляков» (9).

Так сколько же человек было репрессировано в Беларуси в 1935–1940-х годах? Более 200 000 или более 480 000? Или около 900 000 только в 1937–1938 гг., не считая ссыльных и высланных? И сколько было расстреляно? Более 50 000 человек всех национальностей за 1935–1940 гг., или более 50 000 только поляков и только в 1937–1938 гг.?

Каюсь: в какой-то момент я прекратил изучение публикаций и заявлений Игоря Кузнецова, так и не найдя обнаружив убедительных подсчетов. Максимум найденного – таблица (см. табл. 1), помещенная в одной из последних статей автора (10). Объяснения метода подсчетов в статье традиционно нет, но хотя бы можно понять, из кого, по мнению Кузнецова, складываются 1,5 миллиона репрессированных:

Таблица 1

Годы	Категории репрессированных	Примерное количество репрессированных (тыс. чел.)
1918–1920	представители «непролетарских классов»	не менее 30
1929–1932	крестьянство	420–500
1933–1934	национальная интеллигенция	не менее 20
1934–1936	национальная интеллигенция, представители «непролетарских классов»	48–50
1937–1938	номенклатура, все категории населения	550–600
1939–1941	население Западной Беларуси	240–300
1941–1944	жители временно оккупированной территории	не менее 50
1945–1953	жители временно оккупированной территории, интеллигенция	72–75
Всего		1430–1625

Позволю себе предыдущую гипотезу: искреннее желание г-на Кузнецова убедительно довести до общества ужасающую природу сталинизма совокупно с его претензией на статус главного беларуского специалиста по репрессиям приводит к озвучиванию все новых и все больших цифр. Благо, почва для таких гипербол в демократической беларуской среде весьма благоприятная:

«только в 1920–50-е каторжные годы ГУЛАГ поглотил более 600 тысяч уроженцев Беларуси, а с учетом других категорий официально репрессированных эта цифра превышает 1,5 миллиона» (обращение Общественного оргкомитета по сохранению памяти жертв сталинских репрессий от 28 февраля 2007 года);

«более миллиона беларусов были сосланы в концлагеря на север СССР» (обращение Беларуской христианской демократии относительно того, чтобы сделать 7 ноября Днем памяти жертв преступного коммунистического режима, днем памяти о геноциде беларуского народа, 7 ноября 2012 года);

Беларусь – «страна едва ли не наиболее пострадавшая от сталинизма» (11), и т.д.

Страдания жертв политических репрессий – неизмеримы и неискупимы. Дело увековечивания их памяти – святое. Но преувеличение количества репрессированных, если хорошо известны реальные цифры – вещь, на мой взгляд, далекая от святости. Однако оставлю моральную сторону дела другим и обращусь к траурной арифметике.

1. Откуда мы знаем о репрессиях

При советской власти любые данные о репрессиях были тайной за семью печатями. Поэтому все независимые оценки количества репрессированных основывались на недостоверных сведениях и допущениях. Как мы видим теперь, они были сильно завышены (например, оценки Александра Солженицына и Роберта Конквеста). Ситуация начала меняться с наступлением Перестройки и существенно улучшилась после распада СССР. Архивы приоткрылись, и за последнюю четверть века из них вышло достаточно документов для того, чтобы точно оценить масштаб сталинских репрессий. Как говорит Никита Петров (историк, автор книг о репрессиях, заместитель председателя правления общества «Мемориал»):

> «десятки томов документальных материалов, именно документов, опубликованных со ссылкой на архив, фонд, опись, откомментированных, подготовленных, то есть на блюдечке предложенных читателю. Их надо только брать и читать» (12).

Чтобы не перегружать статью списком публикаций, в которых приводятся тексты документов, касающихся репрессий, назову только несколько основных сборников:

1) История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-и томах. Москва: РОССПЭН, 2004. Том 1: Массовые репрессии в СССР; Том 2: Карательная система: структура и кадры; Том 3: Экономика Гулага; Том 4: Население Гулага: численность и условия содержания; Том 5: Спецпереселенцы в СССР; Том 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных; Том 7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система. Аннотированный указатель дел Государственного архива РФ.

2) Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-и томах. Москва: РОССПЭН, 2000–2006.

3) Сталинские депортации 1928–1953. Москва: МФД, 2005.

Те, кто ленятся сходить в Национальную библиотеку, чтобы полистать эти сборники собственноручно, могут воспользоваться интернетом. Большое количество документов, например, доступно на сайте Фонда Александра Яковлева: http://www.alexanderyakovlev.org/db-docs

Некоторые обязательно скажут: это все гэбэшное вранье и фальсификации. Не поверим, пока не попадем в архивы КГБ сами. Я согласен: архивы КГБ надо

открывать. Но почему нет доверия тем, кто опубликовал документы из закрытых (или полуоткрытых) архивов? Вот Виктор Земсков, который в 1991 году, еще до распада СССР, обнародовал Гулаговскую статистику (хранится в Государственном архиве Российской Федерации). Отвечают: так он же сталинист по убеждениям, так как оспаривает цифры Солженицына, какая ему вера?

Хорошо, вот документы, опубликованные Фондом Александра Яковлева. Говорят: так он же — бывший член Политбюро.

Цитируешь Владимира Адамушко:

«во время дискуссий по вопросу политических репрессий некоторые оппоненты утверждают, что учет репрессированных граждан велся несовершенно, фальсифицировался и т.д. За несколько лет, посвященных исследованию темы политических репрессий 20–50-х годов на Беларуси, у автора сложилось твердое мнение. Учет велся совершенно, профессионально, по-бухгалтерски, здесь слово и дело никогда не расходились» (13).

Пыхтят: так он же на Лукашенко работает. Хорошо, не нравятся Земсков с Яковлевым и Адамушко — вот вам Арсений Рогинский, председатель правления Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного объединения «Мемориал», историк, диссидент, отсидел четыре года по лживому обвинению, он то же самое говорит:

«...статистика органов безопасности достаточно хороша, эта внутренняя статистика, они абсолютно сами для себя отчитывались, никто ничего не преувеличивал и не преуменьшал» (14).

Неужели и Рогинский — агент КГБ?

Действительно, никаких стимулов фальсифицировать статистику у тогдашних сотрудников НКВД не было, особенно в сторону уменьшения количества репрессированных. А вот стимулы быть точными у них были (как говорил товарищ Сталин, «у чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму»). Ну, а тем ярым конспирологам, которые считают, что опубликованные документы о репрессиях вообще полностью сфабрикованы КГБ-стами, я просто процитирую Земскова (этот «сталинист», кстати, в советское время даже не был членом КПСС):

«Вопрос о подделке можно было бы рассматривать, если бы мы опирались на один или несколько разрозненных документов. Однако нельзя подделать наличный на государственном хранении целый архивный фонд с тысячами единиц хранения, куда входит и огромный массив первичных материалов (полагать, что первичные материалы — фальшивые, можно только при допущении безумной мысли, что каждый лагерь имел две канцелярии: одну, которая вела настоящее делопроизводство, и другую — ненастоящее).

Тем не менее, все эти документы были подвергнуты тщательному источниковедческому анализу, а их подлинность установлена со 100-процентной гарантией. Данные первичных материалов в конечном результате совпадают со сводной статистической отчетностью Гулага и со сведениями, которые содержались в докладных записках руководства Гулага на имя Н.И. Ежова, Л.П. Берии, С.М. Круглова, а также в докладных записках последних на имя И.В. Сталина. Таким образом, документация всех уровней, которой мы пользовались, настоящая. Допущение, что в этой документации могли

содержаться заниженные сведения, не имеет под собой почвы по той причине, что органам НКВД было невыгодно и даже опасно преуменьшать масштабы своей деятельности, так как в обратном случае им угрожала опасность впасть в немилость у власти за «недостаточную активность» (15).

2. Дефиниция

Понятие «репрессия» происходит от латинского *repressio*, что буквально означает «подавление». Репрессия – это карательная мера (наказание), используемая государственными органами. Политические репрессии – это карательные меры, которые применяются государственными органами с целью защиты и сохранения наличного политического строя (режима).

Понятно, что оценка количества жертв политических репрессий в Беларуси зависит от того, какие карательные меры отнесены к политическим репрессиям. Юридическая дефиниция политических репрессий вырабатывается в процессе реабилитации их жертв; этот процесс начался еще при Сталине и не закончился в постсоветских странах по сей день*.

До конца 1980-х гг. речь шла о «необоснованных» репрессиях – ибо «обоснованные» репрессии в защиту советской власти под вопрос не ставились, а печально знаменитая статья 58 Уголовного кодекса РСФСР (контрреволюционные преступления) действовала (с модификациями) вплоть до 1961 года. В Беларуси с 1928 года действовал свой Уголовный кодекс, который также модифицировался, и в котором подпунктам ст. 58 (1–18) УК РСФСР соответствовали 14 отдельных статей раздела II «Контрреволюционные преступления».

Последний по времени правовой акт, которым регулируется реабилитация жертв политических репрессий в Беларуси – постановление Верховного Совета Беларуси «О порядке реабилитации жертв политических репрессий 20–80-х годов в Республике Беларусь» от 6 июня 1991 года (с последующими изменениями и дополнениями), в котором говорится следующее:

> 1. Признать, что необоснованно репрессированными являются граждане Республики Беларусь, СССР, иностранных государств или лица без гражданства, привлеченные на территории Республики Беларусь судебными или внесудебными органами по политическим, социальным, национальным, религиозным или другим мотивам к уголовной ответственности за государственные (контрреволюционные) преступления, а также по этим же мотивам подвергнутые ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, удалению за границы Республики Беларусь в административном порядке.
>
> 2. На основании изложенного реабилитации подлежат:
>
> а) лица, незаконно осужденные судами по обвинению в учинении государственных (контрреволюционных) преступлений, за исключением случаев, указанных в этом постановлении;
>
> б) лица, репресированные по решениям внесудебных органов: коллегий и особых совещаний ВЧК, ГПУ-ОГПУ, НКВД, МГБ, «двоек», «троек» ГПУ, УНКВД-НКВД;

* Например, дела тысяч жертв раскулачивания пересматривались еще в начале 1930-х гг., и до конца 1940-х гг. почти все сосланные в первой половине 1930-х гг. кулаки были освобождены. В 1939–40 гг. происходил пересмотр дел 1937–38 гг. и т.д. Тогда это называлось восстановлением социалистической законности, исправлением перегибов и т.п.

Таблица 2

63	Измена Родине
64	Подготовка вооруженного восстания
65	Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством
66	Оказание помощи иностранной буржуазии
67	Склонение иностранного государства к нападению на СССР
68	Шпионаж
69	Подрыв государственной промышленности
70	Террористические акты против представителей советской власти
71	Разрушение или повреждение государственного имущества
72	Пропаганда и агитация против советской власти
73	Несообщение о преступлении
44	Борьба против рабочего класса при царизме и во время гражданской войны
75	Контрреволюционный саботаж
76	Организация преступлений, предусмотренных ст. 63-75 УК

в) крестьяне, члены их семей и другие граждане, которые незаконно подверглись ссылке, высылке, направлению за границы Республики Беларусь в административном порядке, а также крестьяне, в том числе признанные кулаками, осужденные за невыплату повышенных налогов и отказ от выполнения повинностей и работ, которые имели общегосударственное значение, по статье 93 и статье 94 Уголовного кодекса БССР1928 года;

г) лица, незаконно помещенные по решениям судов в психиатрические учреждения на принудительное лечение в связи с возбуждением уголовных дел*.

Обозначим эти две группы репрессированных, подлежащих реабилитации, как:

а) Осужденные судебными и внесудебными органами («двойками», «тройками», особыми совещаниями и коллегиями) по контрреволюционным уголовным статьям (ст. 58 УК РСФСР 1926 г. и ст. 63–76 УК БССР 1928 г.);

б) Административно высланные (кулаки в 1930–1950-е гг., депортированные из Западной Беларуси в 1940–1941 гг. и т.п.).

Понимание природы репрессий во время разработки этой дефиниции было ограниченным, что с неизбежностью отразилось на сфере ее охвата. Я считаю, что она должна быть расширена таким образом, чтобы охватить тех лиц, которые явно принадлежат к репрессированным, но не подпадают под постановление (например, на так называемых «лишенцев», см. об этом ниже). Но в любом случае те, кто говорят о количестве репрессированных, обязательно должны точно определять, кого они считают жертвами репрессий, так как при желании

* Аналогичная дефиниция используется и в России. См.: Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». Москва, 1993, с. 2–3.

к репрессированным можно отнести вообще всех, кто жил в СССР — как при Сталине, так и после него:

«...жертвами коммунистических репрессий в Беларуси является всё население страны. Об этом 28 октября на брифинге в Минске заявил историк Леонид Моряков, который занимается исследованием репрессий в Беларуси. По его словам, жертвы репрессий — это также члены семей расстрелянных и сосланных, которые потеряли близких и «прожили не ту жизнь, о какой мечтали». «Это все поколения людей, которые 75 лет коммунистического правления даже дышать боялись», — подчеркнул он» (16).

Г-н Моряков во многом прав. Советский Союз был, по сути дела, преступным государством, и все советские люди были как минимум ограничены в праве на справедливые и свободные выборы, на свободу высказываний, собраний, ассоциаций и т. д. — даже если репрессии не касались их лично или затрагивали косвенно, через репрессии против родных и близких. Но если называется какая-то конкретная цифра, меньшая, чем количество всего населения Беларуси в то или иное время — тогда дело другое, и нужна точная дефиниция.

Вот, например, журналистский отчет с круглого стола «Коммунизм как античеловеческая идеология: цифры и факты» (Минск, 26 ноября 2008 г.):

«Историк Игорь Кузнецов считает, что за время коммунистического режима в Беларуси было репрессировано не менее 60 % взрослого населения. [...] По его словам, последние официальные цифры о репрессированных датированы 1993 годом, и тогда называлось количество 650 тыс. человек. Однако, по мнению И. Кузнецова, в это количество входят только те граждане, которые были или расстреляны, или прошли через лагеря. «Здесь не учитываются высылки, конфискации имущества, пытки и другие формы репрессий против беларуского народа. Также нельзя сбрасывать со счетов потери беларусов во время Великой Отечественной войны. Эти жертвы тоже можно зачислить на счет коммунистического режима», — сказал он (17).

На минуту забудем о мелких ошибках (1994 год, а не 1993, и не 650 тысяч, а 600) и перекручивании (эти 600 тысяч — не только расстрелянные и заключенные в Гулаге, но также высланные и сосланные по административным приговорам). Но что понимается под «взрослым населением Беларуси за время коммунистического режима»? Почему количество жертв репрессий надо выражать как процент от этой никому, кроме Кузнецова, неизвестной величины?

Через полтора года, на круглом столе «Коммунистические репрессии в Беларуси в 1920–1950-е годы» (Вильня, 22–23 апреля 2010 г.), Кузнецов озвучил цифры вместе с дефиницией:

«В 1917–1953 годах в Беларуси было репрессировано от 1,34 до 1,65 млн человек. [...] По словам Кузнецова, цифры включают репрессированных судебными и внесудебными органами советской власти в разной форме, включая ссылку и высылку, а также ограничение в правах. Однако в этот показатель не включены репресированные — члены семей изменников Родины, а также пострадавшие, которых трудно учесть. Речь идет о людях, которых не принимали в комсомол и Коммунистическую партию, выгоняли с работы и отказывались на нее принимать. «Количество людей, которые попали под такое незарегистрированное преследование, намного больше количества жертв официально зафиксированных репрессий», — сказал ученый» (18).

Опять-таки не будем спрашивать у Кузнецова, почему он исключил членов семей «изменников родины» из числа репрессированных — на самом деле этих людей вполне официально осуждали на заключение или ссылку*. Просто порадуемся тому, что, говоря о 1,5 миллионах репрессированных, г-н Кузнецов отчасти придерживается дефиниции постановления от 6 июня 1991 года и дает возможность сравнить свои выкладки с так называемыми официальными цифрами, ибо последние касаются исключительно тех категорий репрессированных, какие определены в постановлении. А в деле поиска дополнительных миллионов репрессированных посоветуем г-ну Кузнецову не ограничивать полет своей статистической мысли жертвами непринятия в КП(б)Б. Почему бы не добавить также тех, кого преступный режим в комсомол, напротив, загонял?

3. Официальные и «полуофициальные» цифры

Первые обоснованные цифры относительно количества репрессированных в Беларуси (Кузнецов называет их то «официальными», то «полуофициальными») появились в книге Владимира Адамушко «Политические репрессии 20-50-х годов на Беларуси» (1994 год), которая не утратила своей актуальности до сих пор. Как отмечал сам автор:

> «Основными источниками для книги явились ранее недоступные, засекреченные документы из архивов Комитета государственной безопасности, Министерства внутренних дел, из спецхранов государственных и бывших партийных органов, с которыми доведется впервые познакомиться широкому кругу читателей» (19).

Книга о «геноциде против наших соотечественников» была подписана к печати в ноябре 1994 года, а писалась еще до того, как Александр Лукашенко стал президентом. Общая цифра репрессированных, по Адамушко, составляет около 600 тысяч человек (20):

> «По официальным данным, начиная с ноября 1917-го и по апрель 1953 года судебными и несудебными органами в республике было рассмотрено свыше 170 тысяч дел в отношении 250 тысяч человек, которые привлекались к ответственности по политическим мотивам. Из этого количества 10 тысяч человек были репрессированы в 1917–1929 гг., 46 тысяч — в 1929–1934 гг., 55 тысяч — в 1941–1945 гг. [основная часть репрессий в эти годы пришлась на первую половину 1941 года, вторую половину 1944 года и весь 1945 год. — В.А.], 50 тысяч — в 1946–1953 гг.

---

* В приказе НКВД № 00486 от 15 августа 1937 г. говорилось о репрессировании «жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных воинской коллегией и воинскими трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1 августа 1936 г.», а не всех родственников репрессированных по контрреволюционным статьям.

17 октября 1937 г. приказ № 00689 изменил текст приказа № 00486, отныне репрессиям подлежали только те жены, которые «согласно имеющимся материалам были в курсе или содействовали контрреволюционной работе своих мужей», или «в отношении которых органы НКВД имеют данные об их антисоветских настроениях и высказываниях и которые могут рассматриваться как политически сомнительные и социально опасные элементы». При этом дети «право-троцкистских шпионов» направлялись в специальные интернаты и детские дома.

Количество таких лиц в БССР относительно невелико, т.к. во всем СССР по этой линии было репрессировано около 18 тысяч жен осужденных, и около 23 тысяч детей было направлено в детские дома.

Во время Великой Отечественной войны заключению или высылке подлежали семьи тех, кто перешел на сторону немцев (постановление Госкомитета обороны № 1926 от 24 июля 1942 г.).

> Пик репрессий пришелся на 1935–1940 гг. Свыше 85 тысяч наших соотечественников пострадали от политических репрессий в этот период. Более 20 тысяч были расстреляны. Всего же в 20–50-е годы за «контрреволюционные преступления» было приговорено к высшей мере наказания свыше 35 тысяч человек. Таким образом, судебными и внесудебными органами в республике по политическим мотивам было привлечено к ответственности свыше 250 тысяч граждан» (21).

Кроме того, «в 30–50-е годы необоснованно репрессировано в административном порядке свыше 349 тысяч граждан республики» (22). К сожалению, искажение этих цифр стало общим местом. Так, Леонид Моряков пишет:

> «С той поры, когда в Беларуси окончательно свернули «программу белорусизации» (1929–1930), и до начала второй мировой войны, за какие-то двенадцать лет сталинского террора, было посажено в тюрьмы, сослано в концлагеря и расстреляно, по разным подсчетам, от шестисот тысяч [ссылка на Адамушко. — *Ю.К.*] до двух миллионов беларусов [ссылка на Янку Запрудника. — Ю.К.] (23).

То есть 250 тыс. чел., по Адамушко, расстрелянных и заключенных в Гулаге в 1918–1953 гг., у Морякова превращаются в 600 тыс. и только в 1929–1941 гг.

Каким же образом Адамушко пришел к этим цифрам? Насчет 250 тыс. человек, привлеченных к ответственности по политическим мотивам судебными и внесудебными органами, объяснение простое: «все эти уголовные дела полностью сохранились и находятся в архивах Комитета государственной безопасности республики» (24). Другими словами — исследователь взял и пересчитал, либо получил уже готовые обобщенные цифры из КГБ. Вероятно, именно поэтому в статье Адамушко о сталинских репрессиях, помещенной в «Беларуской энциклопедии», цифры приведены с точностью до человека:

> «250 499 человек — осуждены судами или наказаны решениями внесудебных органов»; «в 1935–40... пострадали 86 168 жителей Беларуси, из них 28 425 расстреляны»; «всего в ноябре 1917 — апреле 1953 гг. за контрреволюционные преступления к смертной казни приговорено 35 868 чел.» (25).

Подчеркну: цифра Адамушко в 250 000 репрессированных касается лиц, привлеченных к уголовной ответственности за контрреволюционные преступления. Значительной части этих людей было отказано в реабилитации. Обоснованно или нет — отдельный разговор. Действительно, в советское, да, вероятно, и в постсоветское время многие отказы в реабилитации с позиций сегодняшнего дня выглядят спорными; с другой стороны, среди реабилитированных хватает и тех, у кого на совести сотни и тысячи человеческих жизней (например, Василий Шарангович или Николай Гикало). Далее же В. Адамушко пишет:

> «В более сложном состоянии находится дело по отношению к репрессиям в административном порядке, или, проще говоря, «раскулачивания», а также подвергнутых ссылке, высылке, спецпоселению. Автор предлагает свою методику подсчетов» (26).

Отмечу, что судебные дела в полном смысле этого слова на раскулаченных и административно высланных не заводились — были только списки, справки и т.п. Поэтому механический подсчет папок с делами в данном случае невозможен в принципе. Забегая вперед, скажу, что оценка количества репрессированных в административном порядке кулаков, — ошибочна. Но речь об этом позже.

4. Реабилитация

Процесс реабилитации жертв политических репрессий – еще один источник данных о количестве репрессированных. Вот что сообщает Адамушко:

> «За 1990–1993 годы органами прокуратуры и КГБ в основном завершено изучение уголовных дел, рассмотренных в несудебном порядке, и по ним реабилитировано 17 258 человек. По представлению прокуратуры судами рассмотрено 3972 дела с реабилитацией 4078 человек. 29 336 человек реабилитировано органами внутренних дел. Это те люди, к которым применялись административные меры воздействия. Таким образом, за четыре года реабилитировано 50 672 человека. Отказано в реабилитации 4860 лицам. На сегодняшний день в Республике Беларусь реабилитировано свыше 130 тысяч человек, привлеченных к ответственности судебными и несудебными органами, около 30 тысяч человек, репрессированных в административном порядке. Всего с начала 50-х годов реабилитировано свыше 160 тысяч граждан»*.
>
> «Надо отметить, что реабилитированы почти все жители Беларуси, дела которых вели несудебные органы. Осталось пересмотреть около 60 тысяч дел в отношении почти 100 тысяч лиц, осужденных судами и военными трибуналами, а также граждан, пострадавших в административном порядке. Это особая категория граждан. Их свыше 300 тысяч. Уголовные дела на них не заводились. И рассматривается вопрос в отношении их по заявлениям, материалы почти не сохранились, собираются по крупицам как на месте применения репрессий, так и в местах отбывания наказания» (27).

В 2007 году начальник Центра информации и общественных связей КГБ Валерий Надтачаев сообщил, что все дела репрессированных, которые хранились в КГБ, уже пересмотрены, и сделано это было еще до конца 1990-х годов:

> «...было пересмотрено 152 399 дел, которые касались 235 552 человек (часть дел – групповые). Из этого количества реабилитировано 175 914 человек. На законных основаниях в оправдании отказано 59 638 лицам» (28).

Те же, кому отказано в реабилитации, по словам В. Надтачаева, совершили преступления, которые считаются таковыми и в настоящее время.

В 2010 году в интервью газете «Республика» начальник Центрального архива КГБ Владимир Дорошевич привел больше деталей о результатах пересмотра архивных уголовных дел в связи с реабилитацией по делам, хранящимся в органах госбезопасности (29).

Подытожим цифры Адамушко, Надтачаева и Дорошевича (таблицы 3, 4).

Также сделано допущение, что процент реабилитированных в БССР был примерно равен среднему по СССР**. Но он мог быть и другим. Например, во второй половине 1956 – первой половине 1961 гг. Верховный суд БССР рассмотрел

* В этом месте В. Адамушко сделал ссылку: «По данным Комиссии Верховного Совета Республики Беларусь по оказанию содействия в обеспечении прав жертв политических репрессий 20–80-х годов и увековечиванию их памяти, на 1 января 1994 г.»

** Этот процент рассчитан на основе данных, содержащихся в записке Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х – начале 1950-х гг. (от 25 декабря 1988 г.): «на сегодняшний день уже пересмотрено 1.002.617 уголовных дел репрессивного характера на 1.586.104 человек. По этим делам реабилитировано 1.354.902 человека, в том числе по делам внесудебных органов – 1.182.825 человек». См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995, № 1, с. 123. Цит. по: Реабилитация: Сб. документов и нормативных актов по реабилитации жертв политических репрессий 1920–1980-х годов в Беларуси. Минск, 2001, с. 82.

Таблица 3

Области	Пересмотрено	Количество человек	Реабилитировано	Отказано в реабилитации
Брестская	16 023	22 198	15 462	6 736
Витебская	29 230	44 235	34 660	9 575
Гомельская	19 731	37 731	26 342	11 389
Гродненская	25 029	29 085	19 040	10 045
Минская	38 782	64 022	51 584	12 438
Могилевская	23 604	38 281	28 826	9 455
Всего	152 399	235 552	175 914	59 638

Таблица 4

Годы	Пересмотрено		Реабилитировано	Отказано в реабилитации	
	дел	лиц, чьи дела были пересмотрены	Человек	Человек	Процент тех, чьи дела были пересмотрены
Адамушко (1994)					
1954–1989	≈110 000	≈127 500	≈109 000	≈18 500	14,6%*
1990–1993		26196	21 336	4 860	18,6 %
Не рассмотрены	≈60 000	>100 000			
Всего	≈170 000	250499	>130 000	≈23 000	
Надтачаев (2007), Дорошевич (2010)					
Всего к концу 1990-х гг.	152 399	235 552	175 914	59 638	25,3 %

80 тысяч дел применительно к 50 тысячам человек, из которых 40 тысяч были реабилитированы (См.: Адамушко В.И. Политические репрессии..., с. 142). Доля отказов в этот период составляла 20 %.

Расхождение между цифрами КГБ и Адамушко есть — как по количеству дел, так и по количеству лиц, дела которых были пересмотрены. Дорошевич называет количество дел, пересмотренных с 1991 года — 152 399, тогда как по Адамушко в этот период могло быть рассмотрено только 80–85 тысяч дел. Возможно, Дорошевич ошибся, говоря о работе КГБ Беларуси (естественно, с 1991 года, до того было КГБ БССР), а вот количество дел назвал общее — за весь период пересмотра дел (с советского времени по сегодняшний день). В любом случае, масштаб цифр тот же — и Игорь Кузнецов, наконец, может перестать называть оценку Адамушко полуофициальной, по крайней мере, в части лиц, репрессированных судебными и внесудебными органами за совершение контрреволюционных преступлений. Как минимум с 2007 года существует более чем

официальная оценка: 235 552 человека. Среди них – почти 60 000 человек, которым в реабилитации было отказано.

Из сопоставления цифр Адамушко и Надтачаева следует, что как минимум 35 тысячам человек было отказано в реабилитации в период 1994–2000 гг., когда в основном рассматривались дела 1944–1953 гг. (около 100 тысяч осужденных), в большой степени связанные с событиями Второй мировой войны. Согласно с постановлением от 6 июня 1991 г.,

«Не подлежат реабилитации лица, в отношении которых в уголовных делах имеются бесспорные доказательства в учинении следующих преступлений:

а) измена Родине, участие в вооруженном восстании или вторжении в контрреволюционных целях на советскую территорию в составе вооруженных банд, шпионаж, вредительство, учинение террористических актов, диверсий;

б) пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам, учиненное во время Великой Отечественной войны;

в) военные преступления, преступления против мира и против человечества;

г) связанных с организацией бандформирований, которые учиняли убийства, насилия и грабежи, участием в их деятельности и активным пособничеством таким формированиям;

д) учиненных должностными лицами правоохранительных органов против правосудия во времена политических репрессий».

Большой процент отказов в реабилитации во второй половине 1990-х гг. (около 40 %) объясняется несколькими факторами. Во-первых, в отличие от явно сфальсифицированных дел 1937–1938 гг., в делах лиц, осужденных по контрреволюционным статьям в 1944–1953 гг., довольно часто имел место реальный состав преступления. К тому же их дела пересматривались на основе справок, подготовленных прокуратурой и КГБ. Отношение последнего к «антисоветчикам», пусть себе и бывшим, не говоря уже о коллаборантах – хорошо известно. Но и прежний уровень отказов в реабилитации в Беларуси был достаточно большим. Даже в либеральные позднесоветские и долукашенковские годы (1990–1993 гг.) уровень отказов в реабилитации был почти 19 % – это выше, чем в среднем по СССР до 1989 года*.

5. *«Картотека Сталина» и другие персональные базы данных о репрессированных*

В январе – марте 2013 года, к 60-й годовщине смерти Сталина, на сайте Радио Свобода ежедневно размещалось по тысяче анкетных карточек лиц, репресси-

* Одно из объяснений этому дано в предисловии к базе данных «Жертвы политического террора в СССР»: «большой объем работы подталкивал сотрудников различных отделов реабилитации к тому, чтобы заниматься сначала «несомненными случаями», подлежавшими реабилитации по формальным признакам, независимо от содержательной стороны обвинения, т.е. лиц, осужденных по статье 58–10 («контрреволюционная агитация и пропаганда»).

Все остальные случаи нередко откладывались в сторону, становясь делами «второй очереди», если, конечно, не было проявлений инициативы со стороны заинтересованных лиц. Делами «второй очереди» становились также те, где фигурировали обвинения по нескольким статьям УК. В БССР до конца 1980 гг. преимущество отдавалось «несомненным случаям», более сложные дела дождались очереди только в 1990-е гг.

рованных в БССР по контрреволюционным статьям. Всего в «Картотеке Сталина» — имена примерно 61 тысячи репрессированных (включая те районы БССР, что вошли в 1944 году в состав Польской Народной Республики), и около 2 тысяч уроженцев Беларуси, репрессированных в Ленинграде, Карелии, Архангельске и Коми АССР. Среди последних — несколько сотен спецпоселенцев (трудпоселенцев), высланных из Беларуси в 1930–1936 гг. и повторно репрессированных уже на новом месте (большинство в 1937–1938 гг.).

Вот что 8 марта 2013 года поведал телеканалу «БелСАТ» координатор «Мартиролога Беларуси» Сергей Дубовец, «упорядочивавший» «Картотеку»:

> — Каким образом вам удалось добраться до списка репрессированных в Беларуси в сталинские времена?
>
> — Материалы находились в Центральном архиве КГБ Беларуси в Минске. В начале 90-х годов я получил эти стандартизированные данные в форме таблиц. Вместе с приходом к власти Лукашенко доступ к архивам был закрыт. [...] В тех списках, что мы опубликовали, не хватает Гомельского района — скорее всего, списки находятся в архивах гомельского КГБ. Также мало информации с Гродненщины. Но имеем полные данные об осужденных на Брестчине, Минщине, Витебщине и Могилевщине. Не знаем точно, что еще находится в архивах КГБ, возможно, информация о политических осужденных была уничтожена» (30).

Через пять месяцев, 6 августа 2013 года, г-н Дубовец объявил:

> «С сегодняшнего дня на сайте Свободы доступна обновленная версия Картотеки Сталина. Завершена корректура всех биограмм. В целом работа над Картотекой заняла десять лет. Смысл этой работы в том, чтобы из табличных сведений, которые удалось получить из архивов КГВ, сделать версию справочника, придать фактам литературную форму, иначе говоря, чтобы за статистикой тысяч смертей увидеть трагедию каждой конкретной гибели.
>
> [...] В Картотеке остаются ошибки в написании фамилий, населенных пунктов и даже в датах рождения, ареста или расстрела. К сожалению, эти ошибки в таком виде существуют и в архивах КГБ, исправить их мы не можем. Другой существенный недостаток Картотеки — в ней, в географии репрессий полностью отсутствует Гомельщина и почти полностью — Могилёвщина и Гродненщина. Этих сведений в нашем распоряжении нет и получить их в сегодняшнем КГБ мы не можем» (31).

За сведениями о репрессированных в трех областях, отсутствующих в «Картотеке», обращаться в КГБ не обязательно. Есть Национальная библиотека, где, например, в зале беларуской литературы на полках подсобного фонда стоят полторы сотни (с переизданиями) томов историко-документальных хроник «Память». В этих томах есть почти все (или все и даже больше) имена «Картотеки» (Минщина, Витебщина и Брестчина), а также десятки тысяч имён людей, репрессированных на Гомельщине, Могилёвщине и Гродненщине. Ведь постановление от 6 июня 1991 года требовало «с целью увековечения памяти жертв репрессий списки реабилитированных граждан печатать в местных газетах и Книгах Памяти».

Публикация данных «Картотеки» в интернете тоже не первая. Практически все биограммы «Картотеки» содержатся в базе данных «Жертвы политического террора в СССР», подготовленной московским «Мемориалом». 4-е издание базы

на компакт-диске (2007 год), доступное также через интернет*, содержит анкетные карточки более чем 2,6 миллионов репрессированных в СССР, в том числе – биограмы примерно 80 тысяч жителей Беларуси на основе справок, представленных беларуским «Мемориалом» (как указано в предисловии к базе, «это очень заметная часть от общего количества репресированных в судебном или квазисудебном порядке»).

Почти полное совпадение данных в книгах «Память», «Картотеки Сталина» и базы данных «Жертвы политических репрессий в СССР» не случайно, ибо они имеют общий первоисточник – архивы КГБ, которые в начале 1990-х годов были значительно более открытыми, чем сегодня. Кроме того, в Комитете по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь велся персональный учет граждан, «которые были необоснованно репрессированы по политическим мотивам и позже реабилитированы».

Каким образом анкеты «Картотеки» попали к Дубовцу – непосредственно из КГБ или через вторые или третьи руки – несущественно (кстати, Кузнецов писал о наличии 60 тыс. анкетных карточек еще в 2002 году). Главное, что «Картотека» легко переводится в формат Excel и позволяет осуществлять репрезентативный статистический анализ отдельных параметров репрессий на материале 61 тыс. биограм:

– по времени репрессий: около 55 000 человек – в 1918–1940 гг. (из их «32 000, или 52 % от всех имён – в 1937–1938 гг.»); «4100 человек – в 1941–1945 гг.», «2200 в 1946–1953 гг.»;

– по времени реабилитации: «50 000 человек из «Картотеки» были реабилитированы до 1989 г. включительно»; «9300 человек – в 1990–1993 гг.»; «1400 человек – в 1994–1997 гг., и единицы – после 1997 г.»**;

– по доле осужденных к расстрелу: «30 % от всех имён в «Картотеке» («18 000 человек»).

Еще раз заметим, что «Картотека» включает только репрессированных по контрреволюционным статьям, и что в ней нет или почти нет данных о репрессированных с Гомельщины, Могилёвщины и Гродненщины. Кроме того, из самой «Картотеки» не совсем понятно, включает ли она тех репрессированных, кому было отказано в реабилитации. Но исходя из того, что все имена «Картотеки» присутствуют в базе данных российского «Мемориала», биограмы которой включают строку о реабилитации, выходит, что все имена «Картотеки» – это имена реабилитированных.

Данные «Картотеки» хорошо коррелируют с цифрами В. Адамушко. Например, если сравнить долю реабилитированных Верховным судом БССР в 1956–1961 гг. (около 40 тыс.) с общим количеством реабилитированных к 1990 г. (около 109 тыс.) – 41,6 %, то она очень близка к доле реабилитированных в 1956–1961 гг. в общем количестве реабилитированных до 1989 года включительно в «Картотеке» (около 20.800 из примерно 50.000 – 36,7 %). По Адамушко,

* См.: Жертвы политического терорра в СССР // http:lists.memo.ru/.

** Здесь возникает вопрос о времени приобретения «Картотеки»: если она действительно была получена в начале 1990-х гг., откуда в ней появились имена людей, реабилитированных в 1994–1997 гг.? А если она получена в конце 1990-х гг. – почему в ней так мало тех, кого реабилитировали в 1994–1997 гг.?

около 109 тыс. человек были реабилитированы до 1989 года включительно; 50 тыс. репрессированных с Минщины, Витебщины и Брестчины, которые были реабилитированы до 1989 года включительно («Картотека»): плюс 41 тыс. реабилитированных в эти годы из трех остальных областей (серия «Память») дают уже более 90 000 имен.

По Адамушко, в 1918–1940 гг. в БССР были репрессированы по политическим статьям около 145 тыс. человек; согласно «Картотеке» — 55 тыс. репрессированных в 1918–1940 гг. с Минщины, Витебщины и Брестчины плюс 45 тыс. репрессированных из трех остальных областей, плюс не реабилитированные (15–20 %) дают вместе 120–125 тыс. репрессированных в те годы. Адамушко приводит цифру: до 1994 года реабилитировано 130 тыс. человек; «Картотека Сталина»: 61 тыс. с Минщины, Витебщины и Брестчины плюс 50 тыс. из трех остальных областей.

Это значит, что из 235–250 тыс. человек, репрессированных по политическим статьям судебными и внесудебными органами в Беларуси (цифры В. Адамушко и В. Дорошевича), имена 105–110 тысяч человек есть в открытых источниках. Возможно, количество этих имён достигает 130 тысяч. Имена основного количества тех, кому было отказано в реабилитации, и тех, кто был репрессирован в военное и послевоенное время и реабилитирован в 1994–1999 гг. (110–130 тыс. человек) до сих пор остаются в архивах КГБ. Кроме того, не опубликованы 5–10 тысяч имен людей, реабилитированных в 1990–1993 гг.

Короче, примерно половина имен лиц, которые были репрессированы и дела которых есть в КГБ, вышли на свет, а половина — еще нет. Примерно половина последних — имена тех, кому было отказано в реабилитации. Еще несколько тысяч имен — те, кого реабилитировали за пределами БССР и Беларуси — тоже отчасти возможно установить (часть их есть в той же базе «Мемориала»). В то же время сотен, а может быть и тысяч имен нет ни в КГБ, ни в других местах — они потерялись навсегда.

Сергей Дубовец 7 июля 2005 года сделал очень интересное заявление:

> «Все знают, что в Беларуси архивы КГБ, касающиеся сталинских репрессий, закрыты, и вот в этом году зимой совершенно случайно на рынке удалось у сотрудника КГБ приобрести список, точнее это не список, а такой материал с биографиями более чем 50 тысяч репрессированных по политическим мотивам во времена Сталина — репрессированных именно в Минске минским КГБ. Условие продавца было — не конкретизировать эту сделку. Понятно, что он рискует. Я сверял этот список по конкретным лицам. Не по известным лицам, а по обычным людям, родственникам репрессированных, и все совпадает. Потому это подлинный список» (32).

На мой взгляд, звучит как фантастика: случайно приобрел на рынке у сотрудника КГБ! Но не это главное. Приобретенные имена планировалось выставить на сайте «Мартиролога Беларуси». Сайта такого поныне нет, а вот где имена? Надеюсь, что список остался у г-на Дубовца и рано или поздно будет опубликован. Заметим, что количество карточек в списке совпадает с количеством реабилитированных лиц из Минской области, дела которых хранятся в КГБ (51 584). Если список действительно ускользнул из когтей КГБ, то рано или поздно станут известными 25–30 тысяч новых имен — репрессированных из

Минской области, которые были реабилитированы, но которых нет ни в «Картотеке Сталина», ни в книгах «Память».

6. Были ли репрессии в Беларуси более интенсивными, чем в остальном СССР?

По подсчетам Международного общественного объединения «Мемориал», во всем Советском Союзе в 1917–1953 гг. по обвинению в осуществлении контрреволюционных преступлений по решениям судов и внесудебных органов (коллегий, особых совещаний, «двоек» и «троек») было репрессировано 4,5–4,8 миллионов человек. Из них 1,1 млн были расстреляны, а 3,4–3,7 млн попали в ГУЛАГ или ссылку. Административно репрессированных было около 6,5 миллионов человек. Вместе получается 11–12 миллионов человек (33). Адамушко приводит цифру в 600 тыс., или около 5,2 % всех репрессированных в СССР, Кузнецов – в 1,5 миллиона (13 % всех репрессированных в СССР). Сопоставим цифры Адамушко и Кузнецова с долей населения БССР в общем населении СССР: 3,2 % (1926), 3,2 % (1937), 3,2 % (1939), 4,6 % (1940), 3,9 % (1959).

Пик сталинских репрессий — 1937–1938 годы, когда в СССР, по подсчетам «Мемориала», по политическим мотивам было осуждено не менее 1,44 миллиона человек (0,89 % от населения СССР на начало 1937 г.). Адамушко пишет, что «в 1935-40... пострадали 86 168 жителей Беларуси» (из них около 50 тыс. в 1937–1938 гг., т.е. около 0,93 % от населения БССР на начало 1937 г.). Кузнецов утверждает о 550–600 тыс. репрессированных только в БССР в 1937–1938 гг. (это его последняя цифра; в лекции на сайте «Беларуского коллегиума» приводится даже большая: около 900 тыс. репрессированных, и это не считая сосланных и высланных). Это 17,3 % от населения БССР на начало 1937 г. и почти треть всех репрессированных в те годы в СССР согласно «Мемориалу».

Здесь, как говорил Кьеркегор, или – или. Или Кузнецов должен обвинить Рогинского с коллегами в занижении («ну какой миллион четыреста сорок, уважаемые, когда только в маленькой БССР – более полумиллиона, а то даже и миллион»), или он должен показать, что репрессии в Беларуси были значительно более интенсивными, чем в остальном СССР («каждый третий репрессированный в 1937–1938 годах – в Беларуси»). На практике Кузнецов не делает ни первого, ни второго. Вот, например, его ответ на вопрос «существенно ли отличается процент людей, расстрелянных в БССР, от общего количества репресированных по сравнению с остальными республиками советской империи?»:

> «Я не могу сравнить с каждой республикой, потому что я не обладаю такими сведениями, но в связи с тем, что я изучаю репрессии не только в Беларуси, но и делаю срез Советского Союза, я Вам приведу информацию только по отдельным категориям.
>
> Наш известный исследователь Леонид Моряков, который очень много времени посвятил как раз биографическим исследованиям, приводит очень интересную цифру: беларуская писательская организация была физически уничтожена на две трети (писателей, поэтов), в Украине – примерно на 45 %, в России – 20 с чем-то процентов.

Те процессы, которые были сфабрикованы в начале 30-х годов (в частности, Белорусский национальный центр и так далее) — это были процессы, направленные против /интеллигенции/, потому что в Беларуси проводился процесс белорусизации, и советской власти надо было это потом выкорчевать. В Беларуси в процентном соотношении интеллигенция пострадала значительно больше, чем в теперешней России и, по моим сведениям, больше, чем в Украине» (34).

Сведениями не обладает, но делает срез. Делает срез, но ссылается на Морякова. Но можно ли экстраполировать интенсивность репрессий против очень маленькой и специфической группы — членов Союза писателей — на всё население? Конечно же, нет. Других примеров у Кузнецова нет, а вот цифр, которые свидетельствуют об обратном — пропорциональности доли репрессированных в БССР в общем количестве репрессированных в СССР доли населения БССР в населении СССР — существует много (например, процент этнических беларусов в лагерях Гулага). Ради справедливости отметим, что разница в интенсивности репрессий между БССР и СССР в отдельные времена действительно имела место. Но она приходится на 1939–1946 гг. и в той или иной степени связана со Второй мировой войной.

Во-первых, это массовые аресты в 1939 — первой половине 1941 года в Западной Беларуси и высылки из нее (то же самое происходило и в Западной Украине, а вот в «старом» Советском Союзе, напротив, маховик репрессий в это время почти остановился и кое-где даже немного отвернул назад).

Во-вторых, это аресты изменников и коллаборантов (реальных и мнимых) в 1944–1946 гг. на только что освобожденных «временно оккупированных территориях».

В-третьих, во второй половине 1941 — первой половине 1944 года население Беларуси было значительно меньше затронуто «традиционными» репрессиями (они пришлись только на эвакуированных в советский тыл) и депортациями репрессированных народов, но столкнулось с неизвестными советским тыловым районам репрессиями со стороны партизан (какие-никакие, а представители советской власти). А вот в период 1921–1938 гг. эти различия были незначительными, да и вообще временные и географические дисбалансы сравнялись в итоговых цифрах репрессированных. Сопоставим оценки количества расстрелянных в 1918–1953 гг.:

– «Мемориал»: 1,1 млн (СССР);

– Адамушко: 35 тыс. (БССР);

– Кузнецов (2013): около 377 тыс. (БССР).

Если сравнить эти оценки с количеством населения СССР и БССР на начало 1937 года, накануне «большой чистки» 1937–1938 гг., то получается следующее:

– «Мемориал»: 0,68 % от 162-миллионного населения СССР;

– Адамушко: 0,67 % от 5,2-миллионного населения БССР и 3,18 % от всех расстрелянных в СССР;

– Кузнецов: 7,2 % от населения БССР и 34,3 % от всех расстрелянных в СССР.

И «Мемориал», и Адамушко основываются на архивных данных, фальсифицировать которые не имело смысла и подделать которые было невозможно технически. А вот как ведет подсчеты Кузнецов:

«...цифр расстрелянных в Беларуси нет и не будет. Предварительно я могу сказать, ссылаясь снова же на официальные данные, что за годы репрессий в Беларуси с 1917 по 1953 год было расстреляно по решению судебных и внесудебных органов около 25–30 тыс. человек.

В последние годы были отдельные попытки эту тему каким-нибудь образом раскрыть, даже не со стороны независимых, СМИ, где она довольно часто фигурирует. В 2008 году режиссер Анатолий Алай со студии «Летопись» киностудии «Беларусьфильм» снял фильм под названием «Пантелеймон Пономаренко». И он ездил в Москву, где встречался с ведущими сотрудниками российских архивов. И они привели такую цифру: когда наркомом НКВД был Борис Берман (это как раз 1937 год), то в Минске за один год было расстреляно 80 тысяч человек. Это к тому, что 80 тысяч только за один год, в то время как, по официальным данным, вообще с 1917 по 1953 – около 30 тысяч.

Но, кроме Минска, расстреливали ведь и в других городах. И в Минске, кроме Куропат, еще восемь мест расстрелов. То есть, можно предположить, что в годы репрессий только по приговорам троек, двоек, особых совещаний, военных трибуналов в Беларуси было расстреляно не менее 150 тыс. человек. Не меньше — а может быть, и 200 тыс., может, и 250 тысяч» (35).

Вот так-то: цифр нет и не будет. Не менее 150 тысяч. Или 200 тысяч. Может и 250. В 2012 году – «не менее 300 тысяч». В конце 2013 года – 377 тысяч. И «может увеличиться еще неизвестно на сколько». Ведь официальные данные ничего не стоят. Зато басня, которой «ведущие сотрудники российских архивов» потчевали г-на Алая вместо реальных документов, – в самый раз. (Специально для Кузнецова раскроем первоисточник чекистского фэнтези о 80 тысячах расстрелянных Берманом: это книга Дмитрия Быстролётова «Путешествие на край ночи» (Москва, 1996). Не Селин, но увлекательно).

А вот г-н Моряков, многолетний старатель на ниве чествования памяти репрессированных. Когда он затрагивает вопросы общего порядка, то цифры получаются типа кузнецовских: «в трех волнах арестов (1930, 1933 и 1937–1938 гг.) были уничтожены сотни тысяч людей из всех слоев общества» (36). А вот что он пишет в другой книге:

«во второй части приводятся 6000 (шесть тысяч!) имён расстрелянных в той же Минской внутренней тюрьме НКВД в период так называемого кровавого тоннеля смерти (август 1937 – ноябрь 1938)» (37); «за период так называемого кровавого тоннеля смерти (авг. 1937 – дек. 1938) расстреляно не менее десяти тысяч человек» (38).

Абстрактно – сотни тысяч; конкретно – 6 тысяч имён из 10 тысяч расстрелянных в Минске, городе, наиболее затронутом расстрелами 1937–1938 годов.

Количество казненных в БССР, названное Адамушко – занижено, но масштаб он оценил корректно. Об этом, в частности, свидетельствуют данные «Картотеки Сталина». В ней – имена 18 тысяч расстрелянных в трех областях (Минской, Витебской и Брестской), которые были позже реабилитированы. Если мы добавим к ним число расстрелянных в трех остальных областях (около 14,5 тысяч), имена тех, кто был расстрелян, но не реабилитирован позже (сотни, а возможно и тысячи человек – их имен нет ни в «Картотеке», ни в книгах серии «Память»), а также имена расстрелянных за пределами Беларуси (наиболее ве-

роятно – несколько тысяч человек), то получим цифру, очень близкую к 35 тысячам Адамушко.

При этом стоит помнить, что абсолютное большинство расстрелянных, чьи имена помещены в «Картотеке Сталина» и книгах «Память», были репрессированы в 1918–1940 гг.; расстрелянные в 1941–1953 гг. там представлены лишь частично. Наиболее вероятно, что в своих 35-ти тысячах Адамушко не учел (видимо, и не знал про них в 1994 г.) массовые расстрелы 1940 года в тюрьмах Западной Беларуси и под Козельском, Осташково и Старобельском. Таким образом, общее количество расстрелянных в Беларуси в 1918–1953 гг. можно оценить в 45–50 тысяч. Это – 4,5 % от количества всех расстрелянных в СССР. Сравнить эту цифру с долей населения БССР в населении СССР в разные годы (см. выше) читатель может самостоятельно.

7. «Большая чистка» 1937–1938 гг. Более внимательный взгляд

1937 и 1938 годы – самые кровавые в истории советских репрессий. Две наиболее массовые операции НКВД: так наз. «кулацкая» (по приказу № 00447 от 30 июля 1937 г. «О операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов») и «польская» (приказ № 00485 от 11 августа 1937 г.) пришлись как раз на них. Кроме того, в это время проходили более десяти других «национальных» операций, чистка партийного и советского аппарата, армии, промышленности, транспорта и т.д. Абсолютное большинство расстрелянных в 1937–1938 гг. в СССР приходится на «кулацкую» и «национальные» операции (прежде всего «польскую») – не менее 683 тысяч человек из общего количества в 725–800 тысяч казненных.

Приказ НКВД № 00447 определял следующие «контингенты», которые подлежали репрессированию: бывшие кулаки, оставшиеся в деревнях или осевшие в городах, бывшие члены социалистических партий, священники, «бывшие белые» и т.д., а также «уголовники», т.е. лица, которых судили раньше по общеуголовным статьям. Операция проходила с 1 августа 1937 до 17 ноября 1938 года. Для каждой из союзных республик и областей РСФСР определялись лимиты репрессий по двум категориям: 1-я – расстрел, 2-я – заключение на срок от 3 до 10 лет (в отдельных случаях – до 25 лет). Первоначальные лимиты для БССР (2000 человек по 1-й категории и 10 000 – по 2-й) неоднократно увеличивались и – как во многих других регионах – были превзойдены.

По сводке № 33 ГУГБ НКВД об арестованных и осужденных на основании приказа № 00447, до 1 марта 1938 года в БССР были арестованы и осуждены 24 209 человек. Из них по 1-й категории – 6869 человек (3943 «бывших кулаков», 996 «уголовников» и 1930 «других контрреволюционных элементов») – 28,4 %, по 2-й категории – 17 340 человек (6363 «бывших кулаков», 7031 «уголовников» и 3946 «других контрреволюционных элементов») (39). Сводка первого спецотдела НКВД СССР «О количестве арестованных и осужденных органами НКВД СССР за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г.» содержит немного обновленные данные о количестве арестованных в БССР по приказу № 00447: 25 414 человек (14 466 «бывших кулаков», 7916 «уголовников» и 3032 «других контрреволюционных элементов») (40).

До второй половины 1938 года «кулацкая» операция была почти завершена. Общее количество арестованных в рамках этой операции во всем СССР на тот момент – 699 929 человек (41) (около 90 % от общего количества репрессированных за все время операции).

За две недели до этого, 17 июня 1938 года, НКВД БССР направил запрос в Москву на выделение дополнительных лимитов: 2000 человек по 1-й категории и 3000 – по 2-й. Была ли дана санкция, и если да, то сколько из этих 5000 человек были арестованы до 1 июля? Даже если была, и если все аресты по последнему лимиту происходили уже после 1 июля, и если этот лимит был не только исполнен, но и перевыполнен (более чем вероятно, так как превышение лимитов было почти повсеместным явлением, а в Беларуси к тому же всемерно демонстрировал свое рвение только что назначенный первым секретарем ЦК КП(б)Б П. Пономаренко), то общее количество репрессированных по приказу № 00447 в БССР составило примерно 30–35 тыс. человек. Если допустить, что все арестованные в период между 1 марта и 1 июля (1205 человек) были расстреляны, и что лимит на 2000 дополнительных расстрельных приговоров был дан, исполнен и перевыполнен, то общее количество расстрелянных составило 10–11 тыс. человек. К тому же жертвами операции стали сотни (тысячи) жителей Беларуси, репрессированных в предыдущие годы. Речь идет о тех, кто был выслан из БССР в 1930–1936 гг. или уже находился в заключении. Их аресты и осуждение вошли в статистику других республик и областей.

Как мы видим, статистика НКВД относительно «кулацкой» операции в БССР, – не идеальная. Более точное количество репрессированных еще предстоит определить. Однако масштаб операции в Беларуси – понятен.

Целью операций против «национальностей, которые не относятся к народам СССР», развернувшихся в СССР в 1937–1938 гг., был «подрыв базы иностранных разведок». Вторая по масштабу после «кулацкой» и крупнейшая среди национальных – «польская» операция (приказ НКВД № 00485)*. Количество осужденных в рамках этой операции в БССР в период с 25 августа 1937 по 15 ноября 1938 года: органами НКВД БССР – 19 931 человек, в том числе 17 772 расстрелянных; дорожно-транспортным отделом ГУГБ НКВД Беларуской железной дороги – 841 осужденный, из них 758 – расстреляны (42). Вместе: 20 772 осужденных, в том числе 18 530 расстрелянных.

По справке «О итогах операции по польской, немецкой и латвийской агентуре в БССР, которая проводилась в период август 1937 г. – сентябрь 1938 г. на основании приказов НКВД СССР», на 1 июня 1938 г. были расстреляны 18 687 человек. Понятно, что эта цифра не включает в себя расстрелянных в июле – ноябре 1938 г. Общее количество репрессированных по немецкой, латышской и другим национальным операциям в БССР сравнительно невелико – 2–3 тыс.

* Отождествление понятий «поляки» и «польская операция» – ошибочно. В БССР связь между ними была едва ли не наименьшая. Если в Сибири польских шпионов в самом деле нередко искали по телефонным справочникам (так же, как в БССР искали корейцев и китайцев – японских шпионов), то в Беларуси хватало людей, «связанных с польской разведкой» не только по национальности. В рамках «польской операции» в БССР репрессировали главным образом крестьян, промышленных рабочих и железнодорожников в пограничных районах. При этом этнических беларусов пострадало больше, чем этнических поляков.

человек. Процент расстрелянных среди них был тоже очень большим (60–90 %). Таким образом, общее количество репрессированных по национальным операциям в БССР достигло 23–25 тыс. человек, из которых 20–21 тыс. были расстреляны.

В цифры по остальным операциям и процессам 1937–1938 гг. я углубляться не буду, так как по сравнению с количеством репрессированных в рамках «кулацкой» и национальных операций они небольшие – в целом речь идет о нескольких тысячах человек.

Общее представление о масштабах арестов в это время в БССР – без разделения на отдельные операции – дают следующие данные: за период с 1 октября 1936 по 1 июля 1938 года в БССР были арестованы 51 794 человека (43), а среди всех арестованных в СССР в период с 1 января 1936 по 1 июля 1938 года насчитывалось 58 702 этнических беларуса (44). Таким образом, со всех сторон вырисовываются 50–60 тыс. репрессированных по контрреволюционным статьям в 1937–1938 гг., из которых 30–35 тыс. были расстреляны. Опять-таки, речь идет о масштабе, а не абсолютной точности.

Это подтверждает и ГУЛАГовская статистика. На начало 1939 года в ИТЛ (исправительно-трудовых лагерях) ГУЛАГа насчитывалось 43 726 беларусов (45). В то время беларусы БССР составляли 87,5 % всех беларусов СССР и 82,9 % населения БССР. Понятно, что интенсивность репрессий против других этнических групп в БССР не обязательно была пропорциональна интенсивности репрессий против этнических беларусов, но разница не должна быть чрезмерно большой и в результате может дать расхождение максимум в несколько тысяч человек. Например, этнические поляки из БССР, попавшие под репрессии, шансов оказаться в ГУЛАГе имели очень мало, так как основной мерой наказания в рамках «национальных» операций был расстрел.

Таким образом, на начало 1939 года в ИТЛ насчитывалось около 50 тыс. бывших жителей Беларуси. Однако далеко не все они были осуждены в 1937–1938 гг. – сюда входят тысячи осужденных в 1930–1936 гг. К тому же, значительное количество заключенных ИТЛ составляли осужденные по общеуголовным статьям. Если перенести общесоюзные проценты на БССР, то количество «обычных уголовников», приговоренных в 1937–1938 гг. к заключению, может быть приблизительно оценено в 20–40 тыс. человек. Как показано выше, количество политзаключенных из БССР, попавших в ГУЛАГ в результате репрессий 1937–1938 гг., составило не менее 20–25 тыс. человек. Вполне возможно, что и больше – до 30–35 тыс.

Кроме ИТЛ, заключенные содержались и в ИТК (исправительно-трудовых колониях), но абсолютное большинство там составляли осужденные за незначительные преступления, так что политзаключенных в ИТК почти не было. Количество выходцев из БССР в ИТК ГУЛАГа точно неизвестно, но, исходя из их общего количества в СССР на 1 декабря 1939 года (355 243 человека) и процента беларусов в ИТК (который, кстати, пропорционален доле беларусов в общем населении СССР) может быть оценено в 13 тыс. человек. И, конечно же, тюрьмы на территории БССР, в которых на начало 1939 г. насчитывалось около 25 тыс. заключенных (это те, кого осудили, но еще не отправили в ГУЛАГ, и те, кто еще

находился под следствием, – часть их осудят в 1939–1940 гг., а часть – освободят). Таким образом, общее количество заключенных из БССР на начало 1939 года по всем линиям арестов и осуждений составляло около 90 тыс. человек. Из них 30–40 тыс. – по контрреволюционным статьям, и 50–60 тыс. – по общеуголовным.

А что же данные переписей населения, что пришлись как раз на начало «большой чистки» (перепись 6 января 1937 г.) и ее конец (перепись 17 января 1939 г.)? Понятно, что в это время жители Беларуси покидали БССР не только в «столыпинских» вагонах, а из других советских республик на территорию Беларуси перемещались тысячи лиц (например, в связи с увеличением личного состава частей БВО), так что миграционное сальдо не определялось исключительно репрессиями, а изменения уровня смертности населения были обусловлены не только расстрелами.

Но в любом случае переписи не могли не зафиксировать потерю большого количества людей – особенно, если речь идет, как у Кузнецова, о сотнях тысяч человек.

По переписи января 1937 года, в БССР насчитывалось около 5,225 миллионов человек. Перепись января 1939 года дала 5 568 994 человека, но реальное количество жителей БССР – если убрать приписки и учесть войска БВО – составляло 5,39–5,40 миллионов человек. Естественный прирост населения между переписями составил примерно 215 тыс. человек. Таким образом, «недобор» населения был 40–50 тыс. человек – разумеется, без учета внешней миграции, не связанной с репрессиями. При этом надо помнить о 25 тыс. заключенных тюрем, что были переписаны на территории БССР.

Таким образом, если не учитывать миграцию «вне НКВД», переписи свидетельствуют о «сверхнормативной» потере населения в 60–70 тыс. человек, что достаточно хорошо стыкуется с ГУЛАГовской статистикой.

8. Кулацкая ссылка

Как мы видели, конкретных цифр высланных кулаков у В. Адамушко в 1994 году не было. Потому он предложил свою методику подсчетов:

> «В 1930 году в Беларуси было «раскулачено» 15 269 крестьянских хозяйств. [...] По сводке Народного комиссариата финансов БССР от 7 марта 1931 г. «О выявленных кулаках, начисленной и взысканной с них суммы сельхозналога», по состоянию на 1 марта 1931 г. в 99 районах Беларуси насчитывалось 4252 кулацких хозяйства. Представим себе, что с 1931 по 1934 год до завершения в основном коллективизации в республике такое количество хозяйств вместе с семьями каждый год необоснованно подвергалось репрессиям. По статистике тех лет, в кулацких семьях Беларуси было в среднем по 8 человек. Даже если допустить, что все семьи в полном составе «раскулачивались» и выселялись за пределы республики (что происходило не всегда), то получится цифра – 261 тысяча человек» (46).

В энциклопедической статье на тему репрессий (2002 год), автором которой является Адамушко, тоже говорится, что «в связи с коллективизацией и раскулачиванием в 1920–30-е гг. репрессировано и выслано за границы республики более 250 тысяч крестьян и членов их семей» (47).

Как видим, оценка Адамушко основывается на допущении, что среднегодовое количество высланных в 1932–1934 гг. было примерно равно количеству высланных в 1931 году, и на оценке среднего размера кулацкой семьи в 8 человек. Кроме того, оценка не учитывает кулаков, высланных из «старой» БССР в 1935–1940 гг. Потому рассмотрим ситуацию подробнее.

1930 год – первый год коллективизации, который был отмечен массовыми репрессиями против крестьян. Постановление Политбюро от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» предписывало конфисковывать у кулаков «средства производства, скотину, хозяйственные и жилые строения, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы» (48). Одновременно по отношению к кулакам предусматривались следующие карательные меры:

> «а) первая категория – контрреволюционный кулацкий актив немедленно ликвидировать путем помещения в концлагеря, не останавливаясь в отношении к организаторам террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии;
>
> б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат ссылке в отдаленные местности СССР и в границах данного края в отдаленные районы края;
>
> в) в третью категорию входят кулаки, что оставляются в границах района, которые подлежат расселению на новых отводимых им за границами колхозных хозяйств участках» (49).

Кулаков первой категории арестовывало ОГПУ (они вошли в статистику осужденных за контрреволюционные преступления). Кулаки 3-й категории в БССР не переселялись (50). Что касается кулаков 2-й категории, то, по отчету оперативной группы ОГПУ, к 6 мая 1930 г. планировалось выселить 8 тыс. семей (40 тыс. человек). В реальности была выселена 9231 семья (44 083 человек; в среднем – 4,8 человека на семью). Кроме того, «в целях очищения пограничных районов от контрабандистских и бандитских элементов» планировалось выселить 3500 «одиночек особого назначения». Реально выслали 3579 человек – этих людей высылали одновременно с раскулаченными и независимо от социального положения (среди них были и середняки и бедняки) (51).

К 20 мая 1930 года количество выселенных из БССР кулацких семей 2-й категории увеличилось до 9701 (47 392 человека), в том числе – около 2000 «одиночек специального назначения» (справка ОГПУ от 28 августа 1930 г.) (52). В справке также сообщалось, что «семьи высланных одиночек доселе находятся в... БССР», «ставится вопрос о скорейшей высылке семей... к их главам» (53).

Если не считать одиночек, то средний размер высланной семьи составил 4,7 человека. Результаты раскулачивания и выселения кулаков из БССР в 1930 году подведены в справке особого отдела ОГПУ от 10 декабря 1930 г. (54): общее количество раскулаченных кулацких хозяйств – 13 236, в том числе высланных по 2-й категории – 11 079 семей (52 914 человек, в том числе «одиночки специального назначения»)(см. таблицу 5).

Кроме того, остались 385 раскулаченных, но не высланных кулацких семей. Что стало с остальными? 13236 – (11079 + 385) = 1772 семьи. Полагаю, что это –

Таблица 9

Место ссылки	Количество семей	Количество человек
Северный край	4763	22810
Урал	4468	21 273
Дальневосточный край	1561	7 309
Якутия (Алдан)	287	1 522
Всего:	11079	52 914

кулаки первой категории, которые подлежали не высылке, а аресту. В 1931 году высылка кулаков из Беларуси продолжалась, но ее масштабы были значительно более скромными. Результаты высылки кулаков из БССР в 1930–1931 гг. таковы: 15 724 семьи. При этом 4763 семьи были выселены в Северный край, 9113 семей – на Урал, 1561 – в Дальневосточный край, и 287 – в Якутию (55). Выходит, что в 1931 году из БССР высылали исключительно на Урал: 4645 семей.

Также отметим наличие в литературе других цифр. Например, Татьяна Протько пишет, что «в апреле – июне 1931 г. на выселение были осуждены 5000 семей кулаков. С 1 по 14 июня на Урал ежедневно отправлялся один эшелон», и что «во второй половине 1931 г. к высылке была намечена 5671 семья... Реально были выселены 5664 семьи, или 22 670 человек» (56).

Точное количество человек в составе 15 724 семей, высланных из БССР в 1930–1931 гг., неизвестно, но, исходя из среднего размера высланной семьи в 4,8 человека (пропорции 1930 г.) получаем примерный результат: около 75 тыс. кулаков и членов их семей. Всего в СССР за эти два года были высланы 381 026 кулацких семей (1 803 392 человека), что дает в среднем 4,7 человека на высланную семью. Таким образом, кулаки с семьями, высланные из БССР в 1930–1931 гг., составили около 4,2 % от общесоюзного количества высланных. Это немного больше, чем доля сельского населения БССР в сельском населении СССР (около 3,4 % по переписи 1926 г.).

Высылки кулаков и других лиц из БССР в административном порядке продолжались и после 1931 года, однако масштабов ссылки 1930–1931 гг. они уже не достигали. В 1932 году, например, во всем СССР были высланы 71 236 человек (57). Постановление ЦК КП(б)Б и СНК БССР «О выселении кулачества в 1933 году» предусматривало следующее:

> «1. Весною текущего года провести выселение кулачества из пограничных и укрепленных районов БССР;
>
> 2. Количество высланных определить в 500 семей с количеством душ ориентировочно 2000 чел.» (58).

Кроме того, Протько (со ссылкой на «Центральный архив МБ РФ») пишет, что «с 5 по 15 мая 1933 г. подлежали выселению 8316 семей (30 410 человек) и 243 «одиночки» (59).

Сколько человек было выслано в результате в 1933 году – неизвестно, но учитывая, что во всем СССР в течение года в кулацкую ссылку из других республик

и областей прибыли 268 091 человек (не считая бежавших и умерших по дороге), и что из-за наличия пограничных с Польшей, Литвой и Латвией районов крестьянство БССР страдало от ссылок в большей степени, чем крестьянство СССР в среднем, речь может идти о 10–30 тыс. человек.

1934 год был достаточно «скромным» (24 196 высланных во всем СССР) (60); количество высланных из Беларуси – неизвестно), а вот в 1935 году 1979 семей (9877 человек) «антисоветского неблагонадежного элемента» были высланы из пограничных округов и районов БССР в Северный край и Казахстан (61). В 1936–1939 гг. ссылка кулаков в СССР стала совсем незначительной (около 13 тыс. человек в среднем за год) (62).

Всего в СССР в 1932–1940 гг. на спецпоселение (трудпоселение) прибыло 489 822 кулака. Таким образом, если перенести долю кулаков, высланных из БССР в 1930–1931 гг. в общее количество высланных кулаков в СССР (4,2 %), или даже повысить ее (из-за ссылок типа упомянутых выше ссылок 1933 и 1935 гг.), то количество высланных из БССР в 1932–1940 гг. (не считая высланных из Западной Беларуси в 1940 г.) можно оценить в 30–50 тыс. человек.

Последние по времени высылки кулаков из БССР произошли в начале 1950-х годов. В 1951 году были высланы 1024 семьи (около 4000 человек) – андерсовцы и иеговисты, а в 1952 году – 1065 семей (около 5000 человек) – «кулаки с семьями, которые враждебно настроены против колхозов» (63). (О высылке 1952 года есть другая цифра: более 4,4 тыс. кулацких семей (64).

Также надо помнить, что в 1930-е гг. на спецпоселение (трудпоселение) вместе с кулаками попали – и проходили по статистике НКВД как «бывшие кулаки» – тысячи жителей Беларуси, осужденных на высылку судебными и внесудебными органами. Например, только «тройкой» ПП /постоянного представительства. – *Ред.*/ ОГПУ СССР по БССР в 1932 году были приговорены к высылке 1452 человека (65), а в первой половине 1933 г. – 2487 человек (66). В эту категорию также попадали и те, кому наказание в лагерях и колониях ГУЛАГа заменяли направлением в спецпосёлки (трудпосёлки). В итоговой статистике репрессий (см. ниже раздел 9) они учтены отдельно от административно высланных кулаков.

Имеющиеся данные (см. выше) свидетельствуют о том, что среднее количество членов высланной кулацкой семьи – 4,7–4,8 человека. Семьи количеством 8 человек (оценка Адамушко) составили только около 5 % от всех семей Беларуси в 1937 году. Средний размер беларуской семьи того времени – 4,7 человека. Понятно, что сельские семьи были более многодетными, чем городские, но уровень урбанизации БССР 1930-х годов был невысоким. В 1928 году, например, в БССР насчитывалось около 4,2 млн крестьян в составе 800 тыс. семей (5,3 человека на семью). Но даже статистическая разница в «полчеловека» на семью (5,3–4,8) дает как минимум 15 тыс. членов семей раскулаченных, оставшихся в Беларуси.

«Детей кулаков, подлежащих выселению, до 10-летнего возраста и стариков старше 65 лет – позволяется оставлять родственникам и знакомым, которые высказали желание их содержать... Семьи кулаков, не имеющие трудоспособных мужчин, – выселению не подлежат», – инструктировал председатель ОГПУ Генрих Ягода председателя ГПУ БССР Станислава Реденса в мае 1930 года (67). Наи-

более вероятно, что речь шла о нескольких десятках тысяч человек. Таким образом, общее количество кулаков и членов их семей, высланных из БССР в 1930-1952 гг. (без Западной Беларуси в 1940–1941 гг.) можно оценить в 120–140 тысяч человек (25–29 тыс. семей).

9. Реальные масштабы репрессий («уточненный Адамушко»)

Таблица 6

Категория			Санкция	Количество, тыс.
1	Привлеченные к уголовной ответственности за контрреволюционные преступления	Лица, дела которых хранятся в Беларуси	Расстрел	45–50
			Заключение на срок от 1 до 25 лет	170–180
			Ссылка, высылка в «отдаленные места» СССР и размещение в спецпосёлках (трудпосёлках)	20–30
			Наказание, не связанное с лишением свободы (ограничение в правах, ограничение в месте проживания и т.д.)	5–10
			Всего:	240–270
		Лица, дела которых хранятся за пределами Беларуси	Главным образом расстрел или заключение	10-20
	Всего:			250–290
2	Административно высланные	Кулаки и «одиночки специального назначения»	Высылка за пределы БССР и размещение в спецпосёлках (трудпосёлках) или колхозах под надзором ОГПУ/НКВД	120–140
		Депортированные из Западной Беларуси в 1940–1941 гг.		95–105
	Всего:			215–245
Всего политически репресированных согласно смыслу постановления Верховного Совета РБ от 6 июня 1991 г.:				465–535
Количество тех, кому отказано в реабилитации:				59–61
Всего лиц, являющихся жертвами политических репрессий в Беларуси, согласно смыслу постановления Верховного Совета от 6 июня 1991 г.*				Около 440

* Арсений Рогинский (речь идет о цифрах по всему СССР) утверждает: на самом деле, можно смело увеличить это количество на 7–8 %, потому что я хорошо знаю: недочеты в статистике, когда многие органы своевременно не присылали отчеты и так эти цифры в отчеты и не попадали, пропуски в отдельных случаях и недовыявленные нами вещи». См.: Сталинизм: цифры и мифы...

Заключение

Понятно, что страниц этой статьи хватило только для того, чтобы очертить основные количественные параметры политических репрессий на Беларуси. Остались почти незатронутыми, например, репрессии в Западной Беларуси в 1939–1941 гг. Но надеюсь, что и написанного достаточно, чтобы отнести «подсчеты» и цифры Игоря Кузнецова к ненаучной фантастике. Повторюсь, что речь идет о тех лицах, которые являются жертвами репрессий согласно смыслу постановления от 6 июня 1991 г., ведь именно из ее дефиниции исходил в своей оценке Владимир Адамушко, и однажды – в связке с цифрой в 1,5 миллиона – Кузнецов.

Но, как говорилось выше, дефиниция постановления далеко не идеальна, ибо сталинские репрессии – феномен, ужасающий своим разнообразием. Постановление не охватывает еще несколько больших групп населения, которые, на мой взгляд, надо отнести к жертвам политических репрессий.

Во-первых, это так называемые «лишенцы» (не путать с теми, кто был осужден на ограничение в правах). К концу 1928 г. в СССР насчитывалось 3,7 миллиона лишенцев, т.е. около 2,5 % тогдашнего населения СССР. Количество лишенцев увеличивалось и после 1928 г. – по мнению Арсения Рогинского, всего в СССР их было не менее 4 миллионов. К тому же, к 1928 г. часть лишенцев успела умереть. Если перенести эту пропорцию на БССР, то получается примерно 150 тыс. человек, которые из-за своего положения «лишенцев» сталкивались с большими трудностями в ежедневной жизни (работа, учеба и т.д.). Многие из этих людей были репрессированы позже, особенно в 1937–1938 гг.

Во-вторых, это часть осужденных по общеуголовным статьям. Например, только по «трудовым» указам 1940 года (ответственность за самовольный переход на другую работу, прогулы, опоздания) в СССР до 1956 г. были осуждены почти 18 млн человек (из них более 4 миллионов приговорены к заключению на срок до одного года, остальные – к исправительным работам, обычно по месту основной работы). Количество осужденных по этой линии в БССР точно неизвестно, но речь идет о как минимум десятках тысяч человек. А были ведь еще тысячи осужденных по «закону о трех колосках», заключенные за «нарушение паспортного режима» и т.д. Как отделить политически мотивированные репрессии по общеуголовным статьям от «чистой уголовщины» – вопрос очень сложный с юридической точки зрения. Он требует широкого обсуждения с участием историков и правоведов.

В-третьих, к репрессированным надо отнести гражданских лиц, ставших жертвами советских партизан, которые никоим образом не сотрудничали с оккупационными властями (или их работа была типа «уборщица в СД»).

В-четвертых, это жертвы репрессивных действий со стороны лиц, которые формально не обладали властными полномочиями – например, жертвы «народных расправ над эксплуататорами» в Западной Беларуси в сентябре – октябре 1939 г., когда убийцы не привлекались к ответственности новыми властями.

В-пятых, это жертвы Голодомора. В Беларуси их количество было относительно небольшим по сравнению с Украиной, Северным Кавказом и Поволжьем, но и тут речь идет о сотнях, если не тысячах человек.

Кроме того, существует большая группа людей, косвенно пострадавших от репрессий – например, члены семей раскулаченных (дети и старики), которые не были высланы из Беларуси, но остались не только без средств для существования, но и без жилья. Даже если они не являются жертвами репрессий per se /как таковые/, их статус потерпевших заслуживает юридического оформления и связанной с ним реабилитации (компенсации).

При этом я категорически против размытых дефиниций, которые, с одной стороны, не позволяют рассматривать конкретные случаи с юридической точки зрения, а с другой – дают неограниченное пространство для необоснованных обобщений и преувеличений.

И, конечно, я категорически против манипуляций с цифрами жертв репрессий – даже если мотивы этих манипуляций более чем благородные. Вот уважаемый мной Сергей Дубовец, который более десяти лет работал с «Картотекой Сталина», говорит:

> «...представьте себе страну, в которой ежедневно расстреливают 600–700 польских шпионов. Это не загадка. Эта наша с вами Беларусь, 1937–1938 годы» (68).

В реальной Беларуси ежедневно (в течение 15 месяцев – с сентября 1937 по ноябрь 1938 года) расстреливалось не по 600–700 «польских шпионов», а по 40-45. Вместе с ними ежедневно расстреливались по 30–35 других «вражеских элементов». В Куропатах нет сотен тысяч расстрелянных, так как во всей Беларуси количество расстрелянных Советами за все сталинское время измеряется десятками тысяч человек.

Беларусь, к сожалению, пока не дождалась полноценного Нюрибергского процесса над коммунизмом. Но я уверен: когда этот процесс состоится – а он обязательно состоится! – то реальных цифр сталинских преступлений будет более чем достаточно для вынесения справедливого приговора. И я уверен – этот приговор будет обвинительным.

Источники ссылок

1. Историк Игорь Кузнецов: По уточненным данным, в Беларуси в 1930–40-х годах было репрессировано до 1 миллиона 625 тысяч человек (Интернет, 28.10.2013).
2. Интервью радио «Свабода», 1.11.2012 г.
3. Интервью радио «Свабода», 1.11.2012 г.
4. Кузняцоў І. Палітычныя рэпрэсіі ў Беларусі ў 1939–1941 гадах. Bialaruskie Zeszyty Historyczne (BZH). Tom 13. Bialystok, 2000, s. 70.
5. Интервью радио «Свабода», 1.11.2012 г.
6. Кузнецов И.Н. Возвращение памяти. Мн., 1997, с. 59./
7. BZH, Tom 13, s. 45.
8. Кузняцоў І. Рэпрэсіі супраць беларускай інтэлігенцыі і сялянства ў 1930–1940 гады. / Лекцыі для Беларускага калегіюма.
9. Интервью радио «Свабода», 1.11.2012 г.
10. Кузняцоў І. Бальшавіцкія рэпрэсіі супраць беларускага нацыянальна-дэмакратычнага руху ў 1920–1930 гг. // Беларусь і беларусы сярод суседзяў: гістарычныя стэрэатыпы і палітычныя канструкты (Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі). Варшава, 2013, с. 100.
11. Лашкевіч К. Крывавая ноч беларускай гісторыі. // Новости tut.by, 29.10.2010.

12. Именем Сталина: Сталин и НКВД /Ведущая Н. Болтянская/. Сайт радиостанции «Эхо Москвы», 20.06.2009.
13. Адамушка У. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі. Мн., 1994, с. 9.
14. Именем Сталина: Сталинизм: цифры и мифы /Ведущая Н. Болтянская/. Сайт радиостанции «Эхо Москвы», 14.10.2010.
15. Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект). // «История СССР», 1991, № 5, с. 151.
16. Гісторык: ахвяры камуністычных рэпрэсіяў — уся Беларусь // Інтернет, 28.10.2013.
17. Коммунисты репрессировали в Беларуси 60% населения, мнение историка. // Сайт naviny.by от 26.11.2008 г.
18. Горевой М. Кузнецов: в Беларуси было репрессировано от 1,34 до 1,65 млн человек // Сайт news.tut.by.
19. Адамушка У. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі, с. 4.
20. Там же, с. 10.
21. Там же, с. 9.
22. Там же, с. 10.
23. Маракоў Л. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы. Грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі. 1791–1991. Том 1. Абрамовіч — Кушаль. Мн., 2002, с. 37.
24. Адамушка У., с. 9.
25. Адамушка У. Рэпрэсіі палітычныя ў СССР. // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Том 14. Мн., 2002, с. 21.
26. Адамушка У., с. 10.
27. Адамушка У. Там же, с. 145.
28. Спасюк Е. Беларусь почтила память жертв сталинских репрессий. // Сайт naviny.by от 31.01.2007 г.
29. Волчков В. История без секретов // «Рэспубліка», 2010, 12 мая (№ 85), с. 6.
30. Я. Б. Наймалодшай ахвяры сталінскіх рэпрэсіяў магло быць некалькі тыдняў. Сайт belsat.eu/be/wiadamosci/a от 8.03.2013.
31. Сайт svaboda.org от 6.08.2013 г.
32. Соусь Г. «Мартыралёг Беларуси» выкупиу у КДБ больш за 50 тысяч іменаў рэпрэсаваных. Сайт svaboda.org от 7.07.2005 г.
33. Сталинизм: цифры и мифы...
34. Ігар Кузьняцоў. Сайт svaboda.org, 1.11.2012 г.
35. Карані беларускай палітыкі. Кузняцоў: гісторыя паўтарпецца (гутарыў М. Гацак). Интернет-ресурс Telegraf.by, 27 октября 2011 г.
36. Маракоў Л. Рэпрэсаваныя літаратары... Т. 1, с. 37.
37. Маракоў Л. Ахвяры і карнікі. Мн., 2007, с. 2.
38. Там же, с. 10.
39. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-и тт. Т. 5. Кн. 2: 1938–1939. Москва, 2006, с. 57.
40. Там же, с. 161.
41. Там же, с. 162.
42. Приказ НКВД 00485 («польская операция»). Число осужденных по СССР в «альбомном порядке» с 25 августа 1937 г. по 15 сентября 1938 г. и Особыми Тройками с 15 сентября 1938 г. по 15 ноября 1938 г. Сайт memo.ru/history.
43. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2, с. 161.
44. Там же, с. 162.
45. История сталинского ГУЛАГа. Собр. документов. Т.4: Население ГУЛАГа. Москва, 2004, с. 75.

46. Адамушка У. Палітычныя рэпрэсіі..., с. 10.
47. Адамушка У. Рэпрэсіі палітычныя..., с. 21.
48. Трагедия советской деревни... Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. Москва, 2000, с. 126.
49. Там же, с. 126–127.
50. Там же, с. 745.
51. Там же, с. 413.
52. Там же, с. 595.
53. Там же, с. 596.
54. Там же, с. 745.
55. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1945) // «Социологические исследования», 1990, № 11, с. 4.
56. Протько Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.). Мн., 2002, с. 544.
57. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»..., с. 6.
58. История Беларуси в документах и материалах. /Авт.-сост. И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец/ Мн., 2000, с. 465–466.
59. Протько Т.С. Становление советской тоталитарной..., с. 546.
60. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»..., с. 6.
61. Протько Т.С. Становление советской тоталитарной..., с. 212.
62. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»..., с. 6.
63. Адамушка У. Палітычныя рэпрэсіі..., с. 113, 114.
64. Сарокін А. Раскулачване. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. Кн. 1. Мн.. 2001, с. 109.
65. Протько Т.С. Становление советской тоталитарной..., с. 547.
66. Там же, с. 549.
67. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»..., с. 7.
68. Дубавец С. Рэклама Берыі. Сайт naviny.by, 23.01.2008.

Литература о репрессиях советской власти в Беларуси

На беларускай мове

Адамушка У. **Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі.** Мн.: «Беларусь», 1994. — 158 с.

Гісторыя, якой няма ў падручніках (Матэрыялы навук.-практыч. канф. 27 красавіка 2002 г.). /Пад рэд. Н. Стужынскай/ Мн.: «Адукацыя і выхаванне», 2002. — 584 с.

Кандыбовіч С. **Разгром нацыянальнага руху ў Беларусі.** Мн.: выданне часопіса «Беларускі гістарычны агляд», 2000. — 158 с.

Лукашук А. **За кіпучай чэкісцкай работай: 3 жыцця катаў.** Мн.: «Наша Ніва». 1997. — 190 с.

Маракоў Л. **Рэпрасаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі (1794–1991).** /Энцыклапедычны даведнік/ Том 1 (480 с.), 2002; том 2 (380 с.), 2003; том 3, кніга 1 (532 с.), 2004; кніга 2 (744 с.), 2005.

Маракоў Л. **Рэпрасаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі (1917–1967).** /Энцыклапедычны даведнік/ Мн.: Беларускі экзархат, 2007. Том 1 (460 с.), том 2 (648 с).

Маракоў Л. **Ахвяры і карнікі.** Мн.: выдавец Зм. Колас, 2007. — 440 с.

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі. (Матэр. навук.-практыч. канф. 27–28 лютага 1998 г.) /Склад. Н. Стужынская/ Мн.: /б.в./, 1998. — 278 с.

Процька Т. **Вынішчэньне сялянства: Вёска Усходняй Беларусі пад цяжарам бальшавіцкіх рэпрэсіяў 30-х гг.** Мн.: Беларускі гуманітарны адукацыйна-культурны цэнтр, 1998. — 136 с.

На русском языке

Адамушко В.И., Иванова Н.В. **«Помилуйте...»: Документы по репрессиям 1939–1941 гг. в Вилейской области.** Мн.: ГАУ при СМ РБ, 1992. — 96 с.

Боль людская: Сборник воспоминаний жертв политических репрессий 1930–1950-х гг. /Сост. Н.В. Василевская и др./ Минск: «Ковчег», 1999. — 248 с.

Возвращенные имена. Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий. /Сост. Н.В. Токарев/ Мн.: «Наука и техника», 1992. — 120 с.

Заерко А.Л. **Тюрьмы Белоруссии. *Книга первая:* 1929–1935.** М.: «Полимаг», 2002. — 265 с.

Заерко А.Л. **Побеги из ада (История белорусского крестьянства).** СПб: «Невский простор», 2003. — 302 с.

Илькевич Н.Н., Платонов Р.П. **Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР (Фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937–1938 гг.).** Мн.: БелНИИДАД, 1997. — 100 с.

Илькевич Н.Н. **Адам Бабарека: арест — лагерь — смерть (Расправа со ссыльными белорусами в 1937–1938 гг.).** /Документ. очерк/ Смоленск: «Посох», 1999. — 127 с.

Илькевич Н.Н. **Фальсификация следствия органами госбезопасности в 1937–1938 гг.: Методы и приемы, документы, палачи и их жертвы.** Смоленск: «Посох», 2014. — 256 с.

Кузнецов И.Н. **Возвращение памяти (Сб. документ. очерков).** Мн.: «Арти-Фекс», 1997. — 278 с.

Олехнович Ф. **В когтях ГПУ.** /Документальная повесть/ Мн.: «Харвест», 2012. — 320 с.

Правда истории: Память и боль (Сборник материалов о репрессиях в 30–50-е гг. в Белоруссии). /Сост. Н.М. Жилинский/ Мн.: «Беларусь», 1991. — 431 с.

Репрессивная политика советской власти в Беларуси (Сб. науч. работ) /Сост. И. Кузнецов, Л. Басин/ Мн.: /б.и./, 2007. Выпуск 1. — 376 с. Выпуск 2. — 376 с. Выпуск 3. — 376 с.

БЕЛОРУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ 1944 ГОДА

Иван Данилов

Газета «Аргументы и Факты» в 2006 году (№ 37) впервые опубликовала статью о массовом бегстве белорусов на Запад в 1944 году. Советская и постсоветская пропаганда любила повторять, что после войны Беларусь не досчиталась каждого четвертого, приписывая все потери немецким оккупантам. При этом умалчивается, что в Беларуси до войны было расстреляно не менее 200 тысяч человек, в том числе около 30 тысяч человек – в Куропатах.

Но самое большое число белорусов в довоенные годы подверглось репрессиям в судебном и административном порядке, было сослано в Сибирь, на Север, где многие из них погибли от голода, болезней и непосильного труда. Если сложить все цифры, то оказывается, что от рук немецких оккупантов погибло около 300 тысяч белорусов (цифра значительная), а остальные 2 миллиона человек погибли в результате советского террора и голода в период принудительной коллективизации, «раскулачивания», уничтожения так называемых «врагов народа». Так коммунистическая власть расправлялась с собственным народом.

Василь Быков в своей книге «Долгая дорога домой» описал страшную картину голода, арестов и высылки в Сибирь и на Север на верную гибель сотен тысяч жителей белорусской деревни в 30-е годы, в период установления системы настоящего рабства под видом «коллективного хозяйствования». Такой системы в XX веке не знала ни одна другая страна мира. И хотя массового голодомора как в Украине, в Беларуси не было, людские потери нашей республики в результате неразумного правления советской власти оказались весьма значительными.

В газете «Товарищ» первый секретарь партии коммунистов Беларуси (ПКБ) заявил в 2007 году:

> «Недавно мы пережили черную дату в истории Беларуси. 70 лет назад, в ночь с 29 на 30 октября 1937 года, в минской тюрьме НКВД было расстреляно более 100 человек, составлявших цвет нашего народа. Та страшная ночь трагически объединила очень разные судьбы. Погибли любимый ученик Купалы Валерий Моряков, создатель литобъединения «Маладняк» Михась Чарот, поэты Алесь Дудар, Изи Харик, Юлий Таубин, прозаик Михась Зарецкий, заслуженный деятель искусств Беларуси Анатоль Вольный, критик Макар Шалай, журналист Павел Шестаков. Прервались также жизненные пути ректора БГУ Анания Дьякова и его студента Соломона Лямперта, учителя из Заславля Ивана Живуцкого и многих других представителей белорусской интеллигенции. Одних писателей и поэтов расстреляли тогда 22 человека.
>
> Среди погибших было много известных всей Беларуси коммунистов. В ту ночь оборвалась жизнь второго секретаря ЦК КП(б)Б Николая Денискевича, лидера белорусского комсомола, писателя Платона Галавача, наркомов просвещения Александра

Из книги И. Данилова «Размышления западного белоруса». (Изд. 2-е, исправ. и доп.) Минск: издательство В. Хурсика, 2012, с. 35–48.

Чернушевича и юстиции Максима Левкова. Историки знают: ВКП(б) и ее белорусская республиканская организация были партиями расстрелянных. Так пришлось платить за забвение принципов, ради которых совершалась Великая Октябрьская социалистическая революция».

Секретарь партии коммунистов рассуждает о том, что «Великий октябрь 1917 года» не был случайностью, «некоей исторической аномалией». Но почему-то допускает такую аномалию в отношении советского террора и «забвения принципов», тех самых, во имя которых совершалась революция. Он не задается вопросом, почему террор был неотъемлемой частью всех коммунистических режимов? И азиатских и европейских. И это вовсе не «забвение принципов», якобы гуманных, а закономерное явление во всех тоталитарных государствах.

Главный идеолог и организатор революции Ульянов-Ленин начал создание советского государства именно с террора. Известного ученого и революционера-анархиста Петра Кропоткина приводили в ужас методы большевиков: аресты семей политических противников, расстрелы заложников, пытки заключенных и другие бесчеловечные акции, которые санкционировал Владимир Ильич Ульянов, между прочим, юрист по образованию. В письмах к нему П.А. Кропоткин писал: «Неужели нельзя убедить ваших товарищей, что такие методы представляют возврат к худшим временам Средневековья»? Но совершенно напрасно.

Партийный функционер вспомнил про 37-й год и массовый расстрел белорусской творческой интеллигенции. Но следовало бы вспомнить и миллионы крестьян, погибших в 30-е годы от террора и голодомора. Что принесла восхваляемая им «Великая Октябрьская социалистическая революция» на земли Восточной Беларуси и Восточной Украины? Ответ на этот вопрос он мог бы найти на проходившей в конце октября 2007 года в Минске выставке «Голодомор 1932–33 годов на Украине». И он мог бы сравнить, что на западных землях той же Украины, где правила в тот период Варшава, трупы детей и взрослых, погибших от голода, не валялись по селам и городам, в отличие от территорий, которыми управляла Москва.

Далее он пишет:

> «Следует признать, что у этой идеи Октября был короткий век. Гражданская война и иностранная интервенция вынудили молодую Советскую республику перейти на мобилизационные принципы управления. Но затем вынужденная мера, давшая результат в период военного и послевоенного лихолетья, была возведена в абсолют. Советы перестали реально управлять государством, все больше превращаясь в декорацию при партийном аппарате».

Затем утверждает:

> «По моему глубочайшему убеждению, именно это обстоятельство, в конечном итоге, и стало ключевой причиной, предопределившей крушение СССР и поражение социализма в конце XX века».

Как примитивно рассуждает деятель партии, претендующей на политическую власть в стране! Но обо всем по порядку.

Прежде всего, беды, свалившиеся на «молодую советскую республику» были такими же, как и у молодой Польской республики. Красная Армия, которая в

1920 году дошла до Вислы, разорила всю восточную половину Польши. Моя покойная мать вспоминала: «Эти голодранцы (красноармейцы) съели все наши запасы и оставили нас на зиму без хлеба».

Но жители моей деревни, вернувшись в 1921 году из беженства, очень быстро восстановили свои хозяйства. И хотя на Полесье люди жили бедно, никто никогда не голодал. Как же могла хваленая советская власть, якобы народная, устроить на богатейших украинских и кубанских черноземах массовый голодомор? Вот где суть коммунистической доктрины, которую известный композитор Родион Щедрин назвал уродством. А уродливое государство, несмотря на богатые земли и другие природные запасы, рано или поздно должно было потерпеть крушение. И не только в советах и парткомах кроется причина распада СССР, но прежде всего в созданной ими уродливой экономике. Так что «глубочайшее убеждение» первого секретаря по этому поводу следует трактовать, как глубочайшее его политическое заблуждение.

В начале ноября 2007 года в Минске проходил международный конгресс коммунистических партий. Мне довелось в то время побывать в гостинице «Беларусь». В фойе, где проходила регистрация делегатов конгресса, толпилось много вполне интеллигентных людей, звучала русская и иностранная речь. Я всматривался в их лица и думал: вот эти культурные люди собрались на свой съезд, чтобы обсудить вопрос о том, как им снова завоевать доверие трудящихся и взять власть в свои руки. Они ведут себя вполне демократично, пока их партии в странах пребывания находятся в меньшинстве. Но если только им снова прорваться к власти, то они поведут себя совершенно иначе. Будут действовать в духе своего кумира Владимира Ульянова, требовавшего «арестовывать и расстреливать всякую сволочь!».

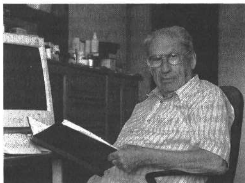
«Любимец партии» Николай Бухарин, которым так восторгался мой отец, после арестов и депортации российских ученых заявил в газете «Правда»: «Мы будем штамповать свою советскую интеллигенцию, как запчасти на заводах». (Этих штампованных интеллигентов А.И. Солженицин позже назвал «образованцами»). Второй человек после Ленина в партийной иерархии, Лев Троцкий, создатель теории «перманентной революции», призывал создавать в мирное время «трудовые армии», т. е. перевести советских рабочих на казарменное положение. А «тихий» грузин Иосиф Джугашвили мотал эти бредовые идеи на ус и вынашивал планы, как убрать со своего пути многоречивую «ленинскую гвардию» и превратить ленинскую идею «о кооперации» в насильственную коллективизацию.

Но продолжу пояснения нынешнего коммуниста:

> «У меня часто спрашивают, как ПКБ относится к сталинским репрессиям. Отвечая на этот вопрос, всегда вспоминаю XII съезд нашей партии, который состоялся в мае этого года. И горячие аплодисменты на слова из отчетного доклада Центрального Комитета: «ПКБ – не адвокат преступлений прошлого. Мы сторонники развития лучшего, а не худшего, что есть в истории Советского Союза и его Коммунистической партии».

А где гарантия, что ПКБ, как и ее предшественница, снова не перемешает «лучшее» с «худшим» и последнее не станет доминировать в ее политике?

Некоторые белорусские политики и ученые полагают, что лидер белорусских коммунистов культурный человек и больше социал-демократ, чем коммунист. Но, судя по его статье в газете «Товарищ», он представляется мне типичным доктринером. А его посиделки с представителями БНФ и других партий есть не что иное, как ленинский принцип «временных союзов» с кем угодно ради достижения своей цели. Потом с временными союзниками можно расправиться, как Ленин расправился с эсэрами. После воссоединения Западной Беларуси Сталин точно так же расправился с представителями Народного фронта, созданного в 1936 году под эгидой КПЗБ.

Профессор-врач Иван Данилов

Очень рельефно все «лучшее» и «худшее» с явным преобладанием «худшего», чем располагала советская власть, проявилось в 1939–1941 годах на территории Западной Беларуси после ее вхождения в состав СССР. Мне довелось наблюдать и пережить те исторические события, которые можно обозначить одним словом — «разочарование». Уже зимой 1940 года в Пинске я увидел длинные очереди за хлебом, явление, немыслимое «под гнетом польских панов». Возник дефицит промтоваров. Но не это главное, чем разочаровала западных белорусов советская власть. Она их разочаровала и напугала массовыми арестами и высылкой невиновных людей в Сибирь и на Север («на Соловки», как тогда было принято говорить).

Итак, мы подошли к главному мотиву белорусских эмигрантов 1944 года.

Почему они покидали родину?

Они плакали, прощаясь с родной землей, но покидали. Ответ на этот вопрос можно найти в книге Александра Одинца (А. Адзінец. «Паваенная эміграцыя: Скрыжаваньне лёсаў», Мінск, 2007 г.). Достоинство этой книги, представляющей собой сборник воспоминаний — наличие кратких биографий персонажей. Автор собрал сведения о 240 эмигрантах, у каждого из них своя судьба, но у всех сходная причина эмиграции. Эта интересная книга дает ответ на вопрос, почему многие белорусы родным местам предпочли трудные условия эмигрантской жизни. В книге описаны судьбы разных людей, но я приведу лишь некоторые из них и начну с воспоминания моего земляка.

Михаил Шведюк. Родился в 1926 году в деревне Потаповичи соседнего с нашим Яновского района. Его дед и отец были потомственными лесниками у местного графа Пусловского. Именно по этой причине всю семью в 1940 году арестовали и выслали в Архангельскую область. Тогда же вывезли семьи остальных лесников. Вот его рассказ.

«10 февраля 1940 года я находился в Пинске, где учился в школе и жил на частной квартире в еврейской семье по улице Старогончарной. Стояли сильные морозы, и я не собирался на выходные съездить домой. Однако какая-то сила заставила меня сесть в поезд, и поздно вечером я подошел к дому. Постучал в дверь, но никто ее не открывал. Меня обуял страх. В те неспокойные времена людей часто убивали или они бесследно исчезали. Не хотелось верить, что такое могло случиться с моими родителями.

Быстро побежал к тете, которая горько плакала вместе с моей бабушкой Натальей. Они рассказали мне, что случилось. В наш дом ворвались вооруженные энкавэдисты и приказали отцу и деду сесть на пол и заложить руки на затылок. Сестрам, брату и маме велели собирать вещи. Узнав, что случилось с моей семьей, я очень испугался и растерялся. Мелькнула мысль убежать и уехать в сторону Бреста, но я эту мысль откинул — был еще слишком молод и боялся. Решил 12 км идти пешком до деревни Дубое. Подошел к школе, в которой содержались заключенные. Меня пропустили, проверив списки, в которых значилась и моя фамилия. Уже потом узнал, что в день отъезда из Пинска на мою квартиру приходили «органы», чтобы меня забрать. Разыскав семью, обнял всех и вздохнул свободнее — мы снова вместе. Хотя и понимал, что нас ждет в будущем.

В Пинске нас загрузили в товарный вагон с теплушкой и дырой в полу для естественных нужд. Несколько раз в течение двух недель давали хлеб и какой-то суп. Не хватало воды. На остановках разрешалось под конвоем собирать снег, чтобы растопить его в воду. Под Архангельском нас поселили в поселке «Десятый квартал», в деревянных бараках, которые в начале 30-х годов построили украинцы. Когда мы приехали, от них остались единицы — все умерли, не выдержав таких условий жизни. Эти оставшиеся в живых украинцы говорили, что нам еще повезло, отношение к ним было куда хуже. По меркам античеловеческого советского режима нам жилось еще сносно. Все взрослые ходили на работу, а мне разрешили посещать школу.

В этом лагерном поселке нас, белорусов было около 70 %, а остальные — русские, украинцы и евреи. Всех нас объединяло общее горе, никто ни с кем не ссорился. Мы были настоящими пленниками, нам не разрешалось выходить за пределы поселка или навестить соседний лагерь. Но разрешалось писать письма и получать посылки, которые спасали нас от голодной смерти. Посылки нам присылали не только родственники, но и совсем незнакомые люди. Через некоторое время в нашу маленькую комнату, в которой разместилась наша семья из восьми человек, привезли нашу больную бабушку Наталью. Советы не пощадили ее, оторвали от родной дочери, моей тети. С началом войны мы все стали голодать. В 1942 году Сталин подписал договор с польским эмигрантским правительством об «амнистии» бывших польских граждан и мы стали вроде бы свободными. Могли сами решать свою судьбу, но вдали от родных Потаповичей, которые нам постоянно снились».

Парадокс ситуации заключается в том, что от голодной смерти в советском ГУЛАГе моих несчастных земляков спасла война и быстрое продвижение немцев к Москве. Сталин вынужден был в спешном порядке, по предложению Уинстона Черчилля, формировать из польских военнопленных и заключенных лагерей две польские армии под командованием генералов Владислава Андерса и Зигмунта Берлинга. Западные белорусы, попавшие в советскую неволю, особенно признательны генералу Андерсу, который до войны командовал кавалерийским полком в Новогрудке и хорошо знал своих солдат-белорусов. Находясь под британской юрисдикцией, он потребовал от советских властей освободить из лагерей не только польские семьи, но и семьи западных белорусов и украинцев.

Так 48-летний отец Михаила Шведюка стал солдатом армии генерала Андерса, а его семья проделала длинный путь через Иран и Палестину на Запад. В Палестине, Мишу приняли в школу кадетов, а после войны он очутился в Англии. Став инженером-электриком, М. Шведюк работал в конструкторском бюро и занимался техническими переводами. Иногда его приглашали поработать в качестве переводчика в туристические группы, уезжавшие в Польшу или в СССР. В 1969 году он побывал в составе такой группы в Москве и Харькове. Свои родные Потаповичи посетил только в 1989 и 1993 годах. На родине встретил много знакомых и друзей и «отдохнул душой» – так заключает свои воспоминания Михаил Шведюк.

Лагерь для перемещенных лиц (D.P.) Зайльсхайм (1945 г.)

Леля Михалюк, 1930 года рождения, Шарковщинский район Витебской области. Из ее воспоминаний приведу лишь некоторые фрагменты.

«Первая радость от воссоединения Западной Беларуси быстро пошатнулась: людей обложили большими налогами, принуждали вступать в колхозы, начались доносы и аресты сознательных белорусов, постоянно носились пугающие разговоры о вывозе людей в Сибирь. Приведу пример.

И в польской и в советской школе нас учил один и тот же учитель. Звали его Коваленок, имени не помню. При Польше он учил нас по-польски, а с приходом советов заговорил с нами «на чыстай беларускай мове». Мы были удивлены, что «поляк» так хорошо знает наш родной язык. Но оказалось, что Коваленок – выпускник Виленской белорусской гимназии, интеллигентный и немного болезненный человек лет 30–40. Арестовали его во время занятий на наших глазах. Два чекиста привели его в наш класс, Коваленок сказал: «Детки, я больной и должен ехать в санаторий подлечиться».

Тогда мальчики, которые сидели на задних партах, стали кричать: «Мы знаем правду, вы не едете в санаторий, вы — арестованы». И начали стучать руками и ногами по партам и полу. Этот протест подхватил весь класс».

Попутно хочу заметить, что нечто подобное я наблюдал в 1940 году в школе в Пинске, где детей бывших польских служащих чекисты арестовывали на наших глазах, во время занятий. Эти жуткие картины чекистского произвола оставили неизгладимый след в моей памяти. Спрашивается, почему так грубо и бесцеремонно советская власть обращалась со школьниками и калечила их души? Не по этой ли причине Леля Михалюк и вся ее семья пустились в далекое эмигрантское путешествие? Позже в Англии она узнала от очевидца о суде над Коваленком в Шарковщине. Его судили как «врага народа». За что?

Михаил Бояровский, 1924 года рождения, Новогрудский район Гродненской области. Вот фрагмент из его рассказа.

«Когда мне исполнилось в 1940 году 16 лет, меня пригласили в паспортный стол. Со мной стал беседовать молодой офицер НКВД и расспрашивать про моих теток, маминых сестер, которые еще при Польше уехали в Америку на заработки. Он остался недоволен моим ответом и начал ругаться русским матом. Этот случай сделал меня убежденным антикоммунистом».

М. Бояровский не сказал, чего от него требовал молодой чекист, и почему именно его пригласили в паспортный стол. Я тоже родился в 1924 году, но мне в 1940 году советские органы выдавать паспорт не спешили. Далее Бояровский поведал, что 1944 году он с семьей уехал на Запад, а в начале 1945 года вступил в ряды армии генерала Андерса. И таким образом потом очутился в Англии.

При чтении книги Одинца я задумался: почему из 240 эмигрантов воспоминаниями поделились с ним 217 выходцев из Западной Беларуси и только 26 человек из Восточной Беларуси, которая по площади и числу жителей почти в два раза больше Западной Беларуси. Интересно, что из тех 26 человек шестеро родились на Случчине. Прошло много времени, давно распалась «Империя зла», а пожилые эмигранты, бывшие граждане СССР, все еще боялись прежнего коммунистического режима, от которого они спасались бегством на Запад.

В предисловии к книге автор пишет:

«Номера телефонов первых эмигрантов набирал дрожащими руками, т.к. был не уверен, какая реакция на мое предложение последует со стороны людей значительно старше меня. Один из первых моих собеседников, известный деятель из Торонто, своей вспыхнувшей вдруг агрессией чуть было не растоптал мое желание заниматься этой темой».

Далее автор пишет, что на десяток людей, которые с интересом встретили его предложение поделиться воспоминаниями, приходится такой же десяток негативных ответов. Некоторые эмигранты не скрывали мыслей о том, что журналист, позвонивший им, — шпион КГБ, который обманным путем стремится узнать детали их биографий. Автор продолжает:

«Попытка переубедить этих людей в том, что нужная информация о них советскими «органами» давно собрана и, более того, уже сдана в архив, не имела успеха».

О том, что подробная информация об эмигрантах собиралась советскими спецорганами, свидетельствует пример из воспоминаний профессора Бориса Кита о другом белорусском ученом, Станиславе Станкевиче (1907–1980). Они оба выпускники Виленского университета. С. Станкевич до войны защитил докторскую диссертацию на тему «Белорусские мотивы в творчестве Элизы Ожешко». При Советах они оба преподавали в Новогрудке. Органы НКВД не успели их арестовать, но в списках на арест они значились. Во время немецкой оккупации С. Станкевич был бургомистром Борисова. После войны он эмигрировал в США и в течение 20 лет был там редактором известной газеты «Беларус».

Вновь прибывшие в лагере для перемещенных лиц

Чтобы скомпрометировать его, советские органы передали американцам документы о работе С. Станкевича бургомистром. Американская прокуратура завела на него дело, но потребовала дополнительные документы. Последовавший ответ из Москвы заслуживает внимания. Он, наверно, удивил, если не шокировал, американцев: «Успокойтесь, Станкевич умер». Этот пример показывает, как четко и профессионально в СССР была налажена слежка за эмигрантами. Можно только добавить, какие огромные средства отбирались для этого у народа и тратились на пустую агентурную деятельность.

В предисловии автор пишет:

> «Страх преследования, наказания, поисков «врагов народа» в их лице стал основной причиной фобии среди значительной части эмигрантов. Фобии, которая не дает им спокойно засыпать и теперь, когда страны, от которой они ожидали угрозы, уже

15 лет нет на карте мира. Именно по этой причине не каждый эмигрант осмеливался наведать Беларусь, давно получившую независимость. Было много случаев, когда человек соглашался прислать свои воспоминания, а потом после предостережения родственников или друзей давал задний ход. Иногда телефонную трубку бросали после первых моих белорусских слов или говорили, что я слишком молод, чтобы их понять. Жаль, что большинство эмигрантов своими отказами лишило меня ценных документов, проливающих свет на многие темные пятна белорусской эмиграции. А сколько еще тысяч белорусов, разбросанных по всем континентам, остались за кругом этих контактов? Об этом можно только гадать».

Восточные и западные белорусы, разные судьбы. Меня всегда удивлял и возмущал вопрос, почему американские и английские оккупационные власти позволяли советским офицерам «Смерш» и другим сотрудникам НКВД шастать по всей Европе и захватывать в свои «кіпцюры», все новые и новые жертвы в лице восточных белорусов, пытавшіхся остаться на Западе или эмигрировать в США, Австралию, Канаду. Неужели англичанам было неведомо, что сделают чекисты с этими несчастными людьми у себя дома? Под благовидным предлогом «репатриации своих соотечественников» Сталин добился от Черчилля и Рузвельта согласия на проведение этой гнусной акции. Причем задолго до победы над Германией он уже рассчитал, сколько миллионов бывших советских граждан будет отправлено в ГУЛАГ. Печальная судьба этих репатриантов описана во многих произведениях лагерного жанра. К счастью, западных белорусов и украинцев спасало то, что они могли регистрироваться как бывшие граждане Польши. Так по иронии судьбы Польша, а не Россия, спасала белорусов и украинцев до 1939 года от террора и голодомора, а в послевоенные годы – от принудительной репатриации в СССР. По поводу этой репатриации приведу пару воспоминаний, взятых из той же книги Одинца.

Леонид Шиманец, город Столбцы.

«Мой отец, инженер по профессии, в 1940 году был арестован как «враг народа». В июне 1941 года во время бомбежки охрана тюрьмы в г. Барановичи разбежалась, и многим заключенным удалось спастись. В 1944 году мы уехали на Запад. В эмиграции наша семья оказалась в Дании. Там мы жили, как в раю. Датчане к нам, эмигрантам, относились очень хорошо, старались во всем помочь.

Однако вскоре в Копенгаген стали наведываться «гости» из СССР, чтобы вылавливать и репатриировать бывших советских граждан. Нас это не касалось, т. к. мы не были советскими гражданами. Отец был в хороших отношениях с датским министром по делам эмиграции и старался спасти своих соотечественников из Восточной Беларуси. По этой причине советские органы добрались и до нас. В министерстве эмиграции нам предложили несколько маршрутов: США, Австралия или Аргентина. Но из Дании мы всей семьей в 1948 году выехали на постоянное место жительства во Францию».

Надежда Космович, девичья фамилия Мицкевич, племянница Якуба Коласа. Родилась в 1923 году на хуторе Миколаевщина, где теперь находится музей поэта. В настоящее время проживает в городе Штутгарт – столице федеральной земли Баден-Вюртемберг. Одинец лично взял у нее интервью.

На вопрос: «Мечтали ли вы с мужем вернуться на родину»? Н. Космович ответила, что, естественно, мечтали. Но возвращение оказалось невозможным.

«Как только после войны мы приехали в Германию, на нас началась настоящая охота. От этих советских бандитов мы вынуждены были защищаться с помощью охраны – сотрудников немецкой полиции. И, знаете, несколько бандитов, самых худших на свете, тут обезвредили. Ясно, с какой миссией они к нам приезжали... Все время жили в страхе, боялись за малых детей. Для этих злодеев нет ничего святого. Не хватало нервов, но все обошлось. Дима (муж Н. К.) работал в нескольких организациях, в задачу которых входила борьба с коммунизмом. И в том, что Советы развалились, что Беларусь получила в 1991 году свободу, безусловно, есть и его заслуга. Длительное время я работала вместе с ним, участвовала в различных конференциях. Но потом капитулировала – есть много причин».

Женщины-белоруски работают в прачечной лагеря D.P.

Надежда Космович не поясняет, почему она «капитулировала»? Об этом можно только догадываться. Но угроза была значительная, если она заставила замолчать эту мужественную женщину. Возможно, она касалась ее детей. Поэтому она и говорит, что «для этих злодеев нет ничего святого». Если такая угроза со стороны советских органов существовала даже для западных белорусов, то можно себе представить, с какой жестокостью они расправлялись с восточными белорусами, пытавшимися остаться на Западе.

Но в этом ли только причина, почему среди респондентов Одинца оказалось так мало восточных белорусов? Мои молодые друзья, доценты Дмитрий Геннадиевич Цвирко и Владимир Арнольдович Змачинский полагают, что советский террор на землях Восточной Беларуси в 30-е годы уничтожил наиболее активную и дееспособную часть белорусского населения. Это был своего рода духовный геноцид белорусского этноса. А оставшиеся слои, включая колхозное крестьянство, были зомбированы советской пропагандой, внушавшей им страх и недоверие к капитализму.

Надо отметить, что «промывание мозгов» — далеко не безобидное следствие такой пропаганды, в задачу которой входило оболванивание широких масс населения и перевод их сознания на более низкий, примитивный уровень.

Извращенное сознание советского человека образно описал Сергей Песецкий в своем романе: «Запіскі афіцэра Чырвонай арміі». Автор в гротескной форме описывает реакцию советского офицера, попавшего в 1939 году в Вильнюс. Простого дворника он воспринимает как буржуя лишь потому, что видит на столе у него сахар и колбасу. Но больше всего его удивляет свободная продажа белого хлеба, которого он купил аж четыре с половиной килограмма. Приведу выдержку из романа:

> «Пакольки мне была нязручна з хлебам па гораду цягацца, я пайшоў у казарму. А там рух вялікі. Хлопцаў поўна. Некаторыя з гораду папрыходзілі і цуды пра глупства польскіх паноў апавядаюць. Аказалася, што тут не толькі хлеба, але і сала, і каўбасы можна набыць колькі хто хоча. Але я не магу у такое паверыць. Гэта ж любому зразумела, што калі прадаваць колча хто хоча, дык нехта выкупіць усе, а іншыя будуць ад голаду падыхаць».

Подобную картину мне довелось наблюдать в 1939 году в Пинске. Западные же белорусы, жившие в капиталистической Польше, могли теперь реально сравнить ругаемую активистами КПЗБ польскую действительность с хваленой ими же советской.

Таким образом, в тяжелые послевоенные годы, когда в СССР наступила вторая волна голодомора, когда голодало более 100 миллионов советских граждан и около пяти миллионов из них умерло от голода, советское государство тратило огромные средства для вылавливания в Европе своих бывших граждан, чтобы тут же упрятать их в концлагеря, чтобы морить их там голодом, холодом и непосильным трудом.

Эпилог

В книге известного исследователя Марка Солонина «Фальшивая история Великой войны» есть интересная глава: «Пожар на складе». Приведу некоторые фрагменты из этой главы:

> «Пожар на складе случается тогда, когда проворовавшемуся завхозу надо спрятать следы своих многолетних махинаций. Матерые жулики понимают, что пожар должен быть большой, «солидный» и, самое главное, документально зафиксированный в органах МВД и пожарной охраны. Вот тогда под это «дело» можно списать все, что угодно. Ну а если пожар случился сам собой, да еще и по причине, не вызывающей подозрения в поджоге — например, от удара молнии, то это и вовсе самый радостный день в жизни жулика...
>
> В памятном для страны 1937 году в СССР была проведена Всесоюзная перепись населения. Однако население о результатах этой масштабной работы ничего не узнало. Итоги переписи были признаны «вредительскими», итоговые отчеты — засекречены, руководители научного коллектива, проводившего перепись, — арестованы... В настоящее время о «расстрельной переписи» 37-го года написаны монографии и сотни газетных статей.
>
> В чем дело, почему товарищу Сталину не понравились итоги Всесоюзной переписи населения? На «складе» образовалась многомиллионная «недостача». Другими

словами, реальное число жертв сталинских репрессий 30-х годов (а это не только «большой террор» 37-го года, но и раскулачивание, голодомор периода коллективизации, очистка городов от «нетрудового элемента», этнические чистки) измеряется не теми сотнями тысяч, которые подтверждаются документами партийных и карательных органов, а многими миллионами людей.

Разбор новых книг в лагере D.P.

Война и послевоенный «восстановительный период» отнюдь не ослабили ни пресс беспощадной эксплуатации «рабсилы», ни масштабы репрессивной политики государства. Миллионы людей, согнанных на «спецпоселение» или в так называемые «рабочие батальоны», в совершенно нечеловеческих условиях продолжали рыть каналы, строить дороги, рубить уголь и возводить очередные «гиганты сталинской индустрии»...

В не вызывающем никаких сомнений в своей реальности «пожаре» Второй мировой войны решено было спалить и «недостачу» Всесоюзной переписи 1937 года, и ужасающий рост смертности гражданского населения в тылу, и массовые репрессии послевоенных лет. Одним словом — списать на Гитлера преступления Сталина»*.

Зная все это не понаслышке, а на собственном опыте, на трагических судьбах родных и знакомых, сто тысяч белорусов летом 1944 года предпочли покинуть Отечество вместе с отступавшими нацистами. По злой иронии истории, германские оккупанты оказались меньшим злом, чем советские освободители.

* См.: Солонин М. Фальшивая история Великой войны. Москва: «Яуза», 2008. — 320 с.

Коротко об авторе

Иван Петрович Данилов (1924 г.р.) родом из деревни Лежитковичи Дрогичинского района Брестской области. По образованию и виду деятельности — врач, терапевт и гематолог. Доктор медицинских наук, профессор. Во время войны был партизаном, затем солдатом РККА.

Автор книг «Записки западного белоруса» (в двух частях), «Неудобная история глазами западного белоруса», «Забытые уроки истории», «Размышления западного белоруса».

Дополнение

Вот что писал в 1985 году своей книге «Хроника белорусской жизни на чужбине» историк белорусской эмиграции Николай Паньков (1911–1995):

«Лето 1944 г. родило парадокс. Шло освобождение Европы от «коричневой чумы», а тысячи наших соотечественников покидали Беларусь вместе с немецкими войсками. Десятки тысяч белорусов, а также летувисов, латышей, эстонцев, украинцев, русских выбирали неизвестность вместо гарантированной миски баланды в советском концлагере.

Они понимали, что советская власть не простит им службу в вооруженных формированиях, участие в национальных организациях, наконец, работу в суде или администрации. Даже труд на земле и элементарное выживание на оккупированной территории будут квалифицировать как пособничество врагу. Поэтому уходили как можно дальше от очередных „освободителей», которые обязательно задали бы вопрос: „А что вы делали во время немецкой оккупации? Почему не убивали немецких солдат, не подрывали поезда?"

Трудно указать точную цифру беженцев, покинувших Беларусь в 1944 г., но можно судить, что их было около 100 тысяч. Кроме их, на территории Германии в это время находились белорусы – солдаты Войска Польского, попавшие в плен во время кампании 1939 г. (По разным подсчетам их было от 30 до 70 тыс. человек). Бывшие солдаты работали на предприятиях или в сельском хозяйстве. Самую крупную часть белорусской диаспоры в Германии во время войны составляли „остарбайтеры", люди, вывезенные немцами на работы. Впрочем, среди них было немало уехавших добровольно. Они поверили немецкой пропаганде либо хотели избежать нищеты у себя дома. Польский историк Юрий Туронок оценил число белорусских "остарбайтеров" в 378 тысяч. Сложив все три цифры (100 + 30/70 + 378), мы получим общее количество белорусов на территории Германии к лету 1945 года: от 500 до 550 тысяч человек. Большинство этих людей не желало возвращаться к коммунистам». (Мікола Панькоў. «Хроніка беларускага жыцьця на чужыне». Мінск, выданне часопіса «Беларускі гістарычны агляд», 2001).

Часть IV
МЕЖДУ ГОРОДОМ И БОЛОТОМ

ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА: КАМЕНЩИК Д. БУЛАХОВ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ МИНСКЕ

Томас Бон

Наследство Дениса Григорьевича Булахова хранится в Национальном историческом музее Республики Беларусь в Минске. Это несколько фотоснимков, пара удостоверений, почетные грамоты, а также кельма каменщика. Из публикаций белорусских послевоенных газет выясняется, что Денис Григорьевич в 50–60-е годы принадлежал к числу известнейших в Минске лиц.

Но в газетных очерках нет ни слова о частной жизни этого человека. Поэтому в ретроспективе каменщик Булахов предстает перед нами в качестве персонажа пропаганды [1]. Мы видим своего рода идола, созданного усилиями агитпропа (отдела агитации и пропаганды ЦК компартии БССР), появившегося на сцене в процессе реактивации мифа героизма, созданного еще в 30-е годы. Кремлевское руководство хотело сформировать «общество героев» — хотя бы виртуальное. Так что Денис Булахов не был одиночкой. Но, в отличие от шахтера Алексея Стаханова, чье имя получило инсценированное компартией в 30-е годы массовое движение передовиков производства («стахановцы»), он не совершил какого-то чрезвычайного поступка. Его просто использовали в локальном контексте в качестве выдающегося примера.

Какие конкретные функции должна была исполнять эта фигура? На чем был основан «modus vivendi» (образ жизни) жителей крупного советского города после Второй мировой войны? Почему в Республике Беларусь имя Дениса Григорьевича Булахова забыто, как и титул города-героя, присвоенный белорусской столице?

I. Биография Дениса Булахова

Рассказ об истории жизни нашего героя не займет много времени. Денис Григорьевич Булахов родился 6 декабря 1905 года в деревне Ольговка Черлакского

«Беларускі гістарычны агляд», 2009, том 16, сшытак 2. Перевод А.Е. Тараса. Статья была впервые опубликована в Германии в 2002 г.

района Омской области в Сибири [2]. Ему суждено было закончить только два класса школы. Потом стал учиться на сапожника. О том, как он пережил смутное время революции и гражданской войны, сведений не сохранилось. Но для поддержания легенды современникам вполне хватало упоминания о том, что он принадлежал к поколению, сформировавшемуся под влиянием деревенской нищеты и социалистического энтузиазма. Это поколение нашло свое литературное воплощение в героическом облике Павла Корчагина из романа Николая Островского «Как закалялась сталь» (1934 г.).

В соответствии с таким подходом Денис Булахов лично участвовал в строительстве социализма с 1931 года, когда комсомольская организация родного колхоза послала его на строительство металлургического комбината в Кузнецке*. Начав подсобным рабочим, он сумел приобрести специальность каменщика. Правда, подъему по социальной лестнице пять лет работы Булахова на «ударной комсомольской стройке» никак не способствовали. Он вернулся в свою деревню. Но позже этот этап жизни послужил своего рода фундаментом для создания репутации «передового строителя».

Что касается Второй мировой войны, то в этом плане репутация Дениса Булахова безупречна: в рядах Красной Армии он участвовал в освобождении Сталинграда и Минска, более того, дошел до Берлина.

Почему после демобилизации он решил не возвращаться в свою Ольговку, а поселился в Минске, неясно. Скорее всего, не хотел работать в колхозе за «трудодни», то есть за минимальную плату, которую выдавали колхозникам продуктами. Несомненно, он надеялся, что в городе условия труда и жизни будут гораздо лучше. Разумеется, задним числом пропагандисты и здесь выставили на передний план благородный мотив: дескать, Д.Г. Булахов очень хотел принять участие в восстановлении города, который солдатом видел в руинах.

Управление по восстановлению Минска с радостью принимало любого квалифицированного рабочего. Однако оно мало что могло предложить своим сотрудникам. Прибывшему сюда в 1946 году на постоянное жительство Булахову вместе с семьей довольно долго пришлось жить в землянках и подвалах [3].

В конце 1947 года было объявлено «социалистическое соревнование» между строителями Минска и Сталинграда, продолжавшееся затем более десяти лет. Вот так в жизни 42-летнего каменщика Булахова, к тому моменту уже принятого в компартию, начались серьезные перемены [4]. Он стал известен как соперник в индивидуальном соревновании со сталинградским каменщиком Николаем Акимовичем Грачевым. Так Д.Г. Булахову было суждено сыграть роль образцового труженика.

По случаю 30-летия БССР он получил в январе 1949 года орден Ленина, высшую награду Советского Союза. С 1950 по 1963 год он наряду со своей профессиональной деятельностью был также депутатом Минского городского совета трудящихся. В 1950-е годы регулярно выступал с материалами в официальной ежедневной газете «Советская Белоруссия» [5]. И вот 10 августа 1958 года на-

* С 2003 г. комбинат, построенный в 1931–36 гг. возле города Кузнецк (в Кемеровской области) называется Новокузнецким. – *Прим. ред.*

ступил ключевой момент: Булахова наградили Золотой Звездой Героя Социалистического Труда [6]. На этом заслуги Дениса Григорьевича еще далеко не окончились. В 1961 году он как бригадир стройтреста № 4 Главминскстроя рассказал о своем опыте широкой публике в брошюре «Строим город» [7].

В 1965 году он завершил свою трудовую деятельность. Его во второй раз наградили орденом Ленина и присвоили почетное звание персонального пенсионера, дававшее право на ряд привилегий. Когда власти Минска в 1967 году по поводу 900-летия первого упоминания в летописи и 50-летнего юбилея Октябрьской революции учредили титул почетного гражданина, Денис Булахов стал одним из первых его обладателей — наряду с офицерами Алексеем Бурдейным из Москвы и Николаем Колычевым из Оренбургской области [8]*.

Но оставшуюся часть своей жизни Денис Григорьевич Булахов провел не в шикарных по советским меркам апартаментах на главной улице в центре, а в новой квартире в панельном доме на улице Сергея Притыцкого. Он умер 2 мая 1984 года.

Возглавляемая им бригада, по имеющимся сведениям, с 1947 по 1965 год построила в Минске два больших жилых дома напротив железнодорожного вокзала, спроектированных в виде башен («ворота города»), главный универсальный магазин (ГУМ) и Дворец культуры профсоюзов, а также еще 43 здания, в том числе 7 школ, 3 детских сада и 18 жилых домов.

II. Строительство социалистического города

Неразрывная связь Булахова как реального человека со сталинской системой нас интересует меньше, чем создание под маркой десталинизации локального «культа личности» конкретного строителя. Для этого надо вернуться к решающим моментам жизни Дениса Григорьевича и поместить их в исторический контекст.

1. Помощъ из Сибири. Д.Г. Булахов предстает перед нами как «типичный» сибиряк. На фотографии мы видим лицо с сильными скулами, широким носом, кустистыми бровями, строгим взглядом, высоким лбом и узкими губами, которое выражает решительность и энергию [9].

В контексте масштабной кампании русификации, развернутой в Беларуси после войны и выразившейся, в частности, в назначении этнических русских на руководящие посты, монопольном положении русского языка в школах, никого не могло удивить то, что героем избрали сибиряка. Булахов наилучшим образом олицетворял помощь в восстановлении, которую «великий русский народ» оказывал белорусам в восстановлении их республики и столицы.

* Бурдейный А.С. (1908–1987), генерал-майор. Войска 2-го гвардейского танкового корпуса, которым командовал Бурдейный, 3 июля 1944 г. первыми вошли в Минск. В нашей историографии принято писать об «освобождении» столицы Беларуси от оккупантов, но это ложь. Немцы и коллаборационисты покинули Минск на два — три дня раньше. Танкисты «ворвались» в город не встретив ни малейшего сопротивления.

Колычев Н.И. (1918–2000) в июле 1944 был командиром танкового взвода во 2-м танковом корпусе. Пропагандисты придумали, будто бы он не дал немцам взорвать единственный мост через Свислочь и, более того, захватил в плен за мостом свыше 100 «гитлеровцев». – *Прим. ред.*

Возникает вопрос: неужели этот человек в одиночку заново строил Минск, обеспечивал его жителей квартирами? А женщины, работавшие на разборке руин, а подсобные рабочие, поголовно приехавшие из деревень? Ликвидация развалин, ремонт уцелевших зданий, строительство новых жилых домов, фабрик и заводов в первые послевоенные годы осуществлялись не столько силами населения, выходившего на воскресники, и даже не бригад строителей, а главным образом за счет каторжного труда более чем 20 тысяч пленных немцев и советских заключенных.

И все же, несмотря на все старания, в 1949 году, когда Булахов получил орден Ленина, центр города еще был восстановлен недостаточно для того, чтобы на главной площади к 70-летию советского «вождя» (т.е. в 1949 г. — *Ред.*) могло произойти торжественное открытие памятника ему.

2. Социалистическое соревнование со Сталинградом. Возвышение Булахова до звания «Героя социалистического труда» в значительной мере было предопределено награждение его орденом Ленина, но все же не являлось неизбежным. Ведь в Минске было много рабочих-строителей: количество людей, занятых в строительной отрасли выросло с 22 тысяч в 1950 году до 33 тысяч в 1960, и до 63900 в 1970 году. Однако Булахов очень хорошо подходил на эту роль благодаря целому ряду характеристик: русский, из крестьян, участник строительства Кузнецкого комбината, солдат Красной армии — участник войны, член партии и, наконец, каменщик, к тому же бригадир передовой бригады. Такой персонаж своим обликом и своей биографией наилучшим образом олицетворял метафору о «построении социализма».

И это еще не всё. Дениса Григорьевича Булахова подняла наверх волна пропаганды, плескавшаяся вокруг социалистического соревнования строителей Минска со строителями Сталинграда.

Фактически городское строительство в Минске в 40-е и 50-е годы пребывало в критическом состоянии: нехватка кадров и транспорта, дефицит стройматериалов и, не последнее по значению, корпоративный интерес партийной номенклатуры. Строили, особенно что касается жилья, лишь часть того, что планировалось. В этой ситуации партийное руководство решило придать новый импульс стахановскому движению: призвала минчан учиться у передовых строителей города-героя Сталинграда. Начался обмен опытом в виде поездок делегаций. По мнению партийных чиновников, заключение индивидуальных и коллективных договоров о соревновании и принятие повышенных обязательств должно было привести к выполнению и перевыполнению планов строительства. Таким образом, истинной целью всей этой кампании являлось повышение производительности труда путем применения главным образом идеологических стимулов, а также пропаганды потенциала новых технологий.

В связи с этим упомянем, что метод работы «пятеркой», создание которого приписывают московскому каменщику Федосу Шавлюгину, первоначально был предложен в Минске, но не Булаховым, как это утверждали позже, а — по тогдашним публикациям — его коллегой Анфилом Кондратьевичем Филипповым [10]. В отличие от «тройки», где каменщику помогали два человека, в «пятерке» подсобные работы выполняли четверо, так что этот метод позволял не только вдвое

перевыполнять производственный план бригады, но и более интенсивно использовать на строительстве труд женщин, и подсобниц, и каменщиц.

Теория марксизма-ленинизма требовала сформировать так называемый «авангард общества» в виде многочисленного класса квалифицированных рабочих. Однако на практике основную массу рабочих-строителей составляли малограмотные подсобники, ютившиеся в землянках, времянках или, в лучшем случае, в убогих общежитиях. Дело в том, что до 1956 года в Советском Союзе сельские жители не имели паспортов. Им запрещалось переселяться в города без разрешения властей. Именно строительная отрасль служила трамплином для молодых сельчан без квалификации, позволявшим как-то устроиться в городе, не имея официального разрешения на проживание здесь.

3. Перелом в строительстве. По ироничной шутке истории, в тот момент, когда происходило возвышение каменщика Дениса Булахова до уровня героя, уже обозначился великий перелом в строительном деле под девизом «быстрее и дешевле». К концу 40-х годов стала явной для всех необходимость всемерной экономии материалов и электроэнергии. Импульсивный партийный лидер Хрущев в 1954 году на Всесоюзном совещании строителей в Москве начал кампанию против «архитектурных излишеств».

Подвергнув жесткой критике группу заслуженных архитекторов, которых при Сталине награждали премиями, званиями и орденами, он тем самым открыл путь для перевода строительства жилья, ранее имевшего «штучный характер» (т.е. признаки искусства) на рельсы конвейерного производства. Правда, работникам на местах поначалу не на что было жаловаться: в 1956 году, когда на XX съезде партии началась десталинизация, мастера типа Дениса Булахова были еще раз почтены включением в календарь советских праздников «Дня строителя» 12 августа [11].

В 1957 высшее партийное руководство приняло программу массового жилищного строительства. Этот факт означал переориентацию строительной отрасли на стандартные типовые проекты и промышленное изготовление конструктивных элементов для блочных и панельных зданий. Однако фотографии в газетах того периода продолжали показывать строителей в традиционном антураже: на фоне кирпичных стен, с кельмой в руке [12].

Созданная белорусским художником Семеном Петровичем Герусом в 1958 году литография «Строитель Минска», наоборот, наглядно выразила идеи пропаганды новых методов строительства. Но если учесть тот факт, что применение этих методов не могло начаться утром следующего дня, то станет ясно: она несколько опередила события [13].

По чертам лица видно, что прототипом «созидателя» белорусской столицы однозначно послужил Булахов. Эта мысль подкрепляется, разумеется, еще и тем, что как раз в 1958 году Денис Григорьевич получил звание Героя социалистического труда. Он изображен на литографии в телогрейке, варежках, шапке-ушанке, с шарфом на шее, словно партизан Великой Отечественной войны, который не боится ни ветра, ни ненастья.

«Созидатель» представлен зрителю фронтально, в позе человека, победно осматривающего строительную площадку, причем его решительность дополни-

тельно подчеркнута тем, как он прижимает страховочную цепь, напоминающую пулеметную ленту. Перспектива продумана так, чтобы зритель смотрел на него как бы снизу вверх. За этим персонажем видна бригада, взбирающаяся вверх по строительным лесам.

Все это создает оптическую иллюзию, что и руководитель бригады не может стоять на твердой земле, хотя — или именно поэтому — художник сознательно не показал, где он стоит. Благодаря контрасту черного и белого природные краски переходят одна в другую, контуры исчезают, и весь задний план отдает сталью — тем материалом, из которого сделаны все герои.

Становится ясно: «созидатель Минска» больше не орудует кельмой и кирпичом, а имеет дело с кранами и сборными элементами. Он поднимается над облаками подобно пророку и уверенно смотрит в будущее, открывающееся его предвидению. Можно найти в этой литографии и «обратную сторону медали»: Дениса Григорьевича Булахова в очередной раз использовали для интересов дела. Ключевым в данном случае является слово «использовали», с его синонимом «употребили».

На рубеже 50-х и 60-х годов доминирующей идеей в советском градостроительстве стал микрорайон — комплекс пятиэтажных многоквартирных жилых домов, рассчитанный на 15–20 тысяч человек и обеспеченный жилищно-коммунальными и социальными услугами. В Минске первый микрорайон появился на восточной окраине города. Так зародышевая клетка социалистического города переместилась из центра на окраину. В дань памяти о соревновании городов на этапе восстановления улицу вдоль этого микрорайона назвали Сталинградской (с 1961 года — Волгоградской) [14].

С этого времени облик строительной площадки, а равным образом и рабочего-строителя в СМИ стал меняться в направлении, указанном художником С.П. Герусом. Теперь спросом пользовался не каменщик, кирпич за кирпичом выкладывающий стену дома, а крановщик, подающий готовые элементы в нужное место на площадке.

Д.Г. Булахов

4. Элемент трагизма. В 1961 году была опубликована брошюра Д.Г. Булахова «Строим город» — одновременно с новой программой КПСС, провозгласившей переход от социализма к коммунизму [15]. В брошюре, несомненно, написанной за Булахова, нарисован стилизованный портрет человека, пронизанного духом коллективизма и готовностью работать в интересах всеобщего блага, для которого социалистическое соревнование и выполнение плановых заданий стало личным делом. Этот «отчет» написан языком простого «русского» человека. Основная тема — работа бригады минского стройтреста № 4, осуществляющей строительство дома от котлована и до крыши. При этом подробно описаны аура социалистиче-

ского города, коллектив как микрокосм советского общества и профессиональный этос бригадира*.

Во-первых, прославляется Минск как родина «советского человека». Это особая форма патриотизма, питающегося уже не старыми традициями, а эстетикой «новой жизни», ибо после гибели прежнего «буржуазного» города во время войны вырос новый город, отличающийся от старого своей красотой и удобством для жизни. Теперь это административный, культурный и промышленный центр, предлагающий своим жителям все возможные блага [16].

Во-вторых, трудовые достижения бригады Булахова в составе 22-х человек объясняются исключительно коммунистической моралью. Мол, решающим условием успехов бригады явилось не ее исключительное положение (специально созданные условия труда), а чувство ответственности и дух коллективизма.

Строитель Минска (рис. С. Геруса)

В эти понятия, если верить брошюре, входит также совместное преодоление вредных привычек (пьянства и курения), критика и самокритика, бережное отношение к расходованию материалов, поиск новых, более эффективных приемов работы. Итак, чтобы преобразовать «старого» человека в «нового», ему достаточно увидеть смысл своего труда в пользе для общества и понять важность самодисциплины.

В-третьих, бригадир выделяется в брошюре особой любовью к своей профессии и непрерывным совершенствованием мастерства. Но реализоваться на поприще руководства бригадой он смог только благодаря тому, что серьезно относился к патриархальной роли учителя-воспитателя, заботившегося о подготовке достойной смены.

В заключение сказано, что выполнение партийной программы требует «подвигов в трудовой сфере». Сама эта формулировка свидетельствует, что речь идет о рядовых тружениках, вовсе не о сверхчеловеках-героях. Однако и самому Булахову и его коллегам пришлось пожертвовать собой, превратиться из каменщиков в монтажники. Разве это не своеобразная трагедия?!

5. *Эхо легенды.* После внедрения крупнопанельного строительства каменщики больше не были нужны пропаганде в качестве персонажей. Тем не менее, ле-

---

* Аура (греч. «дуновение») — невидимые биологические (или психические) излучения вокруг живых объектов (отдельных людей, коллективов, толпы, поселений), воздействующие на психику.

Микрокосм (греч.) — здесь коллектив как подобие общества в целом.

Этос (греч. «нрав, обычай») — устойчивые черты характера человека. Можно сказать — «стержень личности». — *Прим. ред.*

генда о герое надолго пережила выход Д.Г. Булахова на пенсию. О нем вспоминали всякий раз, когда надо было напомнить об усилиях минчан по восстановлению города после войны. Он также был желанным оратором на заседаниях партийного актива строителей и популярным рассказчиком на уроках в городских школах. При этом его всегда преподносили аудитории как строителя нового Минска и основателя новой традиции [17]. Его слава стала меркнуть только тогда, когда миф социалистического города утратил свою объединяющую силу и был заменен на миф о городе-герое.

III. Человек-герой и город-герой

Чтобы найти ответ на вопрос о смысле мифа героизма, надо еще раз взглянуть под другим углом на ту основу, на которой был нарисован образ персонажа пропаганды Дениса Григорьевича Булахова.

Отметим прежде всего, что звание «Герой Труда» было введено в 1927 году, а в 1938 году дополнено определением — «Социалистического». Титул «Герой Советского Союза» было специально учреждено в 1934 году для летчиков, спасавших участников экспедиции затонувшего в Северном Ледовитом океане парохода «Челюскин». Подвиг летчиков и стахановское движение привели к возникновению культа героев. Этот культ, который формировало руководство компартии, разворачивался вокруг самоотверженной борьбы за социализм, которую ведет «большая семья» со Сталиным-отцом и Родиной-матерью. Герои отвечали за осуществление чрезвычайных вещей (подвигов) и, тем самым, исполняли роль пионеров-первопроходцев и идеальных примеров. При этом с существительным *герой* и прилагательным *героический* связывалось представление о чрезвычайной активности и готовности к выдающимся свершениям.

От героев-летчиков и героев труда 30-х годов было недалеко до героев войны 40-х годов, большинство которых получило это почетное звание после смерти. Во время войны культ героев обогатился двумя аспектами. Во-первых, количество героев стремительно возросло в 20 раз: с 626 до примерно 12530 человек. Во-вторых, идея героизма конкретизировалась с награждением Сталинграда в 1943 году званием «город-герой». Быть героем означало теперь самоотверженно служить родине и упорно сопротивляться внешнему врагу.

В послевоенное время флюгер повернулся еще раз. Когда при Хрущеве стали пропагандировать преодоление культа личности Сталина и строительство коммунизма, звание героя утратило свое эксклюзивное значение. Излишняя щедрость в раздаче наград формально вела к формированию общества героев. С одной стороны, значение подвига отдельного человека путем массовой героизации снижалось до повседневного дела. С другой — каждый коммунист получал возможность сыграть роль героя.

Именно в такой связке следует рассматривать идеологическую метаморфозу пропагандистского образа Минска — превращение его из «социалистического города» в «город-герой». Этот процесс стал отражением трех этапов социальных преобразований, пережитых Советским Союзом за 70 лет своей истории, с декабря 1922 по декабрь 1991. Если интерпретировать сталинизм как способ модернизации экономики, то в конце 20-х годов советское общество испытало мо-

билизацию, в конце 30-х – атомизацию, а в конце 50-х – консолидацию. В качестве отдельных этапов указанных трех исторических периодов выделяются нивелирование населения (национализация промышленности, коллективизация сельского хозяйства, ликвидация классовых врагов), смена элит (пролетаризация выходцев из деревни, повышение статуса квалифицированных работников и специалистов, партийные чистки) и закрепление новых социальных иерархий (номенклатура, трудовые династии, интеллигенция как класс).

Параллельно происходила стремительная урбанизация, на которую должны были реагировать авторы планов социальной политики. В конце 20-х годов идеология градостроительства базировалась на утопических проектах «коммун», в середине 40-х – на обеспечении базовых потребностей людей, с 60-х годов – на создании нормальных бытовых условий для каждой семьи. Ориентиром в строительстве жилья был сначала дом-коммуна, потом «коммуналка» с общей кухней, ванной и туалетом и, наконец, отдельная квартира в микрорайоне.

На этом пути снова и снова вставал вопрос о принадлежности человека к определенному лагерю. В 20–30-е годы идентичность определялась социальным происхождением, в 50–60-е – поведением на войне. Соответственно в плоскости «друг – враг» в 30-е годы полюсами были «стахановец» и «кулак», в 50-е – «партизан» и «предатель».

Потому не удивительно, что Минск в тот период был объявлен – после Сталинграда (Волгограда), Ленинграда, Киева, Одессы, Севастополя, Москвы, Брестской крепости, Керчи и Новороссийска – десятым городом-героем. Правда, из-за противоречий между Кремлем и «партизанской фракцией» в ЦК компартии БССР награждение произошло только 26 июня 1974 года по поводу 30-летия освобождения Беларуси от немецкой оккупации.

Высокая честь была обоснована в указе Верховного Совета СССР тем, что столица Беларуси имеет «заслуги перед Родиной» в борьбе с нацизмом и сыграла особую роль в развитии партизанского движения, так что можно говорить о ее мужестве и героизме, несмотря на три года жизни под оккупацией. Со своей стороны, компартия БССР последовательно делала привязку к советскому патриотизму, чтобы использовать цельный канон ценностей героического мифа.

В такой интерпретации между «подвигом в бою» и «подвигом на трудовом фронте» существовала взаимозависимость. Согласно ей, выполнение и перевыполнение пятилетних планов было тождественно победам на фронте.

IV. Резюме

Героический миф и мемориальные ритуалы служили в Советском Союзе тому, чтобы население усваивало официальный канон норм и ценностей. Однако стабильность политической системы в послесталинскую эпоху основывалась, по сути дела, на том, насколько обеспечивались рост уровня жизни и возможности для индивидуальной самореализации. Гарантия наличия рабочих мест и стабильность цен создавали предпосылки для достижения консенсуса в массах. Награды и привилегии фиксировали различия в статусе и способствовали дифференциации внутри социальной структуры. Власти требовали конформизма, ответом общества была ориентация на потребление. В таком контексте понятие «герой»

воплотило доступный в той или иной форме всем «советским людям» проект жизни, который не только служил поддержке социализма, но и позволял получить личную выгоду от этого строя.

Все же между культом героев 30-х и 50-х годов было существенное различие, обусловленное утратой утопии. Пропаганда сократила «сверхчеловека» до нормальных размеров. От Булахова совсем не требовали столь выдающихся достижений, как в свое время от Стаханова. Денис Григорьевич был героем локального масштаба. С одной стороны, он представлял профессиональную группу рабочих-строителей, и его, соответственно, восхваляли как рационализатора и механизатора. С другой стороны, он олицетворял надежды массы населения, страдавшего от нехватки жилья, и в этом плане должен был излучать энтузиазм и готовность удовлетвориться малым. Одновременно он воплощал в своей персоне традиции «нового Минска».

За угасание звезды Дениса Григорьевича в 70–80-е годы ответственны, прежде всего, три фактора. Во-первых, переход от этапа восстановления к крупному индустриальному городу был связан со сменой поколений и изменениями в идентичности. Во-вторых, в эпоху серийного производства каменщики хотя и не исчезли, но потеряли прежнее значение. В-третьих, инфляция звания героя во время десталинизации, и перевод идеи героизма в материальную плоскость привели к снижению авторитета выдающихся личностей.

Наконец, когда Советский Союз под давлением извне распался, начался поиск национальной идеологии через обращение к традициям дореволюционного времени и произошло принятие стратегии жизни, ориентированной на западные нормы благополучия.

Хотя в Минске обошлось без свержения старых идолов, коммунистические символы и памятники превратились в коллективной памяти в реликты стародавних времен. Появилось много новых мифов. Один из них утверждает, будто бы все по-настоящему хорошие здания в Минске построили после войны военнопленные, а не герои-строители типа Дениса Булахова.

Источники ссылок:

[1] В русском языке к взрослому человеку обращаются по имени-отчеству, тогда как фамилия обозначает индивида нейтральным образом. Поэтому дальше мы будем говорить «Денис Григорьевич», если речь идет о персонаже пропаганды, и «Булахов», если имеем в виду реальную персону.

[2] Минск — город-герой. Справочник. Минск, 1976, с. 257; Почетные граждане города Минска. Минск, 1980, с. 5–6.

[3] Thomas M. Bohn: Minsk — Musterstadt des Sozialismus. Stadtplanungund Urbanisierung in der Sowjetunion nach 1945. Köln — Weimar — Wien, 2008.

[4] Социалистическое соревнование строителей Сталинграда и Минска / Под ред. П.И. Котободова/. Минск, 1950.

[5] Например, Д.Г. Булахов брал обязательство повысить производительность своего труда в следующей публикации: «Советская Белоруссия», 5.09.1950 (№ 179), с. 1. Вместе с тем он делал предложения по экономии: Булахов Д. Комплексное снижение стоимости строительных работ // «Советская Белоруссия» /далее — «СБ»/, 6.06.1952 (№ 133), с. 2.

[6] Михинов Н. Ветеран стройки // «СБ», 16.08.1958 (№ 191), с. 1.
[7] Булахов Д. Г. Строим город. Минск, 1961.
[8] Аркадьев Б. Города почетный гражданин // «Вечерний Минск», 1.11.1967, с. 2.
[9] Ил. 1. Взята из справочника «Минск — город-герой» (ссылка 2), с. 5.
[10] Расхождение в публикациях: а) Социалистическое соревнование... (ссылка 4), с. 33–34, 42–43; б) Астрейко А.И., Павлович В.Ю. Гордое имя — строитель. О делах и людях ордена Ленина стройтреста № 5 города Минска. Минск, 1975, с. 34–35.
[11] Праздник советских строителей // «СБ», 12.08.1956 (№ 187), с. 1, 2.
[12] Снимок Дениса Булахова // «СБ», 22.10.1957 (№ 250), с. 1.
[13] Из книги: Белорусская станковая графика. Минск, 1978, с. 87.
[14] Мы расскажем о Минске. /2-е, перераб. и доп. изд./ Минск, 1966, с. 88–96.
[15] Булахов Д. Строим город (см. ссылку 7).
[16] Булахов Д. Прекрасный родной Минск // «СБ», 3.07.1959 (№ 154), с. 3; он же: Утро над Минском // «СБ», 26.05.1964 (№ 121), с. 2.
[17] Харкевич А. Человек и его город // «СБ», 11.01.1973 (№ 9), с. 2.

ХОББИТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ЛЕСА, ИЛИ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ирина Ходоренко

В попытках определения характера современной белорусской культуры нельзя обойти вопрос национальной самоидентификации белорусов, поскольку именно она формирует ядро этой самой культуры и определяет ее особенности. Как подметил известный филолог Пётр Васюченко, белорусы остаются хоббитами европейского леса*.

Действительно, в нашей культуре наблюдается нечто уникальное. С одной стороны, тот факт, что Беларусь находится в центре Европы, известен каждому гражданину страны**; с другой стороны — она представляет собой некую удивительную лакуну, полигон для сталкинга*** в контексте европейского информационного пространства. Белорусы не только не сформировались окончательно как нация, но и застыли на мосту переходного периода, словно в ожидании сакральных знаков свыше.

А какие аллегорические параллели вызывает в массовом обывательском сознании наша земля! Болотный край, картофельно-огуречная республика, транзитная зона, заповедник социализма, последняя диктатура Европы, и даже — «колхоз имени Потёмкина»! И сами белорусы, словно последние из могикан, исполняют роль некоего реликтового племени, которому издревле суждено колебаться между Востоком и Западом, находиться в пограничном состоянии на пересечении исторических путей. Эту мысль четко сформулировал почти столетие

---

*Кто такие хоббиты? Это один из народов вымышленной страны Средиземья в сказочных произведениях английского писателя Дж. Толкина (1892–1973). Хоббиты — центральные герои его повести «Хоббит, или Туда и обратно» (1937 г.), романа «Властелин колец» (1954 г.), и некоторых других произведений.

Хоббиты живут в деревнях и занимаются сельским хозяйством. Мастерят телеги, строят мельницы и мосты, изготавливают сельский инвентарь, прочие нужные для жизни вещи. Они любят спокойную, размеренную жизнь, избегают опасных приключений. Их девиз: «Мы простой мирный народ, приключений не любим. От них одно беспокойство».

В переносном смысле, хоббиты — крестьянский народ, живущий в глухих местах, противопоставляющий себя жителям городов и весьма далекий от современной информационной цивилизации. (Редактор)

** Место Беларуси на карте мира вопрос не географический, а политический. Территорию Московского государства от его западных границ до Урала начали считать частью Европы только к концу правления царя Петра I, т.е. к 1725 году. Царь-реформатор платил солидные суммы голландским и немецким картографам за то, чтобы они называли прежнюю «Великую Тартарию» — Россией и показывали ее на своих картах как часть Европы.

Многие современные российские идеологи заявляют о том, что Россия — особая цивилизация, и противопоставляют ее Европе. С такой точки зрения, восточный рубеж Европы это (с севера на юг) Финляндия, Эстония, Латвия, Летува, Беларусь, Украина, Балканские страны. Никакой мы не центр, мы — окраина! — *Прим. ред.*

*** Сталкинг — в данном контексте это проведение социальных экспериментов в зоне отчуждения. — *Прим. авт.*

назад наш философ Игнат Абдиралович*. С другой стороны, дихотомия «Восток – Запад» не такая уж и старая, как кажется. По мнению современного философа Валентина Акудовича, ранее на наших землях существовала совершенно иная смысловая дилемма, а именно «Север – Юг». Но в период Средневековья идейные полюса сильно сместились...

Для успешного выживания в современном мире государство должно не только обладать солидными ресурсами (природными, экономическими, людскими), но также иметь идейно-культурный иммунитет к вредным влияниям извне. Под этим иммунитетом подразумевается развитая система национальной идеологии и гражданского общества; прочно закрепленное в массовом сознании самобытное духовное наследие; наличие в ряду высших ценностей понятия свободы и стремления к ее защите. Однако из-за многовекового колебания белорусского мировоззренческого «моста» в разные стороны у нас имеются серьезные проблемы с этим набором качеств, необходимых для сохранения «запаса прочности».

Если какой-то регион долгое время является колонией, это отрицательно сказывается на ментальности его населения, ведет к девальвации традиционной системы ценностей и существенной деградации (либо даже исчезновению) национальной культурной элиты. И это несмотря на то, что социально-экономические показатели развития могут демонстрировать более или менее привлекательную картину. К сожалению, необратимый негативный характер многих социокультурных процессов в нашей стране по сей день остается вне сферы внимания большинства общественных лидеров, которые заботятся преимущественно о военной и экономической безопасности страны.

Белорусам, абсолютно не тяготеющим к мессианским идеям (в отличие от поляков и русских, считающих своим священным долгом заниматься активным «окультуриванием» соседних территорий в соответствии со сценариями, выгодными исключительно им самим), за прошедшие века пришлось выработать ради выживания конформистскую (т.е. соглашательскую) модель приспособления к внешним воздействиям. Это проявилось в религиозной терпимости, в относительно легком заимствовании бытовых норм, но больше и ощутимее всего – в сфере языка.

Дело не только в отмирании белорусского языка, которым даже профессиональные литераторы пользуются почти так, как работники медицины латынью – исключительно «на работе». Дело скорее в том, что белорусы слишком уж привыкли оглядываться по сторонам перед тем, как создать что-то свое. При этом тяга к заимствованиям опирается не на европейские стандарты (от которых мы отстаем как минимум лет на 20–25), а на деятельность так называемого «старшего брата».

Это особенно заметно на примере творчества современных белорусских эстрадных исполнителей. Наш главный фестиваль искусств «Славянский базар» можно считать образцом «лубочного» творчества, ориентированного на тех, кто

* См.: Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду. (4-е выданне). Менск, 1993.

не может избавиться от ностальгии по советскому прошлому, когда существовало единое культурное пространство, русскоязычное по форме, гибридное по содержанию. Кроме того, славянский дух на этом мероприятии не ощущается, там господствует космополитический китч и парад «фанерных» звезд российской «попсы». Это уже не столько культура, сколько пародия на неё. И даже рок-коллективы, позиционирующие себя в качестве «звёзд белорусского рока», не могут найти в себе смелость чтобы признать: творческий продукт, который они предлагают, сильно отдает нафталином, ведь исполняемую ими музыку люди слушают не потому, что она действительно актуальная и качественная, а потому, что почти нет выбора.

Культурное возрождение белорусов наши ближайшие соседи очень часто трактовали всего лишь как проявление регионализма в национально едином польском (или русском) обществе. Примечательны в этой связи строки из письма польского публициста Ежи Вышемирского, которое он в 1935 году прислал из Вильни в редакцию еженедельника «Литературные ведомости»:

> «Песня, которую вожди белорусов хотят сделать гимном освобождения, начинается со слов: «Веками мы спали, но нас разбудили», но это неправда. Горькую и едкую правду содержит намного более брутальная пародия этой песни, неизвестно кем, когда и в каких обстоятельствах сочинённая: «Веками мы спали, но нас разбудили, хлестнули по ж..е, и вновь положили».

После внезапного провозглашения независимости в 1991 году, свалившейся на белорусов подобно мешку картошки на голову человека в погребе, противостояние на уровне «мы» и «они» возвело новую границу — не только между белорусами и их соседями, но и между поколениями. С одной стороны — люди, привыкшие к советской системе культурных ценностей и производственных отношений, с другой — современная молодежь, в мышлении которой господствуют принципы и нормы рыночных отношений, в том числе в сфере творческой деятельности. Разделение произошло и среди творческой интеллигенции — на «честных» (пользующихся официальной поддержкой) и «нечестных» (неформальных, андеграундных деятелей). Начала также вырисовываться типичная для Беларуси ситуация с так называемыми «предателями», которых у нас хватало во все времена, что нашло отражение в анекдоте: «Один белорус — партизан, два белоруса — партизанский отряд, три белоруса — партизанский отряд с одним предателем».

Популярный лозунг «Беларусь — за стабильность!» на самом деле опасен, поскольку стабильность очень часто является атрибутом застоя, что фактически и присуще сейчас нашей культуре. В социальной, культурной и научной сферах мы видим уже не стабильность, а стагнацию, вопреки систематическим пафосным репортажам о непрестанном росте валового внутреннего продукта и значительном подъеме уровня материального благосостояния граждан. Все это удивительно похоже на «период застоя развитого социализма» при Брежневе*.

* Л.И. Брежнев занимал пост генсека ЦК КПСС с октября 1964 по ноябрь 1982 г. Эти 18 лет и есть «период застоя». В энциклопедическом словаре сказано кратко: «В период пребывания Брежнева на высших партийных и государственных постах в стране возобладали консервативные тенденции, нарастали негативные процессы в экономике, социальной и духовной сферах жизни общества». — *Прим. ред.*

Тут уместно вспомнить, что одним из лучших примеров стабильности является кладбище – там всегда тихо, спокойно и неизменно... Известный белорусский фолк-музыкант Олег Хоменко однажды в частной беседе резонно заметил, что «белорусы – какие-то некрофилы в культурном смысле. Любят жить прошлым, следовать обычаям предков, собираться на кладбищах...».

Наш государственный аппарат сотворил в экономической сфере некоего Франкенштейна в виде странного сиамского близнеца планово-рыночной экономики, а характер регламентации образовательно-просветительской сферы напоминает попытки туземцев построить самолет из досок. Социокультурная ситуация с каждым годом ухудшается еще и потому, что власти вполне осознанно игнорируют завет легендарного борца за свободу народа Кастуся Калиновского:

> «У эшафота говорю тебе, народ, что только тогда заживешь счастливо, когда москаля над тобой уже не будет».

Сильнейшая зависимость от России не только в ресурсном, но и в культурном плане посодействовала тому, что в коллективном подсознании существенно трансформировался наш социокультурный код. Результаты очевидны: возрожден во всей своей убогости масскульт местного изготовления, о котором заботятся государственные инстанции; имитируется народность в соответствии с советской формулой «национальное по форме, социалистическое (теперь, видимо, просто идеологическое) по содержанию». То и другое оборачивается ужасающей экспансией чужого – в данном случае, российского масскульта.

Эпидемия массовости неуклонно поглощает нас всех и каждого в отдельности. Деструктивный пустмодернизм (именно пуст-, от слова «пустой», а не постмодернизм) – вот характеристика, наиболее соответствующая нынешнему состоянию отечественной профессиональной культуры. Повсюду мы видим пропасть между поколениями. С одной стороны те, кого называют «застабилами»: они не способны смотреть дальше собственного носа и руководствуются древним принципом «лишь бы не было войны». С другой – новое поколение молодёжи, представители которой больше всего заботятся о собственном благополучии и комфорте, а цвет ногтей, вариант оформления персональной странички в Интернете и гламурные тусовки волнуют их намного больше политических репрессий. И где-то между этими двумя полюсами скрылось поколение «Х», успевшее глотнуть свободы в 1990-е годы, но уровень пассионарности последнего не столь высок, чтобы оно могло что-то кардинально изменить в обществе.

В сфере культуры господствуют массы и так называемые «колхозаны», принесшие с собой бациллу «трэшевости» и примитивизма. Необходимость самораскрытия творческой индивидуальности в такой ситуации прячется где-то за кулисами, ибо главным ориентиром успеха становится реакция большинства населения*. Того самого большинства, которое, по мнению канцлера ВКЛ Льва Сапеги, никогда не принимает правильных решений.

Еще более удивительно то, что для многих современных творцов простое наличие хоть какой-то реакции представляется намного более важным, нежели

* Трэшевость (от англ. trash – мусор) – культивирование примитивизма и вульгарности в качестве новой культурной парадигмы. – *Прим. авт.*

сама деятельность. Их обвиняют в бессмыслице, невежестве, глупости, плагиате — подумаешь! Главное — оставить «свой след» в глобальном информационном пространстве, накопить как можно больше «гугликов», разбрызгать повсюду как можно больше виртуальных капель своей активности*. Возникает ощущение, что все полки в шкафу нашей культуры оказались заполненными разнообразными китайскими подделками. Разница лишь в том, что создано это множество «культурных продуктов» не усердными кустарями из Поднебесной, а нашими соотечественниками.

Современные белорусские крестьяне

Идея культурного диалога в ситуации с Беларусью пока выглядит непродуктивно, так как голос нашей национальной культуры до сих пор остается невнятным. Его заглушают голоса не только ближайших соседей, но и отдалённых от нас представителей иных культур. Несмотря на условно задекларированное равенство в этом процессе, мы похожи на пигмеев, пытающихся разговаривать с великанами.

Извечные толерантность, сдержанность и скромность белорусов, кажется, играют с нами дурную шутку, способствуя тому, что влияние чужих культурных парадигм слишком часто оказывается сильнее традиционных национальных ориентиров. Публицист Алесь Чобот отметил:

> «Европейская цивилизация ... строится на приоритете человека над кланом, на почитании прав меньшинства. Под это право подпадают и частная собственность, и демократические свободы, и ограничение власти и государства конституционным правом, и даже... национально-языковые вопросы ... Но для нашего кланового «сознания» это на сегодняшний день — тёмный лес (...).

* Гуглик (от названия поисковой системы «Google») — условная единица известности, равная одному упоминанию в Интернете. — *Прим. авт.*

Проблема исчезновения нашей культуры не ограничена проблемами исчезновения одного лишь литературного языка. Беда в том, что наш духовный уровень так и застрял где-то там, перед войной 1914 года. К примеру, на литературное творчество мы по-прежнему смотрим как на долг служения – клану или Отчизне, оппозиции или власти, или хотя бы своей «независимой» литературной «тусовке». Не уважаем само слово...»

Вообще, попытки управления творчеством на уровне официальной регламентации выглядят так же нелепо, как идея преобразования Беларуси в космическую державу. Культуролог Максим Жбанков в работе «Культура мусора и мусор культуры» пишет:

«Аппарат административно-бюрократического управления культурой остался практически тем же самым с советских времен ... Именно этим и определяется современное состояние белорусской культуры. Агрегат официальной культуры работает в режиме «грохота». Его усилия вместо актуальных мировоззренческих концептов и моделей социальной активности рождают лакуны в пространстве общества. Это бег по кругу, работа в холостом режиме, Время Ноль...

Ситуация полностью соответствует состоянию дел на «нормальном» белорусском заводе: работают из рук вон плохо, но уволить никого нельзя, продукция особо никому не нужна, но изготовление ее никогда не прерывается. Результат никого не интересует, главное – «абы тихо». Без шока и непопулярных шагов».

Анализируя ситуацию с позиции культурологии, невозможно игнорировать тот факт, что «герой» нашего времени, главный потребитель культурного продукта творческой интеллигенции – это человек толпы, среднестатистический обыватель. Именно на его неразвитые потребности и ограниченные возможности нацелена активность сегодняшних культурных институтов Беларуси. Куски разнородной информации, обрывки культурных субстратов, обломки артефактов смешиваются для него в эклектический «микс» псевдокультуры.

А вот горожане, вчерашние крестьяне

В таком обществе любая власть может чувствовать себя комфортно, поскольку прослойка национальной элиты фактически уничтожена, а ее остатки слишком слабы для того, чтобы создать реальное сопротивление тотальному погружению в информационную трясину. Монополизация государством средств массовой информации вынуждает население поглощать гигабайты дикой чуши под вывеской новейших творческих достижений.

Тот, кто хочет творить не для серой массы, а для немногочисленных лиц, способных мыслить независимо, тот неизбежно начинает двигаться вниз по лестнице контркультуры — к андеграунду. Подобное явление характерно не только для Беларуси, однако именно в современной Беларуси оно приобрело весьма специфический вид.

Обобщая основные тенденции в современной белорусской культуре, следует выделить следующие: 1) маргинальность; 2) периферийность; 3) трэшевость; 4) негативизм; 5) отсутствие пассионарности; 6) виктимность; 7) мозаичность; 8) неопределенность (сумбурность)*.

Современная белорусская культура продолжает оставаться преимущественно постсоветской по своему духу, общей атмосфере и механизмам осуществления творческих инициатив. Вдобавок она по-прежнему колеблется между Сциллой Запада (Европы) и Харибдой Востока (России).

И все-таки белорусы — европейцы, а не азиаты и, тем более, не какие-то придуманные «евразийцы». Пусть сами они пока не могут до конца осмыслить этот факт, но существование в системе автаркии рано или поздно должно перейти на новый уровень, предусматривающий конструктивное взаимодействие с другими культурами и фильтрацию чужих культурных ценностей вместо пассивного их принятия и заимствования**. Наша сила — в скрытой глубине нашего национального духа, пусть даже искалеченного наслоениями иностранных эрзацев на поле исторического развития.

Некогда Адам Мицкевич в лекциях по славянскому фольклору и филологии, которые он читал в Париже, так высказался о соотечественниках-литвинах: «Жизнь их полностью в их духе. На их земле история полна тоски и печали».

Печаль и скорбь — типичные черты современной неофициальной белорусской культуры, которые формируют параллельную реальность в противовес натужным, но искусственным радостным воплям культуры официальной. Поэтому каждый из белорусских творцов невольно попадает сегодня в ситуацию, когда

---

* Маргинальность — это промежуточность, «пограничность» положения как между разнородными социальными группами, так и между разными системами ценностей, что сильно влияет на образ мышления и поведения (пример из поговорки: «ни в городе Богдан, ни на селе Селифан»).

Пассионарность — потребность и способность к целенаправленному изменению социальной действительности; активная деятельность, проявляющаяся в стремлении индивида к этой цели.

Виктимность — внутренняя склонность занимать позицию жертвы внешних обстоятельств.

Мозаичность в культуре — ситуация, характеризующаяся хаотическим восприятием разнородной информации, в результате чего эта информация не организуется сознанием субъекта в иерархически упорядоченные структуры, а состоит из разрозненных обрывков, связанных чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по внешнему сходству и т.п. — *Прим. авт.*

** Автаркия (греч. «самоудовлетворение») — создание хозяйства, замкнутого в рамках отдельной страны или региона. — *Прим. ред.*

он обязан найти и продемонстрировать свой — в идеале достойный и яркий — ответ на вызов, брошенный ему, словно перчатка, нынешним временем.

Ведь, если внимательно присмотреться, то чего мы в глобальном масштабе добились за последнюю четверть века в сфере культуры? Разве что победы на детском Евровидении!

Зато последовал очередной поток высокопарных рассуждений о бренде Беларуси и о том, как его необходимо раскручивать. Наш бренд в нынешнюю эпоху — это черный квадрат великого Казимира Малевича из маленького белорусского местечка Копыль.

На что, в свою очередь, надеялись обладатели непомерных амбиций, демонстрируя общественности заранее безнадежные проекты по выведению республики из состояния коллапса? О чем думали многие представители творческой интеллигенции, забаррикадировавшиеся в ряду локальных тусовок и вывесившие на своих заборах транспаранты: «кто не из нашей песочницы, те сюда не лезьте»?!

А насколько хватит запала у многочисленных псевдопатриотов всех мастей (тех, кто вцепился мёртвой хваткой в субсидии из бюджета РБ, и тех, кто кормится за счёт зарубежных грантов), если внезапно иссякнут источники финансирования? На месяц или на год?..

Скажу жестче: как народ мы прос..ли четверть века эпохи независимости. Наши официальные и неофициальные элиты оказались не в состоянии выработать яркую, привлекательную и понятную большинству (на которое так или иначе приходится опираться) стратегию национального, а не просто государственного развития. Такую стратегию, которая бы оптимально соответствовала наличной ситуации (демагогия типа «своего курса», «специфической модели», «многовекторности» и «третьего пути» в расчет не принимается). Более того — они оказались неспособны элементарно вести диалог между собой, крепить единство и согласие внутри народа, чего нам всегда не хватало. Если мы даже и «летим к звездам», как утверждал национальный гений Максим Богданович, то явно не вместе, а порознь.

Золушка-Беларусь застыла в ожидании принца. Нас заклинило на формулировании национальной идеи, а этот гипотетический цветок папоротника так и не расцвел. Мы оказались неготовыми к тому, чтобы действовать самостоятельно и нести ответственность за свои поступки, а не обвинять по-прежнему в своих бедах окружающий мир. Ведь свобода поступков неразрывно связана с личной ответственностью за них — это очень серьезный экзамен, выдержать который под силу далеко не каждому.

Мне приходилось жить и работать в разных странах мира. Не просто участвовать в культурных и научно-образовательных мероприятиях или посещать как туристкё, что тоже случалось, а именно жить. Длительное время было проведено в Норвегии, Германии, Польше. В итоге пришлось сделать весьма грустные выводы о представлении белорусской культуры за рубежом. То, что о нас мало кто знает в мире, давно не удивляет. Удивляет (и, надо сказать, неприятно) то, что среди знакомых с Беларусью, и понаслышке, и более тесно, типичная реакция в

отношении нас — ...сочувствие. Нас жалеют, нам хотят помочь выбраться из той жалкой пещеры, в которую мы сами себя загнали, добровольно популяризируя концепт «последней диктатуры Европы».

Именно поэтому на Западе востребованы деятели вроде художницы Марины Напрушкиной с ее комиксами про усатого вождя, а также спектакли оригинального, но вместе с тем слишком политизированного Белорусского Свободного Театра. Это как раз тот формат, в который мы закутались, презентуя «актуальное белорусское искусство». Единственное исключение, пожалуй, могут составить артисты, работающие в области классического искусства (балет, симфоническая музыка, графика) и фольклора. Но демонстрация творчества тех представителей культуры, искусства и литературы, которые периодически попадают за границу с собственными проектами, обычно выглядит случайным всплеском в море неизвестности Беларуси.

Особое сожаление вызывает то обстоятельство, что чего-то подлинно белорусского в деятельности современных творцов чаще всего нельзя разглядеть даже сквозь огромную лупу. Формальный же интерес иностранцев к стране на обочине Европы подобен интересу к выставке экзотических растений. Белорусов не воспринимают как равных, на нас смотрят как на детей, которые лишь недавно научились ходить. Так кто виноват в этом? Неужели несведущие, ограниченные жители Запада? Нет, виной тому наша собственная и вездесущая местечковость!

Например, в Кракове, где проживает около четырех сотен белорусов, разнообразные мероприятия в рамках Недели белорусской культуры посещает лишь дюжина энтузиастов! В Варшаве, где постоянно живут уже несколько тысяч соотечественников — аналогичная ситуация. Та же картина в Праге, Берлине, Лондоне, Нью-Йорке. А где остальные? Спрятались от самих себя, открестились от своей «белорусскости», растворились в чужой культуре?

Не скрою, порой бывает стыдно и за свою страну и за соотечественников. А точнее за то, как мы выглядим в глазах жителей зарубежья. Клеймо убогих, которых постоянно угнетает тоталитарная власть и хочет окончательно сожрать постимперская Россия, по большому счету, уже всем опостылело до чертиков. Но оно приносит определенные «плоды». Европейские структуры продолжают тратить гранты на «борьбу за демократию» и поддержку национальной культуры. Те самые европейцы, от которых мы открещиваемся на бытовом уровне, возмущаясь «падением нравов» в виде гей-парадов, фактически подпитывают фундамент нашего существования.

Прискорбно и то, что великому множеству белорусских граждан, которые ежедневно на автопилоте прилипают к телевизору или проваливаются в пучину Интернета, эти усилия, по сути, «до лампочки». Их абсолютно не волнуют проблемы становления и развития своей нации. И это полностью соответствует теории циклического развития, согласно которой нации, как и деревья, как города, могут развиваться или чахнуть, возрождаться или умирать.

Об этом много писали немец Освальд Шпенглер, англичанин Арнольд Тойнби, русские ученые Питирим Сорокин, Николай Кондратьев, Николай Гумилев и (внимание!) известный разве что в узких кругах исследователей бело-

русский философ Николай Крюковский*. Кстати, интерес к наследию последнего у соотечественников зашевелился лишь тогда, когда за собрание сочинений этого выдающегося мыслителя взялось одно российское издательство.

Всегда важно осознавать, на каком отрезке такого цикла находится нация. Хотя бы для того, чтобы постараться избежать ее гибели. Если мы будем по-прежнему закрывать глаза в ожидании милости свыше и отворачиваться от глобальных проблем нашего общества, надеясь, что кто-то их решит вместо нас (или что всё утрясётся само собой), это лишь ускорит приближение к пропасти, из которой можно уже не выбраться. Человек, привыкший в случае опасности прятаться от нее, должен быть готов к тому, что окружающий мир запомнит его задницу, а не лицо. То же самое и с народами.

Чтобы критически посмотреть на собственные недостатки, вдобавок нужна смелость, которой не хватает. Нам легче в очередной раз сесть на гвоздь и перетерпеть. «Стерпится-слюбится» — это про белорусов. Гипотезы относительно нашего национального мазохизма и самоедства действительно имеют под собой основания, однако уже давно пора смотреть на вещи шире. Нравится это кому-то или нет, существуют объективные законы бытия и цивилизационного развития, с которыми приходится считаться.

Как реагирует человек, которому сообщили о наличии у него смертельной болезни? Первым делом он отказывается верить диагнозу. Надеется, что это ошибка, что здесь что-то напутали. Пытается переключиться на другие вещи. Лихорадочно мечется в поисках спасения. Атеисты становятся верующими, злодеи внезапно встают на путь духовного просветления.

А что выбирают наши современники в такой ситуации? Прячутся под зонтик романтического взгляда на окружающую действительность, закрываются в уютных сообществах-капсулах и сидят там, ожидая сильного «пенделя» извне, так как: 1) все равно ничего не изменишь; 2) мы люди маленькие, от нас ничего не зависит; 3) Запад (или Россия) нам поможет; 4) а что мы с этого будем иметь? 4) не так уж все и плохо, и т.д. и т.п. Этот, как фигурально очертил его Владимир Короткевич, «паршивый белорусский романтизм» очень мешает сегодня. Мы настолько увлеклись иллюзорным светом архаично-патетической возвышенности «Беларушчыны», что пытаемся превращать её в шоу, теряем способность трезво оценивать обстановку, которая на самом деле далека от того, чтобы чувствовать «головокружение от успехов».

А еще мы очень любим культивировать и сакрализировать свою толерантность, которая на самом деле не такая уж всеобъемлющая. Да, у нас не было трагедий вроде уничтожения поляками евреев в деревне Едвабно или взаимных кровавых расправ, как у поляков с украинцами и наоборот. Но наряду с этим мы нередко забываем (точнее, молчим) о том, что в годы Второй мировой войны хватало случаев, когда родные братья оказывались по разные стороны барри-

* Николай Игнатьевич Крюковский (1923–2013) – доктор философских наук, автор шести монографий: «Логика красоты» (1965), «Основные эстетические категории: Опыт систематизации» (1974), «Кибернетика и законы красоты» (1977), «Homo pulcher: Человек прекрасный» (1983), «Философия культуры: Введение в теоретическую культурологию» (2000), «Блеск и трагедия идеала» (2004). – *Прим. ред.*

кад — один был партизаном, второй — полицаем, при этом ужинали они вместе за одним столом. Помалкиваем о том, что во время митингов протеста на Площади вместе с теми, кто по велению сердца шел отстаивать право граждан на честные выборы, было немало «сознательных» совсем другого разлива — тех, кто умышленно хотел получить по голове дубинкой, чтобы потом получить стипендию за рубежом и «откосить» от армии. Немало таких, кто и сегодня пытается (зачастую успешно) сыграть роль жертвы — отчисленной, уволенной, посаженной — якобы по политическим мотивам, хотя отнюдь не все из подобных лиц являются теми, за кого пытаются себя выдавать.

Мы игнорируем то, что в нашем недозревшем гражданском обществе, помимо активистов, искренне стремящихся изменить жизнь к лучшему, расшевелить это унылое болото, хватает проходимцев, готовых перекраситься в любой цвет, взять в руки любой флаг, лишь бы получить впоследствии ожидаемые бонусы. Мы не считаем аномалией бесконечные ссоры и делёжку «шкур неубитых медведей» внутри творческих объединений, длящиеся годами... Логика при этом такова: главное — мы пока еще не вымерли, как динозавры, а то, что люди становятся все более похожими на овощи, взращиваемые в тепличных условиях, так это ерунда по сравнению с войной, которой у нас, к счастью, нет.

На последнем съезде Союза белорусских писателей была озвучена катастрофическая статистика: 70 % жителей страны не в состоянии назвать ни одного имени из числа белорусских писателей; вспомнить Купалу и Коласа оказалось под силу менее 3 % по отношению к каждому из двух классиков! Некоторые члены Союза, естественно, сильно возмущались: их сознанию, застывшему в позавчерашнем дне, белорусская литература по-прежнему кажется авторитетным и влиятельным культурным феноменом.

Господа, сотрите пелену со своих глаз. Белорусская литература сегодня — это обобщенный сигнал SOS, который одни маргиналы ретранслируют другим маргиналам. Однако не стоит воспринимать это определение сквозь призму сплошного негатива. Маргинальность прежде всего означает промежуточное состояние перехода, пространство «между», сферу перманентного колебания. И тут в основном от нас самих зависит, в какую сторону качнётся маятник дальше.

Хотя, честно говоря, я с ужасом думаю о том печальном, но неизбежном моменте, когда уже не будет возможности заглянуть в глаза и пожать руку нашим классикам-современникам — Анатолию Вертинскому (84 года), Нилу Гилевичу (84 года), Сергею Законникову (69 лет), Алесю Рязанову (68 лет), Юрию Станкевичу (66 лет) и другим.

Свято место, как известно, пусто не бывает, поэтому страшно представить, кем оно может со временем заполниться. На горизонте уже обозначилась крикливая стая наглых посредственностей, не имеющих ни вкуса, ни такта, не говоря уже о таланте, которому, согласно известной теории, надо помогать, так как бездари пробьются сами. И что, мы будем по-прежнему добродушно и снисходительно (толерантно!) взирать на парад нелепости, который в качестве защитного амулета использует транспарант «современная белорусская литература»? Будем по-прежнему утверждать, что наша культура прекрасно развивается, а мы все из себя такие «белые и пушистые»? Так чем мы в таком случае лучше много-

численных штамповщиков макулатуры, которые честны хотя бы в том, что не пытаются выдавать свои сочинения за бесспорные шедевры?

Я не берусь утверждать, что скоро наше литературное поле целиком и полностью окучат графоманы и карьеристы, снимающие кальки с западных образцов унылой посмодернистской шелухи, для пикантности приправляя их матерщиной. Альтернатива существует всегда. Однако эта альтернатива далеко не всегда заметна и востребована. Как и белорусский язык, на похоронах которого мы сегодня присутствуем.

Почему экс-посол Швеции Стефан Эриксон смог самостоятельно изучить белорусский язык и свободно разговаривает на нем, демонстрируя блестящий пример всем нам, а обычный этнический белорус — нет? Вопрос не в том, что белорус не способен этого сделать, а в том, что он не хочет. Ему не нужно, не интересно, нет необходимости. Вот если бы с этого иметь хоть какую-то пользу, тогда бы он, может, и пошевелился бы... И тут нельзя все камни кидать в сторону государственной политики. Мы сами своим равнодушием выпустили джинна тотальной русификации из бутылки. А теперь попробуйте загнать его обратно, когда он убедил в своей непобедимости даже влиятельных белорусских общественных деятелей!

Что же касается хоббитов, то данное определение следует рассматривать не только как метафору (которая некоторых почему-то обижает), но еще и как комплимент! Ведь все чаще в отечественной культурной среде этих скромных тружеников творческой нивы начинают со скрежетом зубов вытеснять агрессивные гоблины, орки и тролли. А хоббиты, между прочим, хотя они и малозаметные, но сумели подорвать могущество злого волшебника Саурона.

Возможно, не все знают, что Саурон — это... одно из прозвищ В.В. Путина. А мрачный Мордор в последнее время все чаще преподносится как символ России. Так что читатели, склонные к свободным трактовкам текстов, смогут найти здесь повод для скандала. Особенно с учетом того, что процесс поглощения независимости Беларуси неугомонной соседкой с Востока происходит последовательно и — что наиболее обидно — благодаря всеобщей вялости и безразличию большинства населения. И еще благодаря пассивности нашей интеллигенции, многие представители которой любят мусолить тезис о том, что творец должен быть вне политики. Приходится в таком случае констатировать, что даже сказочные хоббиты обладали пассионарностью — в отличие от отечественных деятелей культуры.

В нынешних условиях рассчитывать на «хэппи-энд» или гордиться чрезвычайными культурными достижениями может либо очень наивный патриот, либо просто неосведомленный человек. Реальная обстановка такова, как в известной песенке о прекрасной маркизе, где «все хорошо, вот только маленькие мелочи — кобыла погибла, хозяин застрелился да поместье сгорело».

К слову, один из британских учёных, исследователь творчества Толкина, доктор Лант, сопоставив описание климата сказочного Средиземья, населенного хоббитами, с теперешними реалиями, пришёл к выводу, что более всего ему соответствует по своим характеристикам ...Беларусь. Совпадение весьма занятное.

Возвращаясь к теории циклов, отметим, что, судя по всему, в ближайшие годы никакого позитивного всплеска в сфере белорусской культуры не прогнозируется, а состояние ментальности нашего общества продолжит движение по кривой синусоиды вниз. Лететь со свистом на дно и улыбаться при этом невозможно. А утешаться можно, пожалуй, лишь тем, что мы пока ещё не достигли этого самого дна, хотя по пути лбы уже многие себе разбили. Единственное, что дает какую-то надежду на лучшее — уверенность в том, что каждый цикл имеет свое завершение. Другими словами, упадок не может быть вечным. После него — либо начинается подъем, либо... приходит конец определенной социокультурной формации, место которой занимают другие.

И тут уж не до метафор! Это многократно случалось в мировой истории. Но историю, в том числе своего народа, мы знаем плохо. Потому, вероятно, и считаем грандиозным достижением впихивание полутора тысячи лет в формат пятиминутного развлекательного мультика, потому и не осознаем в полной мере нарастающей опасности. Как там в официальном гимне? «Мы, белорусы, мирные люди...»

Склонность к экспансии (в том числе культурной) нам не свойственна. А жаль. Поэтому не исключено, что всем нам надо готовиться к очередной оккупации и периоду ассимиляции, учиться «служить и попрошайничать», подобно семейству Зябликов, описанному Янкой Купалой в пьесе «Тутэйшыя». Пока же мы продолжаем по привычке стонать о нападках внешних и внутренних врагов на «священную корову белорусскости», одновременно ожидая чуда. А вдруг Господь Бог наконец устроит белорусскому народу «золотистый, ясный день», мечту о котором вынашивали наши классики...

(Авторский перевод с белорусского)

РАССУЖДЕНИЯ О БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. РОМАН ПИСАТЕЛЕЙ И ПРЕЗИДЕНТА

Игорь Драко

Президент встретился с писателями Беларуси. На встречу были приглашены члены не только официального союза писателей, но и независимого. Не путайте: есть Союз писателей Беларуси и Союз белорусских писателей. Каждый уважающий себя потребитель белорусской литературы обязан знать, книжку какого писателя он потребляет: из СПБ или СБП.

Белорусам, которые не покупают книги белорусских писателей, не скачивают их в сети, не берут в библиотеке или у друзей, живется гораздо комфортнее: они знают, что белорусские писатели еще существуют и что все они – белорусские. Таких белорусов в сотни раз больше, нежели читающих книги, поэтому оба писательских союза могут спать спокойно: значительного роста числа клиентов у конкурента не предвидится.

Ну да, не хотят люди читать длинные тексты. И не в одной Беларуси. А у нас еще преграда в виде «языкового фактора»: вот любят наши писатели, чтобы показать богатство белорусского языка, вставлять на страницу по пять-десять таких словечек, *што мусіш лезці ў слоўнік*. А когда мне, менеджеру среднего или даже высшего звена, рыться в словарях, я же занят с восьми утра и до восьми вечера?!

Моему русскому коллеге намного проще быть «продвинутым»: что Улицкая, что Акунин, что Быков, что Пелевин, что Лимонов, что Прилепин – при всем различии их стилей и лексики – пишут языком, которым можно изъясняться в офисе и по телефону с заказчиками.

Вот он и читает по диагонали или через две страницы на третью в обеденный перерыв или перед походом в ночной клуб в субботу, а мне-то как быть? Он занимается интерьером квартир, и я занимаюсь тем же. Но клиенту он говорит «карниз» и в книге Пелевина, Лимонова и Улицкой читает «карниз», а я говорю клиенту «карниз», *затое у Бахарэвіча, Федарэнкі і Бабінай чытаю «гзымс»*.

«Какой, к черту, гзымс! – кричит в трубку заказчик. – Мне нужен обыкновенный карниз!»

Как нормальный патриот я должен был бы крикнуть в ответ:

«Ах, ты невук, з глуздамі, якія табе сапсавала імперская Расея! Няма ніякіх карнізаў, ёсць толькі гзымсы! Гзымсы, гзымсы, гзымсы, па ўсёй Беларусі толькі гзымсы і нічога болей! Ты мяне пачуў? Пачуў? Паўтарай: гзымс, гзымс, гзымс».

Я кідаю слухаўку і сам, знепрытомлены, пачынаю валіцца на падлогу ля акна, чапляюся за жалюзі – гзымс злятае са сцяны, б'е мне па галаве... Расплюшчваю вочы, бачу твар маёй калегі, якая пырскае на мяне вадой.

Но я, менеджер среднего звена, так не поступлю, и не потому, что не хочу деньги терять, а потому, что сам не знаю, как по-белорусски будет «карниз».

А если бы менеджер, читая по-белорусски написанную книгу, за все триста или пятьсот прочитанных страниц только дважды заглянул в словарь?

Это было бы свидетельством двух вещей: белорусский язык стал более популярным и писатели как производители литературного продукта могут рассчитывать на увеличение заработков.

Однако возрастание популярности белорусского языка не будет следствием повышения качества «литературного продукта». Писатели всего лишь пишут на том языке, на котором говорит народ. Да, они могут придумывать новые слова, и затем эти слова станут общепринятыми, но только в рамках, заданными самим языком. Сначала язык, потом писатели. И даже если писатели воссоздают утерянный язык или делают литературную версию языка, на котором (в виде десятков диалектов) до этого только говорили, но не писали, то, чтобы язык ожил или приобрел нормативные черты (художественные, публицистические, официально-деловые, научные, профессиональные и т.д.), нужно убедить народ (общество, если угодно) в необходимости использовать язык как средство коммуникации во всех сферах публичной жизнедеятельности.

Игорь Драко

Но кто способен убедить целый народ говорить «гзымс» вместо «карниз»?

Либо признанные лидеры общественного мнения, либо государственные деятели. Первых в нынешней Беларуси нет — появись они в авторитарном государстве, оно сразу перестало бы быть таковым, до чего мы, согласитесь, пока не дожили. Зато благодаря все тому же авторитаризму у нас есть государственный деятель, который одним росчерком пера мог бы запустить процесс беларусизации. Шаги по его реализации простые, о них уже много сказано.

Только с писателями для этого встречаться не нужно. Лукашенко, рожденный в «самой читающей стране» и воспитанный на «книжной», «литературоцентричной» русской и советской культуре, напрасно вопрошает, отчего за годы независимости не созданы литературные произведения уровня лучших писателей СССР (к коим относит и Быкова с Короткевичем) и, уже тем более, мастеров слова, творивших в дореволюционной России.

Во-первых, никогда не бывает, чтобы сегодня «как Толстой, Джойс или Манн», потому что к завоевавшему популярность или ставшему классикой отношение всегда более восторженное, нежели к тому, что делается здесь и сейчас.

Во-вторых, если бы о белорусизации сам Лукашенко и его советники задумались не в октябре 2014-го, когда Россия настойчиво предлагает «братьям-славянам» присоединиться к «русскому миру», а лет пятнадцать назад, то и качество белорусского «литературного продукта» они бы оценивали никак не ниже «Савушкиного продукта».

Наконец, в-третьих, литература в современном мире не определяет строй мыслей и стиль поведения людей, поэтому надеяться на то, что писатели, какие

бы великие книги они ни писали, могут обеспечить «беларускасць» Беларуси, бессмысленно.

Телевидение, шоу-бизнес, индустрия развлечений и реклама — вот откуда пойдет вирус «белорусизации», если ею действительно займутся на государственном уровне. Добавьте к этому школу и университет, где каждый учитель и преподаватель должен (закон такой примут) вести, скажем, 50 % своих занятий по-белорусски. Или чиновник, которому, чтобы не потерять теплое местечко, придется-таки владеть двумя государственными языками. Или бизнесмен, ведущий делопроизводство по-белорусски и получающий за это льготную ставку налога на прибыль. И так далее, и так далее, и так далее...

А белорусские писатели по-прежнему писали бы книги. Были бы эти книги хорошими, их бы читали менеджеры среднего и даже высшего звена. Были бы плохими — вместо них, как и сейчас, читали бы сочинения русских авторов или переводы на русский и, быть может, на белорусский.

Проблема настоящего литературного момента в том, что невозможно определить: хороша белорусская книга или плоха. Читающая по-белорусски публика обычно «околооппозиционной ориентации», ее слишком мало, чтобы оценить произведение по достоинству. По сути, некому обсуждать книгу, и некому делать из нее бестселлер.

Таким образом, Лукашенко, запустив белорусизацию, кого-то из писателей вознесет, а кого-то уничтожит. Сам того не желая. Просто законы рынка распространятся и на «национальную культуру».

Или вы, господа писатели, хотите, чтобы вам, как в СССР, за всякую дребедень платили лишь потому, что вы состоите в одном из писательских союзов?

Не хотите, тогда в той — будущей, белорусизированной — Беларуси пишите книги, которые будут продаваться. Вы, издатель и читатель. Забудьте о грантах и господдержке. Иначе белорусский менеджер так никогда и не продаст своему белорусскому клиенту «гзымс».

(27 октября 2014 г.)

«СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА — ЭТО КАКАЯ-ТО ШКОЛА НЕНАВИСТИ»
Интервью Анны Вороновой

Всё, что удалось найти о поэтессе из Минска Анне Вороновой, — краткая биография на сайте российского «Дебюта» (в прошлом году она попала в лонг-лист премии) и подборка стихотворений в альманахе «Абзац» — интеллектуальные верлибры о Беларуси, которую Анна называет «Страна, чтобы нет».

Анна, судя по краткой биографии на сайте российского «Дебюта», вы начали писать стихи в 24 года, когда многие поэты уже приближаются к кризисному возрасту. Что было импульсом для того, чтобы начать?

На сайт прокралась небольшая ошибка, но это, по-моему, не принципиально. Желание писать и первые стихи пришли немного раньше — лет в 20, еще в то время, когда я изучала филологию в университете. Я думаю, изучение филологии

и стало первым импульсом к творчеству. Просто надо было, чтобы прошло немного времени, и эта дурь переросла в сознательное желание сочинять стихи.

Какое место вы отводите своим стихотворениям, насколько важны они для вас сегодня?

Поэзия, как мне кажется, всегда была моим хобби. Причем я говорю как о чтении чужих стихотворений, так и о сложении своих. Оба этих процесса важны для моего внутреннего мира.

Ваша поэтическая манера как-то меняется с годами?

Совсем не трудно ответить на этот вопрос, потому что, написав кое-что в 20 лет, я на некоторое время писать перестала. Цикл «Образ смерти» — единственное более-менее приличное, что можно продемонстрировать из моего «университетского периода» (смеется). В университете стихи были для меня и однокурсников каким-то капустником. Я тогда писала в рифму, в довольно циничной манере, в основном эпиграммы на преподавателей. Вот и этот цикл о том, как умирали поэтессы, родился в качества этакого «данс макабра» на полях студенческого доклада о Сильвии Плат*. Просто, когда я нашла его через несколько лет, я увидела в нем что-то еще — вот и доработала. Теперь же меня занимают верлибры во всех их проявлениях. (Верлибр — нерифмованные стихи. — *Ред.*)

Вы любите польских авторов. Что именно каждый из них дал для вашего писания и восприятия мира? И какую поэзию вы не любите, не принимаете, не воспринимаете?

Действительно, на меня очень повлияла польская поэзия. Я была в Польше по программе обучения польскому языку, и один из преподавателей по своей инициативе читал нам обзорные лекции о польской поэзии XX века — в рамках возбуждения интереса к польской культуре. Кажется, меня одну из немногих заинтересовало. Я стала интересоваться дальше — и к своему удивлению открыла целый поэтический мир. Как нам объясняли, суть этой поэзии была в том, что после ужасов, которые пережило человечество в XX столетии, писать «по-старому» уже было нельзя — нельзя внутренне. И такие поэты, как Герберт, Ружевич или Бараньчак сознательно или нет, стали находить новый поэтический язык, учиться видеть поэтическое в повседневности и т.д.

Мне этот подход показался весьма актуальным в наше время, когда старая поэтика уже неактуальна, ничего не высказывает, а если искренне, даже раздражает и просто уже сидит в печенках. Со временем я и сама стала пытаться писать свободные стихотворения, которые, несмотря на «непоэтичную», в нашем понимании, структуру, все равно являлись бы поэзией.

Что касается поэзии, которую я не принимаю, отвечу немного неграмотно, но по сути. Это когда автор XXI века пишет про белые березки в духе Есенина и про себя как «пиита» в духе Пушкина. Каждому стилю — свое время. Поскольку чтение стихов — моё хобби, я такого ой как начиталась в интернете.

* Данс макабр (фр. Danse macabre) — «пляска смерти», аллегорический сюжет, чрезвычайно популярный в средневековой литературе и живописи.

Сильвия Плат (1932–1963) — американская поэтесса и писательница. Одна из основательниц так называемой «исповедальной поэзии» в англоязычной литературе. — *Прим. ред.*

Ваша единственная публикация — подборка в российском альманахе «Абзац». Вы попали в лонг-лист российского «Дебюта». Почему вы решили печататься в России, обходя белорусские издания, тем более что ваши стихотворения имеют такой сильный белорусский контекст?

На самом деле я пыталась опубликоваться в Беларуси или хотя бы в белорусском интернете. Создатели сайта «Дебют» после того, как я попала в их списки, просили меня сбросить им ссылки на электронные публикации. А у меня не было! Я написала на несколько белорусских сайтов, но мне либо не ответили, либо ответили, что напечатать не могут (ввиду русского языка, неформата и т.д.) Публиковать стихи в ЖЖ или «Вконтакте» мне показалось несолидно. У сайтов типа «стихи.ру» издавна плохая репутация.

Я также пыталась податься в печатные издания. Выяснила, что в Беларуси только два литературных журнала печатают русскоязычных поэтов — «Неман» и «Минская школа». В библиотеке я попросила найти мне журнал «Нарочь», чем поставила в тупик сотрудницу, но в результате увидела, что в «Неман» идти не стоит (см. про Есенина и Пушкина). В «Минскую школу» я написала мейл, но не дождалась ответа. И тогда я стала искать возможность опубликоваться в России. Мне ответили согласием в первом же онлайн-журнале, в какой я обратилась. Так появилась публикация в «Абзаце».

Кстати, насчет белорусского контекста. Я думаю, что если ты сам себе интересен, то и контекст твой будет всем интересен не только в Беларуси — российские редакторы напечатали мои стихи про фабрику «Миловица», про поэта Блаженного.

«Страна, чтобы нет» — ёмкое и безысходное получилось определение. Насколько соответствует оно вашим повседневным ощущениям в этой стране, насколько сумрачна ли белорусская действительность в ваших глазах?

В своем отношении к нашей действительности я, наверно, близка многим жителям Беларуси, которые остаются жить здесь, несмотря ни на что, пытаются создавать семьи, бизнес и культуру. Лично мне еще не поздно эмигрировать — я и моя семья не приняли окончательного решения. Но в принципе да, я разделяю тот пессимизм относительно будущего белорусского бизнеса, культуры и создания тут семьи, который свойствен абсолютному большинству моих сослуживцев, друзей, знакомых. Жизнерадостных белорусов я вижу только по телевизору. Про остальных я пытаюсь писать.

Бросить писать стихотворения — «обреченно, как жребий, малодушно, как машину на месте аварии» — представляется вам возможным? Что должно произойти? Поэзия для вас — явление больше мучительное или спасительное?

Стихотворение, которое вы цитируете — памятник максимализму моей юности, который, я думаю, еще не прошел (смеется). Это ироническая поза — лирический герой настолько не хочет умирать, что готов отказаться от поэзии, раз уж из-за нее столько хороших женщин полегло. А если по сути вопроса, то мне кажется, умышленно бросить писать стихи невозможно. Как невозможно заставить себя написать их. Это просто приходит. Ну, или не приходит.

Почему вы не стремитесь к публичности? Это нежелание выступать, показываться в литературной среде, или вы не хотите публичности именно для своих стихотворений?

Как вы уже поняли, «Анна Воронова» — псевдоним. Есть много причин не появляться на публике под собственным именем и не выступать публично. В основном просто некогда. Когда меня пригласили на вручение дипломов конкурса «Экслибрис» в Минске, была возможность «выйти в люди». Но у меня не получилось из-за командировки. Все же хобби — это хобби: надо расставлять приоритеты. Потом была возможность ходить в школу молодого литератора, но мне пришлось выбирать между ней и курсами английского, который нужен опять же по работе.

Когда вот так всё стало не срастаться, я решила, что так тому и быть. Мне подумалось, что литература и поэзия интересуют меня только в формате текстов, а не как социальное явление — идти куда-то, выступать, тусоваться, пусть даже вокруг хорошие люди. А вдруг нет? В новостях писали, что в минского поэта Дмитрия Строцева бросили стул, когда он читал стихи. А если бы попали?

После того, как у меня появился шанс объявиться со своей поэзией, я стала присматриваться к нашему контексту и выяснила, что он у нас весьма неблагоприятный, особенно для русскоязычных авторов. Современная белорусская литература — это какая-то школа ненависти.

Меня очень поразила история с поэтессой Настей Манцевич, о книге которой говорили только в ключе ориентации автора. Я решила, что если уж мои тексты и так кому-то понравились, их оценили, то при чем здесь автор как человек? А вдруг я тоже лесбиянка? Или инвалид? Или у меня папа — узбек? Будем оценивать мои стихи по разрезу глаз, будем жалеть и печатать из-за инвалидности? Нет, пусть остаются только стихи — я так решила. Благо современные технологии дают много возможностей для виртуальной самореализации.

«Будьзма беларусамі», 27 июня 2013 г. Интервью взяла Александра Дорская

ГДЕ ПРЯЧЕТСЯ БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА?
Наташа Шарай

Читать в среде образованных людей всегда было модно. Читают белорусы и сейчас, но больше мировую «попсу» вроде Дэна Брауна с его «Кодом...», «Ангелами и демонами». А попроси студента филфака назвать десяток здравствующих белорусских поэтов и прозаиков непенсионного возраста, кого он назовет? Для многих, даже молодых, белорусскоязычная литература закончилась где-то на почитаемом Быкове.

Позже прозвучали несколько имен, связанных с «Таварыствам вольных літаратараў» и «Тутэйшымі», новейших же большинство просто не знает. А они есть. Новейшие, стартовавшие в «Бум-Бам-Лите» или позже, пишут, издаются, спорят со старшими товарищами, живут. Но какой-то своей, неприметной для масс, жизнью.

Самый, пожалуй, заметный (если уместно вообще это слово) писатель, поэт, художник и устроитель перфомансов, один из основателей «Бум-Бам-Лита» —

Змитер Вишнев. Излагаем его взгляд на современное состояние литературы.

Змитер, почему сейчас немногие знают о современной белорусской литературе?

К сожалению, такова горькая правда. Я думаю, тут много причин. Во-первых, надо менять школьную программу. Вот недавно порадовался, купив книгу «Сярэбраныя галасы» (Мінск: «Мастацкая літаратура», 2005), куда вошли произведения пятнадцати поэтов начала XX века. Всех их объединяет трагическая судьба.

Ну и потом, если на белорусском телевидении нет ни одной специализированной программы, посвященной современной литературе, — о чем можно говорить?

У нас очень хорошие литературные традиции. К сожалению, белорусский авангард еще ждет своего подъема из небытия. Что касается конца 90-х — тут пошел серьезный творческий всплеск. Вначале как альтернатива Союзу белорусских писателей возникло объединение «Тутэйшыя», затем появилось «Таварыства вольных літаратараў», чуть позже — литературное движение «Бум-Бам-Лит». Сейчас я вхожу в группу радикальных художников и литераторов «SCHMERZWERK» (Завод по созданию боли).

Змитер Вишнев

Меня радует, что в последнее время в литературе появилось много новых имен: Алексей Иванов, Цемрик Велет, Анна Урбан, Катерина Шатаво, Катерина Шкода, Вика Тренас и другие. Кстати, хороших поэтов у нас всегда было много. А вот прозы, критики как-то маловато — хочется больше.

Кто из перечисленных печатается, какими тиражами?

Печататься можно в журналах «Дзеяслоў», «Маладосць», «Arhe», «Паміж», «Тэксты», «Правінцыя», «Полымя», в газетах «Наша Ніва», «Літаратура і Мастацтва». Последние годы белорусский ПЕН-цэнтр проводит литературные конкурсы, по результатам которых выходят сборники. Книги молодых регулярно выпускают издательство «Мастацкая літаратура», «Логвінаў».

Во всем мире поэзия печатается небольшими тиражами. У нас в Беларуси средний — 500 экземпляров. Это, в общем, неплохо. Наши поэты, кстати, еще могут собирать аудиторию в пятьсот человек. А, например, в Москве на Андрея Вознесенского ходило куда меньше людей.

Часто слышна версия: информационный взрыв создал конкуренцию поэзии и она проиграла.

Я не думаю, что информационный взрыв негативно отражается на поэзии. Она самодостаточна. Тут скорее надо говорить о двойственности ситуации. С одной стороны, у человека появилось из чего выбирать. С другой — радио, телевидение, интернет тоже пропагандируют литературу в самых разных ее состояниях. Тем не менее времена, когда поэты собирали стадионы, ушли в прошлое.

Я думаю, настоящая литература всегда создавалась для интеллектуального читателя.

Так что, поэзия Высоцкого, «собиравшая стадионы», была рассчитана не на интеллектуалов?

Нельзя забывать, что Высоцкий жил совершенно в другой эпохе. Люди ждали от него глотков свободы, которые он не боялся раздавать всем. Нынешнее общество не нуждается в такой мере в этом допинге.

Почему ты не пишешь вещи, которые были бы востребованы массовым читателем?

А почему ты не хочешь постричься наголо? Мне кажется, это где-то из одной оперы. И все же я, наверное, совру, если скажу, что не пишу для массового читателя потому, что не хочу. Сегодня мне интересно писать так, завтра я буду делать что-то другое. Это индивидуально. Я бы сказал даже: мне так прикольно. Хотя, признаюсь, сейчас занимаюсь романом, где события разворачиваются в современном Берлине в доме художников «Тахелес». Очень надеюсь, что эту книгу переведут на разные языки, и она принесет материальное и душевное удовлетворение.

А профессиональный литератор? Он есть в Беларуси и как он выживает?

С профессиональной литературой у нас проблемы. На гонорары прожить очень трудно. Многим нашим замечательным прозаикам, поэтам приходится заниматься еще чем-то, кроме литературы, что лишает наше общество интересных книг, которые из-за этого не будут ими созданы. Художникам, которые пишут картины, в этом смысле легче, их произведения не надо переводить. А литераторы мучаются. Тем не менее и наша литература подпитывается зарубежьем: переводы текстов, стипендии, гранты. В количественном отношении — мизер, но приятно.

***

Было бы неправильным дать слово только Вишневу. Необходима и точка зрения мэтра, коим является Глобус. Волна «Тутэйшых» — достойная веха в литературе, и, полагаем, спадар Глобус может охарактеризовать волну «Бум-Бам-Лита».

Адам Глобус

Волна? Волна — и культурная, и политическая — поднялась в другое время, которое смыло СССР. А какое событие — политическое, мирового значения — можно сопоставить с этим поколением литературы? О чем мы говорим?

А нынешние что делают, можно ли это, на Ваш взгляд, назвать литературой?

Литературой можно, но не волной.

Заложены были какие-то основы, изменилось мировоззрение, изменилась парадигма, и на этом сломе, да, действительно возникли интересные художники, писатели, которые изображали реалии... А тут... Я не вижу, чтобы бум-бам-литовцы что-то изменили. А если человек не сделал какого-то открытия в искусстве, то и не о чем говорить. Жестоко, ну а что делать? Дело в том, что и перед

нами было абсолютно пустое поколение, с переломанным позвоночником, пресмыкающееся. Поколение тех, кто тоже ничего не сделал, кто всё устраивал свою жизнь, всё писал для получения премий, званий. Приспосабливались. Правды не сказали.

Так вот, жестоко.

В России появились Сорокины, Еременки. И они изменили мир, и мир изменился. А потом пришли ребята, которые тоже издают книжки, тоже пишут стихи. И они хорошие ребята, но родились не под той звездой. Их поколение проявляется в другом. Они — менеджеры. Они хорошо продают, их хорошо покупают. И звезды их поколения лежат в каких-то других плоскостях, не литературных. Фабрика звезд. А звезд нет.

На переломе ваше поколение было востребовано. Но сейчас нет перелома, потому они и не так востребованы? Или они менее талантливы?

Адам Глобус,
он же Вячеслав Адамчик

Я не могу сказать, что я более талантлив, а они менее... У нас был Толя Сыс, который говорил, что «я самый гениальный, а когда родится поэт мне равный, я помою ему ноги и выпью воду». Но так и не помыл.

А эта кавээновская публичка... (О «Бум-Бам-Лите» — *Прим. авт.*). Вот пошутили, похихикали. Но у литературы, как я понимаю, есть иные задачи: ответить на основной вопрос — зачем мы живем в этом мире? — и нарисовать картину этого изменяющегося или измененного мира. Мне трудно про этих ребят говорить, потому что у них рассыпается всё. От книги к книге не лучше.

Из новых имен меня интересует поколение самых молодых. Это поколение, хотелось бы верить, будет значительно лучше. Это Оксана Безлепкина, Вика Тренас, Вальжина Морт, Анатолий Бащик, другие ребята...

***

Мы постарались представить разные взгляды на современную белорусскую литературу. Как положено, без комментариев. Но, пожалуй, один собственный комментарий оставим: современные белорусские литераторы пишут для себя и в большинстве своем считают «массы», потребляющие Пелевина, «недалекими». Поэтому, согласитесь, у «масс» могут быть претензии к современным белорусским литераторам.

Валентин Акудович (Из книги «Разбурыць Парыж»):

«Если, скажем, в XIX веке или даже в первой четверти XX века высококачественный художественный текст играл роль светского догмата, а с книгой вообще и в большей части была связано и религиозная, и интеллектуальная и эмоционально-эстетическая жизнь цивилизованного человека, то в постиндустриальном обществе все изменилось кардинальным образом. Книга потеряла не только свою роль светского

собора, но и свое значение деперсонализированной истины. Практически одновременно Бог оставил человека, а Истина — книгу...

Литература на глазах маргинализируется, вытесняется со стратегий бытия на его окраину. ...Сегодня литература — это вербально-интеллигибельная игра для интеллектуально подготовленных маргиналов».

Владимир Некляев

«...Молодое поколение, которое называют молодыми волками, живет уже по другим законам... Началось с Дубовца, который выступил с публикациями провокационного характера. У него вся предыдущая литература — совковая. Все совки. Их ни читать не стоит, ни замечать. Мы, мол, начинаем литературу. Мы пришли. Это провокация и дурота. А откуда же тогда вы, хлопцы, взялись?

Они создают тексты иного типа. Они говорят: это европейская литература. И это действительно литературные тексты. Не рассказы, как у Шамякина, Мележа. Именно тексты.

Сейчас на писателе нет маски пророка, мессии, нет теперь пророческой миссии. Она навсегда утрачена».

Из комментариев

Аноним (26 января 2006 г.)

Нигде она /литература/ не прячется. Отсутствие интереса к белорусской литературе в первую очередь определено нежеланием говорить на белорусском языке и читать на нем. Старая песня.

«Экспресс-новости», сентябрь 2005 г.

Справка:

«Тутэйшыя» (пик: 1987–1988 гг.): Алесь Беляцкий, Сергей Дубовец, Адам Глобус, Анатоль Сыс и другие.

«Таварыства вольных літаратараў» (пик: 1993–1995 гг.): Славомир Адамович, Игорь Сидорук, Алесь Аркуш, Лявон Вольский, Алесь Турович, Сержук Минскевич и другие.

«Бум-Бам-Лит» — (пик: 1995 год): Змитер Вишнев, Юрась Борисевич, Альгерд Бахаревич, Сержук Минскевич, Илья Син и другие.

БЕЛОРУССКОЕ «АРТ-ПОДПОЛЬЕ», ИЛИ СТРАНА БЕЗ ГАЛЕРЕЙ

Артур Клинов

Белорусское современное искусство сегодня представляет собой *сообщество авторов*, для которых за 20 лет после распада Советского Союза так и не возникло «арт-сцены» (полноценной арт-инфраструктуры)*. Поэтому для выживания на территории, не нуждающейся в художнике, автор вынужден выбирать «партизанскую» стратегию существования.

Одной из важнейших составляющих культурного пространства в цивилизованной стране является наличие полноценной арт-инфраструктуры (галерей, центров, журналов, института кураторов), которая не только способствует формированию арт-рынка, но главное — стимулирует полноценный художественный процесс. Такой инфраструктуры в Беларуси никогда не существовало. Не существует ее и сегодня.

Отсутствие институции современного искусства наблюдается во всех областях белорусской культуры и искусства: в кино, литературе, contemporary art, театре. Безусловно, с одной стороны, причину сложившейся ситуации следует искать в определенной идеологической установке белорусского государства, которое продолжает работать по советской модели.

С другой стороны, причина также кроется в самом белорусском обществе (имеется в виду основная масса населения), которое продолжает, пусть очень медленно, из *сельского* превращаться в *городское*. Соответственно, в обществе мало-помалу меняется представление о культуре, возникают потребности в *другом* искусстве, некоторые люди начинают материально поддерживать эту область и вкладываться в нее.

«Официальная» культура и «партизанская» стратегия

На территории, не нуждающейся в художнике, автор вынужден выживать всеми возможными способами, несмотря на «враждебные», неблагоприятные условия для своей деятельности. То есть быть самому себе «галереей», выставочным пространством, куратором, менеджером, продавцом и даже грузчиком.

Ситуация «страны без галерей», с одной стороны, выгодна государству: стагнация в культуре стимулирует стагнацию в обществе. Долгие годы государство спонсировало именно советскую модель культуры, тем самым пресекая любую попытку движения и инициативы. Естественно, отсутствие галерей спровоцировало отсутствие всех остальных элементов инфраструктуры: кураторов, которым негде работать; выставок, потому что нет кураторов; критиков, которым, соответственно, не о чем писать.

* Статья была опубликована в 2011 г. Однако с тех пор ничего не изменилось. — *Прим. ред.*

Как и в советский период, культура в Беларуси делится на «официальную» и «неофициальную». С одной стороны, белорусское государство говорит о поддержке «искусства во всех формах». С другой стороны, те, кто работает в культуре, на практике сталкиваются с системой «двойных стандартов». Отсутствие четкого определения того, что государственный аппарат подразумевает под «искусством во всех формах», позволяет людям, занимающим руководящие должности в сфере культуры, трактовать эту формулировку, исходя из собственных предпочтений и вкусов, а также из *принятого* идеологического курса.

«В стране осуществляется последовательный курс по формированию идеологии белорусского государства, кристаллизации белорусской национальной идеи. Наиболее емко и лаконично национальная идея воплощается в лозунге Президента Республики Беларусь: "За сильную и процветающую Беларусь!"». (Цитата из официального интернет-портала президента РБ.

Но, в отличие от «официальной» культуры во времена Советского Союза, белорусское «идеологически правильное» искусство сегодня значимой роли в стране не играет. При советской власти люди культуры были нужны системе, так как создавали декорацию к спектаклю на тему «общества всеобщего счастья и справедливости». За верную службу партии и государству художники получали квартиры, премии, путевки в санатории и т.д. В 1990-е годы новая система перестала нуждаться в этих авторах, поэтому «официальная» культура (как и независимая), фактически оказалась в беспризорном состоянии. С той только разницей, что в силу существующей традиции и по инерции привычки она продолжает получать дотации от государства (организовываются выставки, пленэры, существуют программы поддержки талантов, назначающие стипендии, которых едва хватает на холст и краски).

Несмотря на такие «враждебные» условия, белорусский contemporary art, благодаря энтузиазму авторов и отдельных частных инициатив, продолжает жить и развиваться. Только, как и в советский период, этот процесс происходит в художественном «подполье» Беларуси.

Именно благодаря таким инициативам в 1990-е годы в Беларуси появлялись небольшие негосударственные центры и галереи («Шестая Линия» в Минске, «Соляные Склады» в Витебске), организовывались крупные арт-фестивали и выставки белорусских «подпольных» художников (так, в 1994 году в Витебске группой художников во главе с Николаем Прусаковым и Василием Васильевым был инициирован независимый выставочный проект «In-formation»).

Но в силу в основном материальных причин такие «инициативы» долго существовать не смогли. Во многих странах государство является главным меценатом культуры, поддерживающим частные инициативы в этой области, например, предоставляет в аренду площадки на льготных условиях (или совсем бесплатно). В Беларуси негосударственные арт-центры существовали (и существуют) на тех же условиях, что и бизнес-структуры. Поэтому через 2–3 года в силу экономических причин эти инициативы умирают естественной смертью.

Конечно, были исключения, когда каким-то площадкам давались определенные преференции. Например, ту же «Шестую Линию» в те годы поддержал директор одного госучреждения, отдав под выставочное пространство одно из по-

мещений своего предприятия. Потом пришел новый директор, которому галерея была не нужна, и она исчезла. То есть поддержка таких инициатив была не официальной политикой государства, но делом случая и вкуса отдельного руководителя.

Помимо определенной государственной политики в области культуры (или отсутствия четкого ее курса), причину ситуации «страна без галерей» следует искать, как говорилось в самом начале, и в менталитете белорусов, которые в силу исторических условий оставались очень долгое время в основном сельской нацией. В 1990-е годы начался процесс трансформации нации из сельской в городскую. Но без поддержки и стимуляции этого процесса со стороны государства такая трансформация, естественно, будет происходить медленно. Так, вместо того, чтобы развивать гуманитарное образование, наше государство, наоборот, сокращает его объем в школах и университетах. Например, вместо предмета «Мировая художественная культура» в средних образовательных учреждениях ввели одноименный факультатив, т.е. дополнительное занятие по желанию и выбору учеников один раз в неделю.

Артур Клинов

Надежда на преломление ситуации в культурной политике Беларуси, безусловно, существует. Сегодня активно происходит процесс смены генераций в государственном аппарате, когда на смену «советским» чиновникам приходит поколение с прогрессивными взглядами на искусство и пониманием роли культуры в государственной политике. Власть, задумываясь о национальной самоидентификации, начинает понимать, что национальный проект не будет успешным, если не инвестировать в культуру, модель которой, соответственно, начинает меняться.

Показателем определенного «сдвига» в области культурной политики государства стало участие Беларуси в 2011 году в Венецианской биеннале (кураторский проект Михаила Борозны «Kodex»). Таким образом государство признало современное искусство и необходимость его поддержки и развития. Но чаще всего такие «признания» остаются формальной декларацией. Как в случае с Венецианской биеннале, когда организация павильона проходила под четким идеологическим руководством государства, в результате чего белорусский проект, несмотря на потенциал и наличие прогрессивных тенденций в художественной среде Беларуси, не был реализован полноценно и, соответственно, не прозвучал.

Белорусские «партизаны» за рубежом

Ситуация «страны без галерей» стала одной из причин сильной волны миграции белорусских художников, которые вынуждены многие свои проекты реализовывать за границей: в Польше, Германии, России, Швеции (например, «Современные художники Беларуси» в галерее Большого театра в Дармштадте, Германия, 1990; «Белорусский Авангард» в галерее «Норблин» и «Это МЫ» в музее «Захэнта» в Варшаве, Польша, 1991).

Отдельные авторы уехали навсегда, образовав целые колонии белорусских художников за рубежом. Так, например, в «нулевые» в Берлине обосновался белорусский художник Алесь Родин, чья мастерская в «Тахелесе» — на свободной арт-площадке в центре города — со временем стала одним из центров «партизанского» белорусского искусства. Работают в Дюссельдорфе Андрей Дурейко и Жанна Грак, в Амстердаме — Игорь Тишин, Наталья Залозная, Максим Тыминько, в Берлине — Елена Давидович, Игорь Кашкуревич, Анна Школьникова, Марина Напрушкина и другие.

Сегодня процесс миграции белорусских художников остановился. В белорусский арт приходит уже следующее поколение «партизан», которое остается жить в стране, выезжая в Европу для участия в отдельных проектах.

Одним из самых ярких и значимых проектов для белорусского современного искусства в 2010 году стал проект литовского куратора Кястутиса Куйзинаса «Opening the Door? Belarusian Art Today». Особенность этой выставки заключалась в том, что впервые за долгое время в одном художественном пространстве были собраны работы белорусских художников, живущих как в Беларуси (Руслан Вашкевич, Алексей Лунев, Артур Клинов, Игорь Пешехонов, арт-группа «Позитивные действия», Игорь Савченко, Сергей Шабохин, Алексей Шинкаренко, Филипп Чмырь и арт-группа «Белорусский климат», Владимир Цеслер и Сергей Войченко), так и за рубежом (Марина Напрушкина, Елена Давидович, Александр Комаров, Максим Тыминько, Анна Школьникова, Оксана Гуринович, Александр Кораблев, Олег Юшко).

Задумывая проект, куратор сделал ставку на актуальные в контексте белорусской политической ситуации работы. В результате многие художники, особенно те, кто живет в Беларуси, получили возможность свободно высказаться на волнующие их темы актуальной белорусской действительности. Очевидно, что осуществить подобный проект в Беларуси пока не представляется возможным.

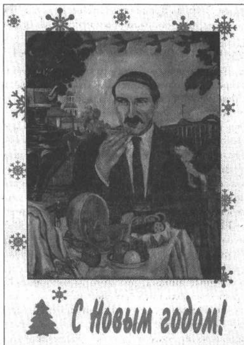
«Официальная» белорусская арт-инфраструктура, которой нет

На сегодняшний день в Беларуси существует определенное количество различных музеев, небольших галерейных пространств, издается журнал «Мастацтва». Но никакого отношения к арт-инфраструктуре, к тому пониманию, которое вкладывается в это определение в большинстве цивилизованных стран, все эти «образования» не имеют.

Музеи работают либо по прямому своему назначению, сохраняя, минимально пополняя свою постоянную коллекцию, чтобы затем формировать выставки на

ее основе (как, например, Национальный художественный музей), либо являются просто выставочными залами, «ангарами», которые художник, если у него есть средства, может арендовать и выставить свой проект. Если средств нет, существует вероятность случайно попасть в коллективный проект, приуроченный к какой-нибудь дате, или получить возможность персональной выставки в связи со своим юбилеем.

Помимо арт-проектов, очень часто на этих площадках проходят акции, никакого отношения к искусству в принципе не имеющие. Например, сегодня в этом помещении организуется Биеннале современного белорусского искусства, завтра проходит ярмарка меда, а послезавтра собрались любители кошек и провели выставку своих питомцев. Именно так, например, функционирует Дворец искусств — площадка, которая находится под официальным ведомством Союза художников Беларуси. Такое существование Дворца объясняется в первую очередь условиями выживания, в которых он находится.

Одна из работ Артура Клинова

Существует в Беларуси и Музей современного искусства, но пока современное искусство присутствует там только в названии. Небольшие частные галереи работают в основном как салоны живописи, которые обслуживают вкусы любителей «фотографического», «красивого», реалистического искусства. Стоит отметить: за очень небольшие деньги, потому что больше не дадут.

Отсутствует в полноценном понимании и роль куратора, особенно это касается государственных структур. Слово «куратор» быстро вошло в лексикон белорусских музейщиков. Все выставки, которые презентуются в выставочных пространствах, помимо фамилий авторов имеют подпись куратора. Но его роль чаще всего ограничивается написанием сопроводительного/объяснительного текста к выставке. Исключения, безусловно, есть, и они в основном связаны с деятельностью независимой Галереи современного искусства «Ў», о феномене которой речь пойдет ниже.

Журнал «Мастацтва», о котором уже упоминалось, на сегодняшний день является единственным в Беларуси официальным печатным изданием, пытающимся анализировать и архивировать события белорусской культуры и искусства. Но, очевидно, одно издание не в состоянии справиться и охватить все сегменты искусства: кино, театр, арт, музыку. Поэтому, с одной стороны, это слишком небольшое пространство для полноценной критики. С другой, так или иначе, журнал продолжает существовать в «постсоветской» традиции, поддерживая «своих» художников и игнорируя «чужих».

Белорусское арт-«подполье» сегодня

В 2002 году художник Артур Клинов начал издавать Альманах белорусского современного искусства «pARTisan», который на протяжении ряда лет оставался единственной «трибуной», площадкой, представляющей интересы в первую очередь «партизанского» белорусского искусства. В первом номере Клинов публикует манифест «Партизан и антипартизан», где формулирует основную концепцию «партизана»: «Концепция партизана – это концепция борьбы, борьбы личности за право личной культурной автономии, но только когда это право признается и за другой личностью». Благодаря деятельности журнала «pARTisan» остались заархивированы многие значимые события белорусского арт-«подполья», например, деятельность «Шестой линии», проект «In-formation» в Витебске, творчество Игоря Тишина, Владимира Лаппо и многих других.

Конечно, с развитием интернет-ресурсов в Беларуси появились сайты и порталы (another.by, mart.by, kyky.org, urban.by, 34mag.net и другие), где уже в более широком формате и для более многочисленной аудитории стали появляться критические статьи, рецензии, интервью с художниками. В основном это разрозненные инициативы, авторы которых в большинстве случаев не обладают профессиональной квалификацией в области искусства и делают ставку скорее на зрелищную сторону, нежели на аналитику или профессиональное осмысление белорусского арт-процесса. Но пока именно эти инициативы выполняют роль независимого института арт-критики в Беларуси.

Стоит отдельно отметить появившийся сравнительно недавно портал Art Aktivist, с деятельностью которого связываются определенные надежды в области формирования профессионального арт-критического пространства в Беларуси. Созданный молодым художником Сергеем Шабохиным, портал планирует стать не только информационным ресурсом в области современного белорусского искусства, но также начать архивацию событий и авторов 1990–2010-х годов, составить список музеев и галерей, собрать видеоархив выставок и интервью. То есть заняться тем, чем, по сути, должен заниматься, например, Музей современного искусства, который в силу инертности и неадекватного понимания руководством функции Музея этого не делает.

Знаковым для культурного белорусского «поля» стало появление в Минске Галереи современного искусства «Ў», которая на сегодняшний день является фактически единственной площадкой, выполняющей роль центра белорусского современного искусства. Это абсолютно приватная инициатива, существующая в

Картина Николая Селещука (1947–1996)

основном на спонсорские деньги. Ее возникновение — следствие того, что в Беларуси появился тот средний класс, который готов поддерживать современное искусство.

Появилась площадка, а следовательно, стали возникать интересные профессиональные кураторские проекты, например, «Философия масс. Белорусский нео-поп-арт» (куратор Сергей Шабохин), проект Андрея Бусла «Aeternus et mo-

mentum» (куратор Оксана Жгировская), совместный белорусско-шведский проект «Visual Arts. New Practices» (кураторы Мартин Шибли и Анна Чистосердова). Также «Ў» является инициатором специальных проектов, цель которых – дать возможность реализоваться молодым авторам (проект «Картина маслом», конкурс для молодых художников «Smart Art»). Галерея является партнером таких «инициатив», как Конкурс арт-критиков «На пути к современному музею» (руководитель Алла Вайсбанд), исследовательский проект «Радиус нуля. Онтология арт-нулевых» (организаторы Оксана Жгировская, Ольга Шпарага, Руслан Вашкевич), в пространстве Галереи постоянно проходят круглые столы, публичные дискуссии и обсуждения событий и выставок.

У входа в галерею «Ў»

Внедрение практики «открытого» обсуждения проектов, встречи с художниками, безусловно, положительно влияют на процессы, происходящие в белорусской арт-среде. Немаловажную роль сыграло то, что в художественном сообществе стали появляться философы и социологи из Европейского гуманитарного университета (Вильня) и Центра европейских исследований (Минск). Таким образом, сообщество художников становится все более открытым, критика начинает восприниматься не только с позиции ее «деструктивной» функции, но как один из «стимуляторов» творческого процесса.

Помимо «Ў» с недавнего времени возобновила свою деятельность галерея визуальных искусств «Nova». На базе минского Центра фотографии «Nova» не только презентует фотопроекты, но организует встречи с фотографами, показы фильмов о фотографии. Владимир Парфенок, фотограф, куратор, директор

«Nova», является также и редактором одного из крупнейших белорусских интернет-порталов о фотографии «Photoscope».

То есть, несмотря на доминирование феномена «отсутствия» во всех элементах белорусской арт-инфраструктуры, на констатацию проблем во многих ее областях, можно сказать, что «партизанская» стратегия для художников оправдала свое появление. Белорусские авторы выжили, продолжают выживать, но главное — активно, пусть и «подпольно», участвуют в художественном процессе уже в самой Беларуси.

Коротко об авторе

Артур Александрович Клинов (р. 5.09.1965 в Минске) — белорусский художник, дизайнер, фотограф, литератор, сценарист, редактор журнала «pARTisan».

Яркий представитель неофициального, неформального искусства, авангардист, концептуальный художник, который впервые заявил о себе в конце 1980-х гг. Автор урбанистического проекта «Город Солнца» по сохранению архитектурной уникальности центральной части Минска и превращению Минска в один из крупнейших в Европе туристических и культурных центров.

Универсальная творческая личность. Развивая интересную художественную идею, способен реализовать новацию в любой художественной форме (традиционная живопись, фотография, соломенная скульптура, перформанс, инсталляция, видео, литература). Культуролог Максим Жбанков охарактеризовал А. Клинова как белорусского продолжателя новаторства американца Энди Уорхола (1931–1987) и боснийца Эмира Кустурицы (1955 г.р.).

«БЕЛОРУСЫ ЗА 500 ЛЕТ ПРИВЫКЛИ К ВЫЖИВАНИЮ ВО ВРАЖДЕБНЫХ УСЛОВИЯХ»

Интервью А. Клинова 23 февраля 2015 г.

Художник и литератор Артур Клинов в рамках проекта «Салідарнасці» «Жизнь (не)обычного белоруса» рассказал о партизанской модели поведения белорусов, о «парадизе» на болоте и о том, встречаются ли на его пути люди, которые любят императора и верят ему.

Хочу спросить вас как главного редактора журнала «pARTisan», что сегодня в беларусах есть партизанского?

Партизан — это и внутреннее состояние, и определенная модель поведения, ведь этот человек находится на оккупированной территории. Она вроде бы своя, но в окружении врагов.

Прежде всего, на этой территории человек должен выжить, самосохраниться. Важна еще способность мимикрировать, но не в смысле приспособиться, а спрятаться от неприятеля, сделаться невидимым. Партизан — человек подпольный в принципе. Он должен быть незаметным. Внешний вид белоруса-партизана и то, что внутри его, — это разные вещи.

Белорусы столетиями жили в таких условиях. Теперь, правда, на своей территории, но по-прежнему в определенной некомфортной ситуации. Сегодня у нас фактически все партизаны. Поголовно к каждому можно этот термин применить.

Если ты занимаешься бизнесом, должен найти выход, как выжить, ибо условия для бизнеса не те, что в цивилизованной Европе. Если ты живешь на зарплату... Как ты можешь прожить на одну эту зарплату в таком городе, как Минск, который дороже многих европейских столиц.

Если ты занимаешься искусством — то же самое. Ты должен найти выход, чтобы сохранить себя, свой культурный код.

А если ты чиновник, то также партизан?

Да, потому что ты все время ходишь по минному полю. Любой неверный шаг — и ты куда-то улетел.

И если президент?

То же самое. С востока — одна серьезная опасность, с запада — другая. И ты должен жить во враждебной и неблагоприятной ситуации.

То есть не зря Лукашенко повсюду врагов видит?

Он подпадает под партизанские определения, ведь Беларусь последние 20 лет ни с Западом, ни с Востоком — балансирует. То есть партизан — это определенная стратегия. Стратегия выживания.

Белорусы за 500 лет так привыкли к выживанию во враждебных условиях, что в принципе это у них в крови, и неплохо получается.

Если случится какая-то мировая катастрофа, все повсюду развалится и рухнет — я уверен, что вы придете в дом к любому белорусу, откроете холодильник — там все будет — и колбаса, и огурцы, и масло. Откуда это возьмется, непонятно, так как каждый ходит своими тайными партизанскими тропами, и как люди выживают — это их личная тайна. Что бы ни случилось, у белорусов всегда всё есть, как ни удивительно.

Это очень сильная формула выживания. Если ты ею владеешь, то шансы на самосохранение есть. Для меня всегда было загадкой: с одной стороны, с экономикой не очень хорошо, склады вроде завалены, а с другой, посмотрите, какие машины дорогие ездят по Минску и сколько дворцов строится в окрестностях! Спросите любого чиновника, который владеет имуществом, которое можно оценить на миллион а то и больше долларов. Откуда это всё? Да! Белорусы партизанскими стратегиями устраивают свою жизнь.

Все тянут в дом. Ну, просто как хомяки какие-то!

Я бы скорее сказал, как альпийские гномы. Каждый делает свое дело, не высовывается и живет.

А вам не надоело жить в гетто, в партизанском лесу?

Во-первых, не считаю, что я один живу в гетто. Только ли художники живут в гетто? В принципе эта ситуация свойственна всему белорусскому обществу. Оно разделено на локальные группы. У каждой есть своё маленькое гетто. Возьмите

программистов или работников какого-то определенного сектора – у них своё гетто, своя община. Художественное гетто – одно из многих.

К сожалению, коммуникация между этими группами очень слаба. Мы хорошо знаем, чем живет наше гетто – писательское, но литераторы могут не знать, что происходит в соседнем, например, театральном.

Вообще, разделение нашего общества на локальные гетто – одна из особенностей нашей национальной партизанской психологии. Ведь партизан – фигура самодостаточная. Партизану проще выживать в одиночку или небольшой группой, чем большой массой, так как большое количество людей более доступно для поражения, оно более заметно. Небольшие группы для партизанской стратегии более плодотворны и динамичны.

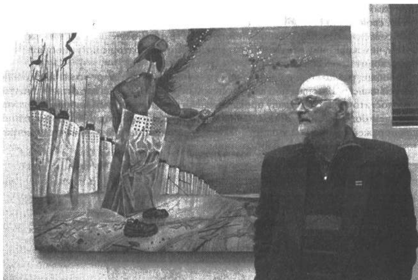

Артур Клинов в домашней обстановке

Конечно, мы так или иначе должны идти к более открытому обществу. Надо сказать, что в последнее время ситуация стала меняться в лучшую сторону. Начало коммуникации между локальными группами – это хорошая тенденция. Но в этой стране ничего быстро не происходит. Мало того, что партизанская, так еще живем на болоте. Это метафизика болота. На нем все замедленно. Чпок – и застрял. Сделал один шаг, и тот дался с большим усилием.

Вы однажды сказали, что если есть рай на земле, так это белорусское болото. Разве ж это рай, если все так замедленно?

А почему всё должно быть быстро и зачем куда-то бежать? Это как посмотреть. Человечество куда-то спешит, бежит, хочет достигнуть каких-то успехов, заработать много денег. Заработал, попал на Багамы и лежишь там под пальмой – одна из популярных версий рая. Но эта только одна из версий жизни.

Художник Алесь Марочкин

А может быть и другая. Когда человек не бежит за успехом, а сопереживает саму жизнь, способен чувствовать наслаждение каждой минуты. Вот как раз такова философия болота. Не надо ни интернета, ни мобилки. Ты сидишь и кайфуешь, что ты есть, что ты тут и видишь эту своеобразную красоту. Хотя для кого-то, например, для испанцев, наш рай может быть непонятным.

Эта философия вам близка? И не нужны ни интернет, ни телефон?

Когда выезжаю к себе в имение в деревню Каптаруны, у меня там нет интернета. А телефон ловит очень слабо. Реально я ощущаю наслаждение от этого. Просто вышел в иное пространство. А залезешь в Фэйсбук — и только расстраиваешься.

Почему?

Потому что ты видишь, как мир погружается в какую-то мрачную бездну. Там война, там арабские террористы. Вокруг гонка за какой-то хреновиной. А в результате — гнался-гнался, а потом взял да умер. Все равно все кончится одним. А если так, то лучше получать наслаждение от жизни, пока она не кончилась, чем бежать-бежать, а потом раз и...

Если мы не можем построить рай на земле... Если цивилизация пошла по кривой... Построй собственный парадиз на своей отдельной маленькой территории — там ты Демиург, Творец. Многие к этому приходят с годами.

Куры, утки, огород — что есть в вашем парадизе?

Для этого надо жить там постоянно. Может, в будущем, когда я туда переберусь совсем, появится и хозяйство.

Просидев в деревне неделю-две, приезжаешь в Минск и после этого рая здесь все кажется таким ненужным, бессмысленным.

А вот люди приезжают в Минск из деревень, из маленьких городов и ощущают, что только здесь настоящая жизнь, ритм.

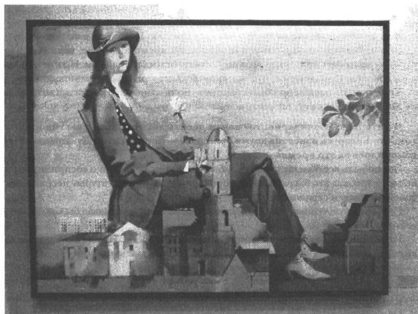
Ну, правильно, если ты хочешь бежать по порочному пути цивилизации, конечно, надо ехать в большой город, и еще лучше не в Минск, а в Нью-Йорк – чем больше город, тем быстрее бег. А кто бежать не хочет, тому надо искать такое место, где никого нет.

Почему я выбрал Каптаруны? Там край земли, никого нет, кроме зверей и птиц. Кабанов было не мерено. Правда, всех потравили из-за чумы. Можешь встретить лося, косулю. Волки приходили. Говорят, медведь поселился.

С соседями познакомились?

Я их самих и подселял к себе. С одной стороны у меня сосед – издатель Игорь Логвинов, с другой – архитектор Андрей Коравянский. Дальше – Елена Тонкачева. Экологов много в окрестностях живет. Они раньше нас эти места отыскали.

Предлагаю там селиться другим друзьям-коллегам. Хочу сделать в Каптарунах арт-деревню.

Картина В. Толстика

Вы как-то высказались, что ни для кого мы, белорусы, не сексуальны: нет у нас ни нефти, ни газа. Какое значение для сексуальности имеет наличие природных ресурсов?

Когда я говорил о сексуальности, то не имел в виду беларуских девушек. Здесь как раз всё в порядке. Нет конкуренции.

Я рассуждал о Беларуси как центре притяжения внимания. На что реагирует мир? На кровь, на деньги, на нефть. У нас этого нет. Вот если бы у нас открыли какое-то феноменальное месторождение, Беларусь сразу стала бы всем интересна.

Люди, которые были прототипами героев вашего романа «Стеклотара», как отреагировали на книгу?

Я думал, что реакция будет более острой.

Не исключали, что побьют?

Да. Но нервной реакции я не почувствовал. В основном, прототипы позитивно отреагировали. Они получились обаятельными, поэтому не на что обижаться. Коноваленко прочитал одним из первых и написал, что тонкий и умный только главный герой, а все остальные – массовка, и конечно, Коноваленко – бабник и пьяница, но в целом роман классный, поздравляю.

Я, правда, поспорил бы с Коноваленко: главный герой тоже не в «белом пальто».

Волошина спросил, он сказал, что все нормально.

Вам не обидно было получить вторую премию Гедройца, а не первую?

У меня были большие сомнения, что дадут премию вообще, ведь «Стеклотара» не на любой вкус. Знаю, что роман получился брутальным. Но в основном я им доволен. Порадовался, что многим членам жюри книжка понравилась.

Конечно, 10 тысяч евро было бы приятно получить. Стройка в Каптарунах не завершена. Есть куда вложить деньги.

В интервью «Солидарности» почти десять лет тому назад вы говорили о том, что Беларусь известна двумя брендами — Чернобыль и Лукашенко. Что изменилось за это время?

Чернобыль все больше уходит в забвение. Бренд Лукашенко воспринимается не так остро, как это было раньше. Перед глазами есть «диктатуры» несравненно более опасные и страшные.

Из новых культурных брендов, известных на Западе, я назвал бы Свободный театр.

Игра «Танки» – тоже позитивный белорусский бренд. Наша силиконовая долина делает феноменальные шаги. Пусть бы развивалась и дальше.

Мог бы и Город Солнца «выстрелить».

А почему не выстрелил? Как чиновники восприняли ваш проект?

Как и должно восприниматься в болоте. Чпок! – и тишина.

На этом бренде можно построить целую туристическую индустрию. Это реально большие деньги. Обороты можно сопоставить с отдельными ветвями бе-

ларуской промышленности. Миллиард долларов! Но, к сожалению, уникальный ансамбль понемногу разрушают, строя в центре города агрессивные объекты.

В 2010-м вы по заказу «Беларусьфильма» написали сценарий мистического триллера «Шляхтич Завальня». Фильм был готов к запуску, но потом его внезапно заморозили. Какова дальнейшая судьба этого кино?

Рано или поздно, думаю, будет, но в ближайшей перспективе — нет.

Его положили на полку, ибо слишком политизирован. Кому понравится, что беларус убил российского императора Александра?!

Да и денег на кино у государства сейчас нет. Но я спокоен, так как хороший сценарий рано или поздно будет реализован. Могут лет через 20 вспомнить и поставить.

Прежде, чем задать этот вопрос, приведу отрывок из «Стеклотары»:

> «Императоров не переизбирают, а сами они не уходят. Но и в революцию я уже не верил. Я слишком долго жил ею и все ждал, вот еще немного – и наши придут. Но годы шли, а наши не приходили. И не могли прийти, потому что наших приводит народ. А народ любил своего императора и верил ему...».

Спадар Артур, когда вы в последний раз встречали людей, которые любят императора и верят ему?

Раньше мы видели ситуацию в Беларуси в черно-белых красках. Человек, который любит или не любит императора, – персонаж из той эпохи. Сейчас реальность намного более сложная и многоцветная. Того классического образа уже не осталось. Многие из тех, кто раньше его не любил, прекрасно понимают, что сейчас любая резкая смена власти наверняка спровоцирует нашего восточного соседа на то, чтобы разыграть здесь сценарий, похожий на украинский. Теперь тот момент, когда очень надо, чтобы сохранялся статус-кво. Любой резкий толчок в сторону может быть очень опасным.

Когда на пороге война, нужна консолидация национальных элит разных лагерей и политических окрасок. Когда приходит война, надо защищать своё. Защитишь — вот тогда можно и разбегаться.

(Интервью взяла Татьяна Гусева)

ПУБЛИКАЦИИ В ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТАХ ИНСТИТУТА БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

I. «Неизвестная история»

(Названия книг расположены в соответствии с годами первых изданий и по алфавиту. В скобках указаны авторы и число страниц)

2006 г.

Войны Московской Руси с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках (А.Е. Тарас. 800 с.)

2008 г.

История имперских отношений: беларусы и русские. 1772–1991. Коллективная монография. (Сост.-ред. А.Е. Тарас. 608 с.)

2009 г.

Анатомия ненависти: Русско-польские конфликты в XVIII–XX вв. (А.Е. Тарас. 800 с.)
Большая кровь: Как СССР победил в войне 1941–1945 гг. (С.С. Захаревич. 560 с.)
Западный фронт РСФСР 1918–1920: Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию (А.П. Грицкевич. 496 с.)
Россия в концлагере (И.Л. Солоневич. 592 с.).
Страна Моксель: Из истории Московии XI–XVI вв. (В.Б. Белинский. 272 с.)
Тайны беларуской истории (В.В. Деружинский. 560 с.).

2010 г.

Белорусы: От «тутэйшых» – к нации (Ю.В. Чернявская. 512 с.)
Гісторыя беларускай музычнай культуры ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя: Храналогія і іканаграфія (Зм. Сасноўскі. 416 с.)
Грюнвальд, 15 июля 1410 года (А.Е. Тарас. 160 с. + вкл. 16 с.)
Костёл в нашей жизни (А.Е. Тарас. 192 с.)
Научный антикоммунизм и антифашизм: Популярный компендиум (А.А. Грицанов, А.Е. Тарас. 528 с..)
Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века (Сост.-ред. А.Е. Тарас. 544 с.)
Сталинский «бросок на Юг» (С.С. Захаревич. 464 с.)

2011 г.

Беларусь мяцежная: З гісторыі антысавецкага ўзброенага супраціву 1920-х гг. (Н. Стужынская. 384 с.)
Беларусь превыше всего: О национальной беларуской идее (Сост.- ред. А.Е. Тарас. 240 с.)
Беларусь превыше всего /Переделанный вариант/ (256 с.)
Борьба за Украину. 1917–1921 гг. (А.П. Грицкевич. 528 с.)
Забытая Беларусь (В.В. Деружинский. 496 с.)
Интеллектуальная история беларуского национализма: Краткий очерк (М.В. Кирчанов. 212 с.)
Летапісная Літва: сваяцтва і лёс (І. Ласкоў. 288 с.)
Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны. 1941 – 1944 (Л. Лыч. 332 с.)

2012 г.

В когтях ГПУ (Ф. Олехнович. 320 с.) /Пер. с бел. А. Тараса/
Вялікі беларус Леў Сапега (А. Грыцкевіч; М. Шкялёнак; С. Лазутка; В. Чаропка. 272 с.)
Гісторыя беларускай музычнай культуры XIX – XX ст. (Зм. Сасноўскі. 336 с.)
Доля беларускае культуры пад Саветамі. 1920–1991 гг. (В. Седура і іншыя. 336 с.)
Литовско-Русское государство в XIII–XVI вв. (А. Пресняков. 296 с.)
Музыка на Беларусі. Ад архаікі да сучаснасці (Р. Абрамчук. 144 с.)
Партизаны СССР: От мифов к реальности (С.С. Захаревич. 360 с.)
Первые Советы. Волковысчина, сентябрь 1939 – июнь 1941 (Н.И. Быховцев. 372 с.)

По следам литвы (Д. Ситько. 248 с.) /Пер. с бел. А. Тараса/
1812 год – трагедия Беларуси (А.Е. Тарас. 248 с.)

2013 г.
Краткий курс истории Беларуси. IX–XXI вв. (А.Е. Тарас. 544 с.)
Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе (О.И. Усачев. 368 с.)
Литовско-Русское государство в XIII–XVI вв. (А. Пресняков. 296 с.)
Люблинская уния 1569 (И.И. Лаппо. 224 с.)
Мифы о Беларуси (В.В. Деружинский. 336 с.)

2014 г.
Героі паўстання 1863 года (В. Чаропка. 336 с.)
Літва і Жамойдзь: Розныя краіны і народы (В. Пануцэвіч. 304 с.)
Нябышына: Акупацыя вачыма падлетка (І. Копыл. 288 с.)
Орша, 8 сентября 1514 г. (АЕТ, 160 с.)
Радзівілы-пераможцы: Геркулес, Руды і Пярун (В. Чаропка. 320 с.)
Радзивиллы-победители: Геркулес, Рыжий и Перун (В.К. Чаропко. 336 с.)
Советские партизаны: Мифы и реальность (М.Н. Пинчук. 392 с.)
Шедевры нашей старины (И.М. Шумская. 208 с.)
Язычніцтва старажытных беларусаў (Л. Дучыц, І. Клімковіч. 368 с.)

2015 г. (изданы в январе – апреле)
Кароткая гісторыя архітэктуры Беларусі (А. Трусаў. 464 с.)
Научный антикоммунизм: Учебное пособие (А.Е. Тарас. 364 с.)
Наша спадчына прамаўляе (Ю. Віцьбіч. 272 с.)
Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия (М.В. Довнар-Запольский. 240 с.)
Пантелеймон Пономаренко: «железный» сталинист (Э.Г. Иоффе. 256 с.)
Страна Моксель: Как Московия появилась и «собирала земли» /2-е изд., переработ./ (В.В. Белинский. 288 с.)
Загадки древнейшей истории человечества. Ч. 1. В начале всех начал (Сост.-ред. М.Н. Петров. 352 с.)

II. Альманах «Деды»

2009. Выпуск 1 (144 с.). Выпуск 2 (200 с.)
2010. Выпуск 3 (200 с.). Выпуск 4 (200 с.). Выпуск 5 (200 с.).
2011. Выпуск 6 (336 с.). Выпуск 7 (256 с.).
2012. Выпуск 8 (280 с.). Выпуск 9 (280 с.). Выпуск 10 (304 с.)
2013. Выпуск 11 (328 с.). Выпуск 12 (272 с.).
2014. Выпуск 13 (320 с.). Выпуск 14 (320 с.).
2015. Выпуск 15 (320 с.)

III. «Сто выдатных дзеячаў беларускай культуры»

(Серия издается с декабря 2012 г. Все брошюры по 64 стр.)
Абуховіч Альгерд (Гучок Я.) Андрыёлі Міхаіл (Чаропка В.) Баршчэўскі Ян (Шумская І.) Буйніцкі Ігнат (Марціновіч А.) Галубок Уладзіслаў (Валахановіч А.) Доўнар-Запольскі Мітрафан (Тарас А.) Ермаловіч Мікола (Астапенка А.) Жданович Фларыян (Мінскі А.) Жэбрак Антон (Мялік А.) Каганец Карусь (Пашкевіч А.) Канчэўскі Ігнат (Мінскі А.) Карловіч Мечыслаў (Шумская І.) Карскі Яўхім (Дзятко Дм.) Ластоўскі Вацлаў (Тарас А.) Малевіч Казімір (Міронава Л.) Манюшка Станіслаў (Чаропка В.) Нарбут Тэадор (Ненадавец А.) Насовіч Іван (Шахоўская С.) Нікіфароўскі Мікалай (Падлілскі А.) Орда Напалеон (Чаропка В.) Пашкевіч Элаіза (Марціновіч А.) Пташук Міхаіл (Тамковіч А.) Сапуноў Аляксей (Падліпскі А.) Сыракомля Уладзіслаў (Марціновіч А.) Тарыч Юры (Лапо А.) Хруцкі Іван (Чаропка В.) Цвікевіч Аляксандр (Ліс А.) Чачот Ян (Шумская І.) Шукевіч Вандалін (Лаўрэш Л.) Шырма Рыгор (Марціновіч А.)

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 15

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем:
А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 21.04.2015.
Формат 70 × 100 $^1/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 20,4.
Тираж 1000 экз. Заказ 1157.

Ответственный за выпуск: *А. Е. Тарас*

ООО «Харвест».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 2/102 от 01.04.2014.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

ISBN 978-985-18-3687-7
9 789851 836877